

WARHAMMER

40,000

EDITED BY CHRISTIAN DUNN

LEGENDS OF THE SPACE MARINES

Annotation

Новая антология целиком посвящена доблестным воинам Агентус Астартес. Костодесантники -- это воплощение воинского духа вселенной «Warhammer 40000». О силе и мужестве этих генетически усовершенствованных воинов слагаются легенды, которые нашли свое отражение на страницах этой антологии. Костодесантники различных орденов -- Ультратарины, Костические Волки, Богомолы, Белые Шрамы, Саламандры, Черные Храмовники -- стали героями остросюжетных рассказов Бена Каунтера, Джеймса Сваллоу, Аарона Делбски-Боудена, Митчела Скэнлона, Пола Керни и многих других авторов, талантом которых строится завораживающий мир «Warhammer 40000».

- [ЛЕГЕНДЫ КОСТОДЕСАНТА\[1\]](#)
  -
  - [Ник Кум](#)

- [Митчел Скэнлон](#)
- [Джонатан Грин](#)
- [Бен Каунтер](#)
- [Джеймс Сваллоу](#)
- [Грэм Макнилл](#)
- [Пол Керни](#)
- [К. С. Гомо](#)
- [Ричард Вильямс](#)
- [Аарон Дембски-Богден](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
-

ЛЕГЕНДЫ

КОСМОДЕСАНТА^{1]}

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Троне Терры. Он --- Повелитель Человечества и властелин триада планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он --- полутруп, неупловитую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, и ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по настоящему. Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишащий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконот, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди

эго солдат — Agentus Астартес,
костические десантники, генетически
улучшенные супервоины. У них много
товарищей по оружию: Имперская Гвардия
и бесчисленные Силы Планетарной
Обороны, вечно бдительная Инквизиция и
техножрецы Agentus Механикус. Но,
несмотря на все старания, их сил едва
хватает, чтобы сдерживать извечную
угрозу со стороны ксеносов, еретиков,
мутантов. И много более опасных врагов.
Быть человеком в такое время — значит
быть одним из миллиардов. Это значит
жить при самом жестоком и кровавом
режиме, который только можно
представить.

Забудьте о достижениях науки и
технологии, ибо многое забыто и никогда
не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных
прогрессом, о взаимопонимании, ибо во
траке будущего есть только война. Нет
мира среди звезд, лишь вечная бойня и
кровопролитие да слез жаждущих богов.

Дождь не может лить вечно...

Настроение у солдата, помогавшего тащить лапшушку через болото, было хуже некуда.

«Сотрясатели» начали обстрел. Монотонные звуки разрывов далеко впереди, на подступах к штабным укреплениям, заставляли артиллеристов вздрагивать всякий раз, когда над головой с воем пролетал снаряд.

Это было нелепо: смертоносный груз, извергаемый осадными орудиями, проносился по крайней мере в тридцати метрах над солдатом, и все же он пригибался.

Выживание значилось высоко в списке приоритетов рядового -- выживание и, конечно же, служба Императору.

-- Да здравствует Император!

Приглушенный дождем крик справа привлек его внимание. Он развернулся,

стахивая воду, которая капала с кончика
его носа, и обнаружил, что лапша
провалилась в трясины. Одно из задних
колес лафета погрузилось в грязь, и пушку
медленно засасывало неразличимое на
первый взгляд болотное окно.

--- Восток, пособи!

Его звал второй артиллерист, Генк.
Старый солдат --- пожизненник --- засунул
приклад своего лазгана под увязшее колесо
и пытался использовать его как рычаг.

Ночь наверху была расчерчена
следами трассирующих снарядов.
Магниево-светящиеся вспышки прорезали темноту.
Летя сквозь дождевую завесу, снаряд шипел
и плевался.

Восток недовольно заворчал. Не
разгибаясь, он тяжело потопал на помощь
собратью-артиллеристу. Добавив
собственный лазган к оружию товарища,
солдат что было сил надавил на приклад,
пропихивая его под колесо.

--- Давай глубже, --- пропыхтел Генк.

С каждой отдаленной вспышкой
снарядов, бьющих в пустотный щит, на
обветренном лице старого солдата

выступала черная сетка морщин.

Щит расцвечивался огненными
бутонами и грожал под ударами
артиллерии, но городская оборона пока
держалась. Если 135-я Фаланга собиралась
прорвать ее -- во имя славы и праведной
воли Императора, -- им следовало бы
подогнать больше орудий.

«Используйте генераторы на сто
пятьдесят процентов, -- пролаял сержант
Харвер. -- Подкатите орудия ближе.
Приказ полковника Тенча».

Не слишком изощренная тактика, но
они были Гвардией, Молотом Императора.
Грубый напор удавался рядовой солдатне
лучше всего.

Тенк начал паниковать: они
отставали.

По полю сражения с полззасыпанными
копями и толкати колючей проволоки,
топорщившимися над землей, как колючки
утесника в какой-нибудь дикой прерии,
солдаты 135-й волокли тяжелые орудия или
торопливо маршировали в боевой
формации.

Для того чтобы прорвать оборону,

потребовалось немало людей, а чтобы
проломить активизированный на полную
мощность пустотный щит, даже при
поддержке артиллерии, нужно было еще
больше. Людей в Фаланге хватало: десять
тысяч человек, готовых пожертвовать
жизнью во славу Трона. А вот с
дальнобойными орудиями, а особенно со
снарядами для них, дело обстояло не так
радужно. Ошибка какого-то служащего
Департамента Мониторинг оставила
группу войск без пятидесяти тысяч столь
необходимых им противотанковых
снарядов. Меньше снарядов — больше
протертых сапог и свеженьких покойников.
Командование немедленно привело в
действие более агрессивную стратегию:
все лазпушки и тяжелые орудия подтянуть
на пятьсот метров ближе к пустотному
щиту и непрерывной бомбардировкой
истощить его силовые резервы.

Невезение для Фаланги: войны всяко
легче вести из-за перекрестья прицела.
Легче и безопаснее. И полнейшее невезение
для Востока.

Хотя они с Генком и были целиком

погружены в работу по высвобождению
пушки, Восток заметил, что многих его
товарищей скосил ответный огонь
тяжеников-сепаратистов, неплохо
устроившихся под защитой пустотного
щита, брони и трехкратных батарей.

Ублюдки!

«Ко всему прочему и там сухо», —
злобно подумал Восток. Дождевик
распахнулся, зацепившись за кривошип
лапушки, и артиллерист отчаянно
выругался, когда ливень обрушился на его
красно-коричневую стандартную
форму.

Пока солдат застегивал дождевик и
нагвизгал поглубже на лоб шлем с широким
козырьком, пытаясь хоть как-то
защититься от хлещущей с неба воды,
спереди раздался крик. Расчет тяжелого
болтерного орудия и половина пехотного
отделения исчезли из виду, словно их
поглотила земля. Некоторые старые
огневые точки и траншеи остались
незасыпанными, а теперь их наполнила
грязная вода и размокшая глина.
Смертоносно, как зыбучие пески.

Восток пробормотал молитву и начертил в воздухе знак орла. По крайней мере, повезло не им с Генком.

--- Чтоб мне сгореть, солдаты, чего вы тут возитесь?

Это подоспел сержант Харвер. Шум наступления был оглушительным --- крики людей и артиллерийская перестрелка. Сержанту приходилось орать во всю глотку, чтобы его услышали. Не то чтобы Харвер когда-либо обращался к своему отделению иначе, чем на повышенных тонах.

--- Двигайте гребаную пушку, крысы потойные! --- проревел он. --- Прохлаждайтесь здесь, вы задерживаете остальных.

Харвер жевал толстую сигару из виноградных листьев, свисавшую из-под тонких, как проволока, черных подкрученных усов. Похоже, сержант не замечал --- или ему было плевать, --- что сигара давным-давно погасла и жирным токрыт пальцем пристала к углу его рта.

Треск статики из мобильной коммуникационной вокс-установки прервал тираду Харвера.

--- Прибавь звук. Громче, Ронер, громче!

Ронер, оператор вокса, кивнул. Опустив установку на землю, он принялся возиться с ручками настройки.

Через несколько секунд звук усилился, и вокс проорал голосом сержанта Рэмпа:

--- ...вижу врага! Они здесь, на нейтральной полосе! Ублюдки выбрались за щит! Я вижу, вот дерь...

--- Рэмп! Рэмп! --- заорал Харвер в трубку приемника. --- Отвечай!

Затем его внимание переключилось на Ронера.

--- Другой канал, солдат, --- и поживее, сделай тишину.

Ронер уже действовал. Каналы коммуникатора, обеспечивающие связь между пехотными подразделениями, артиллерийскими расчетами и друг с другом, стонали под треск статики, вопли и приглушенные звуки канонады.

Наконец им ответили:

--- ...блюдки прямо перед нами. Трон Терры, это невоз...

Голос умолк, хотя связь не

прерывалась. Из вокса опять зазвучал отдаленный оружейный огонь и что-то еще.

--- Кажется, я слышал... --- начал Харвер.

--- Колокола, сэр, --- высказался Ронер в редком приступе разговорчивости. --- Это был колокольный звон.

Треск потех оборвал связь. На сей раз Харвер обернулся к рядовому Востоку, который уже почти отчаялся высвободить ладанку.

Колокола продолжали бить. Их было слышно и на этом участке поля боя.

--- Может, звук разносит ветер, сэр? --- предположил Генк, с ног до головы покрытый грязью.

«Слишком громко и слишком близко, чтобы это был просто ветер», --- подумал Восток.

Вытащив ладан из-под пушки и взяв оружие на изготовку, он уставился во тьму.

Там двигались силуэты --- стопка, выхваченные из темноты вспышками бьющих в пустотный щит

снарядов. Это те из его товарищей, кто добрался до пятисотметровой черты.

Глаза Востока сузились.

Там было еще что-то. Не орудия, не фаланга и даже не мятежники.

Белое, оно чуть рябило и струилось, раздуваемое невидимым бризом. Восток удивился: дождь лил сплошной стеной, прижимая все к земле. Никаких воздушных потоков, ветерков и вихрей не плясало над полем сражения.

--- Сержант, у нас тут есть церковники?

--- Ответ отрицательный, солдат. Только отборные имперские псы: штыки, сапоги и кишки.

Восток ткнул пальцем в белый отблеск:

--- Тогда что это за фигня?

Но отблеск уже исчез. А вот колокола продолжали звонить. Громче и громче.

В пятидесяти метрах от солдат люди закричали. И бросились бежать.

Сквозь прицел лазгана Восток видел ужас, написанный на их лицах. Потом люди исчезли. Артиллерист встопорелся в

то место, где они пропали, используя прицел как магнокуляр, но не нашел ничего. Поначалу Босток подумал, что солдаты угодили в канаву, как болтер и пехота перед этим, но поблизости не было канав, траншей или огневых позиций, которые могли бы поглотить их. Но кто-то несомненно их прибрал — кто-то, нагвазавшийся из темноты.

Крики, слившиеся с колокольным звоном в один тревожный гул.

Это подстегнуло сержанта Харвера — солдаты Фаланги пропадали повсюду вокруг них.

— Босток, Генк, разверните пушку! — приказал он, выхватывая пистолет.

Лазпушка застряла надежно и крепко, однако она была установлена на подвижной платформе и могла поворачиваться. Генк безом обогнул лафет. Старый солдат не понимал, что происходит, но привычно подчинился приказу и тем отгородился от нарастающего ужаса. С истерической силой дернув замок, он крутанул пушку и направил ее в сторону белых вспышек и криков.

--- Прикройте его огнем, мистер Ронер, --- добавил Харвер.

Вокс-оператор забросил за спину коробку передатчика и, вскинув к плечу лазган, присел за пушкой.

Восток встал на свое место у огневого щита и вознал свежую силовую ячейку в зарядник.

--- Готов к стрельбе!

--- Стреляйте по своему усмотрению, солдат, --- сказал Харвер.

Генку не понадобилось письменное приглашение. Он опустил ствол оружия ниже, взял на прицел белую вспышку и потянул спуск.

Раскаленные яростные лучи красными нитями прорезали ночь. Генквел подавляющий огонь, направляя выстрелы по наклонной дуге, что говорило о его отчаянии и страхе. К концу залпа он весь покрылся потом, и не от теплового выброса пушки.

Колокола продолжали звонить, хотя источник звука оставался невидимым. Город, окруженный пустотным щитом, находился слишком далеко --- черное пятно

на темном полотне ночи, --- а
вибрирующий гул раздавался близко,
повсюду вокруг солдат.

Ветер принес вонь кордута. Вонь и
крики.

Босток щурился сквозь проливной
дождь, который был куда эффективнее,
чем любая камуфляжная краска.

Отблески все еще мерцали,
эфемерные и нечеткие... и они
приближались.

--- Еще раз, если это вас не
затруднит, --- приказал Харвер со
странной дрожью в голосе.

Лишь через пару секунд Босток
сообразил, что дрожь вызвана страхом.

--- Заряжено и готово! ---
отрапортовал он, вгоняя в зарядник новую
силовую ячейку.

--- Веду непрерывный огонь, сэр, ---
подтвердил Ронер, тщательно
прицеливаясь, перед тем как нажать на
спуск.

В ответ сержант Харвер открыл
огонь из собственного оружия, прибавив к
залпу треск пушечных выстрелов.

Оглянувшись, Восток понял, что они остались одни — людской островок в море грязи. Однако навстречу им двигалась темная волна бегущих. Солдаты мчались, гонимые смертным ужасом. Люди исчезали на ходу, поглощенные землей, и крики их обрывались.

— Серж... — начал Восток.

Линия бегущих приблизилась. Что-то ворочалось в ее рядах — что-то, охотящееся на людей, подобно пираньям, напавшим на суматошно мечущийся косяк рыб.

Харвер, похоже, впал в ступор и лишь инстинктивно жал на спуск. Некоторые из его выстрелов, так же как и залпы лазпушки, поражали их собственных товарищей.

Ронер все еще сохранял самообладание. Когда оружье Генка затолчало, он выдвинулся вперед.

— Ч-черт!.. — выдохнул Харвер.

И тут Восток вскочил на ноги и сломя голову ринулся прочь.

Ронер исчез секундой позже. Ни крика о помощи, ничего — просто его лазган

перестал стрелять, и наступившая тишина подтвердила, что отважного вока-оператора больше нет.

С бешено колотящимся в груди сердцем, заливаемый водяными струями, Восток неся из всех сил. Он мысленно клялся никогда больше не сетовать на судьбу, лишь бы Император пощадил его в этот раз, не дал ему исчезнуть под землей и быть погребенным заживо. Он не хотел такой смерти.

Должно быть, Восток развил недостаточную скорость, потому что бегущие от города солдаты обгоняли артиллериста. Человек слева от него исчез. Белая вспышка и дуновение чего-то отдающего сыростью и плесенью предшествовали смерти солдата. Другого бойца, в нескольких шагах впереди, разорвало пополам, и Восток метнулся в сторону, избегая губительного места. Он рискнул оглянуться через плечо. От Харвера и Генка не осталось и следа. Лазушка по-прежнему торчала в болоте, но рядом никого не было. Сбежали эти двое или их забрала мерцающая нечисть —

неизвестно.

Некоторые из бойцов фаланги поворачивались и отстреливались.

Мужественная попытка — но против чего они сражались? Подобного врага Восток никогда не встречал и даже не подозревал о его существовании.

Все его мысли были лишь о бегстве — бегстве ради спасения жизни.

Надо только добраться до артиллерийских позиций — и этот кошмар закончится.

Но тут спереди раздался отчаянный крик, и Восток увидел окружившее осадные орудия белое терцание. Под землей скрылся танкист, его шлем остался лежать на пусковой платформе.

Ледяной комок паники подкатил к горлу Востока, грозя удушьем.

Возвращаться нельзя. Путь вперед тоже закрыт.

Он резко свернул влево. Может, добраться обходным путем до штабных укреплений?

Нет, слишком долго. Эта тварь настигнет его прежде, чем он туда

добежит.

В темноте и секущих струях дождя Восток даже не мог разглядеть мощных стен крепости. Ни маяка, ни прожектора, которые указали бы дорогу. Смерть и трагедия стыкались над артиллеристом.

Били колокола.

Кричали люди.

Восток мчался, и поле боя рассыпалось перед его расширившимися от ужаса глазами, как картинки в калейдоскопе.

«Надо бежать... Пожалуйста, Трон, пощади...» Земля под ногами солдата разверзлась — и он провалился. В первую секунду Восток оцепенел от страха, думая, что его схватили, — но потом сообразил, что просто упал в канаву. Грязная вода доходила ему до подбородка. Подавив желание выбраться из траншеи, Восток опустился ниже, пока мерзкая жижа не коснулась его носа, наполняя ноздри запахом тины и разложения. Вцепившись в край канавы дрожащими, мертвецки холодными пальцами, Восток взмолился Императору об окончании этой

ночи, этого дождя и колокольного звона. Но колокола не умолкали. Они продолжали бить.

* * *

Тремя неделями позже...

--- Пятьдесят метров до посадки, --- объявил Хак-ен.

Голос пилота пролищал из вокс-динамиков десантного отсека «Огненной Виверны».

Глядя через окулипорт в борт корабля, Дак-ир видел серый день и потоки ливня.

Хак-ен пилотировал корабль по наклонной траектории, выбрав курс, ведущий к посадочной площадке в нескольких метрах от Скалы Милосердия --- штаба 135-й Фаланги и общего командования имперских сил на Ванорисе, к которым они должны были присоединиться. Судно заложило вираж, и пейзаж за обзорной щелью Дак-ира

перевернулся. Показалась размокшая земля
в грязных лужах и обвалившихся оружейных
ящиках. Ландшафт пробежал под брюхом
корабля размытыми мазками.

Дак-ирү хотелось видеть больше.

— Брат, — развернулся он к вокс-
динамику, — опусти посадочный пандус.

— Как прикажете, брат-сержант.
Приземляется через двадцать метров.

Хак-ен деактивировал программу,
запиравшую люки «Грозового ястреба» на
время полета. Когда операционная рүна
позеленела, Дак-ир нагавил на нее, и
пандус пошел вниз.

В отсек для перевозки личного
состава, где боевые братья Дак-ира
пребывали в сосредоточенном молчании,
ворвались свет и воздух. Даже на фоне
бледно-салатового рассвета броня воинов
вспыхнула яркой зеленью. Эмблема с
рычащим Огненным змеем на их левых
наплечниках — оранжевая на черном поле —
показывала, что они принадлежат к
Третьей роте Саламандр.

Тусклые лучи восхода не только
зажгли силовую броню костодесантников,

но и изгнали красные отблески из их глаз.
Горящие багровым подземным пламенем
очи воинов словно впитали жар родного
вулканического мира Саламандр ---
Ноктюрна.

--- Да, это вам не кузни под Горой
Смертоносного Огня, --- мрачно пророкотал
Бак-ен.

Хотя Дак-ир и не мог разглядеть
лица товарища под шлемом, он не
сомневался, что тот кривится при виде
царящего за бортом ненастья.

--- Здесь будет потокрее, --- добавил
Емек.

Подойдя к боевым братьям, он встал
рядом с верзилой Бак-еном и устоялся
поверх широкого плеча Дак-ира.

--- Но чего еще ожидать от муссонного
мира?

Земля приблизилась, и, когда Хак-ен
выровнял «Огненную виверну», Скала
Милосердия предстала перед ними во всей
своей неприглядности.

В прошлом здание могло быть даже
красивым, но сейчас бастион уродливой
горгульей расселся посреди бурой, залитой

грязью равнины. Узловатые оружийные башни, оцетинившиеся автомашками и тяжелыми стабберами, ничего не оставили от ангельских шпилей, когда-то возносившихся в грозное небо Ванориса, вездесущая броня скрыла фрески и причудливые колонны; древние триумфальные ворота с их росписями и филигранной резьбой уступили место серому, угрюмому и практичному сооружению. Дак-ир всего этого не знал, но мог разглядеть в углах и линиях здания отдаленное эхо изначальной архитектуры, следы чего-то изящного и далеко не грубо функционального.

--- Вижу, мы не единственные новоприбывшие, --- сказал Бак-ен.

Другие Саламангры, столпившиеся в открытом люке, вслед за ним посмотрели туда, где приземлилась черная «Валькирия». Ее посалочные опоры медленно погружались в грязь.

--- Имперский комиссариат, --- отозвался Емек, узнавший официальную печать на боку транспортника.

Дак-ир хранил молчание. Его взгляд

устремлился к горизонту, где под куполом
пустотного щита темнел город Афиум.
Сквозь шум корабельных двигателей
костогесантник различал гудение
генератора, обеспечивающего щит
энергией. Подобные установки оберегали
города-убежища в его родном мире от
землетрясений и извержений вулканов ---
бүдничных явлений в жизни сүровых
обитателей Ноктюрна. В воздухе остро
пахло озоном --- гружим побочным
продуктом пустотных щитов. Даже
непрекращающийся ливень не мог слыть
этом запахом.

Когда «Огненная виверна», воя
стабилизаторами, зашла на посадку, Дак-
ир закрыл глаза. В люк заносило водяные
брызги, и костогесантник стүпил вперед,
позволив дождю барабанить по доспехам.
Приятный перезвон капли успокаивал.
Дождь --- по крайней мере, прохладная,
влажная и не кислотная разновидность ---
был редок на Ноктюрне, и даже сквозь
фильтры его освежающее прикосновение
доставляло удовольствие. Однако с дождем
пришло и еще что-то стүтное и

неприятное. Тревога, беспокойство, привкус
грядущей опасности.

«Я тоже это чувствую». Голос
раздался в голове Дак-ира, и воин
распахнул глаза. Космогесантник
обернулся и обнаружил, что на него
пристально смотрит брат Нуриил.
Нуриил был библиарием, владевшим
искусством теленатии. Он мог читать
человеческие мысли с такой же легкостью,
с какой другие читают открытую книгу.
Глаза псайкера полыхнули яркой синевой,
прежде чем вернуться к привычному
красному мерцанию. Дак-иру совсем не по
вкусу пришлось то, что Нуриил роется у
него в подсознании, — однако воин ощутил,
что библиарий лишь слегка коснулся его
разума. И все же Дак-ир уставился в
другую сторону и почувствовал немалое
облегчение, когда «Огненная виверна»
наконец-то села в гостеприимно
чавкнущую грязь.

Когда Саламандры выгрузились,
ветер донес холодное потрескивание
лазерных выстрелов.

На другой стороне заболоченного поля, всего лишь в пятидесяти метрах от подъездной дороги к Скале Милосердия, расстрельная команда комиссариата казнила предателя.

Полковник имперской гвардии в красно-коричневой униформе фаланги спазматически дернулся, когда его поразили раскаленные лучи, и больше не двигался. Привязанный к толстому деревянному столбу, человек повис на удерживавших его веревках. Сначала подогнулись колени, а затем убитый уронил голову, и его распахнутые глаза мертво застыли.

Комиссар — судя по знакам различия, лорд-комиссар — бесстрастно наблюдал за тем, как его телохранители зачехляют пистолеты и уходят с места казни. Когда имперский чиновник развернулся, чтобы последовать за своими людьми, его взгляд встретился со взглядом Дак-ира. С козырька фуражки лорд-комиссара лилась вода, а на его лбом человека поблескивал значок с серебряным черепом. Глаза его были скрыты козырьком фуражки, но

источаемый ими холод все равно ощущался. Чиновник комиссариата не стал задерживаться. Когда последние из Саламангр выгрузились и пандус захлопнулся, он уже подходил к крепости.

Дак-ур задался вопросом, что за события привели полковника к столь плачевному концу. Костогесантник почувствовал сожаление, когда «Огненная Виверна» вновь поднялась в воздух, оставляя их одних в этом богом забытом месте.

— Такова судьба всех предателей, — произнес Цуган с наметком в голосе.

Даже под линзами шлема его глаза нехорошо поблескивали. Дак-ур ответил не более дружелюбным взглядом.

Между двумя сержантами Саламангр не было братской любви. До того как стать костогесанниками, они принадлежали к противоположным социальным слоям Ноктюрна. Дак-ур рос сиротой в пещерах Узнеи. Такие, как он, никогда прежде не вступали в ряды Астартес. Цуган, сын дворянина из города-убежища Гесиода, был настолько близок к аристократизму и богатству, насколько

это вообще возможно в вулканическом мире смерти. Хотя обоих произвели в сержанты и они были равны в глазах капитана Третьей роты и магистратора оргена, Цуган этого равенства не признавал. Дак-ур не походил на остальных Саламангр. В его душе сохранилось больше человеческого, чем у других братьев: острые чувства и способность к сопереживанию. Из-за своих особенностей он то и дело оставался в одиночестве и вынужден был терпеть отчуждение. Цуган видел это достаточно часто и заключил, что перед ним не просто необычный случай, а опасное отклонение. С первого же задания, когда еще новобранцами они сражались на погребальном мире Морибар, между двумя Саламанграми пролегла трещина. В последующие годы она лишь расширилась.

— Тяжело смотреть, как человека запросто пускают в расход, — ответил Дак-ур. — Хладнокровно убивают без всякого шанса оправдаться.

Многие органы Космогесанта, и Саламангры в том числе, читали порядок и

наказывали за проступки, но они всегда оставляли согрешившим возможность покаяться и искупить вину. Лишь когда брат окончательно сходил с истинного пути: предавался Губительным Силам или совершал великое зло, которое невозможно забыть или простить, --- смертный приговор оставался единственным решением.

--- Тогда тебе стоит поработать над силой характера, изгнеец, --- глумливо хмыкнул Цуган, вкладывая в последнее слово как можно больше пренебрежения, --- потому что твоя чувствительность неуместна на месте казни.

--- Это не слабость, брат, --- горячо возразил Дак-ир.

Пуриил вклинился между ними, предотвращая дальнейшую перебранку.

--- Соберите ваши отделения, братья, --- твердо сказал библиарий, --- и следуйте за мной.

Оба подчинились приказу: Бак-ен, Емек и семеро других космогосантников выстроились рядом с Дак-иром, а Цуган возглавил такой же отряд. Один из людей

Цугана украдкой стерил Дак-ира презрительным взглядом, прежде чем переключить внимание на ауспик-сканер. Ягон — заместитель Цугана и главный его приспешник. Если Цуган не удосуживался скрывать свою неприязнь и враждебность, то Ягон был коварной змеей, на много более ядовитой и опасной.

Дак-ир проигнорировал высокомерную гримасу соратника и сделал своим людям знак выступить.

— Его отношение можно бы и поправить, — прошипел Бак-ен командиру по закрытому каналу связи, — я бы с радостью за это взялся.

— Не сомневаюсь, Бак-ен, — ответил Дак-ир, — но пока что давай попытается вести себя дружелюбно.

— Как скажете, сержант.

Дак-ир улыбнулся под прикрытие мшлета. У него не было в ордене более близкого друга, и сержант не уставал благодарить судьбу за то, что тяжеловооруженный верзила прикрывает его спину.

Когда до ворот крепости осталось

лишь несколько метров, внимание Бак-ена отвлёк пустотный щит, высившийся слева от Саламандр. Лорд-комиссар со свитой уже вошел в командный центр имперских сил. Небо над головами солдат потемнело, и дождь усилился. День сменялся ночью.

--- Какова твоя тактическая оценка, брат Бак-ен? --- спросил Нуриил, заметивший интерес товарища к щиту.

--- Единственный способ его свалить --- непрерывная бомбардировка. ---

Космогосантник замолчал, что-то прикидывая. --- Или надо подобраться достаточно близко, чтобы проскользнуть внутрь во время кратковременного отключения поля и вырубить генераторы.

Цуган презрительно фыркнул:

--- Тогда остается надеяться, что стерпные именно это и сделают или хотя бы помогут нам выйти на огневой рубеж, чтобы мы могли поскорее убраться с этой слякотной планеты.

Услышав презрительный комментарий брата-сержанта, Дак-ир передернулся, но сдержал свои чувства. Он подозревал, что как минимум наполовину

это было подначкой.

— Скажите-ка мне, братья, — добавил Пуриил, когда над ними замаячили врата бастиона, — почему их артиллерия отступает?

И действительно, «Василиски» откатывались назад по низкому плато в виду крепости. Их глинные стволы разворачивались прочь от поля сражения, пока танки располагались на плацу в пределах внешних охранных границ бастиона.

«И правда, почему?» — задумался Дак-ир.

Салатандры миновали медленно открывающиеся ворота и вступили в Скалу Милосердия.

— Победа при Афиуме будет достигнута лишь упорством, стелостью и непобедимой артиллерией нашего бессмертного Императора! — вещал лорд-комиссар в тот момент, когда Салатандры вошли в обширный зал крепости.

Дак-ир заметил остатки вычурных

фонтанов, колонн и мозаики, превращенных имперской военной машиной в груды щебня.

Зал был огромен, что позволило имперскому чиновнику одновременно обратиться почти к десяти тысячам человек. Полевая форма собравшихся носила следы недавнего сражения. Сержанты, капралы, рядовые, даже раненые и нестроевики были вызваны, дабы выслушать вдохновляющую речь комиссара и его блистательный план грядущей кампании.

К чести комиссара, он почти не дрогнул, когда в громадное помещение вступили Астартес, и продолжал разоряться перед рядами воинов фаланги. Те, однако, проявили намного больше почтения, заметив появившихся среди них императорских Ангелов Смерти.

Войдя в зал, Огнерожденные сняли шлемы, явив ониксово-черную кожу и багровые глаза, тускло светящиеся в полумраке. Наряду с почтением при виде Саламандр некоторые из гвардейцев выдали охвативший их страх. Так-ир

заметил тонкую улыбку Цугана, который явно наслаждался человеческим испугом.

--- Эффективен, как болт или меч, --- поговаривал старый магистр Зен-ге, когда они были еще новобранцами.

К сожалению, Цуган использовал эту тактику с чрезмерной готовностью, в том числе и против своих.

--- Полковник Тенч мертв, --- бесстрастно объявил комиссар. --- Ему не хватало решимости и целеустремленности, которых требует от нас Император. Оставленному или наследию попустительства и трусости положен конец.

При последних словах штурмовики комиссара, облаченные в черные доспехи, подозрительно оглядели стоящих в первых рядах солдат --- как будто выискивали тех, кто осмелится обвинить их повелителя в клевете.

Голос комиссара был многократно усилен громкоговорителем и эхом раскатывался по внутреннему двору, доносясь до каждого из присутствующих. Небольшая группа офицеров Фаланги ---

все, что осталось от командного состава, — выстроилась рядом с имперским чиновником и бросала в толпу угрюмые взгляды.

Такова воля Императора — нравится или нет, они обязаны подчиняться.

— И каждому, кто считает иначе, стоит получше встопресться в кровавые поля за Скалой Милосердия — потому что это судьба, ожидающая тех, кому не хватает смелости совершить назначенное.

Комиссар пристально оглядел собравшихся, словно ждал возражений. Не дождавшись, он продолжил:

— Я беру командование на себя. Вся артиллерия должна немедленно вернуться на передовую. Нехоте разбиться повзводно и подготовиться к выступлению. Командиры отчитываются лично передо мной в стратегическом. Фаланга выступает этой ночью!

Последний пункт он подчеркнул взмахом кулака.

На несколько секунд воцарилась тишина, а затем из толпы слышался

одиноким голосом:

--- Но сегодня Адова Ночь.

Как почувшавший добычу хищник, комиссар крутанулся на месте, пытаясь найти источник голоса.

--- Кто это сказал? --- требовательно спросил он, подходя к краю трибуны, с которой произносил свою речь. --- Назовите себя.

--- В темноте таятся ужасные существа, существа не из этого мира. Я вижу их!

Вокруг отчаянно жестикулирующего солдата образовалась пустота, но он продолжал истерически выкрикивать:

--- Они забрали сержанта Харвера, забрали его! Призраки! Взяли и утащили человека под землю! Они забра...

Грохот выстрела комиссарского болт-пистолета оборвал солдата на полуслове. Кровь и мозги обрызгали пехотинцев, оказавшихся рядом с обезглавленным человеком. Снова стало тихо.

Дак-ур окатенел при виде столь бессмысленного убийства. Он почти уже шагнул вперед, чтобы высказать все, что

гутаает, но Пириил предостерегающе
вытянул руку и остановил брата.

Костодесантник неохотно отступил.

--- Я не собираюсь терпеть эту
болтовню о призраках и ночных тенях, ---
объявил комиссар, засовывая все еще
дымящийся пистолет в кобур. --- Наши
враги состоят из плоти и крови. Они
засели в Афиуме --- но, когда мы возьмем
город, нам будет открыта дорога ко всему
континенту. Лорд-губернатор этого мира
стал от руки тех, кому доверял. Отделение
от Империи равнозначно объявлению
войны. Этот мятеж будет подавлен, и
свет имперского единства вновь осенит
Ванорис. А теперь готовьтесь к сражению.

Комиссар брезгливо покосился на
безголовый труп застреленного им
солдата.

--- У, кто-нибудь, уберите эту пагаль.

--- Он полностью деморализует своих
людей, --- прошипел Дак-ир. Голос его
угрожал от ярости.

Два пехотинца потащили убитого
прочь. На его окровавленной куртке была
метка с именем: Восток.

--- Это не наше дело, --- пробормотал брат Нириил, пристально глядя на направлявшегося к ним комиссара.

--- Но настроение у людей и правда паршивое, брат библиарий, --- заметил Бак-ен, встатриваясь в неровные ряды солдат, которых гнали к выходу сержанты.

--- Что-то их напугало, --- буркнул Цуган, руководствуясь, впрочем, не заботой о гвардейцах, а презрением к проявленной ими слабости.

Нириил шагнул вперед, чтобы поприветствовать комиссара, который спустился к Саламанграм со своей трибуны.

--- Милорд Астартес, --- произнес тот с уважением, склоняясь перед библиарием. --- Я комиссар Лот. Приглашаю вас и ваших офицеров пройти со мной в стратегиум, где я стогу проинформировать вас о тактической ситуации на Ванорисе.

Лот уже собирался идти, уверенный, что однозначно продемонстрировал, кто здесь главный, когда его остановил звенящий псайкерской силой голос Нириила:

--- В этом нет необходимости, комиссар.

Лота это не впечатлило. Оглянувшись, комиссар вопросительно уставился на библиария. Тот охотно удовлетворил его любопытство:

--- Нам известны наши приказы и тактическая диспозиция предстоящей баталии. Ослабьте щит, доставьте нас как можно ближе к генератору, чтобы мы могли высадить диверсионную команду, а остальное предоставьте нам.

--- Я... то есть я хотел сказать --- очень хорошо. Но разве вам не...

Пириил оборвал его:

--- Тем не менее у меня есть вопросы. Этот человек --- тот солдат, которого вы казнили, --- что он подразумевал, говоря о «призраках», и что такое «Адова Ночь»?

Лот пренебрежительно фыркнул:

--- Суетерия и паника. Этим людям уже давно не хватало дисциплины.

Он собирался на этом и закончить, но Пириил жестом выразил желание узнать больше. Комиссар неохотно продолжил:

--- Слухи и сфабрикованные отчеты о

предыдущей ночной атаке, когда люди
якобы бесследно исчезали под землей, а по
полю битвы бродили сверхъестественные
существа. Адова Ночь — самый темный
период вапорианского года... самая глинная
ночь.

— И это сегодняшняя ночь?

— Да. — Лот оскалился. — Чистой
воды идиотизм. Боязнь темноты? По-
моему, всего лишь свидетельство
подорванного боевого духа в этом полку.

— Безвременно почивший полковник...
именно он подал вам эти отчеты?

Лот мрачно устехнулся:

— Да, он.

— И за это вы приказали его
расстрелять?

— Да, как и велит мой долг.

У Лота было лицо кулачного бойца:
твердое и плоское, с широким сломанным
носом и шрамом, который тянулся от
верхней губы до лба и загибал угол рта в
вечном оскале. По обе стороны от
комиссарской фуражки торчали
изорванные небольшие уши. Следующую
фразу комиссар произнес с подчеркнутой

бесстрастностью:

--- В темноте не прячется ничего, кроме нелепых детских кошмаров.

--- Мне приходилось видеть, как кошмары оборачиваются реальностью. --- В голосе библиария прозвучало предостережение.

--- Тогда нам повезло, что за нами приглядывают ангелы. --- Лот поправил фуражку и одернул кожаный френч. --- Я ослаблю щит, можете не сомневаться, кошмары там или нет.

--- Встретился на поле боя, комиссар, --- сказал Пуриил и повернулся к Лоту спиной, оставив того кипеть от бессильной ярости.

--- А вы неплохо его приструнили, да, брат? --- сказал Емек через несколько минут, от любопытства забыв о субординации.

Они снова вернулись в раскисшее болото. Удалека доносился рев выезжающих на позиции танков.

--- Он ни во что не ставит человеческую жизнь, --- ответил Пуриил. ---

К тому же... у него плохая аура.

Библиарий позволил себе несчастую
ухмылку, прежде чем надвинуть на лоб
боевой шлем.

Тучи разорвал красный зигзаг
толщи, и небо окрасилось багровым.
Намного выше, в верхних слоях атмосферы
Ванориса, бұшевал варп-шторм.
Блестящая дождевыми струями темнота
наг полем стахивала на чьи-то
развороченные кишки.

--- Ягова Ночь; и похоже, не только по
названию, --- сказал Бак-ен, глядя в
кровавые небеса.

--- Зловещее предзнаменование? ---
предположил Ягон, заговорив впервые с
томенты посадки.

--- О, горе-вестник проснулся, --- шепнул
Бак-ен своему сержанту.

Но Дак-ир не слушал подчиненного. Он
глядел на Нурила.

--- Сформируйте боевые отделения, ---
сказал библиарий, обнаружив, что на него
смотрят. --- Цуган, найди подходящую
позицию.

Цуган стукнул кулаком по левому

наплечнику. Бросив Дак-ур последний злобный взгляд, он разделил свой отряд на группы и двинулся в дождевой трак.

Дак-ур не обратил на него внимания, по-прежнему не отрывая глаз от Нуриила.

— Вы что-то чувствуете, брат-библиарий?

Нуриил встопорлся в темноту над нейтральной полосой, между крепостью и дальним мерцанием закрывавшего город щита. Это выглядело так, словно он пытается уловить отблеск чего-то на самой грани видимости, за пределами возможностей человеческого зрения.

— Ничего.

Дак-ур медленно кивнул и вернулся к своим обязанностям. Но он ощутил фальшь в голосе библиария и задался вопросом, что бы это значило.

Небеса сотрясал искусственный гром — это ревели тяжелые пушки в тылах имперских боевых расположений. Дым саваном окутал грязное поле, скрывая перебегающих от кочки к кочке солдат фаланги, но дождь быстро прибавал

клубящиеся облака к земле.

Войска двигались повзводно под вопли капитанов и сержантов, которые отдавали приказы, пытаясь перекричать грохот орудий мятежников и взрывов. Орудийные расчеты, по два человека на пушку, и бегущие по сторонам пехотинцы спешили к орудийным окопам, вырытым в пятистах метрах от щита.

На щите мелькали ослепительные вспышки от ударов снарядов «Сотрясателей», лазерных пушек и ракет, которыми наступающие войска поливали укрепления противника.

Саламандры находились в центре всего этого хаоса. Группами по пять человек они засели в укрытиях по обе стороны от пятисотметровой линии.

Библиарий Нириил присоединился к отряду Дак-ира, так что их стало шестеро. Пламя разрывов и кровавые тучи наверху придали синему доспеху Нириила трачный фиолетовый оттенок. Синий обозначал ранг библиария, так же как и таинственные знаки на его теле.

— Наша цель близка, братья. Вон

там... -- Нуриил указал на приземистое
здание генераториума примерно в тысяче
метров от них.

Только костодесантники, с их
окклобными имплантатами, обладали
достаточно острым зрением, чтобы
разглядеть и идентифицировать
сооружение. Его охраняли мятежники,
обосновавшиеся в домах позади траншей и
укрепленных артиллерийских позиций. Во
тьме и хлещущих с неба дождевых
потоках даже Астартес со своим
сверхчеловеческим зрением различали
там лишь тени и вспышки выстрелов.

-- Мы пойдем обходным маршрутом,
вокруг восточного и западного края щита,
-- заговорил Дак-ир. -- Сопротивление там
будет минимальным, и мы должны это
использовать.

После того как Цуган определил
маршрут, Саламандры еще до начала
полномасштабной бомбардировки
невидимо проскользнули к
пятисотметровой отметке. Они
расположились на самых крайних точках
наступательной линии -- две группы на

востоке, где группы на западе — в надежде, что смогут провести диверсионную операцию в сердце вражеского лагеря и уничтожить генераторы пустотного щита до того, как мятежники подтянут к точке прорыва свои резервы.

— Брат Нуриил?

Дак-ур позвал настойчивее, потому что в первый раз библиарий не ответил.

Нуриил взглядывался в купол пустотного щита, ежесекундно расцветивающийся силовыми импульсами и тут же гаснущий.

— Что-то в этом щите... Его энергетическая подпись аномальна... — выдохнул библиарий.

Его глаза вновь полыхнули лазурью.

На сей раз Дак-ур не почувствовал ничего, кроме желания поскорее перейти к действиям.

— Что именно в ней аномального?

— Я не знаю... — Псайкерский огонь в глазах библиария за линзами шлема угас.

— Двигается в обход; атакуют две группы: первичная и вторичная — с востока и с запада, — заключил Нуриил.

Дак-ур кивнул, но никак не мог отделиться от гнетущего ощущения, что Пуриил чего-то недоговаривает. Он включил вокс и обратился к остальным боевым подразделениям:

--- Мы выступаем, братья. План атаки --- «змея». Брат Анион, ты нас прикрываешь. Мы идем первыми. Брат Цуган...

--- Мы готовы, изнеец, --- резко ответил второй сержант, прежде чем Дак-ур успел закончить. --- Вектор атаки определен, я первый в западном направлении. Цуган дает отбой.

Связь внезапно оборвалась, и Дак-ур вполголоса выругался.

Вытащив плазменный пистолет и обнажив цепной меч, Дак-ур провел закованным в боевую перчатку пальцем по боковине клинка и пробормотал литанию Вулкану. Затем он встал на ноги.

--- Огнерожденные, за мной!

Однако, прежде чем они успели выдвинуться, Емек вскинул кулак. Его палец был прижат к шлему.

--- Ко мне поступает какая-то дикая

белиберга от подразделений фаланги. ---
Он затолчал, внимательно
прислушиваясь. --- С некоторыми отрядами
потеряна связь.

Затем Емек поднял глаза. Во время
многозначительной паузы Дак-ира
догадался, что последует дальше.

--- На них напали... призраки, ---
сообщил Емек.

--- Выведи это на все каналы, брат.
Каждой боевой группе.

Емек повиновался, и шлем Дак-ира,
как и шлемы его братьев, наполнился
отрывками рапортов от подразделений
фаланги.

--- ...ержант мертв! Отступаем на
резервные позиции...

--- ...овсюду вокруг нас! Трон Терры, я
не вижу цели, я не ви...

--- ...ертвы все! Они среди нас! О черт,
Император защи...

Отчеты перемежались звуками
хаотичной стрельбы и приглушенными
воплями. В некоторых отрядах пытались
восстановить порядок. В командном лагере
сержантов и капралов, которые

перестраивали своих бойцов, чтобы отразить внезапную атаку, сквозило отчаяние.

Время от времени в передачу врывался голос комиссара Лота. Его ответы были краткими и презрительными. «Империя не потерпит трусости перед лицом врага». Каждый приказ завершался грохотом его болт-пистолета, что предполагало дальнейшие расправы.

А над всем этим разносился вездесущий колокольный звон.

— Я не заметил в крепости часовни или базилики, — сказал Бак-ен.

Он медленно обвел поле боя взглядом, за которым следовал расстрел тяжелого огнемёта.

— Матежники? — предположил брат Ротул.

— Как ты объяснишь, что звон доносится отовсюду? — спросил Нирил.

Глаза библиария вновь вспыхнули. Он встотрелся в кроваво-красные тучи, чьи цвета говорили о бущущем наверху варп-шторме.

--- Это что-то сверхъестественное.
Перед нами нечто большее, чем просто
сепаратисты.

Дак-ир вполголоса выругался --- он
принял решение.

--- Призраки или нет, мы не можем
бросить Фалангу на верную смерть.

Он переключил комм шлема на
передатчү.

--- Всем отделениям
перевформироваться, прикрывать
командные расположения Фаланги.

Брат Анион ответил быстрым
подтверждением, так же как и вторая
боевая группа, возглавляемая братом
Лазаром. Цү-ган подчинился не столь
быстро --- вопли о призраках не
впечатлили сержанта, но он понимал, что
необходимо спасти гвардейцев от того,
что на них напало. Без поддержки
гвардейских тяжелых орудий Саламангры
остались бы один на один с вражеской
артиллерией, а без возможности
повредить щит их задание теряло всякий
смысл.

--- Принято.

И Цу-ган оборвал связь.

Через грозу двигались темные фигуры. От имперских позиций тянулись нити лазерного огня, освещающая стреляющих по невидимому противнику гвардейцев.

Большинство, однако, пустились в бегство. Даже «Василиски» отступали. Комиссар Лот, несмотря на все свое рвение и обещанное возмездие, не мог этого предотвратить.

Фаланга бежала.

--- Контакт с врагом?

Дак-ур крался через трясину, зажав в опущенной руке пистолет. Ценной мечтой тоже был наготове. Сержант находился в центре рассредоточенной боевой группы. Нуриил двигался слева от Дак-ура, и дальше по обе стороны за ним следовали еще по двое костомесантников.

Впереди Дак-ур заметил другой отряд, ведомый Анионом, --- вторую диверсионную группу. Анион тоже рассредоточил своих бойцов, и они обшаривали каждый метр пространства в поисках врагов.

— Ничего, — кратко ответил Лазарь, приближавшийся с запада.

Вместе с усилившимся дождем с неба сыпались снаряды мятежников, засевших на укрепленных огневых позициях. В нескольких метрах от отряда Дак-ира в воздух взметнулся огромный фонтан грязи и изувеченных тел.

— Нуриил, есть что-нибудь?

Библиарий покачал головой. Как псайкер ни напрягал свои телепатические способности, в том, что он видел и чувствовал, не было ни малейшего смысла.

Обрывки переговоров все еще слышались в воксе Дак-ира, а неумолчный звон колоколов злобещей нотой вплетался в какофонию разрывов и воплей. Фаланга была близка к полному разгрому — комиссар завел солдат в самое пекло, не позаботившись понять природу столкнувшегося с ними врага. Единственное, что предпринимал Лом, дабы подбодрить своих людей, были угрозы расстрела. Выстрелы комиссарского пистолета раздавались все ближе, и край глаза Дак-ир уже мог видеть характерные

вспышки болтерного оружия.

Лот стрелял по теням, но не попал в гвардейцев Фаланги -- как бегущих, так и удерживающих позиции.

-- Сейчас я с ним разберусь, -- угрожающе посулил Пуриил, неожиданно вынырнув из телепатического транса и встретившись наперерез комиссару.

Вблизи взорвался очередной снаряд, и на Саламангр посыпались комья земли. С прекращением бомбардировки «Сотрясателей» мятежники получили возможность сполна воздать гвардейцам и запустили собственные ракетные установки. Огонь трассирующих крупнокалиберных снарядов увеличивал потери имперцев. Огонь -- и то, что преследовало их в грязи и потоках дождевой воды.

-- Здесь работают диверсанты. -- Хриплый голос Цугана стал еще резче, искаженный динамикой комта. -- Порядка пятидесяти человек, разделившиеся на небольшие группы и одетые в камуфляж. Смертных легко испугать. Мы найдем их, Огнерожденные,

и уничтожим.

--- Как ты можешь быть...

Дак-ур замолчал, когда справа от него что-то мелькнуло. Сержант спросил Бак-ена:

--- Ты это видел?

Рослый боец шел следом, вода по сторонам огнеметом.

--- Не уверен... --- ответил Бак-ен. --- Что там, брат?

То, что заметил Дак-ур, выглядело как мерцание... белой мантии, чуть развевающейся на ветру. В воздухе неожиданно пахнуло чем-то затхлым и древним.

--- Узнеец! --- нетерпеливо позвал Цуган.

--- Это не диверсанты, --- ровно ответил Дак-ур.

Прежде чем слышался ответ второго сержанта, в динамиках затрещала статика.

--- Ты не можешь утверждать наверняка.

--- Я знаю, брат.

На сей раз связь оборвал Дак-ур.

Поначалу костодесантник этого не уловил,
но сейчас в черноте смертного поля
ощущалось чье-то... присутствие.

Присутствие чего-то гневного.

--- Смотрите внимательно, ---
предупредил он отделение.

Перед глазами все еще маячил
призрачный образ, и затхлая вонь
оставалась вполне реальной. Колокола
продолжали бить.

Впереди Дак-ир заметил фигуру
имперского офицера, судя по знакам
различия --- капитана. Саламандры
направились к нему, надеясь объединить
силы и предпринять контратаку. Конечно,
при условии, что было с кем объединяться.

Комиссар Лот почти снятил от
ярости.

--- Удерживайте позиции! --- визжал
он. --- Император требует от вас
храбрости!

Грохнул болтерный пистолет, и еще
один боец рухнул на землю, обливаясь
кровью.

--- Вперед, дьявол вас побери!

Наступайте, во имя его вечной славы и славы Императора!

Следующий гвардеец отправился на тот свет -- на сей раз сержант, который пытался приободрить своих бойцов.

Пуриил спешил поговорить ближе, сжата обнаженный силовой меч. Вторая рука оставалась свободной. И тут в темноте и струях дождя он узрел... призраков. Бледно-серые и почти неразличимые, с дергаными движениями, они как будто не целиком принадлежали этой реальности -- бестелесные, прорвавшие ткань материального мира.

Лот тоже их заметил, и страх перед явлением -- чем бы оно ни было -- искажил его плоское лицо.

-- Да здравствует Император! Осененный светом Императора, да не убоюсь я никакого зла... -- забормотал он, бросаясь за поддержкой к катехизису защиты и изгнания духов тьмы, изучающему в Схоле Прогениум. -- Да здравствует Император! Моя душа чиста. Хаос никогда не поглотит ее, пока со мной его защита...

Призраки навизгались, проявляясь в реальности и вновь исчезая, как плохая видеозапись. Лихорадочно поворачиваясь направо и влево, Лот стрелял в сверхъестественных противников, но снаряды пролетали сквозь них или свистели мимо, поражая отступающих воинов фаланги.

С каждым проявлением призраки показывались все ближе.

Пуриил был всего в нескольких метрах от комиссара, когда одно из существ возникло прямо перед библиарием. Выстрел Лота ударил в наплечник костодесантника, и на дисплее его шлема загорелась рана — индикатор повреждения.

— Да здравствует Имн...

Слишком поздно. Призрак навис над комиссаром Лотом. Тот едва выдал слова:

— О Бог-Император...

...и тут сокрушительная стена псайкерского огня вырвалась из поднятой ладони Пуриила, испепелив привидение и изгнав его из мира живых.

Лот поднял пистолет к губам и сунул

еще горячий ствол в рот, — очевидно, разум его окончательно потухнул от привиденного.

Пуриил подоспел как раз вовремя и выбил оружие из руки комиссара прежде, чем тот сумел совершить над собой скорую расправу. Болтерный снаряд безобидно ушел в воздух, хотя ирония происходящего не ускользнула от библиария. Двумя пальцами, по которым все еще пробежали нити огня, Пуриил прикоснулся ко лбу Лота, и комиссар мешком повалился на землю.

— Он несколько часов пробудет в отключке. Заберите его отсюда и отнесите обратно в крепость, — приказал библиарий одному из подручных комиссара.

Телохранитель, едва очнувшись от шока, торопливо кивнул и вдвоем с другим штурмовиком поволок Лота прочь.

— И он не будет помнить ничего о случившемся здесь или о Ванорисе, — добавил Пуриил шепотом.

Привидения, почувствовавшие силу библиария, отступили. Теперь его насторожило что-то другое — что-то,

обретавшееся в глуши далеко от поля сражения. Но сейчас не было ни времени, ни возможности для исследований. Отныне Нуриил знал, что за враг ил противостоят, а также -- что у братьев нет защиты от подобного врага. Костодесантники были идеальными воинами, но ил требовался противник из плоти и крови. Они не могли сражаться с тенями и туманом.

Большинство солдат фаланги спасалось бегством -- однако тут Нуриил был не в силах ничего пожелать. И он не мог выручить тех, кого поглотила земля, хотя здесь тоже потрудились призраки.

Вместо этого он включил канал связи с Дак-иром. Колокольный звон не утихал.

-- Наши войска разбиты, -- сказал капитан.

Голос его охрип от крика, но офицер ухитрился придать нескольким соседним взводам какое-то подобие порядка.

-- Капитан...

-- Маннгейм, -- представился офицер.

--- Капитан Маннгейм, что тут произошло? Что убивает ваших людей? --- спрашивал Дак-ир.

Ливень хлестал во всю мощь и звонко барабанил по броне костогесантника. Всюду вокруг грели взрывы.

--- Я так и не увидел этого, милорд, --- признался Маннгейм, вздрогнув от недалекой вспышки зажигательного снаряда. --- Только исчезающих из виду солдат. Сначала я подумал, что это вражеские коммандос, но биосканеры ничего не показали. Инфракрасное излучение шло только от наших людей.

Нельзя было исключить полотку оборудования, но сказанное капитаном косвенно опровергало теорию Цугана о диверсантах.

Дак-ир обернулся к Емеку, который отвечал за их ауспик. Боец покачал головой. Сканер также не улавливал ничего, исходящего со стороны прикрывающего позиции лятеежников щита.

--- Может, они уже были здесь? Замаскировали свои тепловые следы? ---

спросил Бак-ен по закрытому каналу.

Маннгейта отвлек его офицер связи. Коротко извинившись, капитан отвернулся и прижал к уху трубку приемника, пытаясь прослушать сообщение сквозь шум дождя и громовые раскаты.

--- Нет, --- ответил Дак-ир. --- Мы бы их засекли.

--- Тогда что?

Дак-ир пожал плечами и страхнул голову со шлема.

--- Милорд, --- это опять был Маннгейт, --- я потерял связь с лейтенантом Банхоффом. Мы пытались скоординировать объединение наших сил, чтобы начать новую атаку. Надо брать числом...

Для выходца с Ноктюрна, где основными принципами были изоляционизм и привычка полагаться лишь на себя, это утверждение звучало сомнительно.

--- Где они? --- спросил Дак-ир.

Маннгейт указал вперед:

--- Отряд лейтенанта был частью нашего авангарда и находился ближе к передовой. Его люди уже дошли до

пятисотметровой отметки, когда на нас
напали.

Там, куда капитан указывал
угрожающим пальцем, воздух сотрясаясь от
взрывов. Гвардейцы были храбрыми
солдатами, но их мужество почти
исчерпалось. Лот своими драконовскими
мерами довел их до предела.

Трудно представить, что кто-то мог
выжить под такой бомбежкой, не говоря
уже о рыцарях по смертному полю
призраках.

--- Если лейтенант Банхофф еще жив,
мы выведем его и его людей, --- пообещал
Дак-ур.

Мысли о контратаке он отбросил
почти сразу. В рядах фаланги царил хаос.
Отступление было единственным
приемлемым вариантом, оставлявшим
возможность для последующего
возобновления боевых действий. Хотя это
и шло вразрез с Прометейским кодом ---
заповедями выносливости и упорства,
которыми гордились Саламандры, ---
выбирать уже не приходилось.

--- Отводите своих людей, капитан.

Соберите всех, кого можете, и возвращайтесь в крепость. Проинформируйте всех встреченных офицеров о том, что имперские силы отступают.

Капитан Маннгейм собрался возразить.

--- Полное отступление, капитан, --- подтвердил Дак-ир. --- Ни одна победа не была достигнута путем глупого самопожертвования, --- добавил он, цитируя один из Принципов прагматизма Зен-ге.

Офицер Фаланги отсалютовал и начал отводить своих людей. Вокс-офицер уже выкрикивал приказы всем взводам, с которыми удалось сохранить связь.

--- Мы не знаем, что там, Дак-ир, --- предупредил Бак-ен, когда они перебежками двинулись в направлении взвода Банхоффа.

На расстоянии слытно маячили силуэты бойцов лейтенанта. Над их позициями суматошно метались лучи лазерного огня. Это настораживало.

--- Тогда следует подготовиться ко

всему, — мрачно ответил сержант, прогвизываясь вперед по опаленной земле.

Солдаты Банхоффа выстроились защитным периметром, стоя плечом к плечу и целясь в ночь. В центре кольца находился отдающий приказы лейтенант. При виде спешащих на помощь Ангелов Императора он обмяк от облегчения.

Салатандры были всего в нескольких метрах от взвода, когда что-то мелькнуло у границы круга и один из солдат просто исчез. Только что он был тут, а в следующую секунду... пропал.

Вспыхнула паника, и порядок, который тугожественно восстановил лейтенант, затрещал по швам. Гвардейцам явно хотелось сбежать, а не сражаться против чего-то, что они едва могли разглядеть, не говоря уже о том, чтобы подстрелить или убить.

За первым солдатом последовал второй, и его смерть ознаменовала очередная белая вспышка. На этот раз так-ир увидел, что стало с человеком. Словно сама земля раздалась и целиком

его проглотила. Только гвардеец не упал и не провалился в болото — нет, его затащили вниз. Бледно светящиеся руки с тощити, как когти, пальцами сомкнулись вокруг его лодыжек и утянули беднягу под землю.

Несмотря на усилия Банхоффа, мужество изменило его солдатам, и они потчались прочь. Еще несколько сгинули на бегу, разделив жуткую судьбу своих товарищей, — их в мгновение ока увлекли вниз. Лейтенант присоединился к солдатам, пытаясь превратить бегство в организованное отступление, но это ему не удавалось.

Остелев от людского страха, существа, объявившие охоту на воинов фаланги, проявились в реальном мире, и Саламангры впервые смогли их рассмотреть.

— Это демоны? — выдохнул Емек, наводя свой болтер.

Твари больше стахивали на разложившихся покойников, обмотанных гниющими стихарями и расами. Лоскуты ткани развевались, как щупальца

бестелесного спрута. Глаза призраков были
темны и пусты, а их скелетообразные
тела выдавали принадлежность к
духовенству. Некогда, возможно,
священники — теперь они стали духами
зла.

— Проверим, могут ли они гореть, —
рыкнул Бак-ен, выпуская из тяжелого
огнемета сгусток протетиума.

Поле вокруг него вспыхнуло. Призраки
рассеялись, когда по ним прошелся жидкий
огонь, — однако, едва лишь языки пламени
улеглись, появились снова, совершенно
невредимые.

Бак-ен опять собрался окатить их
огнем, но привидения испарились прямо у
него перед носом, как струйки тумана.

Подождав секунду-другую, рослый
Огнерожденный обернулся к сержанту и
пожал плечами.

— Мне встречались противники и
пострашнее, — начал он, но слова
стенились криком, когда ботинок
костодесантника погрузился в почву.

— Во имя Вулкана! — выругался Емек,
не веря собственным глазам.

--- Держите его! --- заорал Дак-ир, заметив белые когти, обхватившие ступни и щиколотки Бак-ена.

Братья Ромул и Г-хеб кинулись на помощь товарищу. Каждый ухватил его под руку, и в следующий миг они уже боролись против тянущих костодесантника под землю призраков.

--- Отпустите, вы разорвете меня пополам! --- взвыл Бак-ен, захлебываясь от боли и ярости.

--- Держись, брат! --- крикнул ему Дак-ир.

Он уже собрался вызвать подкрепление и вывел контактную руну Нириила на тактический дисплей, когда перед ним возник призрак. Это был старый проповедник с серым, источенным возрастом и злобой лицом. В глазницах его сверкали воинственные огни. Ром привидения загвизался, неслышно выговаривая слова, которых Дак-ир не смог разобрать. Мертвец обвинительно ткнул в него пальцем.

--- Отпусти его, адское отродье!

Дак-ир взмахнул цепным мечом, но

призрак проповедника, тизнүв, сгинүл, а
клинок распорол пүстотү и вонзился в
мягкую почву. Сержант поднял плазменный
пистолет для выстрела, как вдруг его
тело наполнил жуткий цепенящий холод.
Ледяной огонь побежал по жилам, когда
прикосновение чего-то гревнего и
мстительного заморозило кровь. Дак-ира.
Он не мог дышать — легкие горели, словно
костогесантник голышом прыгнул в
арктическую реку. Лишь спустя несколько
мгновений Дак-ир сообразил, что
скрыченные пальцы священника
погрузились в его силовую броню. Извиваясь
пог керамитовыми пластинами,
превращая в насмешку все совершенные
защитные механизмы доспеха, серые
когти пытались нащупать жизненные
органы костогесантника. Призрачный
проповедник жаждал отпущения.

Дак-ир попробовал крикнуть, но чары
мертвеца сковали глотку сержанта
льдом, а его язык налился свинцом. Только
строчки из кодекса Прометея, которые
костогесантник твердил про себя, не
давали ему соскользнуть в черноту.

«Плата Вулкана бьется в
моей груди. Этим огнем
испепелю я врагов Императора».

Сердце стучало все быстрее, и
сдавившая его боль нарастала...

Обострившимися чувствами Дак-ир
ощущал вонь трюхлявого дерева и погребав-
просочившуюся в шлем.

А затем его охватило яркое пламя, и
чужовищное давление ослабло.
Успокаивающее тепло изгнало холод из
жил, и потумившимся зрением Дак-ир
увидел Перила, стоящего в центре
огненного столба. Сбоку из разверзшейся
земли вытаскивали Бак-ена. Что-то
приподняло Дак-ира. Он ощутил, как
сильные руки взяли его под мышки и
потянули вверх. По тому, каким легким,
практически невесомым сделалось его
тело, костодесантник понял, что, должно
быть, упал. Уплывающим сознанием Дак-
ир уловил обращенные к нему слова:

— Опять я вытаскиваю твою задницу
из огня, изнеец...

Потом навалилась тьма.

Стратегиум Скалы Милосердия еще недавно был крепостной кантиной, и здесь немилосердно воняло табаком и застарелым потом. Грубо сколоченные столы сдвинули вместе, и они превратились в тактикариум, усыпанный замасленными картами, географическими планами и таблицами данных. Сводчатый потолок протекал, так что адъютантам и офицерам приходилось постоянно стирать со свитков и планов капли воды. В тесной комнате мельтешили клерки и логистики Департамента Муниторум, которые пересчитывали людей и оборудование, делали записи стилусами в своих планшетах и периодически обменивались угрюмыми взглядами за спинами гвардейцев.

Ни для кого не было секретом, что они потеряли множество солдат в последней вылазке. Вдобавок боеприпасы для дальнобойных орудий подходили к концу, так что перспективы продолжить кампанию выглядели более чем сомнительными. После неудачного

приступна прошел почти час, а имперские силы ничуть не приблизились к согласованию приемлемого плана операции.

Библиарий Пуриил оглядел тактические данные, разложенные перед ним, и не обнаружил ничего нового --- никакой разумной стратегии, которая могла бы облегчить их положение. Но крайней мере, призраки оставили имперцев в покое, когда те вступили на территорию Мерси Рок, --- но почти все псайкерские силы эпистолярия ушли на то, чтобы отразить атаки мертвецов и сделать возможным отступление.

--- Что это было, брат? --- тихо спросил Цуган, стараясь не привлекать внимания гвардейских офицеров и интендантов, присоединившихся к ним.

Цуган полагал, что смертным лучше оставаться в неведении относительно некоторых вещей. Люди были немоцны разумом и слишком подвержены страху. Защита человечества требовала большего, чем просто болтер и мечи. следовало также оградить смертных от

ужасной правды о таящемся в галактике зле, которая могла сломить их.

--- Я не уверен.

Пирил взглянул вверх. Его телепатическое зрение пронзало дерево и прокрит, как прозрачную паутину, и открывало распростершуюся над крышей грозовую ночь с небесами цвета крови.

--- Но я считаю, что буря в Варне и призраки как-то связаны.

--- Прислужники Хаоса? --- У слова был терзкий привкус, и Цуган выплюнул его с гримасой.

--- Возможно, просто потерянные и проклятые, --- задумчиво ответил библиарий. --- Но не вассалы Губительных Сил. Думаю, они... эхо варна --- души, застрявшие между эмпиреями и миром мертвых. Кровавый шторм истончил пленку реальности. Я ощущаю проникающее сквозь нее эхо. Я только не понимаю, в чем причина. Но, пока продолжается шторм, пока Адова Ночь не закончится, они будут ждать нас.

Всего в нескольких метрах от Саламандр безразличные к их разговоры

зваргейские офицеры проводили
собственный военный совет.

— Простая истина состоит в том,
что мы не можем позволить себе
продолжительную осаду, — констатировал
капитан Маннгейм.

После казни Тенча и прискорбного
недомогания комиссара Маннгейм остался
высшим по рангу офицером фаланги.
Капитан закатал рукава и вооружил
форменную фуражку на стопку графиков.

— В лучшем случае у нас хватит
боеприпасов, чтобы еще раз попробовать
свалить пустотный щит, — сообщил
интендант, просматривая инвентарные
списки.

Агьютант из Департамента
Муниторута передавал начальнику
инфопланишеты, которые тот немедленно
заполнял данными и возвращал помощнику.

— После этого у нас не останется
никаких ресурсов для атаки на щит.

Другой офицер — старший
лейтенант — подключился к обсуждению.
Его форменная куртка была растягнута,
и по рубашке на груди расплзлось

уродливое треугольное пятно на лбу.

— Даже если у нас хватит снарядов, какой смысл начинать атаку, пока там кишат эти твари?

Перемотанный бинтами капрал с повязкой на глазу, сквозь которую просачивалась кровь, выступил вперед:

— Я не поведу свой взвод снова на верную смерть. Сепаратисты якишаются с демонами. У нас нет против них защиты.

«Страх, — усмехнулся Цуган. — Да, люди слишком слабы для некоторых истин».

Старший лейтенант нахмурился и, обернувшись, без особого пиетета устоял на Саламандр, столпившихся в темном углу комнаты.

— А что насчет Императорских Ангелов? Разве вас прислали сюда не затеять, чтобы поточить нам с осадой? Разве эти новые враги, призраки из тьмы, не союзники наших противников в Афиуме? Мы не сможем прорвать оборону, пока вы не избавите нас от демонов.

Глаза Цугана полыхнули гневом, и офицер понялся. Космогосантник с

рычанием сжал кулаки, возмущенный нахальством смертного.

Предупреждение во взгляде Пуриила заставило сержанта отступить.

--- Они не демоны, --- твердо сказал Пуриил, --- а эхо варна. Отзвуки прошлого, цепляющиеся за настоящее.

--- Демоны, отзвуки --- какая разница? --- пожал плечами Маннгейм. --- Нас все равно режут как свиней, и нам нечего им противопоставить. Даже если мы как-то ухитримся изгнать этих... эти отзвуки --- все равно мы не в состоянии одновременно сражаться с ними и атаковать пустотный щит. Простая арифметика, милорд. Это война на истощение, и с сегодняшними потерями у нас не осталось надежды на победу.

Цуган шагнул вперед, больше не в состоянии сдерживаться.

--- Вы слуги Императора! --- яростно напотнил он Маннгейму. --- И вы будете делать свое дело, с надеждой или без, во славу его и Священной Терры.

Несколько офицеров вскинули руки в салюте орла, но Маннгейма запугать было

сложнее.

— Я ступлю на жертвенный алтарь войны, если это необходимо, но я не согласен на слепую жертву. Вы бы повели своих воинов на верную смерть, зная, что этим абсолютно ничего не добьетесь?

Цуган скривился. Пробормотав неразборчивое ругательство, он крутанулся на каблуках и вышел вон из стратегиума.

Пириил вздернул брови.

— Простите моего брата, — сказал он совету. — В груди Цугана горит огонь Ноктюрна. Если ему некого убить, он начинает нервничать.

— В этом-то и проблема, не так ли? — колко заметил капитан Маннгейм. — Причина, по которой ваш брат-сержант так расстроен. За исключением вас, тилорд библиарий, у Астартес нет оружия против этих отзвуков. Несмотря на всю их мощь, храбрость и боевое искусство, перед нашим врагом они бессильны.

Фраза повисла в воздухе как клинок, готовый разрубить последнюю нить

надежды.

--- Да, --- чуть слышно признал
Нириил.

Пораженное молчание наполнило
комнату, когда офицеры поняли всю
безвыходность их положения на Ванорисе.

--- В фаланге нет санкционированных
псайкеров, --- в конце концов выговорил
старший лейтенант. --- Разве один
человек, пусть даже Астартес, может
изменить ход войны?

--- Не может! --- грожащим голосом
заявил капрал.

--- Нам надо немедленно подать
сигнал на орбиту, --- предложил он. ---
Потребовать подкреплений.

--- Не будет никаких подкреплений, ---
вмешался Маннгейм. --- И орбитальные
челноки не войдут в атмосферу Ванориса,
пока Афиум в руках повстанцев. Мы здесь
одни.

--- Мой брат был прав в одном, ---
произнес Нириил, и голос его прорезался
сквозь нарастающий в комнате гвалт. ---
Ваш долг --- служить Императору.
Доверьтесь нам --- и мы добьемся победы, ---

пообещал библиарий.

--- У каким же образом, милорд? ---
спросил Маннгейм.

Взгляд Пуриила стал
пронзительным.

--- Псайкеры --- гибель для отзвуков
варна. С помощью своей силы я воздвигну
психический щит вокруг ваших людей.
Призраки, как вы их называете, будут не
способны пробраться внутрь. Если вы
подойдете достаточно близко к
пустотному щиту --- намного ближе, чем
предполагалось по изначальному плану
атаки, --- и, обрушив на него всю доступную
огневую мощь, сумеете его проломить,
тои братья проникнут внутрь и
уничтожат противников. Когда мы
отключим генераторы, щит падет, а с
ним падет и оборона Афиута под ударами
нашей дальнобойной артиллерии.

Старший лейтенант недоверчиво
фыркнул:

--- Милорд, я не ставлю под сомнение
таланты Астартес или ваше мастерство,
но вы уверены, что сможете создать
достаточно большой щит и удерживать

его достаточно долго, чтобы этот план
сработал?

Библиарий сухо улыбнулся:

--- Магистр Вель-кона хорошо меня
обучил. Как библиарий эпистолярного
уровня, я способен на многое, лейтенант, ---
произнес он без лишней гордости. --- Я
сделаю то, что должно быть сделано.

Маннгейм кивнул, хотя в движениях
его сквозила обреченность.

--- В таком случае рассчитывайте на
полную полную поддержку и поддержку 135-й
фаланги, --- сказал он. --- Сообщите, что
вам необходимо, милорд, и вы это
получите.

--- Стойкие сердца и стальная
решиимость --- вот и все, о чем я прошу,
капитан. Большого никогда не требовал и
сам Император.

Цуган проверил зарядник своего
комбиболтера, убедившись, что кан с
протетическим надежно укреплен над
входящим в комбинированное оружие
огнеметом.

--- Бесмысленное занятие, учитывая,

что мы не можем поразить врагов, ---
прорычал костогесантник.

К воинственному сержанту
присоединились остальные братья. Они
стояли во внутреннем дворе Скалы
Милосердия перед воротами бастиона.

За их спинами строились солдаты
фаланги. На стоянках бронетехники
гревели гусеницы «Василисков». В воздухе,
подобно статическому электричеству,
разлилось ожидание.

В отряде недоставало лишь двоих
костогесантников, и один из них уже
спешил присоединиться к братьям.
Выбравшись из наспех оборудованного
госпиталю в катакомбах крепости, он
пробился сквозь толпу гвардейцев и встал
рядом с остальными.

--- Как он, брат? --- спросил Емек,
передергивая затвор болтера.

--- Все еще в отключке, --- ответил
Бак-ен.

Рослый воин избежал от тяжелого
огнемёта и вооружился болтером, как и
большинство его боевых братьев. Так-ир
так и не очнулся после нападения

призраков, и, несмотря на протесты Бак-ена, Нуриил назначил его исполняющим обязанности сержанта.

--- Я бы хотел, чтобы он был с нами, --- пробормотал костодесантник.

--- Все мы этого хотим, брат, --- ответил Нуриил.

Заметив нотку беспокойства в голосе товарища, он спросил:

--- Тебя что-то тревожит, Бак-ен?

Вопрос повис в воздухе неразрванвшимся болтерным снарядом. Лишь спустя некоторое время великан отозвался:

--- Я слышал по воксу то, что сказал Цуган. Можно ли сражаться с этими тварями, брат? Или мы просто отвлекаем их внимание от гвардейцев?

--- Я видел, как меч изнейца прошел прямо сквозь одного из них, --- пробормотал Цуган. --- А остальные вцепились в Бак-ена крепче, чем стыковочные крюки.

Етек поднял голову от аусника.

--- Перед тем как напасть, они материализуются --- обретают плоть, --- сказал он. --- И эта плоть тверже железа, а

хватка у них как у силовой перчатки.

--- Я тоже это заметил, ---
подтвердил Нириил. --- Ты очень
наблюдателен, брат.

Етек скромно кивнул, и Нириил начал
объяснять свою стратегию:

--- Наши силы будут рассредоточены
по полю сражения: четыре боевые группы,
как и в прошлый раз. Я могу растянуть
свою телепатическую защиту над всей
фалангой, но коридор получится довольно
узким, и некоторые призраки почти
наверняка просочатся внутрь. Займите
оборонительные позиции, подождите, пока
привидения атакуют, и лишь затем
наносите удар. Но учтите: лучшее, на что
мы можем надеяться, это временно их
отбросить. Только у меня есть сила,
необходимая, чтобы изгнать этих
существ в варп, и я не смогу заниматься
этим, пока буду поддерживать
психический щит.

--- Тогда и драться ты тоже не
сможешь, брат-библиарий, --- сказал Бак-ен.

Нириил обернулся к нему и произнес с
нажимом в голосе:

— Да, я стану на время уязвим.

Поэтому вам, братья, придется быть моим щитом.

Предстоящая миссия по тяжести могла поспорить с бьющим снаружи ненастьем. В стратегии капитан Маннгейм сказал правду: несмотря на всю их физическую силу, боевую выучку и мужество, они были бессильны против призраков. Почти.

Пирил обратился к отряду:

— Огнерожденные, проверяйте дисплеи шлемов, куда будут поступать обновленные параметры и цели задания.

В ответ прозвучал хор подтверждений.

— Переключитесь на тактическое зрение, — добавил Цуган.

Поток данных, включающих временные коды, дисстанции и расположение войск, побежал по его левой оккүлобной линзе. Сержант обернулся к Пирилу в тот момент, когда массивные ворота Скалы Милосердия начали открываться.

— Надеюсь, вы сможете сделать то,

что обещали, библиарий, иначе все мы
покойники.

Пирил нагвинул свой боевой шлем.
Взгляд библиария был устремлен вперед.

--- Варн-шторм непредсказуем, но он
увеличивает и мою силу, --- сказал
псайкер. --- Я сумею удержать щит,
сколько потребуется.

Затем он обратился только к Цугану
по закрытому каналу.

--- Мой пси-глушитель будет
ослаблен, --- проговорил библиарий. --- Если
в какой-то момент риск станет слишком
велик, ты знаешь, что должен сделать.

Если мной овладеют демоны варна...

Цуган без особых затруднений понял
то, что подразумевалось, но не было
сказано.

На дисплее Пирила беззвучно
вспыхнула рунa подтверждения.

--- Братья Емек, Ягон? --- спросил
Пирил, когда ворота крепости широко
распахнулись.

В проем хлынули струи дождя и
запах разложения.

Емек и Ягон изучали

перекрывающиеся данные сканирования на
своих аусниках, пытаясь выявить варп-
активность в блуждающих по полю
стерти тенях.

--- Ничего, брат, --- ответил Етек.

Ягон согласно кивнул.

Дорога, по крайней мере сейчас, была
свободна.

Несмотря на ливень, во траке Аговой
Ночи повисла странная неподвижность.
Кроваво-красная тьма дышала гневом. У
она выжидала. Пурила вновь привле
странный ток, исходящий из дикой
местности далеко от поля боя.

Как раз за пределом моей
досязаемости...

--- В огонь сражения... --- затанул он и
повел Саламангр вперед.

Дак-ур очнулся, задыхающийся и
покрытый холодным потом. Он отчетливо
ощущал сүматошное биение собственного
сердца и пульсирующую боль в висках. В
подсознании таяли странные видения...
Мир цвета пепла, ряды надгробий и
тавзолеев вдоль глинной сүтеречно-серой

дороги... Запах горящей плоти и могильной
пыли... Ускользающий из памяти голос его
брата, кричащего от боли.

...Крик сливается со стонами многих
на черном, залитом водой поле..
Прикосновение дождя, холодные струи на
обнаженной коже... и бьющий колокол...

--- Мы здесь...

--- Мы здесь...

Первое видение было старым
кошмаром, который часто приходил к
нему во сне. Но сейчас в сон вплелись новые
впечатления -- отсюда, с Ванориса. Дак-ир
попытался закрепить в сознании картину
и сопровождавшие ее ощущения, но с тем
же успехом можно было удержать в руках
дым.

Но мере того как нереальное
истончалось, реальность становилась все
отчетливее. Дак-ир понял, что лежит на
спине. Под ним была железная сетка,
накрытая грубыми простынями. Старая
койка возмущенно застонала, когда Дак-ир
попытался сесть, -- и космогесантник
издал ответный стон, потому что тело
его пронзила кинжальная боль.

Скривившись, Дак-ур снова упал на постель и принялся соображать, что с ним произошло. Вспомнилось нападение призрачного священника. Отголосок могильного холода заставил воина вздрогнуть.

— Вас неплохо отделали, — донеслось из тени.

Резкий звук подчеркнул царящую в комнате тишину — лишь отдаленный рев артиллерии отдавался грохотом в стенах.

— Я бы на вашем месте не двигался.

— Кто вы? — прохрипел Дак-ур, удивляясь сухости в собственном горле.

Раздавшийся в ответ пронзительный скрип словно напильником прошелся по больной голове костогесантника. На свет выкатилось инвалидное кресло, в котором сидел офицер фаланги.

— Банхофф, милорд, — сказал он. — Вы и ваши Астартес пытались спасти этих людей, и я вам за это благодарен.

— Я выполнял свой долг, — ответил Дак-ур.

Перед глазами у него все еще плыло. Костогесантник ухитрился сесть,

превозмогая мучительную боль от ранений и онемение, которое не оставляло его и после того, как призрачный священник разжал свою смертельную хватку. Некоторое время Дак-ир судорожно глотал воздух.

--- Лейтенант Банхофф? --- сказал костогесантник, припоминая случившееся.

При взгляде на инвалидное кресло по лицу его разлилось негодование.

--- Попал под артиллерийский снаряд, --- буднично сообщил офицер. --- Взвод тащил меня всю оставшуюся дорогу. И на передовую мне теперь путь заказан.

Дак-ир ощутил укол жалости, когда заметил бьющуюся в глазах лейтенанта сломленную гордость.

--- Я здесь один? Братья ушли в сражение без меня? --- спросил он.

--- Они сказали, что у вас слишком тяжелые ранения. Велели нам приставлять за вами до своего возвращения.

--- Мои госпехи...

Выше пояса Дак-ир был обнажен. С него сняли даже облегающий торс

комбинезон-перчатку. Перекинув ноги через край койки и перетерпев еще один приступ боли, костогесантник обнаружил, что кираса его боевой брони лежит в углу комнаты. Комбинезон был там же. Братья разрезали его, чтобы обработать раны. Дак-ир провел пальцем по груди. В ступном мерцании единственной люминолампы повреждения выглядели как пропечатавшиеся на коже и налившиеся темной кровью следы пальцев.

--- Вот... Это я нашел на складе тут неподалеку. --- Банхофф перекинул Дак-иру сверток, который до этого держал на коленях.

Костогесантник поймал его на лету. Движение все еще причиняло боль, но уже становилось легче. То, что кинул ему лейтенант, оказалось робой.

--- Она свободная, так что должна быть вам по росту, --- пояснил Банхофф.

Дак-ир покосился на лейтенанта и натянул робу.

--- Помогите мне встать, --- попросил сержант.

С помощью Банхоффа он слез с койки

и поднялся на ноги. Первые секунды Костодесантник неуверенно пошатывался, но быстро восстановил равновесие и огляделся.

Они находились в небольшой комнате, похожей на келью. Голые каменные стены. Пыль скопилась в углах и висела в воздухе, так что все вокруг было окутано странной дымкой.

--- Что это за место?

Дак-ур сделал несколько нетвердых шагов, и Банхофф откатился назад.

--- Катакомбы Скалы Милосердия. Мы используем их как госпиталь, --- лицо лейтенанта потемнело, --- и как морг.

--- Подходящее местечко, --- ответил Дак-ур с трачным юмором.

Что-то тут было неправильно. Воин чувствовал это, проводя кончиками пальцев по стене и вдыхая мутный воздух.

Мы здесь...

Слова вернулись отдаленным причитанием. И в них слышался зов. Костодесантник обернулся к Банхоффу и недоуменно прищурился.

--- Что это было?

--- Что было «что», милорд?

В могильной тишине раздалось незаметное царапанье, словно кто-то водил пером по пергаменту. Глаза Банхоффа расширились, когда он тоже уловил звук.

--- Все клерки Муниторума наверху, в стратегииуме...

--- Это доносится снизу, --- сказал Дак-ир.

Он уже направлялся к двери. Каждый шаг заставлял костодесантника передергиваться, выдывая терзавшую его боль, но Астартес стиснул зубы и устремился на звук.

--- Здесь есть нижние уровни? --- спросил Дак-ир лейтенанта, пока они двигались по темному коридору.

--- Ничего ниже катакомб, милорд.

Дак-ир пошел быстрее, и Банхофф пришлось крутить колеса изо всех сил, чтобы не отстать.

Скребущий звук становился все громче. Когда они дошли до конца коридора, путь преградила деревянная баррикада.

--- Дальше кладка ненадежна, если

верить инженеру, — сказал Банхофф.

— Эта штука древняя, — ответил Дак-ир, указывая на трюхлявые доски и налипшие на них слои паутины.

Потянув за одну из планок, он легко ее оторвал. Движимый какой-то непонятной силой, Дак-ир продолжил разрушать баррикаду, пока за ней не показалась каменная лестница. Ступени вели вниз, в черную пустоту. Оттуда тянуло запахом тления и застоявшимся воздухом.

— Мы пойдем туда? — спросил лейтенант с легкой дрожью в голосе.

— Ждите меня здесь, — приказал Дак-ир и начал спуск.

— Оставайтесь внутри периметра! — проревел Цуган, заметив, что еще один из людей капитана Маннгейма исчез под землей.

Вдоль поля боя протянулся невидимый барьер, который ярко вспыхивал, когда один из призраков натыкался на него и отшатывался прочь. Огни быстро загорались и угасали, как свет молнии, выхватывая из темноты

застывшие картины. Орудийные расчеты
из всех сил старались удержать темноту, а
сбоку от них поспешно продвигались
длинные и тонкие цепочки пехотинцев,
которые перестраивались в стрелковые
шеренги, достигнув двухсотметровой
отметки. От рядов фаланги катилась
сплошная стена лазерных залпов. Рев
огнестрела --- тяжелых болтеров и
автомашек --- сливался с грохотом
канонады. В такой близости от
пустотного щита вспышки
энергетических импульсов,
сопровождавшие каждое попадание,
сделались ослепительно-яркими и
заставили некоторых солдат надеть
светозащитные очки, несмотря на
темноту. Это было и к лучшему, потому
что мешало различать крадущиеся за
психической завесой Нуриила злобеще
тени и не подвергало риску решимость
гвардейцев.

Коридор, как и предупреждал Нуриил,
оказался узким. Пока солдаты фаланги
пытались шагнуть в одном темне с
Саламандрати, направлявшимися к

передвинутой вперед линии атаки, кое-кто отбивался от товарищей и выходил за пределы завесы. За этим следовал приглушенный крик — и остывшего больше никто не видел. К тому времени как был налажен непрерывный обстрел пустотного щита, исчезло несколько десятков солдат. Саламанграм пока везло.

Сквозь барьер, установленный библиарием, Цуган видел мерцающие белые силуэты отзвуков варна. Они толпились вокруг, разочарованные и озлобленные, и то и дело пробовали завесу на прочность. Хотя сержант и не мог видеть лица эпистолярия под шлемом, по судорожным движениям Нуриила можно было понять, что тот ощущает давление. Сейчас он служил лишь сосудом для рвущейся на свободу силы варна. Сквозь него, как сквозь открытые ворота шлюза, протекала энергия, и Нуриил боролся из всех сил, чтобы направить ее на поддержку псай-щита. Один неверный шаг — и его подхватит потоком. Тогда Цугану придется действовать быстро — остановить библиария, прежде чем его

плоть захватит грубое существо, несущее
смерть всем имперцам: и гвардейцам, и
Саламанграм.

Одна из тварей пробила завесу, приняв
для этого телесную форму, и Цуган
выкинул вперед кулак. Сержанту
почудилось, что он ударил адамантиевую
стену, — боль пронзила кисть и плечо, но
толчка оказалось достаточно, чтобы
отбросить существо. На краткий миг оно
сгинulo в небытии, но тут же
материализовалось по другую сторону
барьера. Древнее лицо призрака кривилось
в злобном оскале.

— Твердые, как железо, ты говорил, —
прорычал Цуган в передатчик, перекрывая
рев усилившейся канонады.

Высоко над головой снаряды
«Сотрясателей» поразили цель — и купол
пустотного щита подернулся рябью.

Емек вышвырнул за психическую
завесу еще одного призрака. Судя по
затрудненности движений
костодесантника, это стоило ему
немалых усилий.

— Может, я слегка их недооценил, —

признал Емек.

--- Слезка, брат, --- язвительно
процедил Цү-ган.

--- Ягон, --- позвал он, --- что
показывают замеры пүстотного щита?

--- Щит слабеет, милорг, --- треснул в
наушниках голос Ягона. --- Но все еще
недостаточно для прорыва.

Цү-ган нахмурился.

--- Бак-ен...

--- Мы должны продвигаться вперед, ---
ответил тот, --- еще пятьдесят метров, и
увеличить давление на щит.

В ста пятидесяти метрах от них
опасность угодить под энергетический
выброс щита или огонь союзной
артиллерии значительно возростала, но
выбора у Саламандр не оставалось. Скоро у
«Василисков» закончатся снаряды --- и
бомбардировка прекратится. Надо было
пробить пүстотный щит до этого.

--- Брат-библиарий, --- позвал Цү-ган, ---
еще пятьдесят метров?

После минутной паузы Нириил слабо
кивнул и двинулся вперед.

Цү-ган переключил внимание на

Фалангу.

— Капитан Маннгейм, мы наступаем.
Еще пятьдесят метров.

Офицер Фаланги ответил кратким подтверждением, после чего вновь принялся воодушевлять своих людей, напоминая им о долге перед Императором.

Против воли космогесантники вынужден был признать, что восхищается капитаном.

Имперские силы возобновили наступление. Колокола продолжали звонить.

Ступеньки оказались узкими. Несколько раз Так-ир чуть не поскользнулся и избежал полета в глухой трак внизу, лишь цепляясь за стены.

Ближе к подножию лестницы он смог определить направление по смутному, грожащему световому пятну. Теплое оранжевое сияние наводило на мысли о свечах или каминном огне. Здесь была еще одна комната, и именно из нее исходил скребущий звук.

Обругав себя за то, что оставил

оружие в госпитальной келье, Дак-ир осторожно миновал неширокий и низкий дверной проем. Костомодесантнику пришлось пригнуться, чтобы войти в запыленную тесную комнатку.

За порогом он увидел ряды книжных шкафов, забитых многочисленными свитками, фолиантами и прочими источниками сакральных знаний. В полукруглых ящиках, опечатанных имперскими аквилами, лежали священные реликвии. По углам были свалены статуи божеств, символы Экклезиархии и алтари. А в центре комнаты старый, закутанный в рясу служитель, сидя за низким столиком, водил пером по пергаменту.

Писец оторвался от работы и, помаргивая усталыми глазами, оглядел ввалившегося в келью гигантского чернокожего воина.

— Приветствую тебя, солдат, — вежливо проговорил он.

Дак-ир кивнул в ответ, еще не зная, как реагировать на увиденное. При входе в комнату его кольнуло чувство опасности, но, когда сержант вступил в круг света,

отбрасываемого единственной свечой
писца, ощущение исчезло.

--- Ты из Муниторума? --- спросил Дак-ир. --- Что ты делаешь так далеко от стратегииума?

Подойдя ближе, костогесантник продолжал осматривать помещение. Оно было затянато пылью и прахом веков и больше напоминало заброшенный склад, чем офис клерка.

Писец растеялся: тонкий, свистящий звук, отчего-то встревоживший сержанта.

--- Посмотри, --- сказал старик, отодвигаясь от своей работы, --- вот что держит меня в этой келье.

Повинуясь словам писца, Дак-ир подошел к столу. Манеры старика странным образом завораживали. Костогесантник уставился вниз, на пергамент.

«Священная Пустошь --- свидетельство последних дней», --- прочел воин.

--- Скала Милосердия не всегда была крепостью, --- объяснил сидящий перед ним старец. --- И она была здесь не одна.

Почерк писца оказался угловатым и неразборчивым, но все же слова получалось разобрать.

--- Здесь говорится, что Скала Милосердия некогда была базиликой, храмом, посвященным Имперскому Кредо...

--- Читайте дальше, милорд, --- действительно проговорил старик.

Дак-ур подчинился.

--- ...и Священная Пустошь была его близнецом. Два бастиона света, сияющих как маяки истины среди темных верований древности, несущие понимание и просвещение Ванорису, --- прочел он вслух. --- В тени Афиута --- еще юного, но гордо взирающего в будущее города --- были воздвигнуты эти оплоты веры. Равны они были друг другу усердием и религиозным рвением, но не силой укреплений...

Дак-ур оглянулся на писца, который пристально уставился на костодекантника.

--- Кажется, ты сказал, что они не были крепостями?

Старец кивнул, понуждая Дак-ура продолжить чтение.

— Первый был воздвигнут на твердом скальном уступе, давшем ему имя, а второй на глине. Это случилось во время Нескончаемого Потопа в 966. М40. В тот год дожди на Ванорисе шли шестьдесят шесть дней, дольше, чем когда-либо на людской памяти. Священная Пустошь погрузилась в ставшую хлябью землю, забрав с собой пятьсот сорок шесть находившихся в ней паломников и священников. В течение трех мучительных дней и ночей погружалась базилика, камень за камнем, и стены ее превратились в склеп для запертых внутри людей. И в течение трех ночей обреченные били в колокола на самой высокой из башен Священной Пустоши, крича: «Мы здесь! Мы здесь!» — но никто не пришел им на помощь.

Дак-ур остановился, когда в душе его начало нарастать ужасное понимание. Ему надо было знать больше. Уже не обращая внимания на писца, воин вновь углубился в текст.

«Большая часть вины

лежит на Афиуме. Стража и обычные горожане не остелились ступить в разрастающееся болото. Опасаясь за собственную жизнь, они даже не попытались спасти гибнущих людей. Они заткнули уши, дабы не слышать колокольный звон, и заткнули двери своих домов, ожидая, пока прекратится дождь. И все это время базилика тонела, метр за метром, час за часом, пока земля не поглотила высочайшие из ее башен. С ними были похоронены заживо все обитатели храма, и колокола наконец затолчали».

Дак-ир обернулся к писцу.

--- Призраки на поле боя, --- сказал он, --- это эхо погибших священников и паломников, навеки звучащее в варне.

--- Ити руководит ненависть, ненависть к жителям Афиума, заткнувшим уши и позволившим ити умереть, --- так же как мною руководит

вина.

«Вина?»

Дак-ир уже собирался задать вопрос, но священник перебил его:

--- Ты уже близок к концу, Хазон, так что читай дальше.

Словно зачарованный, Дак-ир вернулся к пергаменту.

«Этот рассказ --- единственное свидетельство ужасного деяния... Нет. Это мое признание в соучастии. В безопасности оставался я в Скале Милосердия и ничего не сделал, пока братья мои страдали и умирали. Но так быть не должно. Оставляю я это свидетельство на малое искупление, чтобы люди ведали о том, что произошло. В расплату за грех я отдам свою жизнь так же, как отдали свои жизни другие».

На этом текст обрывался --- и только

дочитав последнюю строчку, Дак-ир осознал, что старик назвал его по имени. Воин резко развернулся, чтобы потребовать ответов... но было уже слишком поздно. Писец исчез.

Обстрел «Сотрясателей» прекратился внезапно, как прекращается биение пульса при остановке сердца. Наступившая тишина была похоронным звоном по фаланге и их союзникам Астартес.

--- Все, --- прохрипел Цуган, когда имперская бомбардировка оборвалась. --- Мы пробьется сейчас, или нам конец. Ягон?

--- Щит все еще держится, милорд.

Они находились сейчас лишь в сотне метров от пустотного щита, прорвавшись вперед в последней отчаянной попытке свалить его. Без поддержки тяжелой артиллерии задача казалась невыполнимой. Все это время солдаты фаланги продолжали исчезать, увлекаемые в небытие проникшими сквозь барьер невидимыми руками.

--- Я чүвствую... что-то, --- с тpyдом произнес Нуриил. --- Что-то в пyстотном щите... Как раз за пределом моей досягаемости...

Затратив колоссальные yсилия, библиарий ослабел. Психическая завеса рвалась и больше не могла yберечь от выжидających за ее границами призраков варна.

--- Бyдьте тверды! --- прокричал Маннгейм. --- Солкните ряды и сражайтесь во имя славы, солдаты фаланги!

Гвардейцы держались лишь за счет тyжества и железной решимости, несмотря на то что их товарищей одного за другим поглощала земля.

И снова Цy-ган не мог не восхититься их храбростью. Как охваченный безyмием дervиш, сержант носился вдоль шеренги, сыная вторгшихся под завесy призраков yдарати, от которых сaгнули его pyки и плечи.

--- Саламандры! Сейчас завеса падет! --- воскликнул он. --- Защищайте фалангy. Защищайте товарищей по оpyжию ценой

собственной жизни!

--- Во имя Вулкана и славы Прометея! --- подхватил Бак-ен. --- Да будет он, восседающий на Троне Терры, свидетелем вашего мужества, солдаты фаланги!

Слова Астартес подействовали как глоток живой воды. Вместе с воодушевляющей речью Маннгейма они заставили солдат непреклонно смотреть в лицо почти неминуемой смерти.

Слева от Цугана раздался пронзительный крик боли, и сержант увидел, как Лазар упал, пронзенный бесплотными пальцами.

--- Брат!

Станг и Нор-ган кинулись на помощь Лазарю. Гонорий прикрыл их своим огнем.

--- Держись, Огнерожденный, держись! --- прокричал Цуган. --- Не сдавайся!

Непоколебимо стойкие, Саламандры сражались бы до последнего вздоха, и Цуган дрался бы яростнее всех.

Закаленный в битвах сержант уже собирался вознести предсмертную

политву притарху своего легиона и
Императору, когда в его ухе с треском
ожил приемник вокса.

--- Может, ты и обманул смерть,
изнеец, --- рявкнул Цуган, когда понял, кто
вышел на связь, --- но чему удивляться ---
ведь выживание ты всегда ставил превыше
славы...

--- Заткнись, Зек, и немедленно позови
Нуриила, --- потребовал Дак-ир, назвав
другого костодекантника по имени и
вложив в свои слова как можно больше
настойчивости.

--- Нашему брату сейчас нужно
сосредоточиться, --- огрызнулся Цуган. ---
Не думая, что он может отвлечься на
разговоры с тобой.

--- Сделай это, иначе будет уже
неважно, отвлекается он или нет!

Из горла Цугана вырвалось рычание,
но сержант повиновался: что-то в тоне
Дак-ира заставило его почувствовать
важность просьбы.

--- Брат-библиарий, --- рявкнул он в
коммуникатор, --- наш отсутствующий
брат требует разговора с тобой.

Нириил вытученно кивнул. Обе руки его были подняты в попытке удержать барьер.

--- Говори, --- с трудом прохрипел библиарий.

--- Ты помнишь, что ощущал перед первой атакой? --- быстро спросил Дак-ир. --- Ты сказал, что в щите есть что-то необычное, неправильная энергетическая погоня. Так вот, его усиливают теленатически, чтобы не пустить внутрь эхо варна.

Неустовый обстрел привел к тому, что в щите появилась тонкая трещина --- невидимая глазам смертных, но для магического зрения библиария ясная, как зигзаг молнии. И сквозь этот разрыв Нириил отчетливо различил теленатический ток, образующий собственный барьер. Со словами Дак-ира пришло понимание, а затем и осознание цели.

--- Они хотят отомстить Афиуту, --- пробормотал Нириил, начиная перенаправлять свою психическую энергию и перековывать ее в острый клинок гнева.

--- За соучастие в их гибели больше
тысячи лет назад, --- подтвердил Дак-ир.

--- Я знаю, что делать, брат, ---
просто сказал Нириил.

Голос библиария звенел от
переполнявшей его телепатической мощи.
Нириил сбросил последние узы ---
кристаллическую матричную заглушку,
защищавшую его тело, --- и полностью
открылся варну.

--- Во имя Вулкана, --- проговорил Дак-
ир, прежде чем статика пси-поля оборвала
связь.

--- Брат Цуган... --- Голос Нириила
стал глубоким и с легкостью перекрыл
грохот сражения.

Приливная волна психической силы
захлестнула библиария и окружила
ослепительной пламенной аурой.

--- Сейчас я сниму барьер...

Времени на ответ у Цугана не
осталось. Телепатическая завеса пала, и
внутри устремились отзвуки варна. Небеса
содрогнулись от грома, и бурлящие тучи
распорол красная молния --- варн-шторм
достиг апогея.

Трещина, которую заметил Нириил, уже закрывалась.

--- Удерживайте позиции! --- взревел Маннгейм, когда призраки начали охоту на его людей. --- Продолжайте обстрел!

Огонь сепаратистов, больше не подавляемый имперской артиллерией, обрушился на фалангу. Случайный лазерный заряд угодил в горло Маннгейму --- и тот замолчал.

Цуган заметил, что офицер падает, в тот самый момент, когда Нириила охватило яростное пламя. Побежав к Маннгейму, костогесантник подхватил капитана на руки и увидел, как от сияющей фигуры библиария отделилась огненная стрела. Стрела пронзила пустотный щит и невигимую преграду за ним, целя в сознание противников библиария...

Глубоко в тылах захваченной повстанцами территории, в артированном бункере, частично врытом в землю, расположился кругом отряд псайкеров: их сознания слились, их воля была направлена на то, чтобы набросить

на пустотный щит теленатическую
завесу и не пустить внутрь тень
злodeяния их предков. Только во время
Адовой Ночи, когда кровавая буря бушевала
в небесах и пробуждала в умерших жажду
отплатить за преступление, искусство
псайкеров становилось необходимым.

Псайкеры разразились криками. Их
охватили языки оранжевого огня,
невидимого взору обычных смертных.
Плоть таяла, глаза растекались, как воск
под горячей латной, и один за другим
теленаты сгорали. В бункере стало
невыносимо жарко, хотя столбик
термометра не поднялся ни на градус. За
считанные секунды псайкеры обратились в
пепел -- а с ними и оборона Афиута.

Атмосфера на поле сражения
изменилась. Цуган заметил, что
непосильная тяжесть, угнетавшая
имперские войска с начала второй атаки,
исчезла -- словно незримая рука сняла с них
свинцовые кандалы.

Отзвуки варна растворились в
небытии, как туман под лучами солнца.
Над полем боя повисла тишина -- все

орудия затолчали. Мгновением позже
пустотный щит дрогнул и угас. Его
механический гул сменился криками,
раздающимися со стороны Афиума.

--- Во имя Вулкана, --- выдохнул Цу-
ган, не веря собственным глазам.

Ему не требовалось видеть
происходящее воочию, чтобы понять:
призраки накинлись на мятежников в
Афиуме и убивают там все живое.

Но это был еще не конец. Библиарий
пылал, как готовый взорваться пороховой
заряд. Тело Нуриила спазматически
содрогалось --- псайкер отчаянно пытался
восстановить контроль над выпущенными
им на свободу силами. Сквозь плоть
библиария пробивался неистовый
сверхъестественный огонь. Его языки
безжалостно полыхали, словно кто-то
плеснул в костер спирта. Платя
испепелило нескольких солдат,
оказавшихся рядом с Нуриилом.
Ментальный огонь становился реальным.
Люди задыхались от жара, их тела
обращались в уголь.

--- Нуриил! --- выкрикнул Цуган.

Не выпуская капитана Маннгейта, сержант поднял зажатый в одной руке болтер.

...ты знаешь, что должен сделать.

Он выстрелил Пуриилу в спину --- мастерский выстрел, который пробил легкое библиария, но был не смертельным. Пуриил пошатнулся от удара. Языки пламени вокруг него угасали. Библиарий осел на колени, затем, потеряв сознание, завалился набок --- и огонь наконец потух.

--- Цуган! Цуган!

Лишь через несколько секунд сержант понял, что его зовут. Над полем боя воцарилась удивительная тишина. Красное небо над головой медленно блекло --- буря в варне затихала, и дождь пошел слабее. На горизонте прорезалась серая рассветная полоска.

--- Так-ир...

Ошеломленный, он даже забыл использовать придуманное им для второго сержанта презрительное прозвище.

--- Что там произошло, Зек? Все закончилось?

Маннгейт умер. Цуган осознал это.

когда офицер безжизненно повис у него на руках. Капитан не дрогнул даже на пороге смерти и привел своих людей к победе и славе. Болтер Цугана все еще не остыл после того, как сержант стрелял в Пуриила. С его помощью космогесантники осторожно выжег на груди капитана Маннгейма знак почета — голову Огненного змея.

— Все кончено, — ответил он и оборвал связь.

Сквозь тучи пробилось тусклое солнце. Его лучи копьями упали вниз, освещая клочок земли в глуши, далеко от поля сражения. Цуган не знал, в чем причина, — но, когда сержант смотрел в эту сторону, застарелый гнев отпускал его, и в груди пробуждалось новое странное чувство. Чувство, которому не суждено было удержаться долго.

Сынал дождь. Наступал новый день. Адова Ночь закончилась, но чувство все еще оставалось.

Это был покой.

Митчел Скэнлон

ПОКРОВ ТЬМЫ ^[3]

Эта ночь была идеальной для ведения невидимой войны. Безлунное небо покрывали темные облака, заслоняя свет звезд. Достигнув гребня горы на мотоцикле, сержант Кергис из легиона Белых Шрамов остановился на мгновение и внимательно осмотрел иссушенный пейзаж, расстилавшийся перед ним. Впереди в непроницаемой тьме терялся лабиринт из овражков и канав, который местные называли Колыбелью Вулкана. Это показалось Кергису добрым знаком. Сегодня тьма будет их союзником.

Повернув мотоцикл вдоль извилистого склона горного гребня, который спускался к одному из оврагов, Кергис посмотрел на восьмерых членов его отделения. Они ехали колонной, с выключенными фарами. На дорогах, как и всюду вокруг, лежал толстый слой пыли. Иногда раздавался стук случайно

брошенных вниз небольших камней, но Белые Шрамы продолжали движение со спокойной уверенностью людей, всю жизнь не покидавших седла.

Достигнув подножия горы без приключений, они направились дальше на север, следуя пути, намеченному образом. Большая часть Колыбели Вулкана состояла из открытых равнин, пыльных просторов застывшей лавы, образовавшихся за миллионы лет вулканической активности. Но необходимость действовать втайне вынудила отделение Кергуса идти к цели окольным путем, зигзагами вдоль западных ущелий и образцов, прорезанных дождевой эрозией в покатливой поверхности лавовой долины. Поэтому их дорога через Колыбель оказалась длиннее и сложнее, но для успешного выполнения миссии и необходимо было скрываться от вражеских патрулей.

— Фиксирую движение. — Они тчались через образ, когда в наушниках Кергуса прозвучал голос Арика из Белых Шрамов. — Судя по интенсивности

контакта --- несколько машин, по
показаниям аусника --- они в шести
километрах отсюда, перемещаются к нам
по азимуту двенадцать градусов в северо-
северо-восточном направлении.

--- Перехват? --- спросил Кергис.

--- Нет, --- уверенно отозвался Арик. ---

По тому, как они едут, это обычный
патруль. Если мы будем придерживаться
намеченного курса, не сбавляя скорости,
то, когда они доберутся сюда, нас уже
здесь не будет.

--- Отлично. Сейчас мы не более чем в
километре от гейзерного поля. Езжай во
главе колонны, Арик. Будешь нашим
следопытом, а мы двинемся за тобой.

Сбросив скорость, Кергис уступил
дорогу новому лидеру. На секунду прижав
кулак к груди в жесте приветствия, Арик
занял позицию во главе колонны Белых
Шрамов. Достигнув развилки в образе, он
повернул на восток, Кергис и другие
последовали за ним.

Для обычного человека тьма была
непроницаемой, но благодаря остроте
зрения и автосенсорам госпехов Белые

Шрамы могли с легкостью ориентироваться на запустелой равнине Колыбели и днем и ночью. Та же острота чувств донесла до Кергуса запах серы задолго до того, как показались гейзерные поля.

Во время инструктажа, перед тем как отправиться на задание, техногесантник Тоджу попытался охарактеризовать необычные условия, в которых формировалась география Колыбели. «Планетарная кора здесь тонкая, — объяснял он, — она подобна хрупкой вафле поверх огромого кипящего котла лавы. В некоторых местах кора треснула из-за сильного давления и выпустила на поверхность раскаленную магму».

Там, куда направлялись Белые Шрамы, магма нагревала воду в подземных пластах и из-под земли били гейзеры и горячие источники. Подобное было достаточно распространено на ненадежной вулканической территории Колыбели, но сейчас отделению Кергуса предстояло проехать десятки километров

через самое большое гейзерное поле региона
--- этот маршрут был выбран в надежде
скрыть от врага свое присутствие.

Следуя за Ариком, отряд
мотоциклистов покинул образ и миновал
небольшой участок открытого
пространства, отделявший их от
гейзерного поля. Впереди расстилался
странный, смертельно опасный пейзаж.

--- Не открывайте шлемов и не
отключайте системы респираторов, ---
предупредил Арик, когда они уже были на
гейзерном поле. --- Держите дистанцию
минимум пять метров и двигайтесь по
моим следам. Земля здесь ненадежная.
Если она провалится под весом
мотоцикла, вы окажетесь в кипящей воде.

На имперских военных картах,
которые Кергис изучил перед прибытием
на планету, эта территория была
обозначена как гейзерное поле Септимус.
Однако за ничего не говорящим названием
таилась мрачная реальность. Всю
поверхность здесь покрывали дымящиеся
кратеры. Темнота скрадывала цвета, но
Кергис знал, что внизу кое-где лежит

толстый многоцветный осадок странных красных, зеленых и желтых оттенков, местами расстилаются белые ковры соляных кристаллов --- результат тысячелетних гейзерных процессов, когда минералы вытеснялись из скал подземным теплом и мелкими частицами оседали на поверхности.

Кергис знал, что гейзерное поле прекрасно в дневном свете, но доверять этой красоте не стоит. Из трещин и отверстий вырывались потоки ядовитых газов и обжигающего пара, а густая жидкость, кипящая в некоторых кратерах, была концентрированной кислотой, результатом тех же химических процессов, что оставили на земле разноцветный осадок. Вражеские патрули не зря избегали гейзерного поля --- эта территория была смертельно опасной.

Осторожно следуя по проложенной Ариком тропе, которая вилась между тлеющими кратерами, Кергис проверил показания аусника: не был ли ранее замечен вражеский патруль. Убедившись, что все чисто, сержант остался доволен.

Мощность аусника на его мотоцикле была ограничена, но даже если враги слонялись где-то неподалеку, они бы враг ли заметили его отряд среди гейзеров.

Рев двигателей мотоциклов заглушался шумом стихии. Шипение пара и кипящей кислоты казалось Кергису похожим на звук дыхания, словно они двигались сквозь логово огромного спящего зверя. Уллюзия дополнялась свистом извергающихся гейзеров — Кергис вспомнил торских левиафанов, живущих в океанах Чогориса. Гигантские создания периодически поднимались к поверхности, выпускали огромные облака пара и, набрав свежего воздуха, уходили обратно в глубины.

Впервые Кергис увидел океан только в тринадцать лет, уже встав на путь Белого Шрама, поэтому море и морские твари всегда внушали ему священный трепет. Хотя он был Астартес и не боялся их, они не переставали его удивлять.

Внутри сержантского шлема мигнул ярко-красным сенсор, предупреждающий о

высокой концентрации ядовитых газов в воздухе снаружи. Она уже давно превысила допустимые для жизни человека пределы. Кергис оставил сигнал без внимания. Гейзерное поле являлось смертельным лабиринтом, но их вел Арик, а Арик всегда находил верный путь в самых сложных условиях.

Эта способность была достаточно распространена в их мире. В бесчисленных поколениях жителей Чогориса, всю жизнь передвигавшихся по неверным тропам бесконечных равнин планеты, однажды стали рождаться люди, всегда способные найти дорогу, что бы ни случилось. Они не были псайкераты, они просто обращали больше внимания на скрытые ориентиры вокруг них — ландшафт, погоду, звезды, полагаясь на прошлый опыт, чтобы выбрать самый правильный путь к цели.

Что касается Арика, в его распоряжении имелся более мощный аусник, чем у остальных в отделе, но Кергис не сомневался, что он смог бы провести их через гейзерное поле и без этого устройства. Если бы Арик никогда

не покинул Чогорис и не стал Астартес, он бы все равно оставался следопытом в своем племени и приводил его к источникам воды и лучшим зимним пастбищам.

По мере того как Белые Шрамы углублялись в гейзерное поле, ядовитые облака становились гуще. Вскоре видимость сократилась до нескольких метров. Отряд продолжал двигаться вперед, и каждый воин говорил вслух.

На это Кергис и рассчитывал. Привычка доверять друг другу прочно укоренилась среди его людей. Их братские связи были сильны — связи, возникшие и закаленные в сотнях сражений. Кергис не сомневался, что любой член его отделения с радостью умрет за остальных.

Это была одна из причин, которая привела его в Колыбель Вулкана.

Два дня назад о Тефре VII вспомнил Юрга-хан.

— Это мир имперский уже десять тысяч лет. Великий примарх Джагатай-хан, светлая ему память, участвовал в его освобождении. Но год назад все вернулось на

крүги своя. Хаос захватил эту землю, Кергис. Теперь наша задача -- двинуться по стопам примарха и снова освободить планету. Белые Шралы станут во главе освободителей.

Они стояли на палубе стратегиума ударного крейсера «Воин Долин». Несколько минутами ранее Юрга-хан закончил инструктаж для командиров отделений, бывших под его началом, распределив роли в будущем вторжении. Затем Хан отпустил всех, кроме Кергиса. Даже рабы ордена были отосланы выполнять задания в других частях корабля, они остались вдвоем.

Экраны стратегиума показывали сверкающий полупрозрачный шар, паривший в воздухе, -- голографическое изображение Тефры VJJ. Кергис обратил внимание, что кое-какие из электросетей планеты были подсвечены, -- тонкие золотистые линии опоясывали северное полушарие.

-- Мы нанесем удар сюда, -- произнес Юрга-хан, ткнув бронированным пальцем в бок голографического шара. -- Столица

планеты Чалдис — главный центр их сил. Если мы одержим быструю победу здесь, то сломим сопротивление. Однако город оберегают пустотные щиты, и это будет сложно. Возможны значительные потери.

Кергис кивнул. Вторжение и повторное завоевание Тефры VII представлялось чрезвычайно важным. «Воин Долин» был лишь одним из приблизительно трех десятков имперских кораблей, прибывших к границе планетной системы. А Белые Шрамы оказались единственными Астартес, принявшими участие во вторжении, и им предстояло принять на себя основной удар в ходе первых — важнейших — этапов операции.

— Впрочем, можно обойтись и малой кровью, — продолжил командир.

Он указал на территорию в нескольких тысячах километров к востоку от столицы. Среагировав на его движение, голографический шар повернулся, показывая долину, окруженную горами и образующую большой бассейн. Все золотистые линии электросети вели сюда.

--- Жители планеты называют это место Колыбелью Вулкана, --- сказал Хан. --- Позже Годжу проведет для вас подробный инструктаж по региону и его условиям, но я могу сразу предупредить: там будет не просто. Это вулканическая пустошь. Там нет ничего, кроме...

Хан нажал пальцем на поверхность шара. Голографическое изображение замерцало и превратилось в объемную схему большого производственного комплекса, скорее всего созданную на основе разведывательных снимков. Кергис понял, что завод расположен на склонах действующего вулкана.

--- Это что-то вроде электростанции? --- спросил он, сравнивая схему со зданиями, которые ему доводилось видеть и захватывать в других мирах за время службы в рядах Белых Шрамов.

--- Да, геотермальная, --- ответил Юрга-хан. --- Вы видите электростанцию, расположенную на Узнисе Монсе, самом большом из активных вулканов Колыбели. Годжу расскажет вам, она вроде бы вырабатывает энергию, используя тепло

подземной магмы. На Тефре VJJ мало прометия и других видов топлива, поэтому в древние времена для поддержания жизнедеятельности планеты построили несколько таких станций. Комплекс на Узнисе Монсе питает электроэнергией практически всю западную часть полушария, включая пустотные щиты вокруг столицы.

--- Если станцию разрушить, щиты отключатся.

--- Условно так. Конечно, должны быть какие-нибудь резервные источники на случай аварии. Но системы старые, считается, что их не слишком усердно поддерживают в надлежащем состоянии. А комплекс Монс ценен также тем, что поставляет электроэнергию для систем планетных сенсоров. Если мы разрушим эту станцию, враг останется слепым и беззащитным.

--- Но они же наверняка представляют, насколько она ценна. Цель будет хорошо охраняться?

--- Да, --- кивнул Юрга-хан. --- Для защиты комплекса враг выделит

минимум две тысячи воинов, считая
удаленные караульные посты. Кроме того,
главные дороги на станцию охраняют
бункера и другие защитные сооружения с
автоматическими и противотанковыми
оружиями. Центр расположен глубоко под
землей, орбитальной бомбежкой его не
достанешь. Для захвата Монса
потребуется провести серьезную атаку,
которая выдаст врагу наши намерения, да
еще и оттянет войска с основной операции
под Чалдисом.

— Но есть и другой путь? — спросил
Кергис. Логический вывод из речи Хана
направлялся сам собой. — Скрытное
нападение небольшого отряда, в идеале —
под покровом тьмы. Задание — разрушить
комплекс или хотя бы расстроить его
работу, чтобы враг не мог им
пользоваться. С учетом важности миссии
и немого риска это задание для
Астартес, а не Имперской Гвардии.

— Очень хорошо, — улыбнулся Юргас-
хан. Боевые шрамы поперек его лица
стали виднее. — Может, зря ты не пошел в
Штормовые провидцы, Кергис. Ты просто

читаешь мои мысли.

— Я понял ваши намерения, мой Хан. Когда на инструктаже вы раздавали задания другим сержантам, я удивился, что меня с отделением оставили не у дел. Потом вы отвели меня в сторону, чтобы поговорить наедине. А я знаю, что вы не поступите так без причины. Я догадался, что для меня и моих людей у вас особое задание.

— Значит, все-таки не псайкер. — Хан улыбнулся шире. — У тебя ум как у шахматиста — опережаешь командира на несколько ходов. Я говорил, что ты напрасно не стал Штормовым провидцем, — но, возможно, я ошибался, и твое настоящее призвание — быть ученым.

Доброжелательно улыбаясь, он поднял руку, чтобы заглушить протесты сержанта.

— Уметь острый ум не стыдно, Кергис. В истории говорится, что Джагатай-хан, светлая ему память, был одним из величайших полководцев своего времени. Мы часто упускаем из виду эту черту нашего примарха. Мы чувствуем

воинов за мастерство владения оружием, но забывает, что ум и храброе сердце так же важны для победы, как и крепость тыщ. Я выбрал тебя для этого задания, потому что ты обладаешь всеми тремя качествами.

— Слова моего Хана делают мне честь, — учтиво поклонился Кергис.

— Не более, чем того заслуживает твой характер. — Лицо Хана стало серьезным. — Но были и другие причины. Прежде чем присоединиться к моей роте, ты служил у Корсарро-хана во время Охоты на Волдора. Я знаю, что ты воевал плечом к плечу с десантниками Гвардии Ворона и научился у них некоторым хитростям. Я знаю также и то, что ты передал эти знания и своему отделению. Я слышал, как ты объяснял, что молниеносная атака теряет смысл, если враг знает, с какой стороны она последует. Подобные навыки могут быть важны на Тефре.

Юрга-хан одним жестом убрал голограмму. Когда мерцающий рисунок геотермального комплекса растаял в

воздухе, Хан потрачил. Он опустил руку на панель управления голографическим генератором.

— Есть еще кое-что, Кергис. Другая причина, почему я выбрал тебя для этого задания. Сейчас ты узнаешь, почему я решил угалить всех и провести инструктаж наедине, сохранив его в тайне от остальных.

Юрга-хан занес руку на клавиатурой системы контроля и набрал кодовую последовательность чисел. Голографические генераторы снова загудели, принялись ткать новое изображение.

— Атака на Чалдис начнется чуть более чем через два дня. Вы нападете на рассвете — это значит, что твое отделение должно будет проникнуть в комплекс ночью. Но, кроме отвоевания Тефры VII, для атаки есть и другие причины. Сейчас я покажу тебе кое-что, не предназначенное ни для кого более. Не рассказывай об этом даже своему отделению. Со временем, когда вопрос решится, может, и отпадет нужда в

такой секретности, но пока пусть это останется между нами.

В воздухе сформировалась новая голограмма с пикт-изображением вооруженной фигуры, стоящей наверху пластобетонного бункера.

— Два дня назад флотский истребитель «Молния», оборудованный для дальней разведки, пролетая над Узнисом Монсом, сделал эти пикты, — сказал Хан. — Изображения зернистые, но можно ясно увидеть командира вражеского гарнизона, наблюдающего за диспозицией своих сил.

Еще один взмах рукой — появился второй пикт. Съетка производилась с другого угла, но на изображении та же фигура. Вражеский командир, запрокинув голову, смотрел в небо, поэтому лицо его было видно четче. У Кергуса засосало под ложечкой, так что он едва услышал следующую реплику Хана:

— Он будто знает, что там шпионский корабль, и смотрит на него. Конечно, это невозможно. «Молния» летела на высоте слишком большой.

чтобы ее могли заметить с земли. Но вы же понимаете, почему эти изображения секретны? Темное время пришло, Кергис. На карту поставлена честь нашего ордена.

Кергис кивнул. Все его мысли вертелись вокруг одного: он узнал командира гарнизона. Наверху бункера стояла фигура в белых, пусть и потрепанных, доспехах со знаком молнии. Кергис не мог этому поверить, но он увидел лицо старого товарища — воина, которого он считал мертвым.

Увидел лицо боевого брата — Белого Шрама.

Друга.

Место встречи располагалось в семи километрах от цели. Без приключений оставив позади гейзерное поле благодаря указаниям Арика, Кергис с отделением прибыл на пятнадцать минут раньше условленного времени. Они спрятали мотоциклы в овражке, бывшем когда-то руслом ручья. Оставив бойцов охранять машины, Кергис и его заместитель Гурбан поднялись по восточному склону нешком, чтобы проверить обстановку.

--- Броде тихо, --- шепнул Гүрбан, просканировав территорию ручным аусником. --- Вражеских патрулей не вижу. Но Балата с его людьми тоже нет.

Балатом звали сержанта Десятой роты Белых Шрамов. Когда Кергису было сказано, что, не доходя до цели, он будет должен встретиться с отделением скаутов Балата, он остался доволен. Они с сержантом-скаутом были старыми приятелями. Прежде чем Балат перешел в Десятую роту, они отслужили вместе не один десяток лет. Когда-то Балат был сержантом роты, в которой Кергис состоял боевым братом, поэтому он всегда считал старшего товарища своим наставником.

--- Я бы больше удивился, если б мы действительно их увидели, --- ответил Кергис.

Он поднял руку с отведенным в сторону большим пальцем, давая знак отделению, что все чисто, но следует соблюдать осторожность.

--- Смотри в оба, --- сказал командир Гүрбану, собираясь уходить. --- Холмы

могут сыграть с аусником злую шутку. Иногда появляются слепые пятна, не просматриваемые сенсорами. В полусотне метров от нас может скрываться отряд, а мы и знать не будем.

Будто в подтверждение его слов, тишину разорвал птичий крик. Кергис узнал его — это было карканье бритвоклюва, пагальщика с равнин Чогориса. Ожидая сигнала, Кергис успел снять шлем. Когда-то давно на планете Квинтус костюмодесантник из Гвардии Ворона по имени Мелиеракс рассказывал ему, что голосовые динамики в шлемах Астартес искажают звучание голоса, — случайный слушатель вряд ли поверит, что это настоящий птичий крик.

Кергис ответил троекратным свистом, подражая другой чогорийской птице. Карканье прекратилось. Спустя мгновение он увидел фигуры, двигающиеся к ним в темноте. Кергис держал руку на болт-пистолете, готовый открыть огонь, если это вдруг окажется вражеская ловушка. Но, когда фигуры приблизились, он узнал в одной из них сержанта Балата.

— Ряд тебя снова видеть, — сказал он, пожимая Балату руку, как только скауты присоединились к его отделению в обвале. — Какова ситуация?

Прежде чем ответить, командир скаутов дал сигнал своему отделению занять наблюдательные посты вокруг укрытия.

— На этой территории чисто, — сказал Балат. — Вражеские патрули не любят подходить так близко к гейзерному полю, опасаются случайных ядовитых облаков. Но подстраховаться не помешает.

Убедившись, что его отделение перекрыло все подступы к месту их расположения, Балат прогулялся с Кергисом по дну обвала, а когда они достаточно удалились от остальных, сказал:

— Мы приземлились на планету сорок восемь часов назад. За это время враги утроили число патрулей. Весь регион кипит бурной деятельностью.

— Думаешь, они засекли наше прибытие?

— Возможно, — пожал плечами

Балат. -- Мы прилетели на «Грозовом
ястребе» вместе с вами. Пилоты
старались провести нас под сенсорной
сетью врага, но вполне возможно, что нас
заметили. Впрочем, даже если это и так
-- не похоже, чтобы нас активно искали.
Мы не засекли ни следов воздушной
разведки, ни зондирования с помощью
ауспигов. Видимо, они усилили патрули в
ожидании опасности, а не в ответ на наше
прибытие.

-- Вполне может быть, -- согласился
Кергис. -- Они наверняка знают, что скоро
начнется завоевание. Возможно, заметили
наши разведывательные полеты и
сообразили, что основной целью станет
электростанция. А патрули усилили в
качестве предосторожности.

-- Пусть даже и так, но почему они не
задействовали воздух и ауспиги? --
возразил Балат. -- Зачем полутеры, если
они знают о скором завоевании? Они
должны понимать, что рельеф Колыбели
позволяет провести тайное нападение.
Логично было бы постараться
предотвратить его.

Балат раздраженно потряс головой. Он был стар даже по меркам Астартес. Четыре столетия оставили на его лице следы, и множество боевых шрамов были знаками его заслуг. Кергис слышал, что когда-то Балат почтительно отказался от должности Магистра Караула на Чогорисе. Он попросил оставить его простым сержантом и перевести в Десятую роту, чтобы он мог передать свои умения новым поколениям Белых Шрамов. Сам учившийся у Балата, Кергис не сомневался, что скауты ордена станут лучшими воинами.

--- Все же не стоит удивляться, если разгадать планы врага будет сложно, --- сказал Балат. --- В битве с Хаосом было то же самое. Помнишь Цернис? Мы думали, что застанем там Волгория врасплох, но он оказался готов к нашему прибытию.

--- Полню, --- кивнул Кергис.

Он ненадолго воскресил в памяти ту битву в морозных пустошах, гонку по ледяным полям, образы чудовищных противников, с которыми они

схлестнулись под всполохами полярного сияния. Перед внутренним взором встали и другие битвы: он подумал о Кавелле и ледяном Зоране, о подземных ульях Моганны и оружейных башнях Квинтуса, вспомнил и о встрече с Кровавым приливом. Кергис прошел глинный путь и многое пережил. А Балат был его учителем, и каждая битва стала уроком.

--- Так было всегда, --- продолжал скаут-сержант. --- Из всех наших врагов Хаос наиболее вероломный, а его воины --- самые хитрые.

Вдруг Балат замолчал. Пристально посмотрев на Кергиса, он скорчил гримасу.

--- Ты улыбаешься. Я сказал что-то смешное?

--- Прости меня, арбан, --- ответил Кергис, заменив слово «сержант» традиционным чогорийским аналогом. На самом деле его точное значение всего лишь «предводитель десяти», но среди Белых Шрамов это слово имело намного больший вес. Такое обращение не было закреплено официально, его использовали, когда говорили о сержанте, чья доблесть и

твёрдость высоко ценились. Слово «арбан» стало знаком чести и уважения. -- Ты напомнил мне о прошедших днях, когда я служил в твоём отделе боевым братом, сразу после назначения, -- продолжил Кергис. -- Чтобы стать Белым Шрамом, я прошёл испытания, которые вряд ли осилит один из десяти тысяч. А в первый день ты велел мне поубавить спесь.

-- И был прав, -- нахмурился Балат. -- Самоуверенность -- опасный порок для воина. Она ослепляет его и не даёт видеть собственные слабости и силу врага.

-- Да, -- согласился Кергис. -- Ты научил меня, что означает быть настоящим Астартес. Ты сделал из меня лучшего воина и лучшего слугителя ордена и нашего Хана. А улыбался я потому, что уроки продолжаются. Хотя и прошёл целый век, я до сих пор твой ученик, а ты мой учитель. Я улыбался, потому что твои мотивы понятны. Сказав о Хаосе и наполнив мне о Волдори, ты не просто болтал, чтобы убить время. У тебя была какая-то конкретная цель.

--- Я никогда не умел говорить намеками, --- неохотно признал Балат. --- Мне сообщили все подробности твоего задания, включая информацию о том, кто командует вражеской стороной.

--- И ты боялся, что мне придется напоминать о воинском долге?

--- Нет, не об этом. Ни в коем случае. ---

--- Балат продолжал пристально всматриваться в лицо Кергуса. Теперь его взгляд стал более испытующим и пронизательным. --- Я хотел напомнить тебе, что Борчу уже нет. Пусть не угрожает твоя рука, если вдруг ты вспомнишь о минувшей дружбе. Пусть удар будет быстрым и смертельным. Если ты станешь колебаться, враг этим воспользуется.

--- Разумный совет, --- снова кивнул Кергус. --- Я обязательно ему последую, обещаю.

Он бросил быстрый взгляд поверх головы собеседника. Небо было темным и затянутым облаками. Ночь крепко держала Колыбель в своих объятиях.

--- Сейчас мне и моему отделению

наго подготовиться. Темнота не будет длиться вечно, а нам нужно быть в Узнисе Монсе до рассвета.

Скоро стало ясно, что Балат со своими скаутами не терял времени. За второе суток в Колыбели Вулкана они изучили все линии защиты вокруг Узниса Монса, сами при этом оставаясь незамеченными.

Эти сведения могли оказаться жизненно важными для выполнения стоящей перед отделением Кергуса задачи. Командир скаутов набросал положение кольца караульных постов, минных полей и скрытых бункеров, защищающих Монс. Затем показал маршруты всех вражеских патрулей и сообщил графики их движения. Он даже подготовил карту с обозначенным на ней оптимальным путем доступа к цели. Кергис, изучив карту и не найдя недочетов, приказал своим людям заполнить ее.

Как только Балат передал данные разведки, обе группы разошлись.

По предварительному плану задания,

скауты должны были оставаться и прикрывать линию отступления отделения Кергуса. У них же следовало пристроиться за мотоциклами. Цель была уже достаточно близка, чтобы обойтись без машин, — шум двигателей мог выдать отряд. Как ни больно было Белым Шрамам оставлять мотоциклы, выбора не оставалось. Дальше они двинулись пешком.

Но задание требовало от них не только этого. Обычно минимум два человека в отделе имели телты или другое тяжелое оружие. Однако для выполнения поставленной задачи в Колыбели они не взяли его с собой, чтобы унести больше взрывчатки. У каждого члена отделе имелся серый поликожаный ранец со взрывчатыми веществами и детонаторами — как раз то, что нужно, чтобы подорвать электростанцию. Для облегчения ноши при них были только болт-пистолеты, ножи и лишь кое-что из тяжелого вооружения.

— Да пребудут с тобой духи твоих

предков, -- напутствовал его Балат, после того как приготовления были завершены, а Кергис собрался идти. Остальная часть отделения Кергиса стояла рядом, наблюдая, как два сержанта еще раз пожали друг другу руки на прощание.

-- Да наставят и охранят они тебя. Да уберут камни с пути твоего и повергнут врагов твоих в скорбь.

-- Да пребудут и с тобой духи твоих предков, -- ответил Кергис, завершая традиционное чогорийское прощание. -- И да будут они всегда рядом.

На удивление Кергиса, Балат не отпустил его руку после завершения ритуала прощания. Вместо этого, он нагнулся вперед и прошептал несколько слов -- так, чтобы не слышали другие:

-- Удачи. Я знаю, какой ты совершил выбор. Он делает тебе честь. Но не думай, что это наша последняя встреча. Мы увидимся снова, Кергис. Я на это рассчитываю.

-- Надеюсь, ты прав, арбан, -- тихо ответил Кергис. -- Все сложится так, как сложится. И что бы ни случилось, знай,

что я всегда ценил твои советы.

Их руки разошлись. Больше сказать было нечего. Кергис отвернулся и занял место во главе отделения. Взмахнув рукой, он отдал приказ двигаться. Миновала уже половина ночи, и они не могли позволить себе терять ни минуты. До цели оставалось семь километров дороги.

Он все же оглянулся, когда шел с отделением по тропе через овраг. Балат, глубокомысленно кивая, совещался с одним из своих скаутов. Затем овраг вильнул, и Кергис потерял старого наставника из поля зрения.

Он не думал, что увидит его снова.

Проникнуть в тыл Узниса Монса оказалось проще, чем ожидал Кергис. Хотя предупреждения Балата о повышенной активности противника подтвердились, караульные посты и патрули, охранявшие подходы к твердыне врага, были на удивление плохо организованы и выполняли обязанности спустя рукава. Кергис не сомневался, что вражеские войска будут

фанатично гратся до последнего человека, чтобы отразить имперское завоевание. Но когда дело доходило до более монотонной части военного дела: ночных патрулей и долгих скучных часов в карауле — заметно сказывалось отсутствие дисциплины.

Даже когда Кергис с отделением приблизились к нижним склонам Монса, недостатки в организации вражеской обороны — те же самые — уже были очевидны. Любой мало-мальски компетентный командир приказал бы расчистить пространство, чтобы, обороняясь, простреливать каждый сантиметр поверхности. Сейчас же всю территорию покрывали катенистые выходы породы, заплатки жесткого кустарника да кое-где невысокие выступы застывшей лавы.

Неровности ландшафта позволили отделению незаметно подобраться к самой цели. Караульные на постах были невнимательны, и люди Кергиса достигли Монса, ни разу не достав ножей.

Внезапно, когда Кергис уже взбирался

по склону, он услышал приближающиеся голоса. Стараясь не шуметь, он дал знак своим людям оставаться в укрытии и сам нырнул в тень огромного валуна. Голоса становились отчетливее. Кергис ждал. В руке он держал нож с лезвием, затертым вулканической пылью, которая приглушала блеск.

Говоривших было двое. Когда вражеский патруль (а это был именно патруль) приблизился, Кергис начал различать слова. Патрульные тихо спорили, даже не пытаясь скрыть свое присутствие, и вскоре Кергис знал, что их назначили в патруль в наказание за ненадлежащее прочтение литании во время недавнего ритуального подношения. За эту неудачу каждый винил другого.

Они подошли еще ближе, и Кергис понял, насколько незначительным было их злодеяние по сравнению с тем, что стало его причиной, — закланием невинных людей в жертву богам Хаоса. Патрульных же больше беспокоило недовольство их непосредственного начальника.

— Старшой Грелл наказал нас ни за

что, — бурчал тот, что слева. — Литания
глинная, а иерарх читает так быстро —
сложно за ним поспеть. Между прочим,
сам старшой ее не лучше нас знает. Ему
вообще левая работенка досталась —
держат блюдо для крови. Поостерегся бы,
а то кто-нибудь шепнет иерарху, что он
делает с жертвами, предназначенными
для ритуала.

Это были его последние слова.
Пропустив патрульных мимо, Кергис
бросился на того, который говорил, закрыл
ему рукой рот и перерезал ножом горло.

Заметив движение, второй
патрульный повернулся к напарнику. При
виде Кергиса его глаза расширились, он
попытался поднять автоган, но умер
задолго до того, как успел выстрелить. Из
темноты за его спиной вынырнул Гурбан и
проделал с ним то же, что Кергис с
первым патрульным.

— Трупы заберем с собой, — шепнул
Кергис Гурбану, осмотревшись и
убедившись, что убийство патрульных
прошло незамеченным. — Если бросить их
в туннелях, намного меньше шансов, что

их найдут.

Гүрбан кивнул. Кергис не поблагодарил его за ликвидацию второго патрульного ни единым жестом, но Гүрбан этого и не ждал. Зная, что бойцы неподалеку, Кергис был уверен, что один из них подстрахует его во время атаки. Если бы расположение оказалось другим и из-за внезапного прихода патруля открылось бы местонахождение одного из солдат, Кергис поступил бы точно так же, как Гүрбан. Среди Белых Шрамов такие действия воспринимались как должное. Братья Астартес полностью полагались друг на друга.

Неподалеку оставшаяся часть отделения вышла из укрытия. Жестом пригласив их подойти, Кергис дождался, пока все соберутся вокруг него.

— Выход в туннели там, — шепнул он, указав на часть склона поблизости. Посмотрев на лица воинов вокруг него, он отдал распоряжения нескольким бойцам: — Я пойду впереди. Осол, поможешь Гүрбану нести тела. Дошин, присыпь кровь на земле и замети наши следы. Арик, ты

идеешь со мной. Остальные --- за нами.

Группа рассыпалась, отделение принялось выполнять приказы командира. Взираясь на склон вместе с Ариком, Кергис оставался начеку, выстатривая врага. Нижняя часть Узниса Монса была почти ровной, но выше склоны вулкана становились круче.

В двух километрах впереди Кергис видел гытящуюся вершину Монса. Ее освещал тусклый красный отблеск озера лавы, скрытого внутри. Они поднимались по северному склону, и, хотя геотермальный комплекс располагался на южном, отделение строго соблюдало меры предосторожности. Самая опасная часть пути была еще впереди.

--- Я вижу люк, --- шепотом передал Арик сообщение по защищенному каналу вокса. --- Он в низине, в тридцати метрах, три градуса на юго-юго-запад.

--- Я его тоже вижу, --- ответил Кергис. --- Дай остальным сигнал держаться сзади, на случай если враг приготовил для нас какой сюрприз.

Пока Арик жестами передавал его

приказы отделению, Кергис осторожно пересек склон.

Кратер вулкана и склоны были пронизаны туннелями для оттока горячей магмы и предотвращения извержения Узниса Монса. Те же самые туннели направляли магму для нагрева пара, который затем вращал турбины, производящие энергию для городов планеты. От имперских беженцев, спасшихся после падения Тефры VJJ, стало известно, что некоторые коридоры под Узнисом Монсом не использовались столетиями. Если информация была верной, Кергис со своим отделением мог с их помощью проникнуть в энергетический комплекс прямо под носом у врага.

Люк доступа в туннели располагался в неглубоком колодце из пласкрита для защиты от выбросов. Несмотря на это, его поверхность была выщербленной и ржавой. Похоже, им давно не пользовались.

Проверив сперва, не горячо ли, Кергис взялся за колесо, открывающее запор, и попробовал его повернуть. Люк держался крепко — заграенная столетия назад,

внутренняя система явно заржавела. Постепенно увеличивая нажим, чтобы подарованной ему геносеменем силой не расколоть колесо прямо в руках, Кергис удалось медленно повернуть его на пол-оборота.

Пронзительный скрип открывающегося люка разорвал тишину ночи. Будучи готовы к тому, что на звук встретится половина патрульных Колыбели, Кергис и Арик на какое-то время затаились, тщательно осматривая окружающую территорию. Они не заметили никакого движения, -- видно, оставшиеся патрули были слишком далеко, чтобы их услышать.

-- Быстро, -- сказал Кергис. -- Как только я дам отмашку, пусть отделение идет за мной. Не хочу испытывать судьбу больше, чем это необходимо.

В темноте туннеля стояла тишина. Воздух был сырой и теплый, ощущался слабый запах серы, -- видно, из-за близости действующего вулкана, подумал Кергис. Информация, полученная от беженцев, подтвердилась: похоже, туннель

не использовали.

Внутреннюю его поверхность покрывали потоки лавы, толстый слой пыли явно никто давно не тревожил. Выпрямившись, Кергис подал сигнал Арику, что все в порядке.

Вскоре к нему присоединилась остальная часть отделения. Когда внутри проник последний воин, Дошин закрыл люк. Турбан и Осол свалили тела патрульных к стене туннеля.

— Мы будем идти вперед колонной по одному, — сказал Кергис отделению, когда они были готовы двигаться дальше. — Если встретим врага, пустим в дело мечи и ножи. Болт-пистолеты использовать в самом крайнем случае. Эхо от выстрела может отозваться по всей длине туннелей и привлечь внимание.

Убедившись, что отделение поняло задачу, Кергис повернулся лицом к тьме. В туннелях трек стоял еще более плотный, чем наверху.

На шлеме у каждого бойца крепился компактный люминатор, и Кергис дал сигнал включить их. Тусклый свет

прорисовывал пространство прямо перед
ними, чуть дальше туннель растворялся в
темноте.

У отделения была схема коридоров,
копия давнишнего исследования из архивов
планеты — одного из тысяч документов,
которые планетарный губернатор
захватил с собой во время эвакуации.
Кергис подумал, что лучше бы губернатор
потратил больше времени на защиту
планеты, чем на спасение заплесневевших
пергаментов, он подозревал, что
решающую роль в этом сыграла трусость.
Оставалось надеяться, что за тысячи лет,
прошедших со времени этого исследования,
схема туннелей изменилась
несущественно.

— Пошли, — сказал он отделению.

Они начали марш вперед, в темноту.

Час спустя они уже значительно
продвинулись вглубь. Схема оказалась
точной, и отделение двигалось быстрее,
чем рассчитывал Кергис. Люминаторы
светили неярко, но это не было проблемой.
Через несколько минут глаза Белых
Шрамов стали привыкать к тьме, и

вскоре они видели в туннелях так же хорошо, как в безлунную ночь на подходе к Узнису Монсу.

По прикидкам Кергуса, им оставалось идти еще три четверти часа.

— Быстрее, — сказал он своим людям. — Напасть легче, если атака придется на середину стены рабочих, когда они будут уставшими и медлительными. Удваивает скорость.

Не жалуюсь, десантники последовали его примеру и побежали трусцой.

Им требовалось напасть в аппаратную, самую важную часть комплекса, из которой видна была работа лавовых туннелей. Белые Шраты несли с собой взрывчатку — Кергус надеялся, что ее более чем достаточно, чтобы уничтожить системы контроля, управляющие движением лавы. Еще на ударном крейсере технодесантник Годжу, приставленный к их группе, подробно проинструктировал отделение, рассказав, как выглядит каждый элемент контрольной аппаратуры и где следует устанавливать заряды для наибольшего

эффекта. В случае успеха операции геотермальный комплекс будет разрушен.

Это станет горькой пилюлей для обитателей Тефры VJJ. Если вторжение пройдет успешно, недавно освобожденное население западных регионов останется без электроэнергии. Но необходимость победы перевешивала прочие соображения. Сначала Тефру VJJ нужно вырвать из когтей Хаоса.

По сравнению с этой благородной целью все остальное казалось неважным.

---

* * *

Белые Шраты прошли еще полкилометра, прежде чем поняли, что в туннелях есть охранники. Охотники по природе, эти охранники не были такими небрежными, как патрули, защищавшие склоны Монса. Они не выдавали своего присутствия громкими шагами или болтовней. Они и людьми-то не были.

Кергис с отделением достиг места,

где туннель внезапно переходил в широкий открытый резервуар минимума сто метров в длину и столько же в ширину. Высокий потолок большей частью терялся во мраке, но Кергис видел, что он слегка закруглен. Пол помещения был неровным, покрытым застывшей лавой.

Осторожно войдя под полукруглый свод, Кергис обратил внимание, что в стенах зияют входы в десятки других туннелей, некоторые из них находились высоко над полом.

--- Как вы думаете, что это такое? --- спросил Гурбан, вслед за Кергисом выходя в зал.

Соблюдая тактику ордена, остальные бойцы отделения держались сзади, у выхода из туннеля, готовые прикрыть их в случае засады.

--- Может, что-то вроде сливной камеры? --- пожал плечами Кергис. --- Если Годжю здесь был, может его потом спросить.

Он вывел схему на дисплей шлема, но этой камеры не обнаружил.

--- Что бы это ни было, его построили

после того исследования. Но тоже давно. Работа по катню явно старинная. Что там с показаниями аусника?

--- Все чисто, --- сообщил Гүрбан, проверив показания налагодника. --- Впрочем, данные могут быть ненадежны. Стены туннеля теплые, а кое-где и горячие. Думаю, некоторые из этих неиспользуемых туннелей идут параллельно потокам лавы. Перепады температуры искажают показания аусника.

--- Понятно, --- сказал Кергис. Он обратился к отделению по воксу: --- Данные аусника сомнительны. Мы с Гүрбаном остаемся в центре. Осол, ты идешь последним и прикрываешь всех с тыла. Остальные --- рассредоточьтесь. Двигается осторожно.

С ножами наготове, Белые Шрамы рассыпались по всей камере. Став во главе вместе с Гүрбаном, Кергис вспомнил те уроки, которые усвоил в бытность скаутом, а потом и боевым братом на попечении у Балата. Поскольку в камере вело множество туннелей, мест для

засады тоже было достаточно. Вместо того чтобы обратить внимание на какую-то конкретную точку, Кергис расширил восприятие и попытался воспринимать окружающее целиком, полагаясь на инстинкты своего пехотной брони, которые постоянно сообщали ему новые сведения. В первую очередь он был готов реагировать на любые признаки движения, визуальные и звуковые, из различных туннельных входов вокруг него. В то же время он прислушивался, не прозвучит ли предупредительный сигнал от других Белых Шрамов, ведь каждый из них был дополнительной парой глаз и ушей для своих братьев.

В конце концов о присутствии врага ему сообщило обоняние: он почувствовал еле уловимую вонь. Запах животного, знакомый, но почти не ощутимый.

--- Контакт! --- крикнул Гурбан, предупреждая остальных, как только ауспик у него в руке внезапно издал серию звуков, показывая близость врага. --- Их не меньше десятка. Они нас окружили...

Далее уже никто не слушал --- первые

существа появились из засады и ринулись в атаку.

Кергис сперва заметил краем глаза метнувшиеся к нему слюнявые челюсти, затем только разглядел их обладателя. Он встретил нападающего взмахом меча. Клинок свистнул в воздухе. Удар настиг существо на середине прыжка, лезвие вонзилось ему в бок. Раздался крик, брызнула горячая кровь.

Ее запах смешался со звериной вонью, которую Кергис почувствовал еще до появления противников, но теперь она была сильнее. Кергис вспомнил этот запах, знакомый ему по множеству стычек на десятке планет, — так пахли злоба и разложение.

Из ближайшего туннеля появилось еще одно существо и прыгнуло к нему. На этот раз у Кергиса было больше времени, и он смог полностью рассмотреть нападающего, прежде чем они столкнулись. Для любого, кто не Астартес, эта тварь стала бы воплощением чистого ужаса, порождением ночного кошмара.

Росту в ней было около двух метров в длину. На поджаром хищном теле выступали сильные мышцы, а голова по сравнению с телом казалась большой. Лапы заканчивались острыми когтями, оставлявшими глубокие царапины на лавовой поверхности во время бега. Длинный выступ на морде был усеян рядом огромных, тесно расположенных клыков. Если первого зверя покрывала тусклая шерсть, то безволосость второго вызывала отвращение. Серая кожа его имела нездоровый пепельный оттенок.

Когда существо ринулось на него, Кергис увидел, как из отверстий в его плечах выдвинулась пара костистых крючьев, готовых к удару вместе с челюстями. Кергис взмахнул мечом в последний момент, когда зверь уже почти достал его.

Удар оказался смертельным — он раскроил пополам череп.

Уже мертвое, тело продолжало двигаться по инерции. Увернувшись, Кергис услышал, как оно врезалось в землю за его спиной.

После смерти второго нападающего Кергис получил короткую передышку и быстро окинул взглядом своих воинов. Все отделение было втянуто в битву, кто-то дрался ножом, кто-то свистел в воздухе ценным мечом. Бойцы защищались от зубов и когтей созданий, похожих на тех, что только что убил Кергис.

Сержант развернулся, чтобы помочь боевым братьям, — и тут же упал, получив удар сбоку.

Он слишком поздно понял, что твари нападают по трое.

Прокатившись по земле, Кергис встретился взглядом с парой красных злобных глаз. Третий зверь оказался крупнее предыдущих. Он навалился Кергису на грудь всем своим весом, а руку сжатую в ней мечом стиснул в челюстях. Кергис пытался освободиться, но хватка зверя была крепкой.

Существо сильнее сжало челюсти. Кергис не поверил глазам: зубы чудовища оставляли борозды на кератиновом покрытии доспехов. Поверхность пошла сетью мелких трещин. Казалось, что

существо способно разгрызть броню, если
дать ему достаточно времени. Не в силах
задействовать меч, зажатый в
заблокированной правой руке, Кергис сумел
высвободить другой рукой нож и ударил
зверя что было сил.

С усилием прорвав толстую кожу,
клинок проскользнул в тело — но, похоже,
монстр не заметил удара и еще сильнее
вцепился в руку.

Кергис выдернул нож и ударил снова.
И еще раз. Лезвие летало вперед и назад,
превращая бок существа в кровавое месиво.
Кергис отчаянно пытался его убить.

В конце концов его усилия были
вознаграждены — зверь, продолжая крепко
держат в зубах руку с мечом, внезапно
закатил глаза и умер.

Кергису было плохо видно других
Белых Шратов из-за лежащего сверху
тела, но, отдышавшись, он понял, что
борьба вокруг него подошла к концу. Удары,
выкрики людей и рев зверей стихли.
Слышались только странные, печальные
завывания вдаль.

Не понимая, что это такое, Кергис

спихнул с себя тело существа. Смертельную хватку разжать не удалось, поэтому он высвободил силовой меч и взял его в левую руку. Активировав лезвие, он отсек челюсти мертвого животного.

Посмотрев на отметины, оставленные клыками на доспехах, Кергис задумался, сколько времени понадобится этой твари, чтобы прокусить броню насквозь.

Теперь, когда зверь был мертв, Кергис обратил внимание, что он отличался от остальной стаи. Рассмотрев с десяток убитых монстров, лежавших на полу, он увидел, что каждый лишь немногим походил на остальных. Здесь были шерсть и броня, вытягивающиеся челюсти и ядовитые клыки, жала с каплюющей из них едкой отравой и фасетчатые глаза, как у насекомых; иногда все это присутствовало на теле одного существа. При этом все твари напоминали друг друга, пускай и совсем немного, — как будто каждую рисовали по одной схеме, но по памяти и весьма приблизительно.

--- Уроды, да? --- прозвучал голос Арика.

Взглянув по сторонам, Кергис увидел, что отделение собралось вокруг него. Несмотря на то что противники были сильны и смертельно опасны, его воины вышли из боя невредимыми.

--- Кто это такие? --- спросил Осол. Он был самым младшим в отделении и прослужил боевым братом от силы лет пять.

--- Стая на охоте, --- ответил Кергис. --- Хаос может разбойничать в десятках, даже сотнях миров. Иногда они ловят устрашающие экземпляры местных животных, особенно хищников. Некоторых оставляют для развлечения, а остальных скрещивают, создают гибридных монстров и тренируют их охотиться стаями. Используя силы Хаоса, они могут объединять очень разные организмы, создавая хитеры наподобие этих. Мы уже сталкивались с ними раньше, и не раз. Всегда такие существа выглядят по-другому. Но запах не меняется.

--- Они оставили их здесь, потому что знали, что в туннели могут проникнуть

лазутчики, — сказал Арик. — Умейте вы
выдуг, что шум драки мог выдать врагу
наше присутствие.

— Необязательно, — покачал головой
Кергис. — Мы глубоко под землей, и никто
не стрелял из болт-пистолетов. Враги
не могли не услышать этой драки. А если и
услышали, то решили, что стая нас
растерзала. Меня сейчас больше беспокоит
этот вой из коридоров.

Звук тежгу тем становился громче:
существо, издающее его, приближалось. За
весь свой долгий срок службы Кергис
никогда не слышал ничего подобного. Это
был пронизывающий, глинный, хриплый
воя, он становился то выше, то ниже, но
не прекращался ни на секунду. Вой
изматывал, грубо врываясь в сознание.

Кергису хотелось верить, что
человеческий голос не способен на подобное,
но звук передавал слишком человеческие
эмоции. Кергис узнал его — порождение
ярости и безумия. В его основе лежал
белый шум — будто звук транслировали по
вокс-связи, но это не скрывало чистую
бурлящую эмоцию. Кергис различал в

голосе гнев, горе и боль предательства. Но, кроме того, он слышал и нотки безумия.

— Это началось где-то в середине боя, — сказал Арик. — Охотничья стая при его звуках бросилась врассыпную.

— Рассредоточьтесь, — приказал Кергис отделению. — Оно приближается, и оно враждебно. А раз оно испугало стаю, то наверняка опасно для нас.

Вой стал еще громче. Хотя звук отражался от стенок камеры, было понятно, из какого туннеля он исходит. Выйдя вперед, Гурбан поднял ауспик, пытаясь считать данные.

— Большое, — сказал он. — Судя по размеру контакта, еле помещается в туннеле.

— Проверьте болт-пистолеты и телтазаряды, — сказал Кергис, когда Гурбан снова присоединился к Белым Шрамам, стоящим посредине камеры. — Но не используйте их без моего приказа. Если это возможно, ограничьте холодным оружием.

На самом деле он сомневался, что мечи справятся с тем, что с минуты на

минуту должно было показаться из
отверстия туннеля, но все равно решил
попробовать, пока еще был шанс оставить
их миссию необнаруженной.

Звук превратился в оглушающий рев.
Кергис нажал руну активации на силовом
мече, увидев появившуюся из туннеля
темную фигуру.

Разглядев существо, Кергис понял,
что он со своим отделением попал в
переплет.

Его имя давно пребывало в забвении.
Если те, кто держал его сейчас в плену,
звали его как-то, это было слово «Шүлок-
ак-алит-нег» — что означало «он воем без
конца» на искаженном арго главарей
военной банды. Коротко его называли
Шүлок.

Он не имел привязанностей. Его
настоящее имя было потеряно в тот день,
когда его предали братья.

Когда-то он был красив и хорошо
сложен, силен телом и духом. Он был
Астартес. Когда его братья восстали
против Императора, он последовал их
примеру. В конце концов они потерпели

поражение в борьбе, но утешали себя тем, что помогли нанести смертельный удар Императору и всем его деяниям.

Прошли годы, и оказалось, что они ошибались. Последователи Императора отказались признать его отречение от престола. Они посадили его на золотой трон и сделали из него подобие бога, чтобы он управлял завоеванной галактикой. Трудно поверить, но Империя, которую он основал, процветала и становилась сильнее.

Разозленные таким поворотом событий, Шүлок с братьями стали нападать на владения Императора. Полные горечи и желания отомстить за поражение, они стремились уничтожить их.

На самом деле больше не было великой стратегии или благородной цели. Когда-то они начали войну за идею. Но поражение изменило все. Теперь они просто убивали ради самого убийства. Они воевали, чтобы нести врагам разрушения, не думая о высоких идеалах или последствиях.

Но к лнению существа, которое стало
Шүлоком, это были прекрасные времена. С
годами его воспоминания потеряли
яркость, но он помнил пьянящее чувство
свободы. Он играл среди звезд вместе со
своими братьями. Он узнал, что такое
победа и слава.

Но однажды он утер.

Шүлок хорошо помнил тот день. Они
воевали под гигантским красным солнцем.
В бою один на один какой-то воин из
Багровых Кулаков вдруг направил на него
болт-пистолет. Противник целился в
упор, дуло оружия казалось огромным,
будто разверзшаяся пропасть. Шүлок
попытался схватить пистолет и отвести
дуло в сторону, но было поздно. Яркая
вспышка — и его мир провалился в
темноту.

А после было предательство. Он
очнулся и почти не почувствовал своего
тела. Озадаченный незнакомыми
ощущениями, он попытался поднять руки,
чтобы их рассмотреть. Увидев, что
произошло, он тоскливо закричал.

Его уложили в металлическую

оболочку. Тело, не подлежащее
восстановлению, было заключено в
холодный саркофаг, чтобы стать
мозговым центром гигантской боевой
машины.

Охваченный бешенством, он требовал
освобождения. Крики ярости сменялись
мольбами. Он просил, чтобы хоть кто-то
стисловивился над ним. Даже смерть
лучше вечного заключения. Он умолял,
чтобы его убили.

Единственное, что он услышал в
ответ, — жестокий смех. Прислушавшись,
он понял, что неподалеку стоят несколько
его братьев. Возглавлял их командир,
военный кузнец. Он улыбнулся самодовольно
и насмешливо.

— Убить тебя? Не думаю. Теперь ты
для нас ресурс, и достаточно ценный. У
грех тебе жаловаться. Мы воспользовались
твоим собственным обещанием. Помнишь,
ты когда-то провозгласил наш боевой клич:
«Железо внутри — железо снаружи!»
Теперь, мой друг, ты на самом деле стал
железным воином.

Именно тогда существо, которого

потом назовут Шүлоком, заслужило свое имя. Оно принялось выть, высвобождая свою боль и разочарование, пытаясь вырваться из цепей, которыми сковали его братья.

И с того дня вой не прекращался. Люди, что его предали, давно умерли — их убили много лет назад в битве, которую он сам едва помнил. Но даже с их смертью его плен и мучения не закончились. Тысячи лет его передавали из банды в банду, продавали или захватывали как трофей.

И все это время вой продолжался, став рефлексом. Живой человек из плоти и крови не может кричать вечно, ему нужен отдых и сон. Для механизма таких ограничений нет. И тысячи лет спустя вокс-аппарат, встроенный в машину, по-прежнему транслировал тот резкий, пронизывающий крик.

Его давно покинул разум, не выдержавший столетий заключения. Если и осталась для него хоть какая-то спасительная талость — это было удовольствие от убийства врагов.

Ему нравилось убивать Астартес, особенно наследников верных Легионов.

которые встали на сторону Императора во время бунта. Шүлок ненавидел их больше всего. Они напоминали ему обо всем, что он потерял. Убивая их, он чувствовал облегчение и радость, которые пусть ненадолго, но заглушали его боль и страдания.

В последнее время Шүлоку не часто представлялась возможность прикончить хоть кого-нибудь. Устав от его воя, те, кто держал его сейчас в плену, закрыли его в заброшенных туннелях под Цзнисом Монсом. Будучи предоставлен самому себе, он скоро узнал, что единственные существа, живущие в туннелях, кроме него, — это банды охотничьих животных. Он пытался преследовать их, чтобы удовлетворить жажду убийства, но они оказались непростой добычей, слишком быстрыми и хитрыми, чтобы позволить легко поймать себя.

Без убийств его существование стало еще более нестерпимым. Но однажды звуки, раздавшиеся в глубине его подземного жилища, сообщили о присутствии свежей добычи.

Рев охотничьих животных и запах крови подтвердили его догадку, и он поспешил к месту битвы. Выйдя из ограниченного пространства на открытую территорию, он увидел девять фигур в силовых доспехах со знаком молнии.

Белые Шрамы.

Он угрожал в предвкушении.

Поршни гидравлической системы, двигавшие его ноги, шипели как клубок разъяренных гадюк, когда он ворвался в камеру, готовый убивать.

— Дредноут! — закричал Турбан, получив предупреждение от аусника за долю секунды до того, как из туннеля показался металлический гигант.

Боевая машина была огромной. Ее плечи задевали стены туннеля. Не переставая выть, она шла вперед, громя шагати. Оболочку дредноута тускло-серого металлического цвета испещряли медные и латунные клепанные символы Хаоса. На одном плече Кергис заметил остатки древнего знака в форме черепа, указывавшего на то, что когда-то дредноут принадлежал Железным

Воинам. Изображение было иссечено
царапинами, -- видно, его не раз
пытались стереть, но контур еще
простатривался.

В отличие от большинства орденов
Астартес, Белые Шрамы никогда не
пользовались дредноутами. Для воинов
свободных равнин Чогориса сама идея
заклучения в ходячий саркофаг казалась
хуже смерти.

Несмотря на это, Кергис вынужден
был признать, что машина впечатляла.
Группа воинов послабее наверняка
пустилась бы в бегство, встретившись с
таким монстром лицом к лицу. Но они
были отделением Белых Шрамов, их
делали из прочного материала.

Дредноут стремительно
приближался, ему явно не терпелось
начать бой.

-- Болт-пистолеты! -- скотандовал
Кергис. -- Частый огонь! Цельтесь в ноги!

Рассытавшись, бойцы отделения
открыли стрельбу по ногам
металлического чужовища, стараясь
вывести из строя гидравлический

механизм.

На равнинах своей планеты они усвоили, что враг обездвиженный — все равно что мертвый. Сталкиваясь с более сильным противником, Белые Шрамы обычно пытались сделать ему подножку, а затем воспользоваться своей маневренностью, разъезжая вокруг на мотоциклах. Однако Кергис понял, что подобная тактика не принесет успеха в замкнутом пространстве сливной камеры, особенно учитывая, что Белые Шрамы спешили. Самое большее, на что он надеялся: если им удастся обездвижить гредноута, они смогут обойти и разбить его.

Казалось, выстрелы не причиняли монстру никакого вреда. Не обращая внимания на шквальный огонь Белых Шрамов, он размахивал левой рукой с прилаженной к ней плазменной пушкой.

Кергис бросился на пол как раз вовремя — над головой просвистел поток плазмы. Совершив перекат, он вскочил и снова выстрелил из болт-пистолета. На этот раз он целился в углубление, скрытое

В тени, где голова соединялась с телом, надеясь найти уязвимое место в тяжелых доспехах, защищающих машину спереди.

Тем временем отделение оценило противника широким кольцом. Приспособив обычную тактику к новой ситуации, они стреляли на бегу. Каждый костодесантник двигался то вперед, то назад, бросался из стороны в сторону, пытаясь запутать гредноута.

В какой-то момент, сбита с толку мельтешением целей, машина ненадолго замерла. В это время Осол, надеясь воспользоваться ее заминкой, забежал с тыла. В руке он держал мелтаболбу.

Угадав намерение Осола, Кергис захотел предупредить его, но столчал, чтобы не привлекать внимание гредноута. Однако его худшие опасения быстро оправдались. Как только Осол приблизился на расстояние нескольких шагов, гредноут внезапно развернул тело назад вокруг центральной оси, при этом ноги остались стоять как стояли. Осол не ожидал такого и не успел отскочить — гредноут прибил его к земле одним ударом боевого

козтя на правой руке.

Используя латную рукавицу как глубину, монстр несколько раз ударил неподвижное тело. Пытаясь спасти боевого брата, Дошин бросился в их сторону, стреляя из болт-пистолета. Дредноут, снова развернувшись, начал двигаться с нечеловеческой быстротой. Он поднял плазменную пушку — и Дошин оказался под дулом оружия, готового выстрелить в упор.

— Нет!

Активировав силовой меч, Кергис рванулся на помощь.

Но было слишком поздно. Плазменное оружие выстрелило ослепляющим светом. Голова Дошина тут же распалась на атомы. Тело осталось стоять, обожженная плоть тлела от жары энергетического разряда.

Кергис прыгнул вперед, рубя, но удар отклонился из-за взрывной волны. Вместо того чтобы глубоко вонзиться в руку дредноута, меч нанес косой удар по его плечу. Вздвигнув, когда энергетическое поле лезвия срезало пласт металлической

кожи, гредноут яростно взревел и тяжело ударил сержанта Белых Шрамов тыльной стороной руки.

Кергуса отшвырнуло в противоположный конец катеры. Он упал, самортизовав удар, около трупа одного из охотничьих животных. Поднявшись, он увидел, что все оставшееся отделение активнее набросилось на гредноута, отвлекая его от командира.

Кергус хотел вернуться в битву, но у него больше не было меча — он выскользнул из руки, когда гредноут его ударил. Теперь оружие лежало на полу возле ног чудовища. Кергус испустил разочарованный крик. Без меча у него было мало шансов повредить машину, не говоря уже о том, чтобы ее уничтожить.

На мгновение Кергусу показалось, что они обречены. Он будет драться до последнего, остальные тоже, но без перспективы остаться в живых. И что хуже смерти — они провалят миссию. На рассвете, когда их братья нападут на Чалдис, они натолкнутся на работающие силовые щиты. Затем наверняка начнется

кровавая резня. Успех всего завоевания
будет поставлен под сомнение.

Вдруг Кергис заметил нечто,
полностью менявшее ситуацию.

Вокруг ног гредноута образовалась
сеть мелких трещин. С каждым его
тяжелым шагом их становилось все
больше. Вес боевой машины был слишком
велик для тонкого, как оказалось, слоя
камня. Кергис видел маленькие струйки
пара и дыма, поднимавшиеся из трещин,
почти незаметные в клубах пыли,
стлавшихся над полом. А еще он
почувствовал, что поверхность под ногами
стала горячей. Пол катеры был сделан не
из того же камня, что ее стены. Больше
всего материал напоминал ту скалистую
порогу, что Кергис видел в Колыбели.

Его осенило: катера, в которой он
стоял, это не полусфера, а сфера. Полотна
они посчитали застывшую корку, под
которой была жидкая и горячая лава.

В голове Кергиса возник некий план,
опасный, но дающий его отделению шанс на
спасение. Он порылся в подсумках. Затем
поднял болт-пистолет и, сделав очередь

выстрелов, бросился через всю камеру к
дверям.

--- Назад! --- крикнул он отделению. ---
Продолжайте стрелять, но отходите
назад! Это приказ! Оставьте этого
монстра мне.

У Кергиса не было времени объяснять,
что у него на уме, он мог только
надеяться, что его привыкшие
беспрекословно подчиняться воины без
вопросов выполнят приказ.

Дредноут будто ждал его. Вместо
того чтобы открыть огонь, он раскинул
руки в нагнетавшем жесте и, казалось,
подзадоривал Кергиса продолжать. На бегу
сержант расстрелял все заряды болт-
пистолета и, когда оружие замолчало,
испустил боевой клич:

--- За Хана и Императора! За победу!

Дредноут всей массой наклонился
вперед, готовый отразить атаку. Но в
последний момент Кергис бросился вниз и,
прежде чем металлические руки
соткнулись на нем, по инерции
проскользнул между расставленными
ногами дредноута. Прокатившись

несколько метров по пыли, Кергис оказался позади машины.

Тоскливый вой сменялся воплем ярости: тот, кого звали Шүлоком, понял, что его обманули. Дредноут крутанулся вокруг оси, заноса руку с плазменной пушкой. Но Кергис успел первым: он поднял маленький ручной детонатор, показал его чудовищу и втопил кнопку.

Шүлок слишком поздно заметил, что Белый Шрам оставил кое-что у него под ногами, а именно небольшой темный ранец из поликожи. Содержимое ранца взорвалось с грохотом, заглушившим страдальческий вой дредноута.

Взрыв не пробил броню, но сильно повредил поверхность под ногами железного монстра. Размахивая руками, дредноут стал проваливаться вниз. Пол раскололся и согдался под его весом, раскрыв огненную пропасть. Впервые за тысячи лет на стену безутрачного вою пришел вопль страха. Раздался всплеск, в стороны полетели капли шипящей лавы. Миг — и чудовище погрузилось в лужу расплавленного камня.

Удача была на стороне Кергуса. Пол провалился в нескольких сантиметрах от него, но там, где он находился, оставалась твердая поверхность. Поднявшись, он нашел глазами свой меч — тот, невредимый, лежал рядом. Огненный провал скрылся за облаком пара и дыма — нагретый от лавы воздух стешивался с прохладным и влажным воздухом туннелей.

Кергус убедился, что отделение выполнило его приказ в точности. Сейчас он был к пропасти ближе всех. Оставшиеся воины стояли метрах в двадцати, на другой стороне. Потянувшись рукой, чтобы подцепить меч за ножны, он одновременно тахнул воинам, давая знать, что с ним все в порядке.

И в этот момент его осторожность — то, что он не решился подойти за мечом, — спасла ему жизнь: из пролома в полу внезапно вынырнула рука гредноута и пронеслась рядом с Кергусом, вскользь задев его и сбив с ног. Коготь, шарящий вслепую, зацепил сержанта за ногу и поволок в огненную яму. С

противоположного края Кергис слышал испуганные крики подчиненных, спешивших на помощь. Но они были слишком далеко. Видимо желая отомстить за свою гибель, дредноут медленно, но упорно тянул его к пролому.

Цепляясь свободной рукой за неровную поверхность, Кергис перевернулся набок и попытался достать врага мечом. К тому моменту, когда ему наконец удалось закрепиться, ухватившись за достаточное крупный выступ в полу, и остановить движение, его ноги уже были над самым краем пропасти.

Он держался изо всех сил. Мышцы болели от напряжения, а дредноут тянул его вниз. Кергис встретился глазами со злобным взглядом дредноута, тело которого было наполовину погружено в лаву. Дредноут дывился и горел — лава обходила защиту, проникая сквозь трещины в броне и сжигая монстра изнутри. Но тот продолжал держаться за ногу Кергиса, намереваясь забрать его в ад вместе с собой.

Наконец Кергису удалось изогнуться и

нацелить на противника меч. Он ударил. Силовое лезвие описало искрящуюся дугу --- его энергетическое поле воспламеняло мельчайшие частицы, поднимающиеся от лавы. В этот раз лезвие точно попало в цель. Оно взрезало и без того искореженную лавой броню гредноута и отсекло руку у локтя.

Потеряв точку опоры, машина стала быстро погружаться в лаву и, издав последний отчаянный вой, исчезла.

--- Сержант! --- Кергис почувствовал прикосновение к плечу. --- Возьмите меня за руку, быстро!

Это был Арик. Вместе с Гурбаном следопыт перепрыгнул через жерло, чтобы спасти своего командира. Они быстро оттащили Кергиса от края дыры и подняли на ноги.

Они стояли втроем, наблюдая, как из пролома поднимается дым, и дожидаясь, когда к ним присоединится остальная часть отделения.

--- Ничего себе, --- сказал Арик Кергису, когда тот отдышался. --- В какой-то миг я подумал, что мы вас потеряли.

--- В какой-то миг я сам так подумал, --- признался Кергис.

Он помолчал, прислушиваясь. Откуда-то донесся далекий резкий звук свистка. Шум битвы с гредноутом сообщил врагам о присутствии посторонних.

Похоже, на их стороне уже не оставалось преимуществ внезапности.

Осол был мертв. За победу над гредноутом Белые Шрамы заплатили жизнями двух своих бойцов. И если о смерти Дошина Кергис знал с самого начала, то гибель Осола стала для него неприятным сюрпризом. Он видел, как тлдевший костодесантник упал, но продолжал надеяться, что Осол выжил.

Оказалось, зря: мощные удары гредноута пробили шлем Осола и раздавили голову, как куриное яйцо.

Смерть обоих воинов стала горькой потерей для отделения, но Кергис сильнее горевал об Оsole. Молодой Белый Шрам был упрям, но подавал большие надежды. Кергис --- и не он один --- рассчитывал, что когда-нибудь Осол станет далеко не последним человеком в ордене.

Этим надеждат не суждено было
осуществиться.

--- Мы потеряли братьев, --- сказал он
оставшился воинам, когда они забрали у
мертвых оружие, боеприпасы, взрывчатку
и кое-какие личные вещи. --- Но мы знаем,
что добрая память о них не утратит. Их
будут вспоминать в историях, что мы
станем рассказывать друг другу у костра,
и в хрониках, которые ведут капелланы.
Их геноселя пережило смерть. Они станут
предками будущих Белых Шрамов.

Он говорил, а его руки блестели от
крови. Как старшему по званию, ему
пришлось извлекать прогеноидные железы
из тел Осол и Дошина. Он поместил их в
криофлягу и отдал ее на хранение Гурбану.
Со временем прогеноиды вернутся на
Чогорис, где апотекарии органа
используют их для создания новых Белых
Шрамов. Осол и Дошин умерли, но их
геноселя будет жить дальше.

Пока Кергис выполнял свою кровавую
обязанность, остальные члены отделения
сняли шлемы, отдавая последние почести
братьям. Кергис по очереди посмотрел на

каждого из оставшихся в живых.

--- Помните учение Штормовых проводцев, --- сказал он. --- Даже после смерти наши братья с нами. Они у нас за плечами. Их духи ведут нас и приставляют за нами.

--- Даже после смерти наши братья с нами... --- Воины, склонив головы, как один, тихо повторили его слова.

Это была фраза из древних похоронных ритуалов, которые до сих пор отправлялись на равнинах Чогориса. Время поджимало, и Кергису оставалось сказать лишь несколько слов над телами мертвых братьев. На Чогорисе все было бы по-другому. Осола и Дошина проводили бы в последний путь с наивысшими почестями, как павших в битве воинов. Сержант ограничился тем, что поставил мины-ловушки. Они убьют всякого врага или пагальщика, который попытается осквернить останки.

--- Нам пора идти, --- сказал Турбан после окончания приготовлений. --- Враг будет искать нас, но прошерстить все туннели непросто. У больше всего шансов

достичь цели, если мы скорее отправимся в путь, прежде чем они должным образом организуют поиски.

--- Согласен, --- кивнул Кергис. --- Но план поменялся: я не иду с вами.

Если бы он сказал, что ему явилось видение Императора, он вряд ли бы удивился больше. Воины стояли словно громом пораженные.

--- Я не могу объяснить все, --- сказал Кергис, подняв руку, чтобы пресечь протесты. --- Единственное, что мне позволено сказать, --- наша задача не так проста, как об этом сообщили вам. Мне дали еще одно секретное задание, которое необходимо выполнить помимо основного. Я надеялся начать с главного, но обстоятельства оказались сильнее. Теперь враг знает, что мы здесь, и единственный способ выполнить оба задания --- разбиться на команды. Турбан, ты поведешь отделение к основной цели и осуществишь подрыв, как и было запланировано. Второе задание я выполняю сам.

--- Но сержант... --- Арик был ошеломлен. --- Вы не можете нас сейчас

оставить. Скажите нам хотя бы, что происходит. Если вы должны уйти, мы хотим знать, насколько это оправданно.

--- Прости, --- Кергис повернулся к Гурбану. --- Теперь успех миссии зависит от тебя. Помни о важности того, зачем нас сюда отправили. Если подача электроэнергии к пустотному щиту не будет прервана, атака на Чалгис может захлебнуться. Братья рассчитывают на тебя, Гурбан. Я верю, что ты их не подведешь.

--- Я все сделаю, --- торжественно кивнул Гурбан. --- А как же вы, сержант? Где вы будете, когда мы атакуем основную цель?

--- Буду охотиться за хозяином этого места, --- ответил Кергис. --- У него есть дело к Белым Шрамам, которое нельзя оставить незавершенным.

В сливной камере сходились множество туннелей, поэтому Кергис покинул отделение именно там. Сверившись со схемой, он выбрал туннель, который вел к основному зданию энергетического комплекса, а его

товарищи пошли по пути вглубь сооружения. Их целью была аппаратная, откуда велось наблюдение за работой лавовых туннелей, а ему требовалось попасть на верхние уровни комплекса.

Отовсюду то и дело раздавался свист. Очевидно, шум от битвы с дредноутом не на шутку насторожил врага. Хорошо понимая, насколько погоня осложнит задачу Гурбана и остальных, Кергис решил, что сделает все возможное, чтобы облегчить братьям дорогу через комплекс.

Это было нетрудно. Сигналы тревоги означали, что по территории ходят патрули и поисковые группы. Некоторые из них встретят Кергиса. Если они уничтожат их очень быстро и при этом наделает много шума, то сможет убить двух зайцев: очистит дорогу к собственной цели и отвлечет врага от основной группы. Главное, чтобы удача была на стороне сержанта, — скоро весь комплекс станет преследовать его и дорога перед Гурбаном будет чиста.

Теперь комплекс просто кишел вражескими отрядами, поэтому

возможность осуществить план
представилась очень скоро.

--- Мы его нашли! --- заорал командир
поисковой группы по воксу. --- Он
Астартес... в белых доспехах, прямо как
святой... он...

Кергис прервал его выстрелом из
болт-пистолета. Разряд попал в лоб врага,
и череп его взорвался.

Оставалось еще пятеро противников.
Сейчас Монс прочесывали десятки таких
групп. Враги были вооружены автоматами
и одеты в латини, демонстрировавшие их
принадлежность к одному из множества
нечистых культов, которые процветали
на Тейфе VII после ее перехода к силам
Хаоса.

Воины из них оказались грязные даже
по стандартам того отребья, которое
часто прибывало к бандам Хаоса. Они
активно искали вторженца и были начеку,
но Кергис смог легко их обойти. Он снова
наткнулся на них немного позже, когда
вышел из лавовых туннелей на
территорию комплекса. Они стали уже
шестой или седьмой группой охранников.

которую он встретил, -- а убил он столько, что уже начал сбиваться со счета.

-- Поисковая группа девять, вы здесь? «Девятка», вы меня слышите? -- Вокс-передатчик командира упал на землю и продолжал вопить, хотя все, кто мог ответить, уже были мертвы. Керзис раздавил его ногой.

Не глядя на оставленную позади бойню, которую он учинил, сержант углубился в комплекс, ускорив шаг. По-прежнему сверяясь со схематическими полученными перед заданием, он шел по извилистой тропе через Монс, часто останавливаясь и устранивая кровавые потасовки с небольшими отрядами преследователей.

Боясь наткнуться на крупные силы врага, он избегал основных зон комплекса, где наверняка были главные скопления солдат. Вместо этого, он шел обходными путями, пользуясь сетью эксплуатационных труб и люков. Само устройство комплекса играло ему на руку.

Внутри энергетическая станция

оказалась огромным неорганизованным лабиринтом коридоров, залов и складских помещений. Скоро стало понятно, что у противников не было тех схем, которыми пользовался Кергис. Они могли только беспомощно бродить наугад, в то время как он безошибочно шел к цели.

Цель же находилась на верхних уровнях комплекса, где главарь военной банды разместили штаб. Пока Кергис пробирался через трубы и люки, он заметил, что чем выше, тем меньше становилось патрулей и караульных постов.

Казалось странным, что враг решил оставить штаб почти без защиты. Кергис спрашивал себя, не пропустил ли он чего-то. Враг будто очистил эту дорогу, но он не мог понять причины — зачем.

Отгоняя эти мысли, он продолжал свой путь.

И вскоре он достиг цели. Тихо пробежав по глиняному коридору на одном из верхних этажей комплекса, он выглянул из-за угла и увидел двоих караульных у закрытой двери. Из схем и информации,

полученной от имперских беженцев с
Тефры, Кергис знал, что эта дверь была
входом в личные покои главарей военной
банды, расположившейся гарнизоном на
Монсе. За дверью он найдет того, кого
ищет.

Наблюдая за караульными из
укрытия, он дождался, пока они
отвернутся, — и атаковал. Его шаги
отчетливо грохотали по металлическому
полу, но с этим ничего нельзя было
поделать. Время скрываться прошло.
Теперь следовало действовать быстро и
решиительно.

Услышав шум, караульные
повернулись и начали поднимать
автоматы — но слишком поздно и слишком
медленно. Кергис действовал быстрее. Он
дважды ударил силовым мечом — и на пол
рухнули два мертвых тела.

Дверь в штаб оказалась незапертой.
Толкнув ее как можно тише, он бесшумно
вошел и увидел комнату, обстановку
которой можно было бы назвать
спартанской. Из мебели Кергис увидел
лишь металлическую кушетку у стены и

стул посредине. Он отметил, что их размеры скорее подходили Астартес, чем обычным людям. Остальная часть помещения пуста. Было видно, что когда-то стены украшали фриз и мозаика, скорее всего в имперском стиле, но от них остались лишь пыль и куски штукатурки на полу.

С мечом и болт-пистолетом наготове Кергис прошел вглубь комнаты.

— Здравствуй, арбан, — раздался за спиной знакомый голос.

---

* * *

— Борчу? — удивленно спросил Кергис два дня назад, когда стоял с Юрга-ханом в стратегиуме, рассматривая пиктоизображение фигуры в доспехах.

— Да, это он, — кивнул Юрга-хан. — Теперь ты видишь, почему я решил поручить это задание именно тебе? Борчу был в твоём отделе.

— Но он мертв, — возразил Кергис. В

Его голосе слышалось неверие. -- Его убили
в пещерах Нефис-Ра. Я сам видел, как он
умер.

-- Его тело так и не нашли, --
напомнил ему Хан. -- Я читал твой
репорт. Его потеряли под завалом породы,
обрушившейся под вражеским огнем. Три
дня спустя, когда в эту часть пещер
пала ракета с плазменной боеголовкой,
выпущенная из захваченной врагом
установки «Смертельный удар», решили,
что тело Борчу было уничтожено взрывом
вместе со всем, что там оставалось. --
Лицо Хана потрачнело. -- Похоже, наше
предположение было ошибочным.

-- Но он мертв, -- сказал Кергис. -- Я
сам видел, как он упал. Ему в грудь ударил
заряд лазерной пушки. Она была почти в
упор, и луч прошел насквозь, выйдя из его
спины. Никто бы не пережил такого --
иначе я бы попытался его спасти. Но в
этом не было смысла. Луч мгновенно сжег
все его внутренности.

Юрга-хан не отвечал. Вместо этого,
он снова взмахнул рукой и вызвал другое
пикт-изображение. Оно было снято под

тем же углом, но с крупным планом грудной
фигуры в доспехах. Несмотря на
зернистость изображения, было видно, что
грудную пластину кто-то переделал.
Мастер сработал грубо, и наметанный
глаз Кергиса сразу заметил, что починка
понадобилась из-за того, что в
керамитовой поверхности брони была
пробита дыра величиной с кулак. Пусть он
и не видел саму рану, но опыт,
накопленный десятилетиями на полях
сражений, подсказал ему, какое оружие ее
нанесло.

Лазерная пушка.

--- Это невозможно, --- сказал Кергис. ---
Я не хочу в это верить, но глаза мне не
лгут. Это Борчү. И все равно --- он не мог
встать на сторону врага. Он всегда был
верным.

--- А может, он и не становился, ---
ответил Хан. --- Несмотря на внешнее
сходство, Борчү действительно мог
утереть на Нефис-Ра. В прошлом мы
воевали с врагами, одержимыми демонами
Хаоса. Обычно демоны способны вселиться
только в живое тело, но для созданий

варна все возможно. Враз мог забрать тело Борчу после смерти, и теперь в нем живет демон. Или же тело Борчу и правда было уничтожено, а демон или какой-то ксенос изменил свою внешность, чтобы стать на него похожим. Какой бы ни была правда, это отвратительно. На нашем ордене клеймо позора до тех пор, пока вражеское создание носит лицо одного из наших павших братьев.

--- Тогда мы должны стыть этот позор, --- ответил Кергис, показав рукой на фигуру. --- Я найду его. Борчу это или демон, скрывающийся под его обликом, --- я убью его. Честь ордена будет восстановлена.

--- Ты понимаешь все последствия того, что сейчас говоришь? --- спросил его Юрга-хан. --- Я уже согласился от имени нашего ордена, что мы возглавим нападение на Чалдис. Согласился отправить миссию для подрыва энергетического комплекса на Узнисе Монсе. Принял оба задания, прежде чем увидел эти пикты и заметил Борчу, но это враз ли имеет значение. Я Хан, и мои

слова должны быть крепче железа. Если хотя бы одна миссия провалится, мы будем опозорены. Но мы будем опозорены и если не выступим против этого якобы Борчу, кто бы это ни был.

--- Понимаю, --- твердо сказал Кергис. --- И осознаю, что цена может быть высока. Но какой бы она ни оказалась, что бы мне ни пришлось пережить, я обещаю вам убить его --- кто бы или что бы это ни было.

---

* * *

--- Здравствуй, арбан, --- сказала сущность с внешностью Борчу. --- Что, не рад нашей встрече? Не поприветствуешь товарища, которого считал погибшим? Я разочарован.

Каким-то образом оно возникло зади. Кергис был уверен, что осмотрел каждый угол комнаты, прежде чем двинуться вперед, но сущность как-то утнурилось спрятаться и вот сейчас показалось.

Сержант осторожно повернулся, чтобы посмотреть на него. Мрачная комната слабо освещалась, но даже так с первого взгляда на фигуру, наполовину спрятанную в тени, становилось ясно, что это не Борчу. Лицо и доспехи были теми же, но кожа приобрела синеватый оттенок, который Кергис видел у недавно умерших. В то же время глаза существа исторгали потустороннюю энергию, будто его физическая форма едва могла удерживать бьющийся внутри водоворот.

Но даже не видя этих признаков, Кергис никогда бы не перепутал эту тварь с настоящим Борчу. При жизни его друг был добродушным, энергичным весельчаком. Тот, кто стоял перед ним сейчас, походил на Борчу внешне, но не смог скопировать его суть.

— Что случилось, арбан? — сказал оно, шагнув вперед. — Ты что, не узнаешь старого друга?

— Ты не мой друг, — ответил Кергис сурово. — Ты можешь носить его лицо, но я знаю твою настоящую природу. Ты демон, пагальщик, укравший его тело, и больше

ничего.

--- Да, --- улыбнулось существо. На миг оно замерло и перестало приближаться. Кергис увидел у него в руках силовой топор. --- Честно говоря, я и не думал, что смогу тебя обмануть, спрятавшись под личиной Борчу. Но попробовать стоило. Ты не представляешь, как часто срывает даже самая неуклюжая маскировка. Человеческое сердце слабо. Покажи лицо друга, пусть и давнего, потершего, --- и люди поверят чему угодно. Но ты же сильнее, правда, Кергис?

Тот ничего не ответил. Он знал, что демоны склонны усыплять бдительность многословными речами. Кергис напряг все органы чувств и внимательно приставлялся к существу, чтобы не пропустить момент, когда оно перейдет к нападению. Обойма болт-пистолета была полной, но он знал, что убить демона из этого оружия можно лишь чудом. Куда надежнее обезглавить его силовым мечом, но тогда и Кергис оказался бы в зоне действия топора. Он ждал начала атаки или удобного момента, чтобы самому

нанести удар.

--- Разве тебе не интересно, откуда я знаю твое имя? --- Настешливая улыбка демона стала шире. --- Наверняка же ты задумался? Я бы ответил тебе, что узнал это от самого Борчу. Объяснил бы, что захватил в плен его душу, когда она покидала тело, за долю секунды до того, как я вошел в его физические останки и сделал их своим новым домом. Конечно, это была бы ложь. Но опять же, ты не представляешь, как часто такой очевидный обман оказывается эффективным.

Продолжая говорить, демон чуть выдвинул одну ногу вперед. Кергис понял, что это подготовка к атаке. Теперь он только ждал, когда тварь перенесет вес на другую ногу, --- за этим должен последовать бросок.

--- Все дело в том, как это сыграть, --- между тем продолжал говорить демон. --- Я бы мог сказать: «Знаешь, Борчу всегда тебя ненавидел». У тебя бы задумался, правду ли я говорю. Это в человеческой природе --- всегда

сомневаться, а не презирают ли тебя
втайне друзья. Если бы я сказал тебе, что
Борчу тебя действительно ненавидел, это
только подтвердило бы твои худшие
подозрения. Мне даже не пришлось бы особо
убедительно лгать. Ты бы сам уверил себя,
что так оно и было. Людей так легко
обмануть.

И тут, несмотря на
предосторожность Кергуса, демон едва его
не убил. Белый Шрам ждал, что он
перенесет вес на толчковую ногу, но атака
произошла внезапно, без подготовительных
движений.

Кергус слишком поздно понял свою
ошибку. Из-за того что демон был в теле
Борчу, он поверил, что тот будет
действовать как противник человеческой,
а не демонической природы.

Легко метнувшись через всю
комнату, враг описал полукругом
стертоносную дугу. Кергус едва успел
увернуться. Потеряв равновесие, он
взмахнул лезвием наугад. Демон легко
отбил его удар — а затем рукояткой
топора отбросил Кергуса назад.

Он рванулся за падающим человеком, чтобы воспользоваться полученным преимуществом, но Кергис был к этому готов. Он снова нанес удар мечом. Демон заблокировал его, но при этом оставил незащищенной грудную пластину, где стояла недавняя заплата. В тот момент, когда меч и топор столкнулись, Кергис поднял болт-пистолет и несколько раз выстрелил в упор.

Демон закричал от ярости и боли. Рукояткой топора он выбил пистолет у Кергиса из рук. От последовавшего затем удара лезвием сержант отскочил, одним кошачьим прыжком оказавшись в нескольких метрах от противника.

--- Знаешь, это даже было больно, --- заявил демон, осматривая полученные повреждения.

Серия ударов разнесла заплату на броне, обнажив дыру на груди. Вместо сочащейся крови Кергис увидел искры сверхъестественного огня. Пока демон ощупывал рану, искры кружились вокруг его пальцев, а потом исчезли.

--- Все равно --- ничего страшного, ---

хитро улыбнулся он. -- Совсем не так, как в
тот раз. Ты же часто об этом думаешь,
Кергис? О тех старых добрых временах...

Кергис осознал, что начинает
ненавидеть его ехидную улыбку и
постоянные ядовитые намеки. В то же
время он подумал, что может сыграть с
демоном в его же игру -- попытаться
отвлечь его болтовней и внезапно напасть.

-- Мы уже встречались раньше? --
спросил он.

-- Хочешь сказать, ты меня не
помнишь? -- Демон осклабился еще шире,
решив, что Астартес заглотил наживку. --
Впрочем, это было много лет назад. Но я
думал, ты все-таки не забыл. Конечно,
тогда меня звали иначе: Нүллүс!

-- Нүллүс? -- Понимая, что демон
может сказать что угодно, лишь бы его
перехитрить, Кергис все равно ощутил
шок. -- На Квинтүсе я встретил
костодесантника-предателя, который
называл себя этим именем. Он служил
лейтенантом у князя демонов Волдора.

-- Да, так и было, -- подтвердил его
противник. -- Конечно, я тогда выглядел

по-другому, и я допускаю, что ты мог не сразу меня признать. Полнишь, Кергис? Ты уничтожил тело моего хозяина на Квинтусе. Иногда мне кажется, что прошла вечность, пока я смог найти следующее. Добыть подходящее тело бывает непросто. Поэтому я был счастлив, когда увидел твоего дорожника-покойного товарища.

--- Так ты потому и украл тело Борчу? Желая отомстить?

--- Отчасти и поэтому, --- голос демона превратился в довольное журлыканье. --- Я посвятил себя завоеванию тира --- неподалеку от Чогориса. И я понял, что, если сделаю себя достаточно видимым, это обязательно приведет ко мне Белых Шрамов. Конечно, я не мог знать, что они отправят именно тебя. Приятная неожиданность.

--- И что, ты делал это, потому что я зарезал тебя на Квинтусе?

--- Отнюдь. --- Демон воздел очи горе, и этот жест почему-то показался Кергису слишком человеческим. --- Я лишь надеялся, что когда-нибудь расквитаясь с

тобой. Но моя цель была намного выше
мелких грязь. Я уже тысячи лет враг
Белых Шрамов. Тебя это удивляет,
Кергис? Я преследовал ваш орден еще до
прихода Императора. Я давно знаю вашу
планету и был знаком с вашим примархом.

--- Вот теперь я вижу, что ты
лжешь, --- ответил демону Кергис. --- Если
бы ты и правда был таким
могущественным противником, я бы о
тебе знал. Не забывай, Белые Шрамы по-
своему расправляются со старыми
врагами. Будь ты одним из них, тебя бы
давно преследовали Магистры Охоты. В
конце концов тебя бы убили, а в череп
воткнули палицу и выставили его на
дороге к Хум Карте, а твое имя включили
в список для охоты.

--- Мое имя? Так ты его не знаешь. Во
всяком случае, настоящего имени. Я не
всегда называл себя Нуллусом. Признаю, ты
не найдешь упоминаний обо мне в анналах
ордена или рассказах капелланов, но все,
что я тебе сказал, --- правда. Я старый
враг Белых Шрамов, а может, и
старейший. Я воевал с Джагатай-ханом на

Чогорисе и со многими другими военачальниками поменьше из твоего мира. В старые времена, еще до установления Империи, твои предки знали меня, Кергис. Они называли меня Кагаяга. Уж это имя ты должен знать.

Кергис снова ощутил шок. Демон был прав: имя было ему знакомо, хоть он и не слышал его больше столетия.

Кагаяга. Слово из старого чогорийского диалекта. Его буквальное значение — «шепот в темноте». В древнем фольклоре мира Кергиса так звали мифического монстра. Предания гласили, что он был невидимкой, бестелесным ужасом, духом, витавшим над равнинами и иногда проникавшим в сердца спящих людей, чтобы заставить их совершать злодеяния.

Даже сейчас чогорийские матери пугали своих отпрысков, говоря, что к ним придет Кагаяга, если они будут плохо себя вести. Сам Кергис с детства помнил истории о Кагаяге.

Это было невозможно. Кергис не мог понять, откуда демон узнал это имя, — он

ни на секунду не поверил его словам. Кагаяга не существовало. Это фольклорный персонаж, пугало для детей, старинное порождение народной фантазии.

Было ясно, что демон пытается обмануть и запугать его, взывая к его детским страхам. Но тут демон просчитался. Кергис был Белым Шрамом и Астартес, все свои страхи он давно перерос.

--- Вижу, имя ты вспомнил, --- сказал демон. --- Я так и предполагал.

--- Ты лжешь, --- холодно ответил Кергис. --- Кагаяга --- всего лишь выдумка, которой пугают детей. Он не существует.

--- Можешь убеждать себя в этом, если тебе так удобнее. --- Улыбка демона стала еще высокомернее и невыносимее. --- Но ты же оба знаешь правду, так? Я --- Кагаяга. Но я использовал столько имен, что теперь это не имеет значения. Я --- Борчу. Я --- Нуллус. Я --- никто. Я лишь голос в твоей голове. Шепот в темноте.

Демон пододвинулся на шаг ближе и играючи перекинул топор из руки в руку.

--- Мне нужно тело Белого Шрама, и

у меня есть на то свои причины, — сказал он. — Тело бедняги Борчу так изуродовано, что я не смогу им пользоваться долго. Если бы ты знал, сколько сил я потратил, удерживая труп от разложения и не давая внутренностям вывалиться на землю. Мне бы что-нибудь посвежее. Но впрочем, не слишком свежее. Я могу завладеть живым телом, но это чересчур сложно. Нужно найти моральный изъян, трещинку в душе жертвы, чтобы войти в нее. Нет, мне лучше подойдет свежееубитое тело. Например, твое.

И демон прыгнул вперед, снова атакуя. Кергис был к этому готов. Он уклонился от первого взмаха топора и контратаковал, целясь в ноги противника. Драка продолжалась, удары сыпались градом со всех сторон, но ни один не достигал цели.

Противники были равны в мастерстве, но Кергис знал, что у демона есть преимущество. Кровь еще не пролилась, но он чувствовал, что исчадие варна физически сильнее его. К тому же существо не знало усталости и, похоже, не

ощущало боли.

Кергис был Астартес и обладал всеми достоинствами этой расы. Однако по природе он оставался лишь смертным человеком, а демон — существо темное, древнее и могущественное. Бүдь у него достаточно времени, он легко измотает противника.

Однако монстр явил и свою слабость. Пока он насмехался, Кергис обратил внимание, что демон слишком самоуверен. Опыт подсказывал ему, что он может воспользоваться этим недостатком, чтобы получить передышку.

— Ты становишься медлительным, Кергис, — сказал демон. — Последний удар ты едва отбил. Устаешь, а?

— Чувствую себя немного разбитым, это правда, — ответил Кергис, парировав очередной удар топора. — Но это объяснимо. Последний раз, когда я тебя убил, я был на мотоцикле. В этот же раз приходится слишком много бегать, и это сказывается.

— Если бы не мотоцикл, ты бы в тот раз меня не победил, — желчно

проколментировал демон. Может, он и не ощущал физической боли, но слова Кергуса явно его задели. -- Нынче все будет по-другому.

-- Согласен. -- Кергус нанес удар. -- Сегодня со мной нет армии Белых Шрамов. Меня не сопровождают лучшие воины на мотоциклах. Я один, и я пеший, это лишает меня преимуществ. Но я не сдам позиций. И вижу, что мой Хан был прав, отправив меня сюда одного. Бесмысленно тратить ресурсы и посылать за тобой целый отряд -- это задание по зубам одному-единственному сержанту. -- Кергус выдержал паузу, чтобы его колкие слова ненадолго повисли в воздухе, а затем вознал нож. -- Может, ты и правда Кагаяга. Страшилище, которым только детей пугать. Но больше ни на что ты не годен.

Его слова вызвали немедленную реакцию. Демон скорчил разъяренную гримасу и взмахнул топором, зажав его обеими руками и намереваясь развалить Кергуса пополам. Ожидая этого, Белый Шрам уклонился от сильного, но

неуклюжего удара и ответил уколom снизу
вверх.

Лезвие силового меча ткнуло демона
в диафрагму и прорезало дoспехи почти до
плеча. Впервые отреагировав на боль, монстр
на мгновение потерял равновесие и упал на
колени. Он попытался было встать на
ноги, но тут меч блеснул еще раз.

--- За Борчу! --- сказал Кергис и снес
демону голову.

После этого Кергис почувствовал
необыкновенное облегчение.

Он не знал, сколько простоял над
обезглавленным трупом. Лишь только
телo хозяина было смертельно поражено,
адский огонь в глазах демона немедленно
погас. Нуллус, он же Кагаяга, отправился
туда, куда уходили все демоны после
разрушения физической оболочки. В
комнате остались только Кергис и тело
его друга Борчу.

Обычно после победы сержант
чувствовал гордость или радость. Но в
этот раз он был охвачен горем. Он
уничтожил демона, но, даже выгнав
существо из тела Борчу, слишком хорошо

сознавал потерю для ордена: в отличие от Осола и Дошина, геносемя Борчү никогда больше не используют, чтобы создать новых Белых Шрамов. Кергис узнал, что прогеноидные железы Борчү до сих пор в целости, но в этом теле жил демон, творение Хаоса, и теперь они навеки запятнаны.

А еще Кергис подозревал, что о деяниях Борчү перестанут рассказывать капелланы, напоминающие Белым Шрамам о погибших братьях. Никто не захочет знать о Борчү. Чего бы он ни достиг при жизни, его тело пережило позор и бесчестье после смерти. И неважно, что сам Борчү был ни при чем. Рассказы капелланов — это прежде всего уроки для других. Из помертного бесчестья вряд ли можно вынести хороший урок.

Кергисү казалось, будто он потерял старого друга во второй раз.

Внезапно он почувствовал, как дрожит пол у него под ногами. Ощущение опасности мгновенно его отрезвило. Последовал еще один толчок, а за ним

следующий — каждый сильнее предыдущего.

Кергис сразу сообразил, что это значило. Турбан и остальные успешно завершили подрывную миссию. Они разрушили системы управления, контролировавшие извержения Узниса Монса. Это лишь вопрос времени, как скоро давление вырастет до критического уровня и энергетический комплекс затопит лава. После долгого искусственного сдерживания вулкан наверняка начнет извергаться ускоренными темпами. У Кергиса в лучшем случае было десять минут, чтобы выбраться из комплекса, прежде чем он начнет рушиться.

Этого едва ли хватит, чтобы найти дорогу, а ведь кругом еще были вражеские отряды, которые вряд ли обрадуются тому, что он только что прикончил их главаря.

Кергис предполагал, что погибнет на Узнисе Монсе. Он допускал это с самого начала, он принял это как самый вероятный исход, как только согласился выполнить свою часть миссии. Юрга-хан и

Балат сказали ему то же самое -- в разное время и по-разному.

Но Кергис согласился на самопожертвование с радостью. То, что сдержанный демомом Борчу оказался командиром гарнизона, охраняющего Монс, заставляло Белых Шрамов разрываться между честью и долгом.

С одной стороны, честь ордена предписывала уничтожить существо. С другой -- они уже взяли на себя обязанность разрушить электростанцию, и эта миссия была жизненно важной для успеха будущего завоевания. Не в силах найти иной способ достижения обеих целей и не желая заставлять рисковать других братьев, Кергис принял задание на себя, зная, что оно, скорее всего, окажется последним. С самого начала это был путь самоубийцы.

Но все равно -- если ему и суждено умереть в этом незнакомом мире далеко от дома, он умрет в бою. Достав болт-пистолет и включив лезвие силового меча, Кергис в последний раз взглянул на тело Борчу и направился к двери.

Ожидая столкнуться в коридоре с

десятками вражеских воинов, он
приготовился к бою, открыл дверь и
вышел.

Снаружи почему-то было тихо.

Коридор пустовал, если не считать
тел двух патрульных, которых он убил
раньше. Удивляясь такой удаче, Керзис
поспешил дальше. Но по мере продвижения
нигде не было и следа ожидаемых и
вражеских толп. Верхние уровни
комплекса оказались заброшенными.

Повернув за угол, Керзис увидел
десятки мертвых тел, лежащих в
широком открытом коридоре. Это были
служители культа, как и те, которых он
встретил раньше, — и умерли они
насильственной смертью. По количеству
использованных патронов на полу стало
понятно, что они дрались отчаянно, но
убийца буквально выкосил их ряды.

— Здравствуйте, сержант, — с
улыбкой обратился к Керзису воин,
ожидавший в центре коридора. — Надеялся
догнать вас раньше. Но на эту дрянь
пришлось потратить больше времени, чем
я думал.

Это был Арик. Не веря своим глазам, Кергис понял, что лишь благодаря боевому брату его не поджигали враги на выходе из комнат дельмона.

--- Я обсудил вопрос с Гурбаном, когда мы поставили в аппаратной взрывные устройства, --- сказал Арик. --- Мы решили, что для подготовки путей отхода после выполнения задания не требуются все пятеро. А Гурбан подумал, что вам может понадобиться проводник. Я понимаю, что вы нарушили ваши приказы. Но надеюсь, вы нас простите, если я помогу вам выбраться до извержения вулкана.

--- Может, я тебя и прощу, --- улыбнулся в ответ Кергис, --- но при условии, что у тебя действительно есть план отхода и ты не просто рассчитываешь на чудо.

--- Чудо бы не помешало, --- пожал плечами Арик. --- Но я заметил, что на схемах указана посадочная площадка на крыше комплекса. Если мы добежим до нее, прежде чем здание будет разрушено, то сможем захватить ракету.

Словно подчеркивая его слова, стены

сотряс еще один толчок.

--- Хорошо, --- сказал Кергис. --- Ты следопыт. Найди дорогу из этого некла.

Они вместе побежали по коридору.

К тому времени как они достигли посадочной площадки, взошло солнце. Первые рассветные лучи окрасили небо пурпуром.

Воспользовавшись суетой, которая поднялась из-за все более сильных толчков, сотрясающих комплекс, Кергис и Арик пробилась к древней ракете на посадочной площадке. Это был легкий грузовой шаттл для перевозки припасов, а иногда и пассажиров к дальним заставам.

Белые Шрамы забрались туда прежде, чем экипаж успел взлететь, и не раздумывая прикончили пилотов. Кергис сел за управление, а Арик перебирал каналы вокс-аппарата в поисках сообщений, подтверждавших, что завоевание Тефры VJJ уже началось.

Когда они проникали на борт, Кергис увидел возле шаттла причаленный топливный танкер. Запуская двигатели, он надеялся, что к моменту их прихода

танкер уже закончил свою работу.

В любом случае машина плавно завелась. Не считая отдельных выстрелов из автоганов по фюзеляжу, они взлетели без приключений. Миновав огромное дымовое облако, поднимавшееся с вершины Монса, Кергис поспешил на запад, пока толчки в комплексе не достигли своего апогея.

Оглянувшись, он увидел извержение Изниса Монса. По склонам потекла лава — неупокоенное и медленное покрывало смерти.

Да, их основная миссия завершена успешно. Энергетический комплекс вместе с телом Борчу будет затоплен и разрушен. Пустотные щиты, защищающие Чалгис, отключатся.

После долгой возни с незнакомыми рукоятками управления вокс-аппарата шаттла Арик нашел поток зашифрованных сообщений с десятками каналов на имперских волнах. Услышав их, Астартес довольно улыбнулся.

Завоевание началось.

Где-то на просторах заброшенной

Колыбели Гүрбан и остальные участники отделения шли на встречу с Балатом и его скаутами, прежде чем направиться к условленной точке вылета, где их должны ждать «Грозовой ястреб», чтобы доставить к «Воину долин». Кергис и Арик будут там еще раньше, если удача окажется на их стороне.

Улыбка Кергиса стала шире при мысли об удивленных взглядах бойцов, когда те увидят, что он с Ариком уже ждет их.

Сегодня, в это время и в этом месте, было хорошо остаться в живых. Задание выполнено. Скоро Тефра VII будет свободной. Демон убит, а старый груг упокоен.

Кергис знал, что такое настроение не продлится долго. Опыт подсказывал ему наслаждаться моментом, пока возможно, потому что он быстро пройдет. Скоро будут новые столкновения, опасности и битвы. В галактике нет места миру.

В мрачной тьме сорок первого тысячелетия есть место лишь для войны.

Джонатан Грин

РЕЛИКВИЯ^[4]

Орга растекалась по льдисто-белым снежным полям, как черное нефтяное пятно. Тучи жирного срадного дыма поднимались из выхлопных труб машин, пожирающих ископаемое топливо, и расчерчивали воздух угольными столбати, отмечая путь орды. Каждый бронированный боевой мотоцикл и перелатанный грузовик оставляли за собой ядовитый хитический след на земле и на небе — знак, что армада прокатилась по этому участку полярных пустошей и что еще один регион планеты пал жертвой яростных захватчиков-ксеносов.

Неудержимый поток диких завывающей и греющей техники нагвигался по покрытому трещинами леднику. Перед ними — в лиге или чуть больше — выросла стальная стена. Избранные Императора, поклявшиеся, что чужаки не пройдут. Сегодня, здесь и сейчас, на безлюдных

ледяных полях Мертвых Земель
Армагеддона, Астартес выступят против
зеленокожей трази.

Мотоциклисты возбужденно давили
на газ, а молодчики, цепляющиеся за борты
полугусеничных вездеходов и
бронетранспортеров, а также боевых фыр,
сконструированных из трофейной
имперской техники, выпускали одну обойму
за другой из своих тяжелых «пулял», горя
нетерпением схватиться с врагом.

Десантная капсула обрушилась с
небес, словно гнев самого Императора.
Каменно-твердые пласты льда
содрогнулись от удара, и по ним побежала
сетка предательских трещин.

Пушечное эхо посадки все еще
носилось над изрытым оспинами ледником,
когда бронированная капсула распахнулась
и оттуда показалось оружие священной
местности Императора.

Автоматические зарядные
устройства включились со щелчком, и
шестиствольная штурмовая пушка
пришла в движение. Четыре огромные
робоконечности сжались в кулаки.

достаточно большие, чтобы с легкостью раздавить орочий череп. Их работу сопровождал гул сервомоторов, которые придавали каждому пальцу мощь неумолимо ползущего ледника.

Тяжелыми механическими шагами священный дрегноут выступил из кокона своей посадочной капсулы, как чудовищный металлический жук из агамантиевой скорлупы. Он пробудился и был готов к бою.

Биосенсоры просканировали быстро надвигающуюся линию орочьей техники. Интеллект, связанный с машинным духом дрегноута, проанализировал поток информации — все: от средней скорости и вооружения до поправки на ветер. Дрегноут выжидал. Опыт, приобретенный на тысячах полей сражений в сотнях миров — в том числе и на этом забытом Императором куске скалы, — включился в игру, всплывая из глубин подключенных к мозгу имплантатов. Орки никогда не денутся. Он мог позволить себе быть терпеливым. В конце концов, место лучше всего подавать холодной.

Огонь тяжелых орудий вспахал

проморозенную землю у его ног. Нечестивые ксеносы заметили, как он упал с небес на огненных крыльях, подобно ангелу отмщения, и теперь, когда дредноут оказался у них на виду, орки обрушили на него всю мощь своего незамысловатого арсенала.

Их выстрелы выбивали из истерченного пулями ледника осколки льда размером со снаряд «Хищника». Большая часть дождя сыпалась вниз, барабана по древней адамантиевой броне дредноута. За столетия ей довелось выстоять против гораздо худшего. Ледяные обломки разбивались о корпус, не причиняя ему вреда. Некоторые рассыпались в пыль.

Когда орки приблизились и их грубые прицельные устройства наконец-то навелись на цель, зеленокожие в своем нетерпении сразиться с древним противником пустили в ход реактивные и крупнокалиберные снаряды и даже дымящиеся сигнальные ракеты.

Дредноут исчез в клубах чадного дыма и огня. Ледник содрогался теперь от

взрывов и ударов орудий артиллерии, которая, надо отдать ей должное, была крайне шумной и устрашающей на вид, но весьма неточной и малоэффективной.

И все это время волна орудий катилась вперед, сближаясь с гребноутот.

Предшествующий шквалом пушечных и болтерных выстрелов, гребноутот выступил из своей несостоявшейся огненной могилы. Вращаясь на поясной оси, он обстреливал навдвигающуюся технику ксеносов из установленных на конечностях орудий. Штандарт, который свисал с флагоштока на его корпусе, обуглился и все еще дымился по краям, а утыкавшие тело гребноута железные шипы раскалились и полыхали оранжевым в свете огня, охватившего его изрытый вмятинами корпус.

Для того чтобы остановить этого колосса, высотой в три человеческих роста, крупнее многих орудий машин и массивнее танка, закованного в адамантиевую броню и несущего арсенал, способный поспорить с вооружением боевой флотии, -- требовалось нечто большее.

Симбиотическому машинному духу
Дредноута понадобилось лишь несколько
наносекунд, чтобы определить его позицию
относительно навигавшихся орочьих
машин и выбрать оптимальные цели.
Дредноут снова открыл огонь из
штормовой пушки и болтера. Град
крупнокалиберных снарядов обрушился на
боевые порядки зеленокожих, сея гибель и
разрушение.

— Смерть захватчикам! — проревел
брат Джарольд из Черных Храмовников
крестового похода «Солемнус».

Аугментированный голос брата
Джарольда прозвучал из вокс-динамиков,
встроенных в обшивку его оболочки. То
немногое, что осталось от плоти и крови
костодесантника, яростно согрозилось,
корчась в амниотической жидкости его
бронированного саркофага.

— Ученем примарха и Императора
изгоняю отсюда ксенозаразу! Смерть
осквернителям Артагеддона!

Эскадрон мотоциклистов, ведущих
агентов Кюльта Скорости в атаку,
первым ощутил тяжесть его гнева.

Дымящаяся резина разлетелась в клочки, изрешиченная штурмовой пушкой гредноута, и несколько мотоциклов вместе с наездниками кубыркопоякатыми по льду. Оголенные оси и спицы вонзились в поверхность, и ревущие машины промчались несколько метров, прежде чем приземлиться кучей стятого железа на каменно-твердую поверхность ледника.

Орки, которых угораздило попасть под ноги Джарольду, погибли под его огромными, беспощадно топчущими ксеносов ступнями.

Очередь штурмового болтера зацепила бочку с прометием, приоттанную к борту полугусеничного вездехода. Топливо внутри занялось и сдетонировало, разнеся машину на куски. Ускореженные детали вездехода разлетелись на двадцать пять метров от места взрыва.

После серии негромких хлопков пусковые ракетные установки на мощных плечах гредноута дали залп по машинам, сгрудившимся за все редеющей цепочкой

боевых мотоциклов.

Те из орочьих байков, что не успели вовремя затормозить, пролетели мимо гредноута. Упустив тишень, наездники предпочли поддать газу и помчались навстречу надвигающейся линии Астартес.

Брат Джарольд разнес три мотоцикла оружийным огнем, и еще столько же столкнулись с грудой искореженной техники.

Многие из орочьих водителей ужаснулись, обнаружив, что после их согласованной бомбардировки гредноут остался невредимым, и в последний момент резко свернули, чтобы избежать столкновения с неподвижной громадиной. Но один не успел среагировать вовремя и вынырнул из выхлопов ехавшего впереди байка прямо на гредноут.

Боевой мотоцикл врезался в брата Джарольда с силой реактивного снаряда. Не обращая внимания на удар, Джарольд схватил байк своим гигантским силовым кулаком. Оба закрутились вокруг своей оси от инерционного момента машины. Орк все еще цеплялся за широкий руль, когда

прямое попадание из штурмового болтера зажгло горючее в топливном баке. Дредноут выпустил байк на самой высокой точке дуги, и тот, кувыркаясь, огненной ракетой врезался в другой мотоцикл и разрушил машину вместе со всадником.

Яростная атака дредноута и смертоносная комбинация его пушки и штурмового болтера практически уничтожили передовую линию Маньяков Скорости. И все это время, неслышимый за ревом мотоциклов и грузовиков, штурмовой пушки и болтера, а также оглушительными взрывами топливных баков, брат Джарольд призывал на головы терзких ксеносов гнев Императора и его примархов.

Когда мотоциклы отряда быстрого реагирования Черных Храмовников и «лендспидеры» эскадрона поддержки по сигналу маяка вышли к десантной капсуле дредноута, в вой двигателей грубой порочьей техники, работающей на прометии, вплелось куда более стройное гудение бронемашин Астартес.

Орков поразила ярость первой атаки

брата Джарольда, но это оказалось лишь цветочками по сравнению с тем, что началось, когда в бой вступили Мстители Ансгара — ударный отряд, сформированный в память о погибшем чемпионе Императора.

Горько-сладкие дымы курений вились в воздухе и клубами поднимались к сводам боевой часовни, наполняя пространство собора искрящимся ароматическим туманом. В изменчивых струях пара возникали силуэты — очертания столетровых ребристых колонн, кресты и черепя, украшавшие контрфорсы, и статуи, изображавшие павших героев оргена.

Светосферы, выполненные в форме черепов, были притушены. Сервитор-киновит тащился через храм, заглубая леса горящих свечей, в то время как его напарник обрезал фитили и счищал с черных железных канделябров наплывы воска.

Звук, с которым распахнулись двери из изъеденного временем дуба — двери

настолько древние, что дерево их почернело, -- наполнил боевую часовню как грохот отдаленной канонады. Капеллан Вольфрам открыл глаза, не забыв, однако, дочитать молитву. Поднявшись с коленей, он встал во весь рост перед Алтарем Солемнуса. Его взгляд снова упал на пустующие углубления, где должны были находиться Черный Меч, увенчанный лавром шлем чемпиона и его любовно изукрашенная Броня Веры.

Вольфрам обернулся. Одна рука -- каждый сустав латной рукавицы отмечен знаком черного креста и белого черепа Храмовников, постоянным напоминанием о том, кто хранил души крестоносцев, -- сжала рукоять кроуиуса арканута. Древний артефакт одновременно был и символом должности капеллана, и полноценным оружием. В древке реликвии прятался генератор разрушителя. Это простое дополнение превращало расширяющиеся на концах лучи креста Храмовников в смертоносный силовой топор.

По выложенному каменными плитами полу простучали шаги. Эхо

раскатилось под сводами храма и
донеслось до капеллана сквозь удруливые
облака дыма, поднимающиеся от горящих
в жаровнях кусочков ладана. Вольфрам
выпустил рукоять крозиуса.

Тяжелая поступь раздалась ближе.
Клубы дыма разошлись, и гигантский
силует, не принадлежавший ни человеку,
ни машине, но в котором было что-то от
того и другого -- который был чем-то
большим, чем то и другое, -- выступил на
свет. Пламя свечей вздрогнуло при его
приближении.

Вольфрам заметил поврежденный в
битвах флажок и глубоко втравленные
в корпус готические буквы и низко
поклонился.

-- Во имя Императора, восседающего
на Троне Священной Терры, рад видеть
тебя, брат Джарольд, -- сказал он. -- Что
привело тебя в это святое место за час до
заката?

-- Да пребудет с тобой благословение
Императора, брат-капеллан, -- ответил
механический голос древнего воина.

-- Ты не дремлешь на борту

«Голиафа» вместе с остальными
дредноутами?

--- Сейчас не время для отдыха.

--- Но наши недавние свершения на
Армагеддоне дорого нам обошлись, ---
заметил капеллан. --- Отдых необходим.

--- Я не могу спать, брат, когда еще
так много его священных трудов остались
незавершенными. К тому же я достаточно
долго спал!

--- Тогда что я могу сделать для тебя,
брат? --- спросил капеллан.

--- Я пришел просить у тебя совета.

Голос дредноута прогремел, как
захлопнувшиеся двери склепа.

--- Моего совета, брат? --- переспросил
Вольфрам, удивленный прямотой брата
Джарольда.

Это древние обычно делились своей
тяжко заработанной мудростью с
остальными членами ордена; они не
приходили к другим за советами.

--- Тебя что-то беспокоит?

--- Да, я обеспокоен, брат-капеллан!

Дредноут замолчал.

--- Говори, брат. Тебе нечего

стыдиться.

--- Есть!

--- Понимаю. Ты говоришь об утрате брата Ансгара.

--- Да, брат. Когда избранный Императора более всего нуждался во мне, я не смог ему помочь!

--- Молился ли ты об этом?

--- Я неустанно провожу время в покаянных бдениях с момента моего возвращения на флот. Я думаю лишь о судьбе брата Ансгара, и ни о чем другом!

--- Я тоже проводил время в молитве и размышлениях по этому поводу, -- сказал Вольфрат.

--- В самом деле, брат?

--- Да. Ты не можешь винить себя в том, что произошло. Обвиняй чужовищ, богопротивных ксеносов, все еще оскверняющих своим присутствием мир. Очисти себя от тук вины в пламени битвы. Рази ксеносов болтером, кулаком и палкой во имя отпущения. Используй твою ярость, что поселил в твоей душе Император, дабы обрушить его гнев на головы зеленокожих. Не ведай раскаяния.

Не проявляй жалости к чужакам — и у тебя не будет повода для сомнений.

Между капелланом и гредноутом повисло молчание. Брат Джарольф размышлял о словах Вольфрама.

— Так ты веришь, что все это часть большего плана? Его божественного замысла для Армагеддона? Для нашего крестового похода? Для меня?

— Я не знаю, брат Джарольф, — признался Вольфрам, покачив головой. — Но зато я знаю, что никто не выступил вперед, дабы принять на себя мантию его чемпиона, получив от него божественное откровение, — хотя готовы к этому многие.

— Значит, ты веришь, что брат Ансгар еще жив!

Аугментированный голос гредноута внезапно прозвучал как голос юного кандидата, еще не посвященного в братство и отчаянно нуждающегося в утешении.

— Я знаю это. Непонятно где и, возможно, едва жив, но Император не оставил бы нас без духовного лидера, пока

судьба этого мира еще не решена. И брату Ансгару не обязательно сражаться рядом с нами, чтобы вдохновлять участников крестового похода «Солемнуса» на подвиги!

Дым курений обвинял неподвижную фигуру гредноута. Когда брат Джарольд снова заговорил, вибрация динамиков вокса заставила дым колебаться, рисуя новые узоры.

--- Тогда мой путь ясен, --- произнес гредноут.

Капеллан Вольфрам взглянул вверх, на свитки, украшавшие запертый в корпусе гредноута саркофаг Джарольда.

--- Клянусь с нынешнего дня не знать отдыха, пока брат Ансгар не будет найден и с триумфом возвращен нам или пока мы не сможем достойно похоронить его тело и вернуть реликвии нашего ордена --- священное оружие, самые драгоценные символы звания чемпиона. Я обращаюсь к маршалу Бранту с прошением собрать армию, дабы мы могли отомстить за брата Ансгара и наши потери оркам из племени Кровавого Шрама, --- провозгласил гредноут. --- А затем мы вернемся на

Армагеддон!

Брат Джарольд оглядел кучу металлолома — все, что осталось от разведывательной группы Маньяков Скорости. Пристрастие агентов культа к быстрой езде не довело их до добра. Более основательная броня и вооружение, может, и дали бы им какой-то шанс против неуязвимой бронетехники Черных Храмовников.

Сенсоры, воспринимающие глины волн от инфракрасного до ультрафиолета, сканировали обломки в поисках признаков жизни. Если кто-то из зеленокожих и уцелел после сокрушительной атаки Черных Храмовников, жить им осталось недолго.

Еще недавно девственно-чистая снежная равнина теперь была исчерчена следами покрывек и испещрена законченными грядami снега и льда, выброшенными вверх снарядами, которыми обе стороны осыпали друг друга. Разлившийся протей и нефтяное топливо окрасили ледяную пустыню в

черный цвет. Некоторые лужи все еще горели. Поднимавшийся от них жирный дым увеличивал масштабы загрязнения. Воронки разрывов оспинами покрыли ледник там, где снаряды пролетели мимо цели; попадания были отмечены обломками орудийной техники, разбросанными по снегу.

Боевой фуре кюльта пришел конец, когда машинный дух персонального «Секача» техногесантника Усенгура попал в энергоустановку ее основного орудия. Один меткий выстрел из спаренной пушки «Секача» — и сдетонировавшая установка не только уничтожила оплывавшую стволу фору, но заодно прихватила с собой полугусеничный вездеход, боевой багги и три боевых мотоцикла.

Это было поворотным моментом сражения — сокрушительный удар, после которого орки так и не оправились. От них остались лишь кучи дымящегося мусора, почерневшие воронки во льду и изрубленные на куски тела.

Брат Жарольд стоял посреди груг

сожженной техники --- расколотых осей, разбитых водительских кабин и погнутых шасси кособоких орочьих машин.

За спиной гредноута собрались Черные Храмовники крестового похода «Солетнуса» --- того самого, который они начали двенадцать лет назад, дабы отмстить сражавшимся под знаменем Меченого Орка зеленокожим за злодеяния, учиненные в крепости оргена на Солетнусе.

Среди крестоносцев были раненые. Тяжелее всех пришлось брату Бальдгильфу, потерявшему руку под колесами орочьего мотоцикла, что, впрочем, не помешало костодесантнику идти в битву плечом к плечу с товарищами, держа цепной меч в упреждающей конечности. Но сегодня им не пришлось оплакивать никого из братьев --- ничье имя не присоединится к списку погибших, которые хранятся в боевой часовне оргена в самом сердце флагамана флота «Солетнус», боевой барже «Божественная ярость».

Улыбка Императора воистину сияла над его сегоднешними свершениями: шестьдесят три орочьих трупа и ни одного убитого

Храмовника. Брату Джарольду не нужно было других доказательств, чтобы понять их поиски пропавшего чемпиона — это воля самого Императора.

Брат Джарольд вознес благодарности Императору, притарху Торну и лорду Сигизмунду, основателю ордена, за то, что посвященные болтеры Храмовников не подвели хозяев во время битвы, и за то, что ни одна из их боевых машин не была серьезно повреждена.

Эскадрон «лендспидеров» расстреливал орочьи мотоциклы и вездеходы на полугусеничном ходу. «Носороги» и «Секачи» совершали то, что начали «Тайфуны» и «Торнадо», а отряды костодесантников на боевых мотоциклах и ударных трициклах преследовали тех орков, которые пытались сбежать с поля боя.

Гром выстрела штурмового болтера эхом раскатился над ледовым полем. Несколько Черных Храмовников бросились обыскивать груды металла и тел в поисках источника звука, сжимая в руках болтеры и огнеметы и готовые вновь

обрушиться на врага. Вместо этого они обнаружили брата Джарольда. Из стволов его тяжелого штурмового болтера, такого громадного, что оружие уместно было пристроено на броне «Хищника» или «Ноборника», поднимался синий дымок. Тело подстреленного Джарольдом орка билось в конвульсиях, рассеченное почти нагвое масс-реактивными снарядами.

Технодесантник Усенгур подошел к Джарольду. Рядом с гредноутом даже закованный в багровую броню технодесантник выглядел карликом, несмотря на то что подергивающаяся, как будто живущая собственной жизнью, серворука заставляла его казаться выше обычного костодесантника. За спиной Усенгура часть его сервиторов устраняла небольшие повреждения, полученные «Секачом» в сражении, а остальные наблюдали за работой товарищей.

Почувствовав присутствие технодесантника прежде, чем тот успел заговорить, Джарольд спросил:

— Готовы ли братья вернуться к выполнению задачи?

--- Готовы, брат, --- ответил тот в своей обычной холодной манере, столь контрастирующей со страстной натурой других крестоносцев. --- По твоему приказу.

--- Как далеко, полагаешь, нам осталось до цели?

--- Двенадцать целых семьдесят шесть тысячных километра, --- отчеканил техногесантник.

Про Усендүра не раз говорили, что он больше похож на машины, с которыми работает, чем на своих братьев-техногесантников.

--- Как насчет природы сигнала? --- спросил Джарольд. --- Он до сих пор выглядит так, будто исходит с орбиты?

--- И более того, --- ответил Усендүр, --- согласно моей гипотезе, аномальный сигнал, исходящий с орбиты, свидетельствует о присутствии некой примитивной телепортационной технологии.

Мрачное удовлетворение, разлившееся в душе Джарольда, на время пересилило непреходящее чувство вины и едва подавляемый гнев. В его мозгу

вспыхнуло воспоминание о той минуте, когда прошитый механическими имплантатами орочий вождь телепортировался из разрушенной лаборатории. Ощущение было столь же ярким и болезненным, как и в ту секунду, когда костодесантника рассек ржавый кибернетический коготь, чем Джарольд и заработал привилегию быть заключенным в оболочку гредноута, прежде служившую живой могилой Древнему Брату Дейдрику.

Тут, когда чемпиона Императора Ангара похитили прямо на глазах у Джарольда, в тысячный раз прокрутился в его памяти...

Он снова видел, как догоняет вождя ксеносов. Орка и его потерявшего сознание пленника окружала потрескивающая сфера зеленого света. Джарольд снова видел, как сияние щита усиливается...

И затем, как раз когда ему оставалось лишь несколько шагов до чудовищного ксеноса, сфера с инфразвуковым гулом схлопнулась, погрузив развалины лаборатории в

темному. Остался лишь отпечаток на сетчатке, сохраненный в подключенных к сенсорам оптических нервах Джарольда, --- но императорский чемпион Ансгар и военный вождь орков Моркрүлл Меченый исчезли бесследно.

--- Тогда я отдаю приказ, --- просто ответил Джарольд.

Повсюду, где орки использовали свою практически непредсказуемую телепортационную технологию, мог показаться и воссозданный Меченый --- злой рок крестового похода «Солетнуса». И если вождь зеленокожих действительно был здесь, существовала возможность, что рядом они найдут и Ансгара.

Усенгүр что-то подстраивал в сизнүте, который он сжимал в одной из багровых перчаток. С гудением сервомоторов греднүт развернул к технодесантнику безликую переднюю панель саркофага.

--- Брат Усенгүр? Ты нащүпал что-то еще?

--- Поймал гүрүгой сигнал, --- ответил

техногесантник.

--- Сигнал еще одного телепортера? ---
спросил Джарольд.

--- Нет. Сигнал слабый, как пульс у спящего.

--- Где находится его источник?

--- Координаты ноль шесть-семь точка три.

--- И какова, по-твоему, природа этого сигнала?

--- С вероятностью пятьдесят два процента это электромагнитные помехи от распада радиоактивных изотопов в скальных породах под ледником, --- пояснил техногесантник. --- Но есть еще двадцатитрехпроцентная вероятность, что эти помехи вызваны телепортационной матрицей, искажающей магнитное поле планеты. Так или иначе, вероятность указывает на то, что не стоит тратить на него время.

--- А куда подевались еще двадцать пять процентов? --- настойчиво спросил Джарольд.

--- Существует еще возможность, что сигнал исходит от отключенного

источника энергии. Но это маловероятно.

--- Какого рода источника? ---
допытывался Джарольд.

--- Как у отработанной силовой
батареи.

--- Которая может находиться в
автоматической системе вооружений
дредноута. Или в самом дредноуте.

--- Вероятность этого еще меньше,
хоть она и существует, --- упорствовал
Усендур, не готовый к тому, что кто-то
опровергает его логику. --- Если наша
задача состоит в том, чтобы найти
источник телепортационного сигнала, я
бы порекомендовал немедленно
выдвигаться к цели, не отвлекаясь на
слабые шумы.

Однако мысль о том, что сигнал ---
пусть даже с очень малой вероятностью ---
может быть последней весточкой от
потерянного брата-дредноута, крепко
засела в мозгу Джарольда. Дредноуты
были мощнейшим оружием орден
Астартес и почитаемыми реликвиями.
Целая армия с радостью бы сразилась за
то, чтобы вернуть павшего брата-

гредноута. Лишь в самых тяжелых обстоятельствах командир костогесантников бросил бы столь священную реликвию на поле боя.

Возвращение подобного сокровища, независимо от того, какому ордену оно принадлежало, оказало бы неоценимую помощь в боевых действиях. Даже единственный гредноут мог бы поддержать силы Астартес на одном из многочисленных фронтов Армагеддона -- и кто знает, как впоследствии это отразилось бы на всем ходе войны за спорную планету.

-- Я уважаю твое мнение, брат-техногесантник, ты это знаешь. Ты и твои собратья по кузнице не раз помогали мне, но вы видите логику лишь в переменных и алгоритмах. Я обладаю преимуществом опыта и накопленной мудрости и вынужден не согласиться. Мы должны найти источник второго сигнала и затем, когда определим, что это, вернемся к нашей первичной цели.

-- Хорошо, брат, -- уступил Усендур. --

Как пожелаешь.

Дредноут развернулся и огляделстрой Черных Храмовников.

--- Братья! --- провозгласил он. Голос Джарольда громом раскатился наддынным полем боя, где редкие снежинкишипели и таяли в пламени горящегопрометия. --- Я отдал приказ. Во имяИмператора, примарха Дорна и лордаСигизмунда --- выступаем!

--- Мы на месте? --- спросил Джарольд,остатривая заметенную вьюгой ледовуюпощину.

Пласты льда впереди поднимались,перерастая в промороженные склоныхребта, над острыми пиками которогоплясали зеленые электрические огни.

--- Да, --- ответил Усенгур, еще разпроверив показания сигнума.

Огромный черный дредноут итехнодесантник в багровых доспехахстояли перед стеной голубого льда, стольже твердой и несокрушимой, как роккрыт.

--- Так где же именно находитсяисточник сигнала?

--- Шесть целых восемьдесят девять сотых метра под поверхностью. Если мы хотим добраться до него, придется копать.

--- Тогда будет копать, --- бескомпромиссно заявил Джарольд.

--- Предоставь это мне, брат, --- сказал Усенгур.

Техногесантник обернулся к остальным Храмовникам.

--- Братья Ларс и Найл, --- крикнул он, подзывая двух крестоносцев.

Джарольд понял, что у Усенгура на уме.

Ларс с огнеметом в руке и Найл с трижды благословенным телтаганом подошли к ним и остановились перед ледяной стеной.

--- Братья, --- сказал Джарольд, --- пусть священное пламя Императора очистит эту оскверненную ксеносами землю.

Техногесантник указал, куда направить огонь, и Ларс с Найлом обрушили на ледник всю мощь своего оружия.

Униціат Тобрекан подкатил к ним
свой мотоцикл и направил на стену серию
выстрелов из плазматана, установленного
на машине. Когда пар и туман рассеялись,
братья Ларс и Найл вновь выступили
вперед. К ним присоединился униціат
Узен со своим трициклом. Его стрелок
Лукс направил на ледяную преграду
стволы мультителты.

Огнететы и плазменные орудия
техногесантников быстро проплавили во
льду шахту, ведущую к источнику
обнаруженного Усендуром сигнала. Из дыры
забили окутанные клубами пара гейзеры ---
кипящая на дне ямы вода вновь
конденсировалась, соприкасаясь с холодным
наружным воздухом.

--- А теперь, брат-техногесантник, ---
сказал Джарольд, стоя на краю
конусообразной выемки, --- посмотри, что
похоронено здесь.

С помощью серворуки Усендур
спустился в курящуюся глубину шахты.
Остальные воины замерли в напряженном
ожидании. Им не терпелось выяснить, кто
был прав: техногесантник или гредноут.

Упираясь руками в стены ямы, Усенгур взгляделся в ступенную тень, все еще запертую под последним ледяным слоем. Голос техногесантника донесся из шахты:

--- Ты был прав.

В его тоне не слышалось и намека на раздражение или восхищение.

--- Я был прав, --- со справедливым удовлетворением прогремел гредноут.

--- Следует ли нам его разбудить? --- спросил техногесантник, и в словах его прозвучало что-то похожее на благоговение.

Усенгур смотрел вниз на монументальное существо, заключенное в панцирь из прихваченного инеем агамантия. Слабое красное свечение пульсировало под ледяной коркой. Слабое и все же постоянное, как бьющееся сердце.

--- Это брат-костогесантник.

--- Он из ордена Багровых Кулаков, --- заметил техногесантник.

--- И все равно наш брат. Так что разбудим его.

Он потнил...

Над ледяными просторами и замороженными, изъеденными ветром пиками Мертвых Земель грохотал гром. Это был рев и треск артиллерийской канонады. Твердая как камень поверхность содрогалась, словно во время землетрясения, — даже сильнее, чем трепетала обычно под его гневной поступью.

Он помнил...

Шеренга за шеренгой, отделение за отделением костогесантники — его боевые братья — маршировали в битву. Знамена ордена гордо реяли над их головами. Величественные в своей царственно-синей броне, с окрашенными в багрянец левыми латными рукавицами — в память о церемонии, которую проводили при посвящении новых магистров ордена в легионе Имперских Кулаков, — и с посвященными в боях болтерами, крепко прижатыми к нагрудным пластинам и готовыми обрушить на противника всю ярость императорского правосудия, они шли на врага.

Он помнил...

Боевая машина. «Тантун», как называли его в войсках планетарной обороны Армагеддона. Передвижной алтарь, посвященный диким языческим богам ненавистных зеленокожих. Воплощение бездумного кровопролития и бессмысленного разрушения.

Он помнил...

...как шел в бой по сожженной земле, плечом к плечу со своими боевыми братьями. Армия орков катилась навстречу, и ледник покрывался трещинами под ногами армады, а морозный ветер был холоднее и острее вспоровшего воздух клинка.

Он помнил...

Когда шансов на победу почти не осталось, им пришлось выработать новую стратегию прямо в разгар сражения.

Он помнил...

...как вызвался добровольцем, как испытывал гордость, оттого что именно ему суждено положить конец этой войне. Он помнил звук, и жар, и свет. Он помнил, как умер во второй раз. А затем, сквозь

грохот битвы и ужасный рев разрушения,
он услышал голос.

«Брат, --- сказал этот голос, ---
проснись».

Тусклое красное свечение за визором
шлема на саркофаге пульсировало все ярче
с каждым словом, которое произносил
гредноут. Голос его был скрипучим и
хриплым от возраста и долгого молчания.

--- Прости, брат, что ты сказал?

Древний издал звук, напоминавший
искаженный динамикой вокса кашель.
Потом гредноут попробовал заговорить
снова.

--- Ты на Артагеддоне, брат, ---
ответил Джарольд. --- Ты все еще здесь, в
Мертвых Землях.

Кашель раздался снова, усилился,
захлебнулся и наконец уступил место
словам.

--- Какой сейчас год? --- спросил
ветеран. --- Мой внутренний хронограф,
похоже, сломался.

Техногесантник Усендур ответил с
точностью до третьего знака после

занятой.

Багровый Кулак несколько долгих секунд хранил молчание.

--- Сколько ты пробыл здесь, брат? --- В конце концов решился спросить Джарольд.
--- С начала войны?

--- Ты хочешь сказать, что все это время битва за Армагеддон не прекращалась? --- отозвался древний.

В голосе его прозвучало недоверчивое недоумение.

--- Да, с тех пор, как богомерзкий Тхазгкулл Маг Урук Трака во второй раз напал на этот мир.

--- Во второй раз?

Джарольд с подозрением оглядел древнего.

--- Скажи мне, брат, как долго ты пробыл в этой ловушке, погребенный под льдом?

Прошло несколько секунд, прежде чем почтенный дрегнутом стог снова заговорить.

--- Пятьдесят лет, брат Храмовник. Я был заперт здесь пятьдесят лет.

Двигатели машин заглушили, и
стоящие Ангелы брата Джарольда
собрались вместе, образовав круг
несокрушимой брони. Здесь были все, от
самого юного послушника до старейшего из
инициатов. Строй молящихся
костогесантников служил преградой
жалящим ветрам, которые проносились
над Мертвыми Землями, стегая любой
участок оголенной кожи ледяными
розгами. Сильнее всего доставалось
послушникам Джервису, Ферану, Угизу и
Галану, потому что им лишь предстояло
заслужить право носить полную силовую
броню, как старшим братьям, и головы их
были обнажены. Но даже если ледяной
ветер и причинял им какое-то неудобство,
они не подавали виду. Слабость тела была
невозможна для костогесантников.

С одной стороны круга стоял брат
Джарольд, а напротив него возвышался
почтенный Родотан из ордена Багровых
Кулаков.

Багровые и синие цвета панциря
Родотана ярко контрастировали с черно-
белой броней Храмовников — хотя более

древние и богато изукрашенные доспехи некоторых ветеранов были покрыты золотыми и красными узорами.

Завывающий ветер бросал в костюгосантников хлопья снега, но громомогобные молитвы брата Джарольда были ясно слышны и сквозь рев метели.

--- Мы должны обрушить его всемогущий гнев и ярость на ксеносов и стереть зеленокожих с лица этой планеты! --- прогрохотал Джарольд. --- За Императора и примарха!

--- За Императора и примарха! --- с пылким рвением откликнулись его боевые братья.

--- За Императора и примарха! --- эхом отозвался почтенный Родотан.

Брату Джарольду не потребовалось спрашивать, соизволит ли древний присоединиться к миссии Храмовников. Родотан пробудился спустя пятьдесят лет и обнаружил, что мир несколько не изменился с течением времени. Он также узнал, что его братья, Багровые Кулаки, с которыми он сражался против зеленокожих плечом к плечу, ушли.

Возможность идти в бой вместе с Храмовниками придала его жизни благородную цель. У древнего появился шанс завершить то, что начал он с братьями. Убо какая цель может быть у Астартес, кроме вечного служения? Если бы костогесантнику отказали в праве служить Богу-Императору, то вся его долгая жизнь, и все битвы, в которых он сражался, и все, чего он достиг во славу его священного имени, -- все это ничего бы не стоило.

И Черные Храмовники, и Багровые Кулаки -- два ордена, сформированные по завершении Ереси десять тысячелетий назад, -- были преемниками изначального легиона Имперских Кулаков, созданного из геносемени самого Рогала Дорна. И Храмовники, и Кулаки появились благодаря легендарному Рогалу Дорну, так что даже не возникло вопроса, присоединится ли Родоман к Черным Храмовникам крестового похода «Солетнуса». Они были братьями по оружию -- вот и все, что имело значение.

Брат Джарольф оглядел собравшихся

Храмовников, древнего из ордена Кулаков и закопанную в лег землю.

--- Время настало, --- сказал он, изучая хребет острозубых гор на горизонте.

Каков бы ни был источник аномального сигнала, обнаруженного флотом, он находился за этим хребтом.

--- Сегодня мы покажем зеленокожим, почему они должны нас страшиться. И они увидят, почему мы является для них воплощенным ужасом. Сегодня мы сразимся с врагом. Сегодня мы очистим Мертвые Земли от ксеносовской заразы, поразившей мир.

Выдвигается!

Час молений завершился. С новой решимостью в сердцах, хранимые несокрушимой броней веры не менее, чем керамитом их силовых доспехов, костодесантники разоткнули круг и вернулись к своим машинам. С ревом мощных двигателей, подобным гневным толикам брата Джарольда, Мстители Ангара тронулись в путь.

Войско продвигалось неспешно, чтобы

дредноуты не остались далеко позади. Брат Джарольд высадился в сердце Мертвых Земель с помощью десантной капсулы, и Храмовники не ожидали, что к их поискам источника аномального сигнала присоединится другая дредвний. Их не на чем было перевозить, так что дредноутам пришлось идти самостоятельно.

Тем не менее у отряда не ушло много времени на штурм ледяного перевала, пролежавшего между зубчатыми обсириановыми пиками. Пилот-инициатив Эгслик улетел вперед на своем «лендспидере», чтобы разведать дорогу и узнать, что находится по ту сторону хребта. Вскоре он вернулся, ловко пилотируя спидер наго льдом и не забывая сделать поправку на ветер, когда начал спуск с вершины перевала. Его машина зависла перед тяжело шагающим дредноутом.

— Брат Джарольд, — проговорил Эгслик. — Тебе надо увидеть это самому.

— Это, — сказал технодесантник

Усендур, указывая в центр пробитого во льду кратера, — источник аномального сигнала.

Костогесантники остановились у выхода из ущелья. Тени огромных ледяных скульптур, за тысячелетия выточенных ветром на немыслимой высоте, падали в долину. Брат Джарольд внимательно осмотрел виднеющуюся внизу каверну.

Вырытая зеленокожими расселина казалась ульем, беспорядочно набитым промышленными установками. И она кишела орками. Ксеносы, суетившиеся по стенам раскопа, покрыли ледник сплошным зеленым ковром. Грохот их шахтерского оборудования эхом раскатывался между ледяными склонами. Там были специальные землекопные машины и другая техника, также подключенная к работам. На некоторых машинах торчали флажки, украшенные орочьей символикой и демонстрировавшие преданность зеленокожих своему роду. Вид Меченого Орка — уродливого племенного идола, вырезанного из стали, со зверской тордой, рассеченной надвое ржаво-красной

толпией шрама, -- наполнил брата
Джарольда в равной мере радостью и
негодованием.

Они нашли именно то племя, которое
и разыскивал брат Джарольд. Орки,
работавшие в ледяном раскопе,
принадлежали к племени Кровавого
Шрама. Воистину Император
благословил сегодняшние начинания
крестоносцев.

Но, вновь сосредоточившись на грубом
мотеме чужаков, Джарольд ощутил
вскипевшую в груди ярость -- ярость,
равной которой он не знал с того самого
момента, когда воссозданный
предводитель орков Моркрүлл Меченый
трусливо сбежал, прихватив с собой тело
императорского чемпиона Ансгара.
Джарольд чувствовал такой же гнев, когда
чужовищный ксенос телепортировался из
разгромленной лаборатории в зеленом и
страдном сердце экваториальных
джунглей.

-- Где-нибудь здесь есть
телепортационная установка? -- спросил
предноут у техносантника, глядя на

зеленое электрическое свечение,
перекатывающееся между затянувшимися
небо над долиной тучевыми грозами.

Он хотел быть уверенным.

— Я перекалибровал сигнал и более
точно настроился на сигнал, брат, —
ответил техногесантник. — Да, есть.

Человеческие останки Джарольда,
заключенные в амниотическую жидкость
саркофага, возбужденно вздрогнули.

Неужели они действительно
выследили ту дичь, которую так долго
преследовали? Возможно ли, что орочий
вождь находится здесь? И если да, есть ли
рядом с ним Ансгар?

Джарольд снова заглянул в кратер, и
в его сердце, кипящее предвкушением
праведной мести, закралось предательское
сомнение. Но не размеры орочьей орды
наполнили разум брата Джарольда
брезгливым благоговением и изумлением —
нет, чувства его вызвало то, что орки
практически закончили выкапывать из
стекавшего в долину ледника.

Почтенный Родоман тоже увидел
это. И вспомнил.

Боевая машина. Отвратительная
мешанина трофейного оружия и брони,
продукт нечестивой технологии ксеносов и
генетически запрограммированных
инстинктов, живое воплощение дикости
орков и их неуголмого стремления к
войне.

Монстр --- ибо оно было монстром ---
полотился через лесник, разнося в клочья
строй Багровых Кулаков.
Космогесантники пустили в ход
бронетехнику и тяжелые орудия, но всего
этого было мало, чтобы остановить
чудовищную машину-бога, которая
неудержимо рвалась в сражение.

Отчаянные времена требуют
отчаянных мер, а Родотан не помнил
более отчаянных времен. Требовалось что-
то предпринять, дабы уничтожить этого
разъяренного бога.

И тогда, при поддержке своих
благородных братьев-Кулаков, он двинулся
вперед, чтобы сразить чудовище в
последнем акте самопожертвования. Его
братья погибали один за другим, отдав

свои жизни — все без остатка — за то, чтобы он смог выполнить свое задание. Выдержав залпы «стрелял», «мартир», «патрашителей» и ураган ракет, древний сумел пробиться сквозь щиты «Тантүна» и заложить тепловые заряды прямо у ног чүговуца.

«Император хранит», — пропел он, готовый принять свою судьбу.

А затем были лишь белый шум, жар и свет.

На один краткий миг тысячелетний лед вновь стал потоком бурлящей воды, и пылающий «Тантүн» погрузился в волны. Сила взрыва швырнула Родомана в воздух. Дрегнув, неся как раскаленная комета, ему казалось, что он слышит голос Императора, призывающего его на службу в грядущем мире...

— Угол жив, — выдохнул Родоман.

Уже всем — а не только испытанному в технике Усендүрү — стало ясно, что орки закончили откапывать останки боевой машины и теперь пытались оживить ее: заправляли топливом, проверяли

завывающую ходовую часть и производили пробные выстрелы из многочисленных и разнообразных орудий.

Раздался сердитый рев поршней, и из дымовых отверстий и выхлопных труб на спине боевого угла кеносов повалил черный жирный дым.

--- Как я понимаю, это не источник того сигнала, который мы отслеживали? --- спросил Джарольд у стоящего рядом техногесантника.

--- Нет, брат. Это он и есть, --- указал Усендур своим силовым топором.

--- Я его вижу, --- подтвердил Родотан.

Джарольд вновь пристотрелся, сфокусировав свои оптические сенсоры, и тоже увидел.

Огромная коллекция железных прутьев и перекладин, потрескивающих медных шаров и бесконечных толковых кабеля. Все это поддерживалось титаническими лесами, но массивное сооружение прятала вьюга и туша коровьего угла, стоявшего перед ним.

Устройство венчал огромный столб, поддерживаемый мощными опорами.

Джарольд предположил, что это лучевой передатчик.

--- Меч Сигизмунда! --- выдохнул Джарольд.

--- Насколько я понимаю, перед нами порочий телепортер, --- заметил Усендур.

--- Мы должны предупредить флот, --- отозвался Джарольд. Обдумав увиденное, он добавил: --- Мы не можем позволить грязным ксеносам облагать таким вооружением и технологиями.

Теперь Джарольду стало ясно, что орки намереваются телепортировать выкопанного или «Тантуна» из покрытых льдом Мертвых Земель на другой участок фронта, чтобы усилить тамошнюю партию. Столь мощное подкрепление могло повернуть ход войны в пользу зеленокожих. Этого нельзя было допустить.

--- Да, брат, --- ответил Усендур.

Спустя несколько напряженных минут, которые Джарольд провел, наблюдая за небесами, --- словно он ожидал, что «Божественная ярость» поразит «Тантуна» молнией прямо с орбиты, --- технодесантник отпортновал:

--- Помехи, генерирүемые
телепортёром, которые мы засекли с
орбиты, сейчас препятствую
прохождению моего сигнала к флоту.

Сообщая дурные новости, Усендур по-
прежнему не выдал никаких эмоций.

Они остались здесь одни.

--- В таком случае нам придется
самим разобратся с «Тантунем» и
телепортёром, --- объявил Родотан. --- Мы
не можем позволить зеленокожим
вернуться отсюда вместе со своим иголом.
Это противоречит воле Императора.

--- Тогда мы вновь сразимся с врагом,
схватимся врукопашную, если это
необходимо, --- откликнулся Джарольд.

Его штурмовая пушка взвыла, набирая
обороты.

--- В точности так, как нам по душе.

Взревели мотоциклетные двигатели
и моторы тяжелой бронетехники. Отряд
Черных Храмовников скатился с перевала
в вырытую во льду расселину прежде, чем
орки поняли, что происходит.

--- Никакой жалости! Никаких

колебаний! Никакого страха! — зрел
брат Жарольд, топая вниз по ледяным
склонам.

Крюки на подошвах гредноута
надежно держали его на скользкой
поверхности.

— Помните только об Императоре! —
присоединился к нему Родоман,
подбадривая идущих в атаку
крестоносцев. — Он наш щит и наша опора!

Первыми, обгоняя шагающего
гредноута, мчались мотоциклы и
трициклы. За ними катились «Секачи» и
«Рино». Под их массивными тушами лед
трескался, гусеницы переталывали его в
мелкую крошку, а тяжелые болтеры
осыпали снарядами склоны каверны и тех
орков, которым хватило расторопности
хоть чем-то ответить на атаку
костодесантников.

Эскадрон «лендспидеров» взвился над
перевалом, следуя за наступающей
бронетехникой. Лед согрознулся от гула их
двигателей, а штурмовые пушки
«Торнадо» били очередями по оркам,
торопившимся встретить эту новую

угрозу.

С оглушительным ревом «Тайфун» выпустил ракетный залп. Ракеты прочертили воздух, и среди пришедших в движение орочьих бронемашин вспыхнули яркие цветы взрывов. Тела, обшивка и колеса взлетели вверх, чтобы приземлиться на лег полыхающими грудами.

Лазпушка, установленная на «Секаче» Усенгура, выстрелила с пронзительным визгом. Ослепительное копье прошло снегопад и озарило стены каверны, как пламя зажигательного снаряда. Секундой позже кратер вновь осветило — это взорвался орочий бронетранспортер на полугусеничном ходу. Лазерный выстрел поразил одновременно его топливный бак и груз ракет в кузове.

Посреди орды зеленокожих с треском и грохотом дегонировали осколочные гранаты. Орки погибали десятками.

Некоторые из них, однако, успели забраться на мотоциклы и в кабины полугусеничных вездеходов. Запустив двигатели, ксеносы развернули машины,

чтобы встретить атаку Черных Храмовников.

Орки приходили в себя. Крестоносцы Джарольда использовали все преимущества внезапности и все отпущенное им благословение Императора, но теперь противники организовали сплоченную оборону.

Полугусеничные бронетанки и тяжелые орочьи мотоциклы сближались с нагвигающей бронетехникой Храмовников. Боевые братья, управлявшие благословенными машинами крестового похода, знали их вперед, а техносантники Усенгур ровным монотонным голосом возносил молитвы Отниссии.

На дне кратера, в тени выкопанного орками угла, где силы сошлись. Столкновение сопровождал рев перегревшихся двигателей и визг терзаемого металла. Полетели искры, броня покрылась вмятинами, затрещали оси и начали взрываться топливные баки. Орков швыряло на корпусы «Рино» и «лендспидеров». Мельтешащих под ногами оротов давили гусеницы «Рино» и колеса

орочьих байков. Других ксеносов поражали выстрелы священных болтеров Храмовников --- оружие орков не могло сравниться в надежности и меткости с арсеналом костогесантников.

Но, несмотря на их примитивную конструкцию, у орочьих ружей имелось одно преимущество, которым не обладали священные орудия Храмовников: их было больше. Намного больше. Вскоре стало очевидно, что орки многократно превосходят костогесантников числом, --- на одного крестоносца приходилось по меньшей мере двадцать ксеносов. Хотя избранные Императора славились боевой выучкой, такой перевес подверг испытанию даже их непревзойденное мастерство. Возникла реальная опасность, что орки просто задавят их массой, если объединят усилия.

Но брат Джарольд --- сейчас находившийся в арьергарде и добивавший тех орков, которые ускользнули от орудий Храмовников, --- еще до начала атаки понял, что это может произойти.

Было ясно, что орки Кровавого

Шрама натеревались телепортировать «Тантүна», чтобы доставить его в другую область Армагеддона. План Джарольда изначально заключался в том, чтобы проникнуть на место раскопок и уничтожить военного игола — или, если это не удастся, захватить и удерживать гигантский телепортер орков, пока Усендур не найдет способ его разрушить.

С визгом отказавших турбин «лендспидер» пилота-инициата Эгеслика вонзился в лес: его поразил удачный выстрел орочьей психопушки. Рычащая стая ксеносов сошлась над упавшим «лендспидером», обрушив на Эгеслика и стрелка-инициата Фраомара топоры и зазубренные тесаки.

Два «Рино» развернулись и резко затормозили посреди кратера. Люки откинулись, и экипажи машин высыпали наружу, хлестнув траурно-черной и ослепительно-белой волной по зеленому торю. С ревущими болтерами и завывающими цепными мечами, они ринулись в свалку. Пусть их превосходили числом, зато они были в самом сердце

сражения — а лишь там Храмовники
могли заслужить свои знаки почета.

Мультимелта почтенного Родомана
выпустила разряд — и клубок яростно
вонящих орков отправился на тот свет.
Кровь зеленокожих вскипела и,
превратившись в пар, сварила их
собственные органы.

По ледяному полю вновь заплясал свет
— на этот раз в виде фиолетовой сферы,
вспыхнувшей, как миниатюрное солнце, на
краю боевых порядков Храмовников.
Взрывная волна потрянула стены раскопа —
это взлетел на воздух «Тайфун» со всем
оставшимся запасом реактивных снарядов,
пораженный выстрелом из вновь
заработавшей смертоушки «Тантуна».

Брат Джарольд устоял на ногах.
Сверху и по сторонам сыпались орочьи
мотоциклы, сметенные взрывной волной.
Дредноут навел свою штурмовую пушку на
уцелевших зеленокожих, теперь
улепетывающих от эпицентра взрыва. В
том немногом, что осталось от
человеческого тела брата Джарольда,
кипел священный гнев.

--- Брат Джарольд.

Голос технодесантника Усенгүра в коммуникаторе прерывался треском помех. Поле, созданное нестабильным телепортером орков, искажало сигнал связи даже на близком расстоянии.

--- В чем дело, брат? Докладывай.

--- Мы достигли цели, --- объявил Усенгүр.

В словах его прозвучало что-то подозрительно напоминавшее эмоции.

--- Мы взяли телепортер.

--- Ваша цель --- телепортер. Встречается там, --- приказал брат Джарольд.

Боевые братья слышали приказ сгрудноута через вокс-коммуникаторы, но его громоподобный голос донесся до них и сквозь дикий рев ксеносов и болтерные очереди.

--- Повторяю --- сбор у телепортера.

Устройство было громадным --- такого колоссального размера, что даже древнейший из них, почтенный Родоман, никогда прежде не видел подобного. Эдакую

тахину сложно не заметить. Конечно, у Храмовников имелась и собственная телепортационная технология --- оборудование, укрытое в трюмах корабля-кузницы «Голиаф». Там его аккуратно обслуживали, и работали на нем техногесантники -- Магистры Кузницы и их сервиторы, но у костогесантников не было ничего даже отдаленно приближающегося по масштабу к этому циклопическому inferнальному агрегату.

Техногесантник Усенгур ощущал что-то граничившее с еретическим благоговением, когда смотрел на чудовищное устройство, раскинувшееся перед ним во всем своем ужасном и варварском величии.

Орочьи головорезы на много превосходили Храмовников числом, но мстители-костогесантники сумели проникнуть глубоко в раскол за счет своей внезапной атаки. Орки, то ли слишком тупые, то ли не в меру самоуверенные, выставили недостаточно часовых, чтобы сформировать хоть сколько-нибудь

надежный защитный периметр. Возможно, они не ожидали, что кто-то помешает им. В этом промерзшем бездорожье, в самом сердце пустынных Мертвых Земель, где невозможно было выжить ни одно существо, кроме орков. Что касается их самих, то, судя по тому, что побудал на своем веку Джарольд, орки могли выжить практически везде.

Быстроходная и тяжеловооруженная бронетехника Храмовников легко проникла в кратер, где возвышался открытый зеленокожими «Тантун». «Рино» и «Секачи» сметали ксеносов и их наскоро сляпанные машины, словно сам благословенный Сигизмунд поражал отмерзших ксеносов из своей звездной обители, где он стоял ныне по правую руку примарха Дорна.

Но сейчас первое стяжение орков прошло. Они сплотились и повели мощную контратаку против наступающих Черных Храмовников.

Несмотря на искусство крестоносцев в рукопашном бою, даже самым закаленным бойцам, таким как мстители

брата Джарольда, приходилось туго в схватке со столь многочисленным противником.

Лучшее, на что они могли надеяться, -- это подороже продать свою жизнь. Хотя крестоносцы и не нашли потерянного брата Ансгара или военного вождя Моркүүлла Меченого, они могли достойно завершить свой крестовый поход здесь, помешав оркам воспользоваться боевой машиной, которую те столь упорно пытались воскресить.

Мотоциклы, черно-белые -- Храмовников и потрепанные красные -- орков, с ревом проносились мимо брата Джарольда, шагающего по полю сражения. Он прицелился и выстрелил. Переднее колесо боевого мотоцикла, преследующего трицикл костогесантников -- стрелок-орк возбужденно вопил, почти в упор расстреливая Астартес, -- исчезло во вспышке взрыва. Сначала мотоцикл зарылся в лег, а потом перевернулся, швырнув стрелка прямо на низко идущий «лендспидер». Мелькнула изумленная рожа зеленокожего, ударившегося о корпус

спидера, и раздался треск сломанных костей. Водитель мотоцикла угодил под собственную машину, которая приземлилась ему на спину, переломав позвоночник.

Джарольд навел болтер на сворю кинувшихся на него зеленокожих, сжимающих в мускулистых лапах крупнокалиберные «пулялы» и ценное оружие. Залп сокрушительного огня — и все было кончено. Никто больше не стоял между гредноутом и орочьим телепортером.

И он был не единственным, кто добрался до цели. Сержант Беллангир вдохновлял людей своим примером — болтер в одной руке, цепной меч с каплюющей с него кровью зеленокожих в другой — и не потерял ни одного бойца. Даже сейчас он вместе со своими воинами приканчивал последних орков, которые карабкались по огромным опорам телепортера.

Покрытый кибернетическими имплантатами мечбой упал, сраженный цепным мечом Беллангира.

Джарольд оглянулся на дымящиеся воронки и клубки сцепившихся бойцов, усеявшие дно раскопа. Неподалеку виднелся искореженный корпус «Рино», рядом чадили останки мотоцикла. Большая часть бронетехники Храмовников добралась до цели — но не вся. Тут и там среди клубов дыма, поднимавшихся от сожженных машин, Джарольд замечал пятна черной и белой краски и рассыпанные вокруг тела.

При виде павших боевых братьев Джарольд ощутил, как его кровь закипает. Машинный дым, деливший с ним оболочку предногута, сообщал имена погибших: инициал Гарр и стрелок Хеольстор, брат Деруан, брат Эгхан и брат Класт из отделения Гарронга. Тяжелый болтер Класта, теперь бесполезный, валялся рядом с его изувеченным телом.

Из этого гневного транса брата Джарольда вырвало что-то вроде землетрясения.

Поверхность содрогалась. Куски льда высотой в двадцать метров откалывались от ледника. «Тантун» пришел в движение. Орки наконец-то ухитрились вдохнуть в

своего угола новую жизнь.

Подобно брату Родоману, «Тантун» пятьдесят лет провел скованным во льду. Подобно брату Родоману, он получил сейчас второй шанс завершить то, что соргы Гхазгүлла Маг Урук Трака начали полвека назад.

Когда моторы угола взревели, из его выхлопных труб повалил грязный дым, затянувший лазорево-синее небо вонючими черными клубами.

Рука-крюшила «Тантуна», повесившейся на которой напминал огромный, изъеденный коррозией валун, прикрепленный к стальному стержню, развернулась и с размаху обрушилась на «Рино». Сила удара не уступала прямому попаданию метеорита. Агамантиева обшивка бронетранспортера прогнулась, и машина кувыркот покатила по скальному ложу следника, обнажившемся после раскопок.

Вывалившийся из десантного люка послушник Феран попал под струю порохового огнетета. Джарольд видел, как гранаты на поясе его боевого брата взорвались, сметонировали и останки десантника.

взлетели в воздух в пламени взрыва.

Разъяренный гибелью еще одного товарища, которому судьба даже не отпустила шанса проявить себя в битве, гредноут направил оружие на его убийцу.

Стволы его штурмовой пушки раскалились докрасна. Машинный дух, подключенный к мозгу брата Джарольда, сообщил, что боеприпасы на исходе. Но если сегодня гредноуту суждено было умереть второй смертью, он собирался прихватить с собой как можно больше орков Кровавого Шрама.

Джарольд оглядел опаленную поверхность ледника. Выжившие Черные Храмовники образовали кордон вокруг телепортера. Все стволы орудий крестоносцев были нацелены на врагов, которые осаждали их позиции. Ярость, охватившая орков при виде захваченного костодесантниками телепортера, подхлестывала наступающих. Зверообразные ублюдки рычали и завывали в предвкушении резни.

--- Братья! --- вскричал Джарольд. Его голос отразился от многочисленных

кранов и подъемников сооружения, охваченного злобещим зеленым сиянием. --- Сегодня мы покажем грязным ксеносам, что Армагеддон им не достанется! Сегодня орки узнают, что ни одно злодеяние не останется неотмщенным и ни одна подлость не пройдет безнаказанной. Сегодня мы обрушим божественное возмездие Императора на головы зеленокожих осквернителей этого мира, во имя примарха Дорна и его верной службы лорда Сигизмунда!

Джарольд взял на прицел очередного орка и снес ему голову массореактивным снарядом.

--- Братья! Сегодня нам придется пожертвовать жизнью, чтобы помешать оркам одержать еще одну победу здесь, на Армагеддоне. У нас новая цель. Мы не покинем эту планету, пока не убедимся, что зеленокожим никогда больше не удастся использовать телепортер или их военного идола. Сегодня хороший день для того, чтобы встретить смерть!

Со скрежетом разрываемого металла окутанные электрическим сиянием

клешни пробили пыхтящий двигатель
орочьего полугусеничного вездехода,
бронепластины которого расплавились от
теплого выстрела мультимелты.

Когда дым и пламя рассеялись,
дредноут Черных Храмовников с трачным
удовлетворением увидел, как еще более
внушительный и причудливо украшенный
почтенный Родоман шагает через
обломки, стремясь достичь кордона
крестоносцев. По пути он раздавил
извивающегося орка своей огромной ногой, а
второго — раненого водителя вездехода —
вытащил из кабины и, сожмнув багровые
когти огромного силового кулака, оторвал
ксеносу голову.

— Нет, брат, — прогремел дредний. —
Прошу прощения за то, что возражаю
тебе, но сегодня вы не встретитесь.

Поравнявшись с Храмовниками,
Родоман обратил свою мультимелту
против орочьего мотоцикла и поджег его
топливный бак. Машина и наездник
исчезли в облаке ослепительного пламени.

— Отдать свою жизнь за то, чтобы
остановить это богохульство, — не ваш

жребий, --- решительно продолжил почтенный Родотан. --- Ваша задача еще не выполнена. Вы должны выжить, чтобы сражаться дальше.

Джарольд слушал Багрового Кулака, не перебивая, и одновременно выцеливал орка с огнеметом, сидящего в кузове еще одного полугусеничного вездехода.

--- Это мой бой, брат, --- твердо сказал Родотан. --- Я должен завершить то, что начал с моими братьями-Кулаками пятьдесят лет назад.

Древний был прав. Это не их битва. Уничтожение военного игола орков никогда не являлось их целью. Их все еще ждал где-то брат Ансгар. Долг Джарольда и остальных крестоносцев состоял в том, чтобы найти чемпиона. Они дали клятву.

Однако все это не отменяло того факта, что крестоносцы были окружены превосходящими силами врага; надежды повернуть ход сражения в их пользу почти не оставалось, и даже флот не мог их отсюда вытащить.

Невероятное сооружение, в тени которого укрылись костодесантники,

зудело и звенело, когда пули орков и энергетические лучи рикошетили от его столбов и опор.

--- Как по-твоему, ты сможешь вычислить принцип его работы? --- спросил Джарольд у технодесантника.

--- Все машины орков примитивны и чужды нам, --- ответил Усенгур. --- Но я могу предсказать успех с семидесятипроцентной вероятностью.

--- Тогда приступай к работе, --- велел Джарольд. --- Во имя Императора, я бы много отдал, чтобы эта штука заработала и запеленговала наш флот на орбите. И чем скорее, тем лучше.

* * *

Разогнавшийся полугусеничный бездеход взорвался с глухим хлопком, угодив под шквальный обстрел тяжелых орудий.

Стоя плечом к плечу против надвигающейся орды, гредноуты Джарольд

и Родотан определили новую цель --- и боевой мотоцикл разлетелся ливнем осколков.

Всего в паре метров от них погиб брат Хорвар, обезглавленный орком, большая часть тела которого была заменена на механические протезы. Гневно взревев, Джарольд вырвался из круга и шагнул вперед. Приблизившись к убийце, он выкрикнул литанию ненависти и изрешил augmented тело ксеноса огнем болтера и штурмовой пушки.

--- Брат Усендур! --- окликнул он, перекрывая вой орков и гикую какофонию их орудий.

Дредноут не обращал внимания на бьющие в его адамантиевую броню снаряды, словно удары были всего лишь комариными укусами.

--- Скажи, что у тебя есть хорошие новости!

--- Я подчинил себе то, что можно было бы назвать машинным духом этого устройства, установив связь через одного из моих сервиторов и покорив его

литургическим процессированием.
Используя его передатчики, я определил
местонахождение нашего флота и
корабля-кузницы «Голиаф»...

--- Брат! --- завопил Джарольд,
рассекая орка от пояса до шеи болтерной
очередью. --- Теленортер готов?

--- Так точно, брат, --- ответил
Усендур. --- Он готов.

--- Тогда начинай эвакуацию!

Пока два гредноута сдерживали
наседавших орков болтерами и кулаками,
пушками и мультимелтой, отряд
Хратовников по команде Джарольда начал
отступать к гигантскому излучателю.
Крестоносцы ни разу не повернулись спиной
к врагу, и каждый их шаг стоил оркам
дюжины бойцов.

Никогда Хратовники не отступали
перед лицом превосходящих сил
противника, но у братьев из крестового
похода «Солетнуса» не оставалось другого
выхода. Они не могли бросить свои жизни
на ветер до тех пор, пока их священная
миссия не будет завершена. Им еще
предстояло найти тело брата Ансгара и

отплатить орочьему вождю Моркрүллу Меченому за все, что орки Кровавого Шрама сотворили с крепостью ордена на Солемнүсе.

Они все дали клятву — каждый из братьев-крестоносцев, от послушника до инициата, от технодесантника до аптекаря, от гредноута до маршала и от капеллана до чемпиона, — что не опустят оружия, пока их обет не будет исполнен. И сейчас им представилась возможность продолжить бой.

Орочий телепортер, предназначенный для переноса такого колосса, как «Тантун», на другой фронт, был настолько громаден, что все выжившие бойцы Джарольда утестились в круге проекционной пластины под излучателем.

Они уйдут отсюда вместе. Так хотел брат Джарольд. Неважно, сработает ли их план и телепортер доставит технодесантников на борт «Голиафа», или машина рассеет их атомы между звезд, — они шагнут в неизвестность вместе. Позади оставались лишь двое: один из сервиторов-техников Усендүра, который

должен был запустить програнную
телепортёра, и почтенный брат Родоман
из ордена Вагровых Кулаков.

--- Брат Джарольд! --- позвал Усендур.
В бесстрастном голосе техногесантника
прорезалось что-то вроде нетерпения. ---
Мы ждем только тебя.

Джарольд развернулся к Родоману,
собираясь заговорить, но вместо этого
прикончил метким выстрелом
хромоногого, размахивающего секирой
орка.

--- Ступай, брат, --- сказал Родоман,
прежде чем Джарольд успел произнести
хоть слово. --- Ступай навстречу своей
судьбе и дай мне встретить мою.

--- Это было для меня честью, ---
твердо проговорил Джарольд.

--- Взаимно, --- ответил гревний.

--- Умри достойно, брат. За примарха!

--- За Дорна! Теперь иди.

Родоман направил очередной разряд
мультимелты в центр скопища орков.
Тепловой выстрел выжег все в радиусе
десяти метров от гредноута.

Уходя, брат Джарольд вызывающе

повернулся к оркам спиной и направился к своим братьям, столпившимся под гудящим излучателем телепортера. Древний, словно само воплощение императорского гнева, прикрывал его отступление огнем.

Безостановочно стреляя, Родоман начал бормотать литанию служения Дорна:

--- Что есть твоя жизнь? Моя честь --- это моя жизнь.

Орк рухнул, сраженный очередью его штурмового болтера.

--- Что есть твоя судьба? Мой долг --- это моя судьба.

Другой орк задержался на когтях его силового кулака.

--- Что есть твой страх? Поражение --- это мой страх.

Отступая за спину Родомана, брат Джарольд в последний раз продемонстрировал оркам свое презрение, вызывая крик:

--- Никакой жалости!

--- Никаких колебаний! --- отозвался второй гредноут, подхватив его боевой

клич.

--- Никакого страха! --- проревели они в унисон, стукнув оружием о священные доспехи в дерзком салюте.

Электрические огни взбежали по опорам телепортера и обвили гигантское сооружение грожащими кольцами гниlostного зеленого света. С пронзительным визгом, словно лопнула сама ткань небес, телепортер сработал.

Родотан не оглянулся. Он и без того знал, что Храмовники ушли.

--- Что будет тебе наградой? --- спросил он, и голос его набирал силу, бросая вызов беснующемуся оркам. --- Мое спасение --- это моя награда.

Три орка пали под ударами болтерных снарядов.

--- Что есть твое ремесло? Смерть --- это мое ремесло.

Мультимелта обратила в парочкой орочий мотоцикл.

--- В чем твой обет?

Древний затер. «Тантун» надвигался на него, на него одного, изрыгая дым из выхлопных труб и сотрясая землю своей

грязной постылью.

--- Вечное служение --- это мой обет!

Когда «Тантун» наконец приблизился к телепортеру, теряя землю тяжкими, уверенными шагами, от которых дрожало скальное ложе ледника, древний осознал один непреложный факт: настал его последний бой, но даже великая жертва гредноута вряд ли остановит чудовище.

Родотан и его братья-Кулаки не сумели уничтожить монстра пятьдесят лет назад во время Второй войны за Армагеддон --- они смогли лишь отсрочить неизбежное, поймав «Тантуна» в ледяную ловушку. На что же оставалось надеяться теперь, пятьдесят лет спустя, когда он стоял в одиночестве перед убийственной мощной боевой машиной?

И все же Родотан продолжал стрелять, направляя разряд за разрядом из мультиметлы в торчащие из корпуса иглола стволы орудий, в броню «Тантуна» и в его экипаж, когда машинный дух гредноута ловил ксеносов на прицел.

«Тантун» навис над ним, загораживая кратер и остальную часть орды.

Смертоносный бог-машина заполнил его мир. Ничто другое теперь не имело значения. Оставались лишь древний и угловатый — два реликта иной эпохи, уцелевшие со времен прежней битвы за Армагеддон и готовые сделать финальный ход партии, начавшейся пять десятилетий назад.

Искрящееся изумрудное пламя вновь охватило орочий телепорт. Силовые реле загудели — устройство опять подключилось. Оптические сенсоры Родомана сфокусировались на дымящихся останках сервитора, вплавленного в эзотерический аппарат последним импульсом излучателя. Если сервитор мертв, как телепорт вообще смог заработать?

Только сейчас Родоман сообразил, что, пятясь от «Тантүна», он ступил на пустую платформу прямо под излучателем.

В центре конструкции, там, куда упал фокусирующий луч аппарата, замерцал ореол фиолетового света. Свет окружил Родомана бесплотным кольцом. Что-то телепортировалось обратно, на

платформу, где стоял гредноут.

Каждой клеточкой своего физического тела Родоман ощущал нарастающее напряжение поля, а его машинный дух почувствовал возбуждающий ток миллиардов сложнейших вычислений. Невероятный механизм считывал и регистрировал положение каждого атома в его теле, каждую синаптическую связь, бинарный код каждого воспоминания, хранящегося в его имплантатах памяти. Его телепортировали отсюда.

«Тантун», окруженный скелетообразными опорами гигантской конструкции, установился на гредноуте телескопическими линзами своих огромных глаз.

Единственным уцелевшим смертным оком Родоман смотрел, как адамантий, сталь, кератин и плоть сперва начали просвечивать, а затем сделались прозрачными. Одновременно гредноут выдвигал, как что-то проступает в окружающей его световой сфере, становясь все более плотным по мере того, как телепортировалось на то самое место.

где только что стоял древний.

На какую-то наносекунду они занимали один участок пространства. Машинный дух дрегноута слился с примитивной программой возникшего под излучателем объекта. Длиной в пятьдесят метров и весом в сто тонн, с энергией, нараставшей в плазменном реакторе и приблизившейся к критической точке взрыва, торпеда способна была пробить дыру в борту килл-крюзера орков с его многометровой броней. Машинный дух древнего продолжил отсчет до детонации.

Пять.

Четыре.

Три.

Два.

«Неси смерть чужакам», — подумал он.

А затем фиолетовый свет ослепил его оптические сенсоры, и холодная белая пустыня пропала вместе с рущейся громадой телепортера и бессильно ярящимся «Тантунот». Все исчезло, растворившись в черном небытии, и брат Родотан покинул Армагеддон.

Боевая баржа «Гордость Полукса» зависла на высокой орбите над вторым по величине континентом Армагеддона.

В реклюзаменте было тихо. Капитан Обиарей, командир Третьей роты Багровых Кулаков, пребывал в одиночестве в своих мыслях и в своем стратегиуме. Ему нечасто выпадали такие спокойные минутки, и капитан наслаждался ими по мере возможности. Подобные драгоценные моменты были чрезвычайно важны для его командования. Только в эти минуты он мог отстраниться от происходящего, поразмыслить, выработать план и принять решение.

Обиарей сидел, упираясь локтями в набедренники доспеха и закрыв лицо закованными в перчатки руками. Капитан прижимал к губам реликварий, который висел на золотой цепочке у него на шее и который он держал с такой благоговейной осторожностью, с какой держат новорожденного. Оставшись наедине со звездами и собственными мыслями, Обиарей смотрел сквозь высокие окна

реклюзиата на безмолвную пустоту за бортом и размышлял о победах и потерях их ордена на Армагеддоне.

Раздумье капитана нарушил звук шагов: звон керамитовых подошв, ступающих по каменным плитам пола. Обиарей раздраженно оглянулся на дверь.

В стратегиум вошел брат Джүлио. Голова его была почтительно опущена.

--- В чем дело?

--- Милорд, --- начал Джүлио, --- мы получили послание от маршала Бранта, командира крестового похода «Солетнуса» Черных Храмовников. Он хочет говорить с вами, милорд.

--- Храмовники хотят с нами говорить?

--- Да, милорд.

--- О чем? --- продолжил расспросы Обиарей.

--- У них есть новости, милорд.

Брат Джүлио нерешительно замолчал, как будто с трудом веря собственным словам.

--- Да? Какие новости?

--- Новости о почтенном Родомане, ---

с запинкой произнес брат Джүлио.

--- О брате Родомане? --- Теперь недоверие прозвучало в голосе Обиарея. --- О брате Родомане, которого мы потеряли пятьдесят назад, во время Второй войны против ксеносов, захвативших эту планету?

--- Да, милорд, --- подтвердил Джүлио. --- Но более он не потерян. Почтенный Родоман вернулся.

Бен Каунтер

ДВЕНАДЦАТЬ

ВОЛКОВ^[5]

Сыны Фенриса обращают взгляд не только в будущее, но и к своей славной истории, поэтому работа моя нелегка. Не думайте, что рассказ дается мне без всяких усилий или что утешать слух унившегося медом Кровавого Козтя --- служба менее достойная, чем поражать болтером и ценным мечом врагов Императора! Нет, поведавать историю о давно минувшем и заставлять братьев-Волков прислушиваться к моим словам --- задача, по трудности сравнимая лишь с грузом ответственности, который возлагает на мои плечи эта почетная миссия.

Я слышу, как вы, охрипшие и чересчур утомленные от выпитого, требуете сагу о какой-нибудь великой битве или подвиге, чтобы сердца ваши воспламенились.

«Расскажи нам о поединке лорда Рюсса с
Одноглазым предателем!» — кричите вы.
«Расскажи нам о бесчисленных злодеяниях
Темных Ангелов, — твердите вы, — дабы
мы могли пить и вспоминать наши давние
обиды!» Но долг мой состоит не в том,
чтобы потешать пирующую толпу
любыми кровавыми побасенками, какие им
будет угодно выслушать. Нет, я собрал вас
у этого ревущего огня, в большом зале
крепости Клык, где поколения
Костических Волков праздновали свои
победы или поднимали кубки в честь
погибших, потому что мне надо преподать
вам урок.

Даже не обладая обостренными
чувствами Астартес, я слышу ваши
разочарованные вздохи. «Что пользы, —
перешептываетесь вы, — в саге, где не
льется кровь врагов и где ценной меч не
терзает тела еретиков?» Ваши опасения
напрасны. В моем рассказе будет довольно
крови. Как бы мог старый раб вроде меня —
искалеченная, дряхлая развалина, которую
приютил из жалости орден, чей суровый
отбор я не прошел в юности, — надеяться

выжить, если бы рассказывал о чем-нибудь, кроме битв и славы, перед полным залом Астартес? Эту историю я узнал от самих Волчьих Жрецов, хранителей ваших душ, а они не стали бы тратить время на то, что не стоит выслушать.

Это случилось в ходе одной из великих битв прошлого. Юные Волки, которые внимательно прислушивались к тому, что речал, наверняка помнят об Эре Отступничества. Человечеству пришлось тогда усвоить страшный урок. Преступные священнослужители Имперского Кредо пытались захватить власть. Это отдельная история, глинная и трачная, в которую я сейчас не хочу углубляться. Достаточно сказать, что то было время всеобщего ослепления, хаоса и ужаса, когда Империя Человечества погрузилась во тьму, невежеству со времен Ереси Гор. Среди многих горестных преданий тех лет наша история рассказывает о Чуме Неверия и о злодее, по имени кардинал Бухарис, который создал собственную империю. Он постел отбросить власть

Императора, чтобы править
самодержавно!

Бухарис, несмотря на свою отвагу и
хитрость, оказался глупцом. Прегелы его
империи расширялись. Прегатели из
Имперской Гвардии и наемники-головорезы
покоряли для своего повелителя все новые
звездные системы, пока не достигли
Фенриса. Дерзкий до безрассудства,
Бухарис не остановился и не повернул
обратно в страхе перед Костическими
Волками, которые называли эту планету
родом — так же, как и вы сейчас. Нет,
кардинал двинул свои армии на Фенрис,
дабы покорить ее неистовых обитателей и
принудить Костических Волков уступить
родной мир ему!

О да, вы смеетесь. Кто бы подумал,
что кардинал-отступник и войско обычных
стертных смогут одолеть Костических
Волков в их родном мире? Но случилось
так, что в то время в Клыке осталось
совсем мало Костических Волков.
Основная их часть присоединилась к
Волчьему Повелителю Курлу Лютому,
который вел крестовый поход в другом

участке галактики. На планете находилось немало больше Великой Роты Космических Волков, и им вместе с недавно посвященными новичками и живущими в крепости рабами предстояло отразить нападение негодяев Бухариса. Кардинал между тем начисто опустошил гарнизоны своей империи, чтобы затопить Фенрис солдатами и осадить Клык. Не считайте, что Клык был неприступен! Любая крепость, даже столь древняя и могучая горная твердыня, может пасть.

На третий месяц осады двое Космических Волков оказались за пределами крепостных стен, в близлежащих холмах и долинах. Они сделали вылазку, чтобы следить за вражескими силами и совершать диверсии, как поступали Сыны Фенриса во время той битвы. Один из них, по имени Дегалан, был Долгим Клыком — подобные ему, закаленные, потрепанные в боях ветераны Астартес и теперь присутствуют среди нас. Они не раз слышали этот рассказ, но прошу вас, юные Кровавые Когти и новички, обратите внимание — они готовы

выслушать мою историю снова, потому что понимают заключенный в ней урок. Второй был во многом похож на вас. Его звали Хромгаром, и он был Кровавым Когтем. Дегалан, строгий и мудрый, взял молодого Хромгара с собой, дабы обучить его законам войны. В те дни, когда Клык и орден подвергались суровой опасности, ученику пришлось быстро набираться знаний.

Представьте себе ночной горный хребет. Вообразите выступы крелня, острые как нож и покрытые льдом, сверкающим под светом звезд и лун Фенриса. Ниже простирается широкая скалистая долина. Танки очистили ее от снега, а инженеры укрепили. Она похожа на черную змею, что извивается меж крелниевых лезвий в предгорьях Клыка. Теперь вы там, и я могу начать историю.

Двое Астартес взобрались на вершину хребта. Плечи одного из них покрывал плащ из волчьей шкуры, а за спиной висел реактивный гранатомет. Это был Дегалан. Лицо воина напоялось выгубленную солнцем и ветром кожаную

маску. Его исчертили глубокие, словно
прорезанные ножом морщины, а
подернутые сединой волосы развева
холодный ночной ветер. На наплечнике
Дегалан носил символ Волчьего
Повелителя Хефа Морозное Сердце,
который в то время руководил обороной
Клыка из гранитного сердца твердыни.
Второй, с изображенными на наплечнике
красными следами когтей, был Хромгар.
На его обрители черепа все еще виднелись
шрамы, оставшиеся после имплантации
органов Астартес. В руке он держал
ценной меч, который редко прятался в
ножны, а на броне молодого воина не было
меток прошлых военных кампаний.

--- Погляди, Волчонок, --- сказал
Дегалан. --- Вон там наши враги ползут,
подобно червям, глумая остатки
незамеченными. Посмотри вниз и скажи
мне, что ты видишь.

Хромгар взглянул с обрыва в долину.
Ночной трак --- не помеха для глаз
Астартес. Юноша увидел колею,
проложенную по дну долины. Здесь могли
проехать огромные осадные орудия и

боевые машины, с помощью которых войска Бухариса надеялись разбить стены крепости и сломить ее оборону. Невольники на покоренных кардиналотах построили бесчисленное множество таких машин и набили ими трюмы грузового корабля, обеспечивающего военные поставки на Фенрис. Миссия двох Астартес заключалась в том, чтобы обнаружить эти боевые машины и помешать им выйти к Клык.

Множество гвардейцев-изменников из Ригелианских полков, вручивших свою судьбу Бухарису, охраняли колею, зная, что скоро по ней пойдет бесценная военная техника.

--- Я насчитал двадцать противников, --- сказал Хротгар. --- Все из Имперской Гвардии, значит, прошли основательную подготовку. Не равня Костицким Волкам, конечно, но могут представлять опасность, если откроют по нам организованную стрельбу. Посмотри, Длинный Клык, они соорудили оборонительный периметр из колючей проволоки и ящиков от боеприпасов.

Похоже, они подготовились к атаке диверсантов. Они осознают важность своей миссии.

--- Неплохо, --- заметил Дегалан, --- для первой прикидки. Но наша задача состоит в том, чтобы уничтожить врагов. Видишь ли ты здесь что-то, что приведет к их поражению?

--- Вон там, --- ответил Хротгар, --- стоит офицер, который или руководит. Ты заметил медали и знаки различия на его тундире? Такой серебряный череп, как у него на груди, кардинал-еретик вручает лишь тем из своих последователей, кто проявил наибольшую жестокость при командовании войсками. На рукаве у него офицерские нашивки. В руках футляр с картой, где наверняка обозначен охраняемый или маршрут. Этот человек должен умереть первым. Когда командир погибнет, его солдаты не смогут сохранить дисциплину.

В ответ на слова молодого Когтя Дегалан улыбнулся, продемонстрировав увеличенные резцы --- признак истинного Длинного Клыка. Желаю вам, мои юные

слушатели, однажды тоже обзавестись подобными кляктами, белоснежными и острыми, которые поведают о десятилетиях славных битв и о победах, одержанных вами в рядах Сынов Рюсса!

— Юный Кровавый Коготь, — сказал Дегалан, — как могло случиться, что даже со зрением Астартес ты совершенно слеп? Тебе следует усвоить заповеди Двенадцати Волков Фенриса — тех царственных зверей, что и поныне охотятся в горах и снежных равнинах нашего мира. Каждый из них служит тотемом одной из Великих Рот, и на то есть причина.

Дегалан указал на символ своей Великой Роты, украшающий наплечник.

— Я ношу знак Волчьего Повелителя Морозное Сердце. В тотемы он взял Торвальда Зоркого, волка, чей глаз ничего не упустит. Этот зверь Фенриса учит нас наблюдать за врагом — потому что, как бы ни хотелось нам поскорее сойтись когти на горле противника, внимательное наблюдение зачастую помогает выиграть битву прежде, чем нанесен первый удар.

Приглядись внимательней, ---
продолжил он. --- Тот, кого ты заметил,
действительно офицер, и, без сомнения, он
жесток. Но есть и другой. Вон он сидит на
ящике от боеприпасов, а к ящику прислонен
его лазган. Видишь? Он читает книгу.
Даже своими старыми глазами я могу
различить ее заглавие. Это «Собрание
вигений» --- книга, написанная самим
кардиналом-отступником. В ней
заключены все его безумные и еретические
мысли. Лишь наиболее верные из
последователей Бухариса стали бы
читать ее с подобным рвением посреди
ночного холода и во время столь важной
миссии. Может, на бумаге этот человек и
не значится командиром, но на самом деле
солдат возглавляет именно он. Он их
духовный лидер, тот, к кому люди
обращаются за настоящим руководством.
Этот человек должен умереть первым,
потому что, когда солдаты поймут, что
даже преданнейший из слуг кардинала не
более чем мясо и кости в наших когтях,
они потеряют всякую надежду.

Хромгар обдумал это и увидел

правду в словах Длинного Клыка.

--- Тогда вступим в бой! --- воскликнул Кровавый Козоть. --- Книгочей утреет первый от моей руки!

--- Увы, у меня осталось только два снаряда, --- ответил Дегалан, --- иначе бы я обрушил на врагов огонь и смерть с этой высоты. Что ж, теперь я буду сражаться рядом с тобой. Когда ты вырвешь их сердце, я прикончу остальных, включая и так заинтересовавшего тебя офицера.

После этих слов Хромгар спрыгнул с утеса и с рычанием приземлился в самом центре вражеского лагеря. Он ринулся к их духовному вождю и настиг его прежде, чем ошеломленные гвардейцы успели хотя бы схватиться за лазганы. В то время Костицким Волкам отчаянно негоставало боеприпасов для огнестрельного оружия и силовых модулей для ценных мечей, так что Хромгар голыми руками поднял книгочея в воздух и вышиб его мозги о скалу.

--- Он мертв! --- завопили гвардейцы. --- Тот, кто уверял, что божественный кардинал позаботится о нас, чье

выживание было залогом нашей победы! Они
мертвы!

И они взвыли от ужаса.

Дегалан был уже среди них. Он двигался не так стремительно, как Кровавый Коготь, но превосходил младшего брата силой и сноровкой. Длинный Клык выхватил нож и всадил клинок по самую рукоятку в череп первого из вставших у него на пути гвардейцев. Второму он разтозил голову кулаком, а третьему распорол брюхо. Офицера, который орал во всю глотку и пытался воодушевить своих людей, Дегалан толкнул на землю и растоптал подкованными сталью ботинками.

В мгновение ока — как показалось бы любому, кроме Астартес, — враг был повержен и разбит. Те, кто выжил, прокляли свою судьбу и бежали в снежную пустыню, предпочитая острозубую хватку Фенриса этой залитой кровью долине.

Горячее дыхание двох Астартес белыми клубами поднималось в морозном воздухе. Оба тяжело отдувались, как хищники, утолившие голод на охоте. Но

охота еще не кончилась. Далеко снизу
донесся звон стальных подошв по камням и
рев мотора. Прежде чем космогесантники
успели подготовиться к встрече, из
морозной тьмы выступил шагоход
«Часовой».

Многие из вас видели такие машины
и, возможно, даже сражались бок о бок с
ними, ведь их часто используют отряды
Имперской Гвардии. Этот, однако,
отличался от остальных. Две ноги его
были укреплены прочными пластинами
брони, а кабина, в которой скрывался
водитель-тятежник, обита металлом,
как корпус танка. Его изготовили с
помощью технологий, ныне забытых
мастерами с миров-кузниц, и вооружили
гвутья автомашками. Это была не просто
тонконогая разведывательная машина — о
нет, из тьмы выступил мощный
разрушительный механизм!

— Не отчаивайся! — выкрикнул
упрямый Хромгар, завидев идущего к ним
монстра. — Тебе не придется сражаться с
этой машиной, старик, потому что ты
блуждал и немощен! Я позабочусь о том,

чтобы предатель следил лишь за мной. Все, что тебе придется сделать, почтенный, — это выстрелить из своего гранатомета.

Дегалану следовало бы отчитать Кровавого Котья за дерзость, но сейчас было не до того.

Хромгар выскочил на снег перед шагоходом. Болтер молодого воина рывкнул, выплюнув снаряд, и «Часовой» погнался за Кровавым Котем. Однако Хромгар был быстр и отважен. Даже когда могучие орудия «Часового» открыли огонь, Кровавый Котень перебежал от скалы к скале, от трещины в кресте до укрытия в тени, так что снаряды, изрыгаемые пушками шагохода, поражали лишь твердый камень. А в ту минуту, когда Фенрис испустил дух и в воздухе закружились снежные хлопья, Хромгар решился подобраться совсем близко. Молодой воин проскочил между железных ног машины. Он знал, что слишком быстр и непредсказуем для сидящего в кабине пилота и тому никогда не прицелиться достаточно точно.

Пилот «Часового» внал в такое бешенство, что забыл — как зачастую бывает с менее опытными солдатами, чел Астармес, — о настоящей опасности. Убо Дегалан Длинный Клык немедля навел на него реактивный гранатомет — единственное оружие, способное пробить броню шагохода, которое было у Астармес. Снаряд с ревом вылетел из ствола и, яростно гроыхнуv, взорвался. Корту «Часового» разнесло в клочья, а пилот получил смертельные ранения. На холоде кровь, текущая из его ран, мгновенно замерзла. Впрочем, долго тучиться ему не пришлось — Хромгар Кровавый Коготь вскарабкался по шасси «Часового» и голыми руками вырвал позвоночник из спины предателя.

— Ты мог бы подумать, — сказал Дегалан, — что старого Длинного Клыка оскорбила твоя дерзость, но на самом деле ты наглядно продемонстрировал урок еще одного из волков Фенриса — или, точнее, двох волков. Я говорю о Фреки и Гери, зверях-близнецах, сопровождающих самого Лемана Рүсса. Погляди, как этот

противник, легко справившийся бы с нами
поодиночке, пал жертвой нашего союза!
Когда вся стая дерется как один, волки
могут расправиться с врагами, которых не
одолели бы, сражайся каждый за себя. Ты,
сам того не зная, отлично усвоил урок
Волков-Близнецов.

Когда Дегалан завершил свою речь,
гвое Астартес принялись уничтожать
колею. В результате еще долго боевые
машины Бухариса не угрожали стенам
Клыка, и жизни многих Костических
Волков были сохранены.

Примерно в то же время кардинал-
отступник Бухарис явился на Фенрис,
чтобы лично руководить осадой Клыка.
Вам уже известно, что это был человек,
одержимый непомерной гордыней и не
замечавший той ярости, которую он
пробуждал в сердцах покоренных. Он был
также подвержен гневу и не скупился на
суровые наказания для тех, кто осмелился
вызвать его недовольство. Узнав от
подчиненного, что боевые машины
(которые, согласно его плану, должны были

разрушить крепость и истребить ее (защитников) все еще не вступили в сражение благодаря действиям Астартес, кардинал рассвирепел. Он предполагал, что в эту операцию было вовлечено много Костических Волков и что с их гибелью защитники Клыка понесут невосполнимые потери. Глупец, говорите вы. Воистину, он был глупцом, но также и очень опасным человеком, чья глупость заключалась не в неспособности достичь цели, а в высокомерном пренебрежении теми последствиями, к которым вела его жестокость. Без сомнения, вам известно, что в конце концов Бухарис встретил такую смерть, которая и уготована ему подобным, -- но эту историю я расскажу в другой раз.

Множество подразделений Имперской Гвардии было направлено на поиски войска Астартес, которое, по мнению Бухариса, скрывалось в предгорьях рядом с крепостью. Этим людей подбирал сам главнокомандующий Бухариса полковник-изменник Гасто. Он сформировал карательный отряд из числа подчиненных

ему Ригелианских полков. Солдаты ригелианцы были весьма сведущи в верованиях Бухариса, еретических до такой степени, что мой недостойный язык отказывается произносить подобные мерзости. Они поверили лжи Бухариса. Тот утверждал, что Империя пала и что, лишь подчинившись ему, Бухарису, человечество сможет пережить этот крах. Часто снабдил гвардейцев танками и тяжелой артиллерией, а во главе карательных отрядов поставил наемников-головорезов, которых Бухарис переманил на свою сторону.

Солдаты и машины выступили из огромного осадного лагеря Ригелианской гвардии и направились к Клык. Им под угрозой смерти приказано было уничтожить Астартес.

Тем временем Дегалан Длинный Клык и Хромгар Кровавый Козоть возвращались в крепость, ибо задание их было завершено. Хотя солнце еще не зашло, в предгорьях царили сумерки, ибо разразилась буря. Морозное дыхание

Фенриса стегало крестистые холмы. Дул штормовой ветер, и ледяной дождь осыпал землю острыми как кинжалы осколками.

— Полни, — сказал Дегалан, ведущий Хромгара по скользкому склону холма, — что такая суровая непогода превращает любое холодное и неприветливое место в обитель Хэгра, Горного Волка. Ведь он способен перенести все, и, более того, он процветает в самых непригодных для жизни областях. Мы должны угодобиться ему. Разве физическая выносливость Астартес сама по себе не оружие и разве, выбрав эту опасную тропу, мы не срежем дорогу до Клыка и не запутаем наших врагов еще больше?

Его спутник на это не ответил. Как бы ни был молод и силен Хромгар, но длинный Клык настолько привык к трудностям и кожа его так загубела от ледяных ветров Фенриса, что старик переносил холод намного лучше своего младшего товарища. Однако юноша в самом деле вспомнил о Горном Волке и, зная, что Сыны Фенриса созданы из крепкого материала, перестал думать о

неудобствах. Двое быстро зашагали по холмам.

На вершине следующего холма иштормовые тучи на мгновение раздвинулись, и в разрыве показалась крепость. Воины увидели ее впервые за много дней. Дегалан велел товарищам остановиться и взглянуть на Клык.

— Этот зуб из камня и льда, это копье, пронзающее белое небо, — разве при виде него сердце твое не наполняется радостью, юный Кровавый Коготь?

— В самом деле, — согласился Хромгар, — сейчас меня поразило его величие. Я ликую при мысли об отчаянии, которое испытывают глядящие на него враги, — потому что им предстоит одолеть эти склоны! Эти стены они должны разрушить.

Все вы видели Клык и, без сомнения, представляете, как мало у врагов надежды заставить замолчать его пушки или взобраться по крутым скалам, которые охраняют врата нашей крепости надежнее любой армии.

— Тогда, — сказал Дегалан, — ты

чувствуешь зов Тенгура в своей крови! Убо
он Волк-Король, повелитель Фенриса, и
все в его царстве сиянно славой и
величием. Как видишь, невежественный и
наглый щенок, еще один из Волков
Фенриса преподает нам сегодня урок.

Хротгар и в самом деле слышал зов
Тенгура -- отдаленный вой, повествующий
о королевской славе Клыка, царящего над
всеми горами Фенриса.

-- А также вспомни о Волке, который
Охотится Между Звезд, -- продолжил
Дегалан, -- когда ты глядишь на луны,
висящие в небе над Клыком. Звездный
Охотник был личным тотемом Лемана
Рүсса, и даже сейчас его символ украшает
отборную стаю Великого Волка.
Отпечатки наших лап можно найти в
самых далеких мирах и в самых
затерянных уголках Империи. Пока мы,
подобно этому волку, охотится между
звезд, Фенрис -- не просто планета у нас
под ногами, но и любое место, куда
ступала лапа Сынов Фенриса, где
Костиные Волки клыком и огнем
разили своих врагов!

Сердце Хромгара затрепетало от гордости, когда он подумал о тех следах, что Костиические Волки оставили в галактике за пределами Фенриса. Но Астартес не могли задерживаться здесь надолго и быстро тронулись в путь.

Вскоре Дегалан заметил неподалеку белые клубы дыма, поднимающиеся из выхлопных труб, и понял, что предатели из Гвардии уже близко. Он вывел Хромгара в извилистую долину, глубокую и темную даже в те минуты, когда сквозь тучи пробивалось солнце. В предгорьях Клыка много таких черных и холодных долин, и в их тени скрываются самые смертоносные твари, порожденные матерью-Фенрис.

— Вижу, — заметил Дегалан через некоторое время, — что ты разочарован, юный Кровавый Коготь. Ты хочешь схватиться с врагами и обрызгать доспехи их кровью! Но помни, что рядом с нами шагает и другой Волк. Ранек, Сокрытый Волк — невидимый, безмолвный и полный коварства. Так и ты незримо выслеживает врага. Не настехайся на Сокрытого Волком, юнец! Ведь его клыки не менее

стры, чем у его братьев, а когда он бьет ладонью из тени, нанесенная рана вдвое глубже!

Хромгара немного утешили эти слова, хотя моторы вражеских танков ревели по-прежнему, а над холмами разносились окрики солдат противника. Гвардейцы не могли продвигаться в предгорьях так же уверенно, как Костические Волки, и многие из захватчиков погибли, соскользнув в пропасть или провалившись под лег. Из страха перед Бухарисом они шли быстро, но платили за скорость собственными жизнями — и с каждым шагом их одолевала все большая ярость. Хромгара представил, как выскакивает из засады и убивает их, и улыбнулся.

— Теперь ты воображаешь, как разишь их дюжинами, — продолжил Дегалан, который никогда не упускал случая преподать юному костогесантнику урок. — Но задай себе вопрос: есть ли в той бойне, о которой ты мечтаешь, место для меня, твоего боевого брата? Можешь не отвечать — и так ясно, что нет. Я не

упрекаю тебя за это, Кровавый Коготь. Напротив, я вижу в тебе дух Локьяра, Одинокого Волка. В то время как Волки-Близнецы учат нас духу братства, Локьяр напугивает нас, что иногда приходится сражаться и самим по себе. Он — тотем волчьих скаутов, этих одиноких убийц, а сейчас может стать и твоим тотемом. Ты ступил на его путь, представив, как без всякой поддержки кинулся на врагов.

К этому времени двое Астартес вышли к устью лощины, где она поднималась к поверхности. Впереди они заметили устрашающие баррикады, построенные гвардейцами-предателями. Штыки еретиков ярко блестели на солнце, вынырнувшим из штормовых туч. Десятки солдат ожидали Астартес и тряслись от страха — ведь им казалось, что из черного ущелья хлынет целое войско костодесантников.

— Вознесет хвалы матери-Фенрис, — сказал Хротгар Кровавый Коготь, — за то, что она вывела наших друзей прямо на нас! Какое же это будет великое воссоединение!

Я обниму их вот этими окровавленными
руками и подарю им счастливую смерть!

— Теперь я вижу, что войне милы
юность и бесстрашие перед лицом
опасности, — ответил Дегалан, — а
старых и мудрых она не приветствует.
Ступай, брат Хромгар! поприветствуй их
так, как жаждет твое молодое волчье
сердце! И помни также о Железном Волке,
который хранит мастеров кузни нашего
ордена — той самой, где была откована
твоя броня. Доверься ему — и твои доспехи
отразят лазерный огонь и вражеские пули.
Уди с ним в битву!

Хромгар и в самом деле вспомнил о
Железном Волке, чья шкура устоит даже
против зубов кракена — грозы океанов
Фенриса. И юноша выскочил из тьмы
лощины на солнечный свет. Солдаты, все
как один, открыли огонь. Вокруг молодого
Астартес, словно кровавый дождь,
заметались красные лазерные лучи. Но его
доспех отражал удары. Мастера Клыка
хорошо усвоили поучения Железного Волка.

О, если бы у меня нашлись слова,
чтобы описать Хромгара в этот кровавый

час! Его броня по локоть окрасилась кровью, а крики его врагов были как завывание вьюги в горах. Он перепрыгнул через баррикады, которые соорудили предатели, — и не успел приземлиться, как люди вокруг него уже начали утирать. Он обнажил цепной меч, и беспощадные зубья вгрызлись в мясо и кость. Одному из еретиков он пробил кулаком горло, движением запястья высвободил руку и уже в следующее мгновение разможил своей жертве череп. У другого он вырвал лезвие и насадил солдата на штык. Некоторые из предателей угодили под лазерный огонь товарищей — те беспорядочно палили во все стороны, ибо в каждой тени ищут перемирия Астартес.

Дегалан вступил в бой вслед за Кровавым Когтем. Один из командиров организовал контратаку, и несколько его солдат пошли на Хромгара, выставив штыки. Дегалан прыгнул в самый центр схватки, и десантный нож заработал. Длинный Клык отсекал руки и головы, а когда перед ним очутился офицер, он заключил еретика в медвежьи объятия и

вышиб из него дух.

Гвардейцы пустились в бегство, но Хромгар еще не закончил. Он преследовал врагов по скальным выступам, по которым те думали укрыться. Он вытаскивал их оттуда, подобно охотничьему псу, извлекающему зверя из норы, и тут же убивал. Когда еретики пытались снять его снайперскими выстрелами с высоких склонов, он представлял своей броне отражать огонь, а сам взбирался на скалы, поднимал противников на голову и швырял в пропасть, где они разбивались о камни.

Кровь, текущая из ран еретиков, мгновенно замерзала — потому что мать-Фенрис даровала Астартес день ясный, но такой холодный, какой редко случался даже в окрестностях Клыка. Кровь сыпалась как пригоршни морозных рубинов. И вот уже Дегалан и Хромгар остались одни в центре поля, покрытого драгоценными камнями цвета крови — такими яркими и обильными, словно кровоточила сама мать-Фенрис. Убийства утомили Астартес, и оба тяжело дышали.

как вдоволь поохотившиеся хищники. Дыхание их возносилось вверх белыми клубами. Кости́ческие Волки были с ног до головы покрыты кровью. Кровь испятнала их лица, их доспехи, так что метки стали и тотемы Великих Рот стали почти неразличимы. Каждый из них молча вознес хвалу Фенрису за славную охоту. Они возблагодарили даже кардинала Бухариса за его глупость и гордыню — ведь именно он послал им такую богатую добычу.

Впереди возвышался Клык, где боевые братья ждали вестей об их свершениях. Повсюду лежала растерзанная добыча, и вокруг них и над ними простиралось ослепительное величие матери-Фенрис. Что еще нужно Кости́ческому Волку? Это и вправду был удачный день — желаю вам, юные Волчата, побольше таких дней впереди.

— Ты достойно сражался, брат, — сказал Дегалан. — И очень хорошо, что кардинал-отступник заявился на Фенрис, — ведь, если бы злая судьба не занесла его сюда, мы не смогли бы так славно поохотиться на пороге собственного дома.

--- Наго воздвизнуть ему статую в Зале Отголосков, --- согласился Хромгар. --- Разве какой-нибудь другой человек совершил больше для славы Костиических Волков? Думаю, я произнесу тост в его честь над бочонком меда, когда мы будем праздновать успех этой охоты.

Оба они постыжались словам Хромгара --- однако смех их заглушил шум моторов, и на костодесантников упала тень. Дело в том, что наемники, возглавлявшие гвардейцев, были опытными и коварными бойцами, искусными в хитростях войны, и они подготовили для Астартес ловушку.

Тот отряд, что уничтожили Костиические Волки, был всего лишь авангардом карательной армии. Бухарис, обуреваемый страхом, послал огромное войско, почти опустошив свой осадный лагерь. Среди них были танки --- боевые машины типа «Жнец», которые давно уже не производили в мирах-кузнях Механикус. Шесть таких машин пережили путешествие, и сейчас они с ревом выкатились в долину. Их огненные орудия были направлены на двоих Астартес.

Гвардейцев, несмотря на немалые потери во время трудного перехода через холмы, насчитывалось не менее нескольких сотен. Вдобавок они подтянули тяжелые орудия, с помощью которых могли издалека стрелять по Астармес. Солдаты боялись лицом к лицу встретиться с Костиическими Волками, боялись их клыков и когтей -- и вполне справедливо. Их командиры, отборные наемники Бухариса, были сильными и свирепыми людьми. Они носили униформу и доспехи, добытые на десятках ограбленных и убитых мирных жителей, и щеголяли боевыми шрамами, словно штандартами, прославлявшими их неуступчивую кровожадность. Они тоже боялись Астармес, но превратили свой собственный страх в жестокость, так что солдаты подчинялись наемникам из ужаса перед ними.

Один из этих головорезов обратился к Астармес через вокс-динамику своего танка. По меркам подобных людей, это был воистину отважный поступок!

-- Астармес! -- воскликнул он. --
Благородные Сыны Фенриса!

Высокочитимый лорд Бухарис, правитель
галактической империи, не держит
никакого зла против Костиических Волков.
Он хочет лишь предоставить защиту
тем, кто взывает к его великодушью, ибо
Империя пал и Терра лежит в руинах.
Лорд Бухарис обещает безопасность и
справедливость тем, кто преклонится
перед ним! Но мы не требуем, чтобы вы
встали на колени. Как может мы, обычные
люди, потребовать такого от Астартес?
Нет, мы лишь просим, чтобы Фенрис
наравне с другими тирани вошел в
империю лорда Бухариса. Какое вам дело
до этой трачной ледяной планеты, до
населяющих ее гикарей и ее горьких
океанов? Конечно, мы оставим
Костиическим Волкам Клык и право
распоряжаться своей судьбой — за
исключением нескольких незначительных
и самых необходимых знаков почтения,
которые вам придется выказать его
королевскому величеству лорду Бухарису.
Так что, как видите, вам не нужно
продолжать этот бой. Вам нечего больше
доказывать. Сложите оружие и сдайтесь

нам, после чего мы доставим вас в
целости и сохранности к Клык, где вы
сможете передать своим братьям
великодушное предложение лорда
Бухариса.

Астартес, конечно же, видела
заключенную в этих словах ложь. Они
знали, что Империя вечна, что он не пал.
Кроме того, они, так же как и вы, не
сомневались, что в планы Бухариса
входит уничтожить Космических Волков
и захватить Клык. Без сомнения,
кардинал-отступник желал
расположиться в нашей великой крепости
и превратить в свой тронный зал ме-
сто покоя, где некогда собирался двор самого
Лемана Русса! Единственным ответом на
такие речи мог быть только удар волчьих
когтей и скрежет волчьих клыков.

— А сейчас, юный Волк, — сказал
Дегалан, — нам предстоит встретить
смерть. Как повезло нам, что мы можем
взглянуть ей в лицо! И более того, мы
утрем на Фенрисе, на земле, где мы
родились и впервые пробежали по снегу со
своей стаей. Это мир, который превратил

нас в Астартес, который дал нам силу и
ярость, приведшие нас в ряды Костиических
Волков. Теперь мы можем отплатить за
честь, умерев здесь! Как нам повезло,
Кровавый Коготь, и как повезло мне — ведь
я окончу свои дни рядом с братом. И не
думай, что мы гибнем в одиночестве, —
потому что я слышу в ветре рычание
Лаккана, Рунного Волка. Некогда Лаккан
ходил по земле Фенриса, и мудрые люди
читали судьбу в отпечатках его лап. Эти
люди стали первыми Рунными Жрецами.
Те, что и поныне следуют тропой
Лаккана, наблюдают сейчас за нами из
Клыка. Они видят наши дела, записывают
их и, как и мы, возносят благодарности за
то, что нам выпала столь славная смерть!

Сказав это, Дегалан вытащил болт-
пистолет. У него осталась лишь одна
обойма, потому что во время осады
Астартес отчаянно не хватало
боеприпасов. Что касается Хромгара, он
опять обнажил ценной меч. Зубья меча
были залеплены сгустками замерзшей
крови предателей — однако юный воин
знал, что скоро погрузит оружие в теплые

тела. Тогда кровь растает и зубы вновь станут остры.

--- Я не столь жажду смерти, --- сказал Кровавый Коготь, --- как ты, старик.

--- Твоя сага будет прекрасной, --- ответил Дегалан, --- хотя и короткой.

--- Возможно, ты прав, --- сказал Хромгар.

В этот момент стволы танковых нацелились на то место, где посреди поля кровавых рубинов стояли двое Астартес.

--- В конечном счете ты Длинный Клык, --- значит, ты мудр, --- продолжил толодой воин. --- Но я опасаясь, что в твои поучения вкралась одна ошибка.

--- И что же это за ошибка, Кровавый Коготь? --- спросил Дегалан. --- Что такого серьезного я упустил, раз должен услышать об этом сейчас, в миг моей смерти?

Тут лицо Хромгара Кровавого Когтя странно изменилось. Его зубы сверкнули, подобно клыкам, а глаза превратились в угольно-черные очи охотящегося волка.

--- Ты говорил о Волках Фенриса, которые идут рядом с нами и учат нас своей мудрости. Ты описал двенадцать

Волков, и каждый из них отражает один из аспектов Фенриса или заповедь, которую передали нам Волчьи Жрецы. Я вполне заслужил эти уроки и благодарю тебя за них, брат Дегалан. Но кое в чем я мудрее тебя.

— Говори же, щенок! — нетерпеливо потребовал Дегалан.

Времени оставалось мало, стволы вражеских танков и тяжелых пушек были наведены прямо на Астартес и стрелки ожидали лишь приказа открыть огонь.

— В твоих поучениях я насчитал двенадцать Волков Фенриса. Каждый из них служит тотемом для одной из Великих Рот Костических Волков. Но тут ты ошибся — потому что я достоверно знаю, что волков не двенадцать. Их тринадцать.

Боюсь, пришло время дать передышку старому языку, а вашему покорному рабу надо бы хлебнуть меда, чтобы согреть свои дряхлые кости. Хотите узнать продолжение истории? Не сомневаюсь, что вы ждете рассказа о великом

кровопролитии того сорта, который так
веселит ваш слух. И кровь пролилась, это
верно. Пролилось ее так много, как ни разу
не проливалось на матери-Фенрис во времена
осады Клыка. Но не мне рассказывать об
этом. Слышу ваши разочарованные стоны,
а кое-кто даже обнажает клыки в гневе! Не
поглядите на Длинных Клыков, сидящих в
самом конце зала. Разве они недовольно
рычат? Нет, потому что знают правду.
Такой жалкий раб, как я, не имеет права
говорить о подобных вещах. Даже самые
древние из детей Рүсса, могучие
средноуты, которые провели в сражениях
тысячу лет или больше, не говорят об
этом.

Есть, однако, легенда, которую
рассказывают люди Гафалатора — мира,
где отступник Бүхарис начал восхождение
к власти. Тамошние жители — боязливый
и религиозный народ, ведь им выпало бремя
очистить свой мир от пятна,
оставленного Бүхарисом. Но иногда они
пересказывают легенды, запрещенные
кардиналами Экклезиархии. Среди них
есть одна, принесенная немогити

уцелевшими солдатами тех армий, что сражались на Фенресе.

Однажды Бухарис отправил войско, чтобы уничтожить Астартес, сеявших смерть и панику среди осаждавших Клык. Каратели загнали Астартес в ловушку, но тут обнаружилось — к великому восторгу преследователей, — что противостоит им не боевая рота и даже не стая, а всего лишь один Костический Волк.

В некоторых вариантах легенды там был не один Костический Волк, а двое. Это не имеет значения.

И вот солдаты вывели танки на огневой рубеж и нацелили орудия на Астартес. Они ждали лишь сигнала открыть огонь, до которого, без сомнения, оставалось лишь несколько секунд. Как вдруг их поразил великий и всепоглощающий ужас, который редко посещает сердца даже самых отъявленных трусов.

Костический Волк больше не был Астартес. На самом деле он выглядел так, словно и человеком-то никогда не являлся. Облик его стенился звериным — и истощенным.

взвыли ветра, как будто сама Фенрис
отпрянула в ужасе. Из пальцев его
показались когти. Доспехи затрещали и
лопнули, не вмещая преобразившееся тело.
Плечи стали шире, а спинной хребет
выгнулся горбом, как у зверя. Солдаты
завопили, что перед ними демон, и
кинулись прочь. Даже засевшие в танках
стрелки посчитали, что броня не
защитит их от чудища.

А затем пришло время бойни. Зверь
набросился на людей, и с каждым ударом
безжалостных лап прибавлялась новая
жертва. Он разрывал обшивку танков и
раздирал на куски скорчившихся внутри
солдат. В бешенстве он пожирал трупы, и
с его чудовищных клыков свисали
окровавленные клочья мяса и кожи. От
страха люди впали в безумие. Командиры
начали стрелять в собственных солдат,
чтобы предотвратить бегство, — однако
зверь накинулся и на них, так что
последние минуты их жизни были
наполнены ужасом и болью от вонзившихся
в их плоть когтей.

Разбежавшиеся гвардейцы достались

на милость ветрам Фенриса. Некоторые утверждают, что не уцелел никто, — либо их разорвал зверь, либо они замерзли в ледяной пустыне. Другие настаивают на том, что один человек все же выжил, дабы повесть о случившемся, но при этом совершенно спятил и только повторял угрожающими губами рассказ о Звере Фенриса.

Однако эта легенда ходит среди чужих людей, живущих далеко от Клыка и населяющих его гордых Сынов Фенриса, так что не стану больше на ней задерживаться.

Случилось так, что спустя много дней, когда война пошла на спад — как происходит со всеми войнами, — стая Серых Охотников совершила вылазку из Клыка. Они собирались отогнать гвардейцев-изменников, которые, согласно донесениям разведчиков, разбили лагерь в холмах. Но пути братья наткнулись на усыпанное рубинами поле. Замерзшая кровь покрыла заснеженные камни таким густым слоем, словно здесь произошла

великая битва, -- однако Волки ни о какой битве не слышали.

-- Смотрите! -- воскликнул один из Космических Волков. -- Кто-то еще жив. Он облачен в доспехи Космического Волка, но не может быть одним из нас. Он ведет себя как зверь, а в лице его нет следов человека, какими мы были до того, как стать Астартес.

Вожак стаи приказал боевым братьям прикрыть его на случай нападения и отправился посмотреть на то, что они обнаружили. Приблизившись, он увидел бесчисленные растерзанные трупы. На многих виднелись отметины зубов, а кое-кого убили прямо в танках.

На том, кто скорчился в центре кровавого поля, действительно были доспехи Астартес, но погнутые и расколотые, словно их разорвали изнутри. Существо тяжело отдувалось, как будто только что завершило охоту. Тело его принадлежало не человеку, а зверю.

-- Он овладел Вульфен, -- сказал вожак стаи. -- Здесь прошел Тринадцатый Волк Фенриса, и его звериная суть нашла

место в душе этого Кровавого Когтя. Какой-то дефект геносемени остался незамеченным во время его послушничества и проявился, когда пролилась кровь.

Другой Костический Волк выкрикнул:

--- Вот еще огин боевой брат, он лежит мертвым рядом со зверем! Какие ужасные на нем раны! Что за чудовищная сила разорвала его гонехи и какие когти терзали его плоть!

--- В самом деле, --- сказал вожак. --- Сей достойный брат был Длинным Клыком, одним из этого мудрого и стойкого племени. Мы должны отнести его в Клык, чтобы похоронить, как полагается. Увы, я знал его --- это брат Дегалан. Я опознал его по меткам стаи. Но посмотрите, это ведь когти выжившего оставили раны на теле нашего брата! Это его зубы изгрызли гонехи и выжившего Астартес и даже его кости.

Такое известие сильно встревожило стаю.

--- Что за Костический Волк может обратиться против собственного брата? ---

спросили они.

--- Хорошенько запомните тропу Вүльфена, --- сурово ответил вожак. --- Его путь ведет к неустержимому и бешеному кровопролитию. Ему неважно, откуда течет кровь, --- лишь бы охота удалась. Судьба этого злосчастного Длинного Клыка служит тому свидетельством. Когда одержимый Кровавый Коготь убил всех врагов, Вүльфен заставил его обратиться против собственного брата.

Стая вознесла молитвы могущественному Рүссу и основателям ордена, а также всем погребенным в замке воинам, которые хранили своих потомков и защищали от злой судьбы --- вроде той, что выпала двоим Астартес.

Вы, должно быть, думаете, что тварь следовало убить. Но представьте на мгновение, что вы оказались на их месте. Без сомнения, вы не смогли бы убить такого, как Хромгар, --- ведь, как бы ни был он извращен и жалок, он все еще оставался Сыном Фенриса. Убить его значило убить брата. Так что стая доставила тело Дегалана и все еще

живого Хромгара в Клык. Я слышал, что
стая вела его на цепи, как дикого зверя,
или призвала Волчьего Жреца, который
скормил несчастному сильное снотворное,
усыпившее того на время переноски.

Вот так и случилось, что Дегалан
Длинный Клык обрел свое законное место
среди состайников, навших за минувшие
десятилетия в боях, и покоится нынче с
тиром. Что касается Хромгара, то он был
погребен схожим образом — его заперли в
клетке, выдолбленной в каменном
основании Клыка. Из тамошнего
беспросветного мрака и холода нет пути
наверх.

Тише! Прекратите звенеть кубками.
Забудьте о треске поленьев в очаге. Вы
это слышите? Слышите, как что-то
царапается в стенах? То брат Хромгар,
скребущий каменные пределы своей
темницы, — ведь теперь он лишь
бессловесная тварь, которая жаждет
нестись по снежным просторам Фенриса,
охотясь равно на людей и зверей. Но порой
он вспоминает о том, кем был раньше, и

Длинного Клыка, сражавшегося рядом с ним, и тогда испускает тоскливый и страшный вой. В самую длинную из ночей Фенриса вы можете услышать, как этот вой эхом раскатывается по подземельям Клыка.

Мой рассказ завершен. Теперь, возможно, вы поняли, отчего поведать эту сагу доверили жалкому рабу и почему его горькие слова отказывается произносить один из почтенных Волчьих Жрецов или Длинных Клыков, украшенных многими шрамами. Какой Космический Волк согласится, чтобы подобные речи слетали с его уст?

И возможно, некоторые из вас даже поняли заключающийся в ней урок. Остальным придется прислушаться к скрежету когтей Хротгара и к его завываниям, и тогда, быть может, и откроется истина.

Запомните одно: гоните ли вы зверя в дебрях матери-Фенрис или преследуете добычу среди звезд, тринадцать волков всегда охотятся рядом с вами.

Джеймс Сваллоу

ВОЗВРАЩЕНИЕ ^[6]

Небеса над Хребтом Лезвий плакали маслом. Облачный покров, серый, как скалы, раскинулся от горизонта до горизонта. Лишь изредка сквозь эту пелену пробивался бледный луч солнца — свет огромной белой звезды Тафис. Тучи перемещались под влиянием вечных ветров — тех самых бурь, что угрюмо завывали между острыми пиками гор, тех резких порывов, что стегали сейчас брата Зүра.

Проливной дождь, несущий в себе металлический запах океанов и привкус гниения, непрерывно сыпался на посадочную платформу, где стоял Зүр. Он смотрел, как дождевые полосы хлещут по граниту и стали. Грозы в который раз пробовали на прочность конструкции, что люди соорудили здесь, на высочайшем из горных утесов. Платформа была лишь одним из многих строений: площадок, куполов и балконов, венчавших самый мощный пик

Хребта Лезвий. Первобытные аборигены
Гафис II окрестили эту вершину Горой
Призраков. Имя было дано не в честь
здешней бело-серой каменной породы, а в
память о тех, кто погиб при штурме
неприступных склонов и продолжал
бродить по ним и после смерти. Прошли
тысячи лет, но название, пожалуй, стало
еще более подходящим.

Когда-то, до того как люди с Терры
колонизировали этот мир, Гора Призраков
была увенчана настоящим ником: чередой
зазубренных шпилей, пронзавших облака.
Сейчас на их месте возносилась
гигантская цитадель. Мастера вырубали
в скале залы, донжоны и зубчатые стены,
величественные и мрачные. По всей
окружности поднимались огромные башни.
Формой они напоминали хищных птиц,
криком посылающих вызов врагам и
стихиям. Эти хищники оправдывали
название великого монастыря-крепости на
вершине Горы Призраков — Орлиное Гнездо.

Один из гигантских орлов высился за
спиной Зүра — и, подобно хищнику, воин
был настороже. Из-под капюшона тяжелой,

блестящей от дождя верхней робы он встатривался в бурное небо, ожидая знака. Вдалеке, над кварталами Столового города и поселениями аборигенов в холмистой прибрежной местности сверкнул ослепительный зигзаг молнии. Спустя несколько мгновений ветер донес до Зура раскат грома, заглушивший неумолчный шорох дождя.

Эти звуки успокоили Зура. Он находил их утешительными. Зачастую, когда воин был далеко от Тафуса, на какой-нибудь войне в иных мирах, накануне сражения он медитировал под звуки дождя и в них обретал уверенность и силу. Поэтому, пробудившись сегодня на рассвете, Зур сразу ощутил какую-то неправильность. Выйдя из кельи, он обнаружил, что коридоры спальных покоев освещены бледными солнечными лучами. Тучи снаружи рассеялись, и в воздухе царило молчание.

Редкое явление. Согласно верованиям племен Тафуса, это было злобещим предзнаменованием. Когда переставали течь вечные слезы Того, Кто Восседает на

Сроне, с нити исчезала и защита, которую Бог-Император даровал человечеству. Спустился некоторое время вновь пошел дождь, неизменный, как и всегда, -- но Зур увидел момент затишья, и в душе его остался след беспокойства.

Зур шагнул из ворот на посадочную платформу, где под защитой входной арки его ожидал человек в отороченной красной мантии.

Трин, библиарий-секундус. Выражение болезненного, изможденного лица старого воина всегда оставалось изучающим, когда бы Зур к нему ни обернулся. Взгляд библиария был точно таким же, как и при их первой встрече -- в том знаменательный день, когда орден принял Зура в свои ряды. Это случилось много десятилетий назад.

Трин кивнул на открытые ворота и хмурое небо за ними.

-- Дождь вернулся, -- заметил он.

-- Он никогда не уходит, -- ответил

Зур.

Этот обмен репликами стал для них

почти ритмично.

Губы библиария изогнулись. Непридирчивый наблюдатель мог бы считать эту гримасу улыбкой.

— Если бы так... Свет обнаженного солнца на пиках... Ничего хорошего он не предвещает.

Зур плотнее закутался в робу и опустил капюшон.

— У меня нет времени на дурные предзнаменования, — отрезал он.

Библиарий скривил рот — старый воин и без своего колдовского зрения умел отличить ложь от правды.

— Ты готов, брат? — спросил он, оглянувшись на пустую посадочную площадку. — Ты не обязан делать это в одиночку. Другие...

— Будет правильно, если это сделаю я, — ответил Зур библиарию и повторил: — Правильно.

Трин, обернувшись, долго изучал собеседника. Затем отступил в сторону.

— Как пожелаешь.

Трин стукнул кулаком во внутреннюю дверь привратного покоя и

замер. Заскрипели металлические рычаги, открывая зубчатый люк. Когда библиарий заговорил снова, на Зүра он не смотрел:

--- Но помни вот что, Зүр. То, что сегодня придет, то, что ты встретишь. Подобного ему ты не видел никогда прежде.

Что-то в тоне старого воина заставило Зүра ощетиниться.

--- Если ты полагаешь, что я отступлю, когда... если час настанет, --- ты ошибаешься. Я не побегу от смерти.

Трин негромко хмыкнул:

--- В этом я как раз не сомневаюсь. Мы --- Орлы Обреченности. Смерть --- часть нас самих.

--- Я знаю разницу между другом и неприятелем, --- упрямо продолжил Зүр. --- Я знаю, как выглядит Архивраз. И я смогу отличить предателя.

Внутренние ворота с лязгом распахнулись.

--- Не сомневаюсь, что ты в это веришь. Но у Хаоса есть личины, которых он никогда прежде тебе не показывал, брат. Не забывай об этом.

Трин отвернулся и пошел прочь, обратно к цитадели.

Теперь гром прозвучал ближе и настолько оглушительно, что грохот отдался в костях воина. Дождь, верный спутник грома, тяжело барабанил по металлической палубе — словно пробыл ее на прочность, готовясь к прибытию гостей. А затем Зур понял, что звучание грозы изменилось. В ее мелодию вплелись новые ноты. Шум быстро приближался.

Зур взглянул вверх, туда, откуда раздавался звук. Маслянистые капли побежали по его лицу — сплошному рельефу из шрамов. Теперь воин видел навдвигающийся силуэт — или, скорее, лишь намек на него, тень с широко распростертыми крыльями и изогнутым клювом. Огромный орел падал вниз, выпустив когти. Резкий вскрик на мгновение разорвал облачный покров. Опираясь на столбы оранжевого пламени, под оглушительный рев турбин из туч внезапно вырвался серебристо-серый десантный корабль. Он быстро шел на

посадку. О стальные крылья и уловатую, выпуклую носовую часть «Грозового ястреба» хлестал дождь. Одежды Зүра хлопнули и забились на ветру, поднятотурбинами корабля, но воин не пошевелился.

Десантный корабль уверенно приземлился, и посадочная площадка под ним вздрогнула. Двигатели тонко взвыли, сбрасывая обороты. Корабль выпустил гидравлические опоры и сел на палубу. Он словно радовался окончанию перелета. Зүр уловил что-то за стеклом кабины пилотов, но деталей разобрать не смог. Он заметил, что задерживает дыхание, — и расслабился, мысленно себя обругав. Астартес подавил желание оглянуться через плечо на Орлиное Гнездо. Он не сомневался, что Трин где-то там, наблюдает за ним с высоты из окна галереи.

С ревом гидравлики опустился посадочный пандус «Грозового ястреба» — разверзшаяся пасть, открывшая темное нутро корабля. Первым по трапу проковылял сервитор с трясущейся головой.

На ходу он жевал перфокарты с набором команд. За собой механический прислужник волочил тачку, наполовину прикрытую потрепанным воинским плащом.

Когда тачка прокатилась мимо Зүра, ее содержимое немедленно приковало взгляд воина. То, что валялось в ней, не могло быть не чем иным, как керамитовым доспехом. Серебряная боевая броня, окантованная красным и черным, — знакомая Зүру так же хорошо, как узор шрамов на его собственном лице. Броня Орлов Обреченности, но до того поврежденная и изъеденная ржавчиной, что ни один сын Аквины по доброй воле не допустил бы такого.

Когда Зүр вновь поднял голову, он увидел стоящего на верху пандуса человека в капюшоне. Тот смотрел на свои руки и на брызги дождевой воды, отскакивающие от ладоней. Он был похож на пилигрима, принимающего благословение.

В следующее мгновение единственный пассажир «Грозового ястреба» заговорил.

— Дожди, — начал он низким и хриплым голосом. — Я думал, что никогда их больше не увижу.

Глубоко втянув ноздрями воздух, он добавил:

— Я чую запах чемека в ветре.

В словах прозвучала улыбка.

Зур кивнул. Внизу, в Столовом городе, за много лиг от Орлиного Гнезда, огромные фабрики по очистке биоматериала производили смазочное масло из клубков чемека — местного морского растения. Они работали днем и ночью, и тяжелый столистый аромат постоянно висел в воздухе. Зур замечал это, лишь когда запах исчезал.

Минута прошла, и новоприбывший склонил голову. Он начал спускаться, но Зур быстро шагнул к пандусу и преградил человеку путь. Тот, колебавшись, остановился.

— Кто ты? — спросил Зур. — Духи горы должны услышать твое имя.

Прикрытые капюшоном глаза новоприбывшего сузились, и выражение их стало холодным.

--- Духи знают, кто я такой, брат. Я Сын Гафуса, так же как и ты.

--- Ты должен произнести его вслух, --- настойчиво сказал Зур. --- Таков протокол.

Кулаки человека сжались, прежде чем скрыться в складках одеяния.

--- Протокол, о котором ты говоришь, для пришельцев извне. Для чужаков.

Зур взгляделся в скрытое капюшоном лицо, выискивая признаки обмана или злого умысла.

--- Скажи свое имя вслух, --- повторил он.

Человек ничего не ответил, и молчание затянулось. Наконец плечи гостя опустились, и тот подчинился.

--- Меня зовут Тарик. Я воин Агентств Астартес, брат-сержант из заслуженной Третьей роты ордена Орлов Обреченности. И я вернулся домой.

Тарик. Зур присутствовал при том, как это имя добавляли к спискам на Стене Памяти в великой Башне Реликвий. С должным почтением он смотрел, как раб вырезает буквы в черном полированном мраморе, где они должны были остаться

навечно среди сотен имен навших воинов
ордена. Зур присутствовал при том, как
капелланы объявили о гибели Тарика и
занесли это событие в анналы истории
Орлов Обреченности. Прошло целых два
гафианских цикла с тех пор, как его
объявили Астартес Мортус. Времена года
стменялись одно другим, и жизнь Тарика
стала еще одним священным
воспоминанием, включенным в общую
память о навших героях.

Человек в первый раз откинул с
головы капюшон и пошел вниз, к спуску с
пангуса.

Зур отступил на шаг и встретил
взгляд мертвеца.

--- Это он?

Трин не отвернулся от залитого
дождем окна, пристально наблюдая за
двумя фигурами, находившимися далеко
внизу, на посадочной платформе. Он
увидел, как брат Зур посторонился и
позволил пассажиру «Громоваго ястреба»
пройти к воротам. Библиарий успел
хорошо рассмотреть желтовато-бурое,

исчерченное боевыми шрамами лицо
новоприбывшего, освещенное мгновенной
вспышкой молнии.

— Это еще предстоит узнать,
милорд, — спустя какое-то время ответил
Трин.

В сумрачном полутраке
наблюдательной галереи командор Хеарон
скрестил руки на широкой груди, и его
неизменно угрюмый взгляд стал еще
трачнее. Ответ не удовлетворил
магистра ордена Орлов Обреченности.

— Я позволил ему прилететь сюда по
твоему совету, старый друг, — проворчал
Хеарон. — Я сделал это, потому что
надеялся получить от тебя нужный мне
ответ.

— Я отвечу тебе, — сказал Трин, —
дай срок.

— Пусть это не займет слишком
много времени, — отошел магистр
ордена. — Многие требуют быстро
закрыть вопрос с этим... возвращением. В
основном капелланы, а также и твой
начальник, брат Толка.

Трин кивнул:

— Я догадываюсь, что библиарий-
пришлусь совсем не в восторге от того, что
именно мне предстоит разобраться с
этим делом.

Хеарон нетерпеливо махнул рукой:

— Он сейчас на войне в далеком
секторе. А ты здесь. Если его злит мое
решение, он может обсудить это лично со
мной по возвращении.

Командор наклонился к библиарию:

— Этому нет прецедентов, Трин.
Смерть — конец всему, финальная
страница в книге жизни. Для того чтобы
вновь открыть эту книгу, когда последняя
запись уже сделана... — голос Хеарона стал
тише, — этот человек... если он, конечно,
тот, за кого себя выдает... его следует
допросить. Мы должны узнать правду.

Библиарий опять кивнул, размышляя.
Трин тщательно изучил описания всех
битв, в которых участвовал Тарик, и весь
список его наград. Ветеран
кровавопролитных войн и конфликтов в
таких мирах, как Такстед и Занасар, он
дослужился до чина брата-сержанта под
командованием Консультанта, теперешнего

капитана Третьей роты. Третьей роте не везло: она потеряла двух командиров погряб во время Черного Крестового Похода Архипредателя Абадгона, на Яоре и затем на Кагии. Но Тарик пережил все — даже великую бойню на Крипте, насквозь промерзшем, суровом планетоиде, где Орлы Обреченности лишились множества бойцов.

И только после разрушения планеты Серек, по возвращении в Сегментум Темнестус, брату Тарику изменила удача. Фрегат медслужбы, на борту которого он находился, попал в засаду ненавистных Красных Корсаров, где и был уничтожен. Тарика не оказалось ни на одной из спасательных шлюпок, покинувших корабль, прежде чем он рухнул в горящие недра звезды. Смерть Тарика посчитали достойной и провозгласили его погибшим со всеми подобающими такому случаю обрядами и ритуалами.

Но сейчас... сейчас по залам Орлиного Гнезда расхаживал призрак.

Трину было отлично известно, что некоторые другие ордены считают связь

Орлов Обреченности со смертью... весьма необычной. Нездоровой, если не сказать --- жуткой; он слышал подобные оговорки от Космических Волков, и Белых Шрамов, и даже братьев-Ультратаринов --- воинов того самого легиона, который породил их орден. Кое-кому казалось, что Орлы Обреченности одержимы идеей фатализма, --- но это был узкий, поверхностный взгляд.

Орлам Обреченности было даровано понимание вселенной. Они знали истину. Любая жизнь от рождения стремится к смерти, минута за минутой. То, что другим представлялось фатализмом, они считали прагматизмом: подходом, порожденным знанием о том, что всякая жизнь и радость преходящи, а постоянны лишь отчаяние, потери --- и в конечном счете смерть. «Мы уже мертвы» --- так прозвучали первые слова клятвы ордена. Орлы Обреченности понимали, что смерть всегда рядом, и поэтому сражались еще яростнее и упорнее других стремились выполнить долг, пока Последний Сон не стечет им в веки. Они не тешили себя

иллюзиями.

Смерть была пределом всего. Ничто не может вернуться из пустоты, лежащей за ее порогом. Это знание было краеугольным камнем, на котором строился орден.

Тарик своим присутствием, одним фактом своего существования бросал вызов основам их веры.

Хеарон снова заговорил:

--- Я даю тебе все полномочия, чтобы разобратся с этим делом.

Магистр ордена отвернулся.

--- Мне нужно лишь, чтобы ты был уверен.

Когда до Трина полностью дошло значение приказа Хеарона, он похолодел.

--- А если я не буду уверен, милорд? Что мне делать тогда?

--- Для сомнений не может быть места, брат.

Хеарон остановился у выхода из затененных покоев и кивнул в сторону окна.

--- Если понадобится, прикончи его. Наши мертвецы остаются мертвыми.

Тарик проснулся, и первой его реакцией был шок. Чувство быстро прошло, сменившись раздражением. С самого его бегства с Дайникаса V пробуждение всегда сопровождалось дрожью неуверенности и страха — и это его злило.

Каждый раз он ожидал, что вновь очнется в железной камере, на своей жесткой подстилке, что по его покрытой переплом коже будет стекать пот, а влажный воздух вокруг — звенеть от жара. Похоже, его подсознание никак не могло смириться с тем фактом, что он вырвался на свободу. В беспросветном адундайникианской тюрьмы его подвергали столь странным и изощренным пыткам, что даже теперь, спустя много недель после бегства, в его душе оставалось зерно сомнения. Какая-то талая часть его была слишком напугана, чтобы воспринимать объективную реальность, — из страха, что секундой позже ее отберут.

Сталь и катни тюрьмы на Дайникасе V сгинули в прошлом. Рой тиранидов оборвал его течения, и даже сама темница

была до основания сожжена лазерными излучателями Астартес — но в сознании Тарика ее стены стояли непоколебимо. Воин не раз задавался вопросом: падут ли они когда-нибудь?

Со вздохом он отбросил эти мысли, встал и подошел к простому улывальному в углу комнаты. Возможно, некая ирония заключалась в том, что это крохотное помещение тоже вполне можно было назвать «камерой», но оно дарило тишину и спокойствие, а не тюремные муки. Тарик плеснул в лицо пригоршню холодной, с минеральным привкусом воды и взглянул на небольшое круглое оконце под потолком. На стеклопластике кислотой был вытравлен незатесловатый узор: орел с распростертыми крыльями и поверх него — человеческий череп. Символ его ордена. При виде рисунка сердце Тарика сжалось: этот символ значил для него так много. Так долго он был всей жизнью Тарика — и в самые темные минуты своего заключения воин уже не надеялся увидеть его вновь.

Люди суровой и стойкой природы, характерной для большинства Астартес

из ордена Орлов Обреченности, редко поддаются радости или волнению --- и все же Тарик не мог отрицать, что в глубине души испытывает нечто весьма похожее на эти чувства. Вновь оказавшись дома, он ощутил странный восторг. Впрочем, радость возвращения изрядно отрачали мысли о том, что с ним будет дальше.

С того момента, как он совершил посадку на «Грозовом ястребе», прошел один день. День, начавшийся угрюмым приветствием так называемого брата Зүра. Тот не ответил ни на один из вопросов Тарика, лишь предложил ему спартанскую трапезу и комнату для отдыха. «Место, где ты сможешь поразмыслить», --- сказал Зүр. Тарик не мог не заметить, что, хотя дверь его покоев оставили открытой, в коридоре стоял вооруженный сервитор. И, даже не обыскивая комнату, воин знал, что под потолком скрыты аудио- и видеодатчики.

Братья пристально следили за ним. Чужого он и не ожидал.

Должно ли это наблюдение его оскорблять? С одной стороны, да. С другой ---

Тарик понимал причину такой настороженности. Доверие — редкий товар в Империи Человечества и щедро расходовалось лишь там, где были сильны узы братства и верности. Органы Агентств Астартес являлись одним из таких мест, но, когда в их круг попадали пришельцы из внешнего мира — «пришельцы и чужаки», напугал себе Тарик, — колодец изобилия истощался очень быстро.

Братья не доверяли ему, и причиной тому стала злая судьба.

Тарик мрачно подумал о вынашиваемой им доле несправедливости, о вероятности дурного исхода, который в этой равнодушной вселенной был более чем реален. После Серена, где сержант и его отделение участвовали в сражениях с некронатами и оказались вынуждены бежать с гибнущей планеты, он очутился на госпитальном корабле. Тарика погрузили в искусственный сон, чтобы его модифицированный организм быстрее оправился после неудачно прошедшей телепортации. Он проснул почти весь полет — до того момента, пока корабль не

угодил в ловушку ренегатов. Тарик был слишком слаб, чтобы сражаться. Братья бежали, сочтя его мертвым, но сержанта захватили в плен. Затем эти сукинны дети, Красные Корсары, продали его, словно бессловесную скотину, хозяину дайникианской тюрьмы. Месяц за месяцем, год за годом он оставался там вместе с другими пленниками-Астартес, захваченными на поле боя или числившимися в списках погибших. Забытые собственными братьями, они превратились в лабораторных животных, экспериментальный материал, служивший развлечением для этого исчадия Хаоса, называвшего себя Фабием Байлом.

Тарик ожидал, что умрет там, -- но он был Орлом Обреченности, а Орлы Обреченности всегда ждут смерти. И все же, когда появился шанс вырваться на свободу, сержант вцепился в него что было сил. Тарик знал, что его служба Золотому Трону еще не закончена. В глубине души он понимал, что пока не готов к смерти -- не на Дайникасе, не от руки Байла и его банды урогов-мүтантов. Время Тарика

еще не пришло.

В коридоре раздался шаг, а затем слышался голос.

--- Тарик, --- позвал Зур, --- не хочешь присоединиться ко мне?

Орел Обреченности накинул форменную тунiku и верхнюю робу, после чего открыл дверь.

--- Мы куда-то идем?

Зур отрывисто кивнул:

--- Я хочу тебе кое-что показать.

Они шагали по коридору, и Зур прилагал максимум усилий, чтобы изучить своего подопечного, не оскорбляя при этом его чувств. Тарик выглядел так же, как его изображение в пикто-файлах или на снимках, сделанных сервачерепами во время сражений. Он держался, как и полагает Астартес, и без всяких напоминаний оказывал должные знаки почтения священным статуям. Статуи стояли на страже у каждых врат центрального коридора, который проходил вдоль всей окружности Орлиного Гнезда. Если уж об этом говорить, то при виде

барельефа Аквилы -- первого из Орлов Обреченности и избранного Второго Основания -- Тарик казался почти растроганным. Зур, тоже глубоко склонившийся перед святыней, поднял голову секундой раньше, чем обычно, и внимательно рассмотрел согнутые плечи своего спутника.

В конце концов Тарик выпрямился и устехнулся:

-- Возможно, тебе следует воспользоваться песочными часами, брат. Это поможет измерить мое благочестие с достаточной точностью.

-- Я не инквизитор, -- ответил Зур чуть более поспешно, чем следовало.

Говоря откровенно, он уже задавался вопросом, как бы поступили представители Ордо Еретикус, знай они о Тарике и об обстоятельствах его возвращения, а также и об остальных Астартес, которых братья из ордена Кровавых Ангелов вытащили с Дайникаса. Провести месяцы, даже годы в темнице, которой управлял один из самых знаменитых участников Ереси... Мож ли

кто-нибудь — пусть даже один из лучших
воинов Имперских Астартес — выйти
оттуда незапятнанным? Мож ли
костодесантник пережить такое, не
поддавшись какой-либо порче? Продолжая
размышлять над этим вопросом, Зур
произнес:

— Ты здесь среди своих.

— Да уж, где найдешь лучших судей...

Тарик остотрелся. Его пристальный
взгляд быстро обшарил изогнутый коридор,
галереи наверху и темные альковы, куда не
подал свет люминолатн.

— Где остальные мои надсмотрщики?
Неподалеку, как я понимаю.

Зур с трудом подавил желание
последовать примеру Тарика и оглядеть
коридор. Он прекрасно знал, что библиарий
Трин находится где-то неподалеку и
следит за ними обоими. Зур попытался
представить, что Трин о них думает.
Внешне два Орла Обреченности походили
друг на друга, как родичи, хотя кожа на
безволосой голове Зура была бледнее:
наследие морских бродяг, от которых
произошел Зур, — в отличие от Тарика.

потомка высокогорного клана. Они оба сошли бы за эталонные образцы Сынов Аквилы, населяющих Горы Призраков, -- но дело было не в наружности, а в том, что скрывалось под ней и на много хуже поддавалось исчислению. В том, что не измеришь и не взвесишь, -- а именно это Зүр предстояло оценить. И если Тарик окажется недостойным, его ждет постыдная смерть -- худшее, что может выпасть на долю Орла Обреченности.

Мимо прошла группа новобранцев. По их одежде и оружию Зүр догадался, что они возвращаются с тренировочной вылазки в зону экваториального архипелага. Зүр поприветствовал юнцов коротким поклоном. Новобранцы ответили тем же, но при этом старательно не замечали Тарика. Юноши обходили бывшего пленника, стараясь не встретиться с ним глазами. Зүр заметил, как плечи Тарика напряглись, -- однако тот ничего не сказал. Секундой позже он кивнул сам себе, как будто сделав какой-то вывод.

-- Где мои люди? -- спросил воин, не

злядя на своего конвоира. — Прошло два года с тех пор, как я видел их в последний раз, и я постоянно думаю об их судьбе. Они еще живы?

Зүрү дали четкий приказ: не говорить о бывших соратниках Тарика. Однако приказ этот не пришелся ему по вкусу. Совесть не позволяла воину проигнорировать вопрос Тарика. Спустя какое-то время он кивнул.

— Они живы, — сказал Зүр.

На Сереке под командованием Тарика были опытные, крепкие костодесантники: братья Корики, Петий и Микил. Все они пережили нападение Красных Корсаров на фрегат медслужбы.

— Я хочу их видеть.

Зүр покачал головой:

— Возможно, позже.

Тарик бросил на него гневный взгляд:

— По крайней мере, не лги мне, брат. Сделай одолжение.

Зүр вздохнул:

— Что ты хочешь от меня услышать, Тарик? Что, по-твоему, ожидало тебя по возвращении? — Он обвел рукой коридор. —

Ты считал, что мы встретим тебя с распростертыми объятьями? Примет ли тебя обратно, словно ничего не случилось? Ты сам сказал -- прошло два года, брат. Долгий срок в самом сердце тьмы.

Второй Астартес потупился, глядя на декоративную плитку пола. Зур невольно почувствовал укол жалости.

-- Похоже, я был глупцом, -- проговорил Тарик, -- наивно полагавшим, что можно возвратиться домой и жить, как прежде. -- Он потнул головой. -- Я только хочу вернуться. Вот и все.

Зур нахмурился и шагнул вперед.

-- Пойдем, -- сказал он Тарик. -- Ты должен это увидеть. Тогда тебе легче будет нас понять.

В центре Орлиного Гнезда располагалась огромная восьмиугольная башня -- самая высокая из башен крепости, поднимавшаяся над облака и погружающаяся на много уровней в скальную породу Горы Призраков. Реклюзам был местом поминовения бесчисленных воинов, погибших на

просторах галактики. Целые этажи были отведены под хранилища реликвий, извлеченных с полей жестоких сражений и войн, гремевших по всему Империи. Многие из них были напоминанием о конфликтах, в которых Орлы Обреченности принимали непосредственное участие, а другие свидетельствовали о столь непомерных злодеяниях, что члены ордена сочли своим долгом посетить эти места.

Орден Орлов Обреченности зародился вскоре после Ереси Гора. Его основателем был Великий Аквила из легиона Ультратаринов. Аквила сражался в армии Жиллимана вместе с остальными Ультратаринами. Во время Осады Терры, когда другие отчаянно пытались укрепить родной мир, военная трона завела Ультратаринов далеко от дома, и в самый решающий для Империи момент они не успели принять участие в битве. В истории ордена говорится, что Аквила был совершенно уничтожен виной и отчаянием, ведь он прибыл слишком поздно, чтобы защитить Императора и

помешать Горю нанести ему смертельные раны. И тогда воин поклялся, что не промедлит никогда впредь и всегда будет готов защитить Имперium. Когда пришло время Второго Основания, Аквила отделился от братьев, чтобы создать орган Орлов Обреченности — живое воплощение его клятвы. Первый Магистр возвел это в принцип нового органа: каждый из Сынов Гафуса должен был понимать цену колебаний и промедления — и вину, которая неизбежно за ними следует.

Он заставил их увидеть это воочию, узнать на собственном опыте. Отсюда и реликвии, собранные братьями в паломничествах по полям сражений и проигранных войн. Каждая несла на себе печать несчастья и отчаяния, олицетворявших в реальных и осязаемых предметах.

Много уровней Реклюзиума занимали эти мрачные музеи, залы, заполненные кусками кости и камня, стекла и стали. Армагеддон, Росин, Малволион, Телемах, Брода-кул и другие планеты, на которых

произошли великие битвы, — все они были представлены здесь. А в самом центре святилища, в палате с серебряными стенами, лежали обломки каменной облицовки императорского дворца, перо из крыла Сангвиния и осколок боевой брони самого Императора, принесенные сюда еще Аквиллой.

Говорили, что псайкеры могут слышать призрачные крики, разносящиеся по башне. Если легенды не вралы, если в реликвиях и вправду сохранились частицы боли и смертной тьмы, которой они стали свидетелями, Зур был рад, что стенания этого безмолвного хора остаются для него сокрытыми.

Однако они направлялись не сюда. В сопровождении молчаливого Тарика костогесантник сел в гравиташину, которая двигалась по вертикальным медным рельсам. Они поднимались все выше и выше, минуя уровни со смертными реликвиями чужаков, пока не добрались до Зала Павших.

Колоссальные стены, пол и потолок самого большого помещения в Орлином

Тезде были облицованы плитами из
отполированного обсидиана, каждая
размером с «лендрейдер». С арматурных
решеток, часть из которых уходила под
самый потолок, и выступающих из стен
креплений свисали такие же панели. С
расстояния казалось, что гладкий черный
камень покрыт каким-то налетом, — но по
мере приближения картина прояснялась.

Все панели были разделены лазерным
резакот на тонкие полоски. Из каждой
полосы выступала стеклянная полусфера,
под которой покоился тот или иной
предмет, а рядом на обсидиане
выгравировано имя погибшего Орла
Обреченности. Под стеклом лежали
реликвии: обломок доспехов, глазная линза,
гильза от болтерного снаряда, знак
отличия — любой артефакт, так или
иначе имевший отношение к утершим. Их
частица, которая должна была
благоговейно храниться здесь, пока
существует орден.

Гравимашина перешла на другие
пути, подсоединившись к конвейеру,
который зигзагами повез Астартес через

зал в направлении одной из самых высоких панелей.

Зур глянул вниз, туда, где далеко позади вителся пол зала. Где-то там находился мемориал Аквилы, и рядом под стеклом лежал треснувший шлем. Ни особых украшений, ни величественного памятника, который помог бы отличить плитку с его именем от остальных. Таково было распоряжение Первого Магистра. Аквила знал, что в смерти все равны и едины.

Зур поднял глаза и обнаружил, что Тарик тоже смотрит вниз. «Погражает ли мне? — подумал Астартес. — Или действительно чувствует то же благоговение, что и я?»

В конце концов гравиташина с лязгом остановилась перед одной из стен, и Зур указал на висящую перед ними панель. Под стеклянной полусферой лежал боевой клинок Астартес. Его режущий край все еще был остро заточен и светел, хотя остальная часть ножа покрылась грязью и царапинами от долгого использования.

Увидев оружие, Тарик сделал полшага

по направлению к нему — и затер.

— Это же мой, — пробормотал он.

Голос Орла Обреченности прозвучал странно — в нем прорезалось что-то вроде страха.

Зур кивнул, вновь обращая внимание Тарика на панель.

— Погляди сюда, брат.

Готический шрифт, выгравированный манипулятором резчика-сервитора. Литеры очерчены серебряной краской. Как будто не осознавая, что делает, Тарик протянул руку и провел пальцами по буквам собственного имени.

— Нет, — начал Астартес, замотав головой.

Зур опять кивнул:

— Ты пропал без вести, брат. Ты знаешь наши законы и устав. Тебя вычеркнули из списков. Но тебе провели погребальную церемонию. Твое имя было вырезано на мемориальной плите. Согласно законам ордена и Тафуса...

Тарик резко развернулся, оказавшись лицом к лицу со своим конвоиром. В темных глазах Орла Обреченности тлел

странный огонек.

--- Я мертв, --- сказал он, заканчивая фразу Зүра. --- Я больше не существую.

Тарик так поспешно выскочил из ворот Реклюзиата на мост для процессий, что не сразу осознал простую истину: ему нигде идти. Поняв это, воин заметлил шаги, и следующее за ним по пятам отчаяние тут же накрыло его --- словно лишь быстрая ходьба держала горе на расстоянии.

В самые тяжелые минуты своего заключения, запертый в ненавистной тюремной клетке, Тарик боролся с нараставшим в душе страхом. Он боялся, что будет забыт, что, после того как он исчез в глубинах костоса, все военные операции и битвы, в которых он участвовал, все заслуженные им награды сотрутся из памяти братьев. Он боялся, что все совершенное им канет в небытие.

Но теперь он понял, что есть ужас еще больший. Его память увековечили --- таким окончательным и роковым образом, что каждое его дыхание отныне было

дыханием призрака. В глазах Великого Аквилы и ордена брат-сержант Тарик погиб на борту того медицинского фрегата годы назад. Собратья признали его умершим и примирились с этим фактом.

Стоит ли удивляться, что новобранцы отвернулись от него, обеспокоенные его присутствием? Для ордена, столь тесно связанного со смертью, возвращение одного из братьев из-за ее порога потрясает самые основы веры. Он вспомнил слова, записанные в Молитвеннике Морталис: «Наши мертвецы остаются мертвыми».

Сзади Тарика окликнули, и он обернулся. Когда Зур приблизился, бледное лицо его было холоднее льда.

--- Надо это исправить... --- начал Тарик, но второй костодесантник сделал ему знак молчать.

--- Ты понимаешь, брат? --- требовательно спросил Зур. --- Теперь ты видишь, почему твое возвращение вызвало... проблемы?

Тарик ощутил зарождающийся гнев и

не стал подавлять его.

--- Не говори со мной так, будто я какой-то хныкающий новичок. Я боевой брат этого ордена, отмеченный заслугами и наградами!

--- В самом деле? --- не удержался Зур.

Тарик возмущенно уставился на него.

--- А! Теперь понимаю. Поначалу я думал, что вас заботит, не ослабел ли мой разум во время заключения и не сломлен ли мой дух... Но все не так просто, да?

Тарик презрительно фыркнул и нагнулся на Зура.

--- Как ты можешь сомневаться в том, что видишь собственными глазами, брат!

Он яростно подчеркнул последнее слово.

--- Истина... --- отозвался Зур.

Но Тарик не дал ему договорить.

--- Что вы тут себе напридумывали? ---

Астартес широко раскинул руки. --- Ждете, что я начну сбрасывать кожу, обращусь в какую-нибудь адскую бестию, в демона Хаоса? Вот кем вы меня считаете?

Зүр не отвел глаза.

--- Мы задавались таким вопросом.

Тарик быстро шагнул к нему и ткнул пальцем в грудь.

--- Я знаю, кто я такой, родич! ---
равкнул он. --- Я --- преданный воин
Священной Терры!

--- Возможно, --- ответил Зүр. --- Или,
возможно, ты существо, которое до поры
до времени в это верит. Нечто, лишь
внешне похожее на брата-сержанта
Тарика.

На руках Тарика вздулись бугры
мышц. Какую-то секунду он был близок к
тому, чтобы ударить брата-
костодесантника по лицу. То, что обрат
по оргену остеливается оскорбить его
честь, еще сильнее восплатенило гнев
сержанта, и к черту доводы рассудка!

В это мгновение, глядя на мир сквозь
линзу холодной ярости, Тарик уловил кое-
что еще: липкое прикосновение,
электрический зуд на коже и чувство,
будто за ним следят сотни глаз.
Расслабив мускулы, он отвернулся от Зүра
и пристально оглядел высокий тракторный

мост. Единственным звуком был рокот теплообменников, работавших далеко внизу, в глубинах Горы Призраков.

Обращаясь к пустоте над мостом, Астартес потребовал:

--- Покажись, ведьмак.

Тарик быстро покосился на Зүра, и выражение лица второго воина подтвердило его подозрения. Он снова отвернулся, рыская взглядом по аркам и переходам.

--- Давай, брат. Если хочешь позорить мое имя, по крайней мере имей смелость сделать это, глядя мне в глаза.

--- Как пожелаешь.

Низкий голос прозвучал совсем неподалеку у него за спиной. Оглянувшись, Тарик обнаружил фигуру, стоящую в нише под одной из массивных резных колонн. Человек был закутан в широкие, окаймленные красным робы. Всего лишь пару секунд назад Орел Обреченности смотрел в том направлении и не заметил ничего, кроме теней.

Псайкер шагнул к нему, откинув капюшон. Взгляд холодных и жестких глаз

впился в Тарика, выискивая малейший признак слабости. Тот не поддался.

--- Меня зовут Трин, --- сказал библиарий. --- Мое имя здесь известно.

Тарик кивнул:

--- Я слышал о тебе. Ты отбираешь самых преданных.

--- Но не тебя, --- ответил Трин. --- В тот день, когда тебя выбрали из числа желающих вступить в этот орден, меня не было на дежурстве. В противном случае, возможно, вопрос был бы уже решен.

--- Нет никакого вопроса, --- огрызнулся Тарик. --- Я --- то, что ты видишь перед собой, и ничего больше. Орел Обреченности. Агентус Астартес. Сын Гафуса.

Трин склонил голову к плечу:

--- Враг прячется на виду. Самая излюбленная тактика агентов Губительных Сил. Они уже извратили множество утов в прошлом. Согласись --- мы должны быть уверены в том, что этого не произошло с тобой.

Тарик твердо встретил горящий взгляд Трина и не отвел глаза.

--- Знаешь, ведьтак, что позволяло мне сохранять рассудок все те месяцы, что я провел в адской дыре? Вера в моих братьев, в мой орден и моего Императора. Ошибался ли я, веря в них? Неужели они меня покинули?

--- Именно это мы и должны выяснить, Тарик, --- ответил Трин.

--- Ты остеливаешься требовать от меня доказательств? --- Ярость захлестнула его. --- После всего того, что я совершил во имя Аквилы, ты во мне сомневаешься?

Тарик нагнулся на псайкера. Теперь они стояли лицом к лицу. Тарик ощущал, как пронзительная аура ментальной силы библиария давит на него.

--- Так-то ты приветствуешь потерянного брата, который, милостью Императора, оказался достаточно безрассуден, чтобы выжить? Ничего, кроме презрения и отчуждения, обвинений и неуважения!

--- Такова вселенная, в которой мы живем, --- вмешался Зур.

Тарик не отвечал, неотрывно глядя

на Трина.

--- Возможно, вы предпочли бы, чтобы я сдался и сдох в той тюрьме.

Трин склонил голову:

--- Это разрешило бы проблему, без сомнений.

--- Тогда прошу прощения за то, что остелился выжить, --- выпалил Тарик. --- Должно быть, это причинило вам массу неудобств.

--- Еще есть время, --- произнес псайкер. --- Но его осталось немного.

На сей раз Тарик замолчал надолго. С усилием он подавил гнев и отбросил раздражение. То, что в словах Зүра и Трина была определенная логика, лишь ухудшало его положение --- но Тарик перестал противиться. Вместо этого, он заглянул в свое сердце, в свой разум и душу, которые и делали его Орлом Обреченности.

--- Пусть будет так, --- мрачно сказал он. --- Если я должен подвергнуться допросу, тогда допрашивайте. Такова жизнь. Я приму неизбежное и не дрогну. Скажите, что нужно сделать, чтобы положить

этому конец раз и навсегда.

--- Ты уверен? --- спросил Зур. --- Это будет нелегко. Многих сломало бы и меньшее.

--- Говорите, --- повторил Тарик, яростно глядя на псайкера.

Трин ответил ему ровным и спокойным взглядом.

--- Существоют ритуалы очищения. Обряды перехода. Мы проверим тебя. --- Псайкер развернулся, чтобы уйти. --- Завтра, на рассвете.

Рука Тарика метнулась вперед, и его пальцы сожались на запястье библиария, не давая тому двинуться с места.

--- Нет, --- сказал Орел Обреченности. --- Мы начнем сейчас.

Трин встопорился в его лицо.

--- Ты представляешь, что тебе предстоит?

--- Сейчас, --- повторил Тарик.

Они начали с «когтей».

Механизм, сделанный из светлой, отполированной стали, холодной, как лед, сожнулся вокруг Тарика и крепко его

сжал. Это напоминало столярные тиски, увеличенные до гигантских размеров. Смазанный маслом винт поворачивался, сводя вместе изогнутые металлические блоки. Из каждого блока выступали острые шипы — когти, сделанные по образцу когтей огромных кондоров, парящих в теплых воздушных потоках над Хребтом Лезвий.

Тарик стоял между полосами металла, одетый лишь в тонкую тренировочную тунiku. Мышцы на его руках и ногах вздулись, став тверже железа, и сопротивлялись давлению блоков. Лишь сила и выносливость воина мешали «когтям» сойтись и раздавить его. Он ровно дышал, приготовившись к длительному напряжению. Силы следовало распределить на долгое время, а не потратить в одном отчаянном рывке.

«Когти» продолжали давить. Умыведомата была усталость. Медленно поворачивающиеся колеса пытались сломить упорство костодесантника, заставить его поколебаться хоть на мгновение: и в этом заключался коварный трюк. Если воин расслаблялся, пусть на

самый короткий миг, блоки тут же выдвигались вперед, сужая и без того узкую щель, — но в это время испытываемый получал мгновенную передышку. После многих часов и дней, проведенных между блоками, воин иногда решал, что можно дать им слегка придвинуться — лишь бы получить драгоценную секунду отдыха. Но это был верный путь к смерти. Говорили, что сам Хеарон однажды целый лунный месяц простоял в «когтях» и ни подпустил их ни на пядь.

Тарик находился здесь уже несколько дней. Окна рядом не было, так что он мог лишь приблизительно оценить прошедшее время. И, в отличие от Хеарона, его не оставили наедине с испытанием. Из теней, окружавших «когти», выступали фигуры и обращались к нему, все время осыпая его вопросами и требованиями. Они хотели, чтобы Тарик цитировал строки из катехизиса и кодекса ордена или раз за разом повторял все детали своего заключения. Вопрос тянулся бесконечно, снова и снова по кругу, и вскоре Тарик уже не чувствовал ничего, кроме тяжелого

отупения.

Среди допрашивающих находился и Трин. Может, он был одним из них или всеми сразу — но, несмотря на струящийся по телу пот и кислоту, медленно заполняющую мышцы и вены, воин так и не сказал того, что хотел услышать библиарий. Он повторял все ту же историю, цитировал молитвы и гимны и все это время противостоял ужасному, сокрушающему давлению. Без воды, без пищи, зажатый тисками, он стоял на своем.

Затем, без всякого предупреждения, по прошествии недели с начала испытания все кончилось. «Когти» разжались, и Тарик рухнул на пол. Мышцы его еще какое-то время судорожно сокращались, так что воин не сразу сумел встать на ноги. Он ступно понимал, что вокруг столпились рабы ордена в робах с нагвинутыми на глаза капюшонами.

Тарик нахмурился. Испытание не могло закончиться так быстро. Он еще недостаточно страдал.

Он оказался прав.

С Тарика сняли одежду и поместили в трюм вертолета. Летательное судно стартовало с Горы Призраков, резко взмыв вверх и почти так же быстро начав спуск по отвесной дуге. Орел Обреченности едва успел прислушаться к ветру, бьющему об обшивку, когда палуба у него под ногами разъехалась в стороны и он полетел вниз.

Тарик тяжело упал на покрытый льдом скальный уступ. Смешанный со снегом дождь барабанил о скалы и рушился в глубокую, затянутую туманом пропасть вниз. Взглянув вверх, Тарик увидел удаляющуюся машину. Сквозь ее мелькающие лопасти ему даже удалось разглядеть контуры Орлиного Гнезда. Воина сбросили на склон одного из ближайших пиков. Но прямой отсюда не больше полукилометра до Горы Призраков, но без реактивного ранца или парашюта добраться туда было невозможно.

Тарик остотрелся, выискивая хоть какое-то укрытие от непогоды, но нашел лишь скошенный скальный козырек. Борясь с болью, все еще терзавшей его мышцы

после «когтей», Тарик заполз в эту узкую щель и обнаружил там грязь и лишайники. Лишайник он съел, а грязь размазал по телу, чтобы сохранить тепло.

Он пытался понять, было ли это наказанием. Возможно ли, что он, сам того не заметив, провалил первое испытание? Или Трин и другие его судьи просто устали от этой игры и решили, что он должен умереть в горах от холода? И то и другое казалось маловероятным. Болтерный выстрел в затылок покончил бы с ним намного быстрее, чем голод или обморожение, а Орлы Обреченности никому не причиняли ненужных страданий — этого добра во вселенной и без того хватало.

В полугреме, скорчившись на жестких камнях, Тарик представлял пристальные глаза, следящие за ним из окон монастыря-крепости, который он привык считать своим домом. Он чувствовал, как вокруг стыкается темнота, как по телу ползет онемение. Его все еще допрашивали, но на сей раз обходились без слов, а «когти» заменила безжалостная

природа. Теперь ответа потребовал сам
Гафис: голоса Горы Призраков и Хребта
Лезвий.

Но нужного им ответа они так и не
получили. На рассвете Тарик умер.

Трин ощутил недовольство своего
господина прежде, чем вступил в
наблюдательную галерею. Оно наполнило
окружавшее библиария пространство, как
стылый туман, — вездесущее и каждую
секунду готовое обернуться ледяным
штормом.

В галерее псайкер обнаружил
Хеарона, стоящего у окна, и, чуть в
стороне, брата-капитана Консульты. Воин
был облачен в боевой доспех и застыл в
напряженной позе, сверля взглядом некую
точку за дальней крепостной стеной.
Консульт казался вырезанной из камня
статуей, холодной и неподвижной; но Трин
мог заглянуть под маску и увидеть
чувства, кипящие в груди капитана
Третьей роты.

«Третья Невезучая» — так называли
ее командиры других подразделений, хотя

никогда не остеливались сказать это бойцам из Третьей в лицо. Трин подумал, что кличка ит досталась не зря. Возвращение Тарика стало еще одной неугачей, выпавшей на долю Консультанта и его людей.

Хеарон покосился на библиария:

--- Ты принес мне ответ?

--- Нет, милорд, --- ответил псайкер.

--- Где он сейчас?

Трин повел головой:

--- В Апотекарионе. Его

реанимировали, прежде чем умер мозг. Он будет жить.

--- Немногого такая жизнь стоит, --- фыркнул Хеарон. --- Что случилось с твоим ведьмовским зрением? Загляни в его душу и скажи, что там видишь.

--- Я это уже сделал, --- признался псайкер, --- и не пришел к окончательным выводам. Несмотря на стойкость Тарика, его психика пострадала от пыток и заключения --- но этого и следовало ожидать. Однако перед нами не тот случай, когда можно четко отделить черное от белого. У серого много

оттенков.

--- Не согласен, --- ответил Хеарон. ---
Я задал тебе простой вопрос. Можно ли
доверять Тарикү? Да или нет?

--- Он перенес испытания, --- влещался
капитан. --- И снова выжил.

--- Я уже знаю твое мнение, --- равкнул
Хеарон. --- Нет смысла его повторять.

Он снова перевел взгляд на Трина.

--- Капитан совершенно прав, --- сказал
библиарий. --- Плоть Тарика крепка и
выдержала суровые испытания. Его не
сломили пытки, которые бы убили менее
храброго воина.

Хеарон скривился.

--- Тело --- лишь механизм из плоти и
крови, --- сказал он, резко рубанув воздух
рукой. --- Мы знаем, что им можно
управлять. --- Магистр покачал головой. ---
Нет, меня волнует дух Тарика. Речь идет
о его душе.

--- Его вера в Императора сильна. ---
Трин затолчал, тщательно подбирая
слова. --- Его вера в орден также сильна.

--- «Даже после того, что мы с ним
сделали». --- Произнося эти слова, Хеарон

оглянувшись на Консультанта. -- Брат-капитан, я могу прочесть твои мысли, даже не обладая псайкерскими талантами Трина.

-- Вы правы, милорд, -- ответил Консультант.

-- Пусть никто из вас не думает, что это доставляет мне удовольствие, -- жестко сказал Хеарон. -- Но Тарик -- лишь один человек. А я отвечаю за орден, состоящий из тысячи бойцов, и за его наследие, насчитывающее десять тысячелетий. Я несу ответственность за Орлов Обреченности, и, если мне придется казнить одного из них, чтобы уберечь остальных, я без колебаний припишу на себя эту вину. Это лишь песчинка в сравнении со священным раскаянием Аквилы.

С минуты Трин хранил молчание. Псайкер отлично знал, зачем Хеарон вызвал его сюда и почему Консультант, бывший командир Тарика, присутствовал здесь в качестве свидетеля.

-- Пришел ответ от Совета Орлов?

Хеарон кивнул. Созданный по образу Верховного Совета Терры, Совет Орлов состоял из высших чинов ордена, которые

собирались для обсуждения важнейших проблем. Изюм своих обсуждений они сообщали магистру. Хеарон, хотя и обладал правом окончательного решения по любому вопросу, часто прислушивался к мнению членов Совета: капитанов рот, старшего капеллана, апотекария, владыки кузни и библиария.

--- Большинство моих советников сомневаются в том, что следует дальше заниматься этим делом. Руск перевешивает возможную выгоду. Вред, который может причинить даже единственный проникший в наши ряды шпион, огромен по сравнению с ценностью одного сержанта-ветерана.

--- Так ли это? --- тихо сказал Консульт. --- Разве мы сами не навредим ордену, если отвергнем воина, единственное преступление которого состоит в том, что он не сумел вовремя умереть?

--- Остальные считают, что он нечист? --- спросил Трин.

--- Остальные считают, что его следует прикончить как собаку, --- ядовито

заметил капитан.

Хеарон проигнорировал его слова.

--- Я... не убежден до конца.

--- Милорд?

Магистр вновь отвернулся к окну.

--- Орлы Обреченности всегда были самыми прагматичными среди *Agentus Astartes*. У нас нет времени на колебания. Никогда впредь не откладывать решения... Эти слова запечатлены у нас в сердцах.

Помолчав, он продолжил:

--- Некоторые из наших боевых братьев считают, что этого десантника следует удалить, как злобредную опухоль, и двигаться дальше. Прикончить его и подтвердить то, что уже и так вырезано на камне: Тарик из Третьей погиб и больше не вернется.

Трин склонил голову к плечу:

--- И все же?

--- И все же... --- повторил Хеарон, покосившись на Консультанта, --- совесть не позволяет мне так запросто разобратся с этим делом. Когда смерть явится за мной, мне придется заглянуть в

собственную душу и спросить: «Что ты скажешь об этом Императору, когда предстанешь перед ним? Как ты можешь обречь Сына Гафиса на смерть из-за неразрешенного вопроса?» — Он покачал головой. — Так не пойдет.

Трин сунул глаза:

— Есть и другой путь, милорд. Метод, который я до сих пор не решался использовать. Можно назвать его гаганием.

— Делай то, что должно быть сделано. — Магистр оглянулся на Трина через плечо. — Ты принесешь мне ответ, Библиарий.

— Даже если это убьет Тарика? — спросил Консульт.

— Даже если, — ответил Хеарон.

Зур вышел с южного стрельбища, где проводилась утренняя тренировка, и обнаружил, что его ожидают трое. Он заколебался, в первую секунду неуверенный, как поступить, а затем сделал жестокосантникам знак следовать за ним. Они отошли к рабочему столу в дальнем

конце оружейной комнаты. Зур уселся на единственный стул. Аккуратными, отточеными движениями он разобрал свой болтерный пистолет и принялся его чистить.

Как Зур и предполагал, первым заговорил Корики.

— Лорг, — начал он с напряжением в голосе, — мы тут межгү собой обсудили это... это дело, и у нас есть вопросы.

— Неужели? — проворчал Зур, разбирая спусковой механизм. — Сегодня прямо-таки день вопросов.

Краем глаза он заметил, как остальные двое Орлов Обреченности обменялись взглядами. Лицо первого из них, сильное и энергичное, было обтянуто кожей, потемневшей от старого ожога. Физиономия второго была желтоватой и болезненной, в ухе красовалось серебряное кольцо, а на шее виднелось спиральное электротату апотекария. В чертах обоих читалось смятение. Это Зура не удивило: в какой-то степени он разделял их чувства.

— По коридорам носят слухи, —

продолжил Корику, взмахнув своей
карбоново-стальной аугментической
рукой, -- сплетни и кривотолки. Мы
должны узнать правду.

Зур прекратил работу и трачно
установился на разложенные по столу
детали.

-- Должны? -- сказал он, и в тоне его
прозвучало предостережение. -- Скажи мне,
брат, а должен ли ты заставить меня
нарушить прямой приказ магистрата
органа?

-- Мы никогда не ослушается
официального приказа, брат-сержант, --
ответил апотекарий. -- Вы это знаете.

Зур кивнул:

-- Да, Петий, знаю. -- Зур взглянул на
третьего воина. -- Микил? Твои братья
сообщили свое мнение. Полагаю, и у тебя
есть что сказать?

Астартес с обожженным лицом
медленно склонил голову.

-- Сэр, -- начал он, -- вы командовали
нашим отделением два цикла, и нас
связали кровь и огонь. Мы не хотим
проявить неуважение к вам... но Тарик

очень долго был нашим сержантом. Он не раз спасал жизнь каждому из нас. Мы думали, что он погиб, а сейчас узнаём, что он все еще жив...

Микил замолчал, не находя нужных слов.

--- В нашей крови течет раскаяние Аквилы, --- подхватил Корики. --- Мы поверили, что Тарик убит Красными Корсарами. Мы привезли с собой его клинок. Мы все виноваты в том, что оставили его. --- Он тряхнул головой. --- Мы подвели его. Мы должны были сделать больше. Мы должны были дольше искать его.

Зур в первый раз поднял глаза от стола.

--- Нет, --- ровно сказал он. --- Не тучайте себя. Вы не могли знать.

--- Мы хотим видеть его, сэр, --- сказал Петий.

--- Невозможно. --- Зур бросил взгляд на апотекария. --- Это запрещено. Он должен оставаться в изоляции, пока не будет вынесен приговор.

Черты Корики исказил гнев.

--- Тарик не предатель! Мы знаем его лучше, чем все остальные братья на Горе Призраков! Он стоек в своей вере!

Зур пристально всмотрелся в лица троих костюмодесантников.

--- Вы так считаете?

В ответ все трое энергично закивали и все же воин уловил тень сомнения, мелькнувшую в их глазах. Того же сомнения, что преследовало и его самого.

--- Я принял командование вашим отделением по одной причине, --- продолжил Зур. --- Я сделал это потому, что знал о человеке, должность которого унаследовал. Знал о нем по вашим рассказам.

Зур не стал добавлять, что в глубине души ему всегда казалось, будто он недотягивает до прежнего командира отделения.

--- Тогда скажите, что вы думаете, сэр, --- сказал Микил. --- Если мы сами не можем с ним поговорить, скажите, что у вас на уме.

--- Да, --- добавил Петий. --- Вы смотрели ему в глаза. Что вы там

удивели?

Зур вздохнул:

--- Одного из нас. --- Он снова установился на разобранный болтер. --- Или так мне показалось.

--- Хаос не затронул сердце брата Тарика! --- отрезал Корику. --- Я поставлю на это свою жизнь.

--- Ты уверен? --- Зур вернулся к работе. --- Запертый в средоточии безумия, нежестокостно подвергаемый пыткам, которые породил извращенный разум самого изобретательного отродья Хаоса... Может ли человек остаться самим собой после такого?

--- Человек, может, и нет, --- ответил Петий. --- Но не Орел Обреченности.

--- Не Тарик, --- настойчиво добавил Корику.

Зур надолго затолчал, тщательно собирая оружие.

--- Неудивительно, что вы хотите, чтобы было доказано, что Тарик чист, --- сказал он в конце концов. --- На каждом из вас лежит вина за то, что его объявили мертвым, хотя на самом деле он тоился

в плену. Но даже это раскаяние покажется вам детской изгой по сравнению с тем, что вы почувствуете, если его признают запятнанным.

--- Если это случится, --- сказал Микил, и голос его налился свинцовой тяжестью, --- мы втроем сами отправим его в небытие.

--- Но этого не случится, --- перебил его Корики. --- И мы трое первыми поприветствуем его, когда все обвинения будут сняты!

Зур поставил на место последнюю деталь и проверил болтер в действии, прежде чем вернуть оружие в кобур. После этого он встал и направился к двери.

На пороге сержант остановился и оглянулся на своих людей.

«Нет, не моих людей, --- мысленно поправил он себя. --- Людей Тарика».

--- Вы идете? --- спросил Зур.

Ему было спокойно.

Сон, глубокий и чистый. Тарик пытался вспомнить последний раз, когда ему удалось так хорошо отдохнуть, без

жутких воспоминаний и мучительных кошмаров. Тело воина обволакивала тягучая амниотическая жидкость — его собственный маленький и теплый океан. Пальцы Тарика скользили по внутренней поверхности стеклянной сферы. Сюда не проникал ни один звук.

Покой. Для того чтобы его обрести, надо было всего лишь умереть.

Тарик знал, что то, что он сейчас ощущает, — не настоящая смерть. Он знал это и тогда, когда холод проник в тело, сжал ледяной хваткой имплантированные внутренние органы и швырнул его в пустоту. Нет, это лишь малая смерть, лечебного транса, странное состояние, в котором сложный механизм физиологии Астартес был предоставлен самому себе и занялся своей химической магией. Он уже испытывал подобное. После битвы за Крипт. После бегства с Серека...

Серек. Тарик подавил дрожь. Память о тех событиях вернулась к нему с пугающей ясностью. После Серека он пребывал в таком же трансе, восстанавливаясь после неудачной

телепортации. Он спокойно дремал в медицинском резервуаре, похочет на тот, когда Красные Корсары явились за ним. Картины из прошлого сопровождались болезненными уколами сенсорной памяти. Болтерные снаряды, разбивающие стеклопластик. Его тело, обрушившееся на палубу с потоком жидкости — все еще не восстановившееся, не готовое к бою. Ренегаты, набросившиеся на него. Кровь, смешанная с желтоватым амниотическим раствором. Борьба, убитые... и в конечном счете поражение.

По телу его пробежала судорога. Внезапно теплая жижa показалась холоднее горного склона.

Тарик втянул в себя насыщенную кислородом питательную среду и почувствовал, как холод проникает глубже. За стенками медицинского резервуара двигались какие-то силуэты. Возможно, это были другие Астартес, явившиеся поглазеть на диковинку — воина, оставшего из мертвых, дышущую в лифте. Или, может, это были просто сервиторы, выполняющие свою

работу и следящие за тем, чтобы Тарик не утер. До срока.

У него не было разрешения утереть. Аквила не дал своего согласия.

Орел Обреченности заглянул в собственную душу и задался вопросом: насколько похожа настоящая смерть? Он столько раз стоял на краю этой пропасти, но так и не соскользнул вниз — и сейчас, в самую темную для себя минуту, Тарик пытался понять, не будет ли смерть наилучшим для него выходом. Если бы он погиб на госпитальном корабле или в своей тюремной камере на Дайникасе, тогда ничего из того, что происходит с ним сейчас, не случилось бы. Братья Тарика спокойно бы жили дальше, не потревоженные этой странной аберрацией — его возвращением. Никто не задавал бы опасных вопросов. Постоянству не был бы брошен вызов.

Он чувствовал пустоту внутри. В своей тюремной клетке, в те минуты, когда за ним не следили надсмотрщики-мутанты и модифицированные уродцы, он толпился Золотому Трону о том, чтобы

выжить и снова увидеть родной дом. И за все это время у него ни разу не мелькнула мысль, что братья ему не поверят.

В нем не утихал внутренний спор. Тарик одновременно и ненавидел Трина с остальными за то, что те остелились сомневаться в нем, — и понимал, отчего они так поступают. Если бы судьба распорядилась по-другому и это Зур, а не Тарик вернулся на Гафис — каков бы был его выбор? Ответа на какие вопросы потребовал бы Тарик?

Он осознал, что может доказать свою невиновность, только умерев. Смерть не умеет лгать.

Смазанные маслом рычаги пришли в движение. Дверь, ведущая в покои псайкера, легко скользнула в сторону, и из темноты сухо прозвучало:

— Войди, Зур. Если уж ты пришел.

Зур так и сделал. Комната, которую Трин отвел для медитации, была не только больше кельи сержанта — она казалась гораздо обширнее из-за странного переплетения теней, отбрасываемых

электросвечами в железных подсвечниках. Подсвечники стояли по углам геометрического символа, вырезанного на полу.

Трин поднялся с подушки для коленопреклонений и отогвинул в сторону пикто-паншеты. Покосившись на них, Зур увидел лишь неразборчивый текст и размытые изображения. Он сглотнул и не сумел сдержать гримасы. Воздух в помещении был необычно густым, почти маслянистым, но при этом обнаженная кожа рук и лица воина зудела, как от кислотного ожога.

Трин неприветливо уставился на гостя. На псайкере был боевой доспех, а его лицо осенял бело-голубой ореол -- это тускло светила кристаллиновая матрица псионического капюшона.

-- Ты мешаешь моим приготовлениям, брат. И без серьезных на то оснований.

На суровый взгляд псайкера Зур ответил не менее решительным взглядом.

-- У меня есть все основания... -- начал он.

--- Давай-ка я избавлю тебя от ненужных объяснений, --- оборвал его Библиарий. --- Общение с Тариком заставило тебя усомниться. Ты прислушался к его людям и почувствовал их озабоченность судьбой бывшего командира. --- Библиарий отвернулся. --- Упоскольку ты никогда не чувствовал себя комфортно в роли командира бывшего отделения Тарика, ты хочешь, чтобы он вернулся к нам и тем избавил тебя от сомнений. Насколько я близок к истине?

Тон псайкера заставил Зүра опешить.

--- Ты представил это так, словно мы слабые, плаксивые малолетки! Ты настегаешься наг людьми, которые не боятся проявить сочувствие и верность по отношению к своим братьям!

--- Прагматизм --- кредо Орлов Обреченности, --- ответил Трин. --- Мы не позволяем сантиментам влиять на наши решения.

--- Ты думаешь, преданность можно запросто отбросить, ведьтак? --- Зүр угрожающе нагвинүлся на него. --- Неужели

варн настолько выжег твое сердце, что ты забыл об узах братства?

--- Я ничего не забыл, --- возразил Трин. --- Но кто-то должен принять на себя бремя и задать те вопросы, которые остальные не решаются произнести вслух. Кто-то должен сказать неприятную правду, которую остальные братья не хотят услышать! --- Трин обернулся к Зүрү, и психристаллы блеснули. --- Это мой долг. Я доведу это дело до конца.

Плечи Зүра поникли.

--- Как далеко ты намерен зайти? Ты заглядывал в его разум. Скажи мне, ощутил ли ты в его мыслях печать Хаоса?

Трин покачал головой:

--- Нет.

--- А испытания, которыми вы подвергли его плоть? Сначала «когти», затем ветер и лед. Разве на его теле хоть на секунду проступил знак Архиврага?

--- Нет, --- повторил библиарий.

--- Тогда почему вы это продолжаете?

Тарик не запятнан!

Трин кивнул:

--- Я согласен.

Такого ответа Зур не ожидал. Однако, прежде чем он успел что-то сказать, псайкер продолжил:

--- Я согласен с тем, что тело и разум Тарика не подверглись порче. Но это не их я пытаюсь проверить, брат. Меня беспокоит его душа. Самый эфемерный, но и самый мощный аспект всякого живого существа. --- Трин вздохнул, и что-то в его жестком лице смягчилось. --- Мы знаем предательские пути слуг Хаоса, да поразили их Император. Тарик может нести в себе семя тьмы и даже не подозревать об этом. Это случалось прежде. Он может прожить долгую жизнь, а потом однажды, в назначенное время или по условной команде, превратиться в нечто ужасное. Так и будет, если в его душе затаилось мельчайшее зерно варна.

Зур нахмурился.

--- Единственный способ узнать наверняка --- это убить его. Ты это имеешь в виду? Если мы прикончим его и он превратится в какую-нибудь адскую тварь,

ты докажешь свою правоту. А если он
просто утрет, что ж, он был невинен и
отправится пряником к Императору. ---
Зур фыркнул. --- Для Тарика оба варианта
звучат неважно.

--- Вопрос не может быть закрыт,
пока есть хоть капля сомнения, --- возразил
Трин.

--- Значит, ты намерен это
сделать? --- рявкнул Зур. --- Не просто
малая смерть, как в прошлый раз, а
хладнокровное убийство?

--- Лорд Хеарон предоставил мне
неограниченные полномочия, чтобы
завершить это дело. И я завершу его.
Сегодня.

Трин вернулся в центр комнаты и
снова опустился на колени.

Зур ощутил электрическое
покалывание в коже --- это разливалась в
воздухе псай-сила, неся с собой
предчувствие близящейся грозы.

--- Что ты собираешься делать?

Трин склонил голову:

--- Ступай, брат. Ты скоро все узнаешь.

Зур на мгновение задержался на

пороге, а затем перешагнул через него и позволил люку за собой закрыться. Колеса провернулись, печати опустились на место. Воину осталось лишь разглядывать загадочные гексаграммы, вытравленные на наружной стороне двери, и пытаться понять, какое финальное испытание предстоит Тарикү.

Спустя какое-то время до Зүра донесся звук, эхом прокатившийся по каменному коридору. Звук был похож на громовой раскат, но с тем же успехом мог оказаться отдаленным пушечным выстрелом.

Тарик проснулся в аду.

Он тяжело обрушился на пол, врезавшись руками и коленями в жесткие металлические плиты. Застонав, Астартес изверг из себя кислую желчь, вперемишкү с атниотической жидкостью. В рвоте виднелись черные сгустки крови. Воин чувствовал себя странно: его тело было каким-то неправильным, а сигналы от кончиков пальцев никак не желали синхронизироваться с импульсами

остальных нервных окончаний. Тарик попытался избавиться от наваждения, но чувство не уходило. Плоть висела на воине как сшитый не по мерке костюм.

Он взглянул вверх и моргнул — глаза не могли сфокусироваться. Вокруг метались тени и свет, сливаясь в мутные, неразличимые образы. Что-то возникло перед ним, и он понял, что это рука. Рука протянулась к Тарику, предлагая помощь.

— Давай, — сказал густой, утробный голос. — Поднимайся на ноги. Удем. Нам предстоит много работы.

Тарик схватился за руку и ощутил, что на месте пальцев у непрошеного помощника когти, — однако это не помешало воину встать. Ноги работали, мышцы наливались силой.

Сверкнули огни, слишком медленные, чтобы оказаться вспышками молний. Гром последовал за ними чересчур быстро и прозвучал чрезмерно близко. Орудийный огонь? Мысль ленивым слизняком просочилась сквозь окутывающую его разум пелену.

Тарик отдернул руку:

--- Кто ты? Что происходит?

Ответом ему был резкий стех.

--- Слишком много вопросов. Не дергайся, воин. Скоро все разъяснится.

Одна из теней придвинулась ближе и нависла над ним.

--- Не сопротивляйся, Тарик. Позволь этому произойти.

Он услышал еще один гулкий стешок.

--- Если расслабишься, будет не так больно.

Спину Тарика опалило жаром, жгучим и неукротимым, как лучи безжалостного солнца, -- а в воздухе он заметил медленно опускающиеся пылинки. Он увидел стальные стены. Цепи и осколки стекла.

--- Что происходит? --- закричал Тарик, но слова потерялись в оглушительном грохоте оружия.

Ему был знаком этот звук: рев тяжелой болтерной пушки, ведущей автоматический огонь; снаряды, разрывающие кератин и плоть.

--- Ты отлично справился, --- сказали

ему. -- Лучшее, чем мы ожидали. Ты
открыл нам дорогу.

Человек-тень подошел ближе.

-- Наше идеальное оружие.

-- Что? -- Тарик поднял руки в
попытке защититься. -- Я не понимаю...

-- Тогда взгляди на меня, -- произнес
голос. -- И узнай истину.

В этот момент свет снова вспыхнул.
Его яркие и острые лучи озарили
существо, которое напоминало Астартес,
но состояло из гниющего мяса,
переломанных костей и ржавого железа.
Лицо, бледное и распухшее, как у
утопленника, кривилось в усмешке. Ниже,
на груди существа, красовался символ
восьмиконечной звезды.

-- Предатель! -- выкрикнул Тарик.

Прислужник Хаоса кивнул:

-- Да, ты и есть предатель.

Тарик попытался, отчаянно мотая
головой. Его череп налился свинцовой
тяжестью.

-- Нет...

-- Твои руки. Посмотри на свои руки.

Тарик невольно взглянул вниз. Плоть,

покрывавшая его сильные, мозолистые пальцы, исчезла, а на месте ее маслянисто блестящие черные костяные дуги.

--- Трансформация уже началась. Не сопротивляйся ей.

Кровь в жилах Тарика застыла от ужаса. Он отчаянно дернулся, своротив одну из опор и плюхнувшись обратно в медицинский резервуар. Из души его рвался бессловесный вопль отрицания, но сжавшееся горло не издало ни звука. Мускулы скрутились узлами, по телу пробежала судорога. Тарик чувствовал, как в нем вскипает что-то чудовищное, как оно перестраивает его мышцы и кости. Он сплюнул, и с губ его сорвалась кислота, обрызгав стены. Там, куда упали капли, в металле образовались дымящиеся воронки. Происходящее уже невозможно было отрицать.

Из-за двери доносился шум сражения, быстрая и смертоносная перестрелка. Вокруг рокотал гром, катни под ногами Тарика грожали. На Орлиное Гнездо напали.

Костодесантник-предатель шагнул к

Тарикү. Когда он вновь заговорил, в голосе его слышалось нечто похожее на участие:

--- Пригоженетор сказал мне, что трансформация будет нелегкой. Но ты держись, брат. Через минуту будешь как новенький и тогда окончательно присоединишься к нам.

--- Я тебе не брат! --- выкрикнул Тарик.

Однако вместо слов из его горла вырвался звериный рев. Такие звуки не могли слететь с его губ, с губ Орла Обреченности.

--- Что вы со мной сделали?

Еще один стешок.

--- Ты сам это сделал с собой, Тарик. Неужели не помнишь?

Комната как будто сжалась. Стены нагвинулись на них.

--- На Дайникасе. Когда ты отрекся от своего хозяина. Когда ты наконец-то понял.

--- Понял... что?

Стены госпитального отсека вокруг него потекли, словно воск, принимая

разные формы. Сквозь дымку, затуманившую зрение, он увидел, как камень стен превращается в стальные пластины, вибрирующие от жара. Камера. Цепи, и железные стены, и камера.

А что, если я никогда и не покидал ее? Что, если я все это время был здесь?

Предатель склонил голову к плечу.

--- Ты понял, что тебя вышвырнули на помойку. Забыли. Что твой бог-мертвец --- лишь кучка праха и собрание нелепых выдумок. Что ты ничего не значишь для своих хозяев, что они просто пытались превратить тебя в раба.

Тарик, спотыкаясь, шагнул в сторону. Он затряс головой, отвергая каждое слово предателя:

--- Нет!

Он попытался наброситься на костодесантника Хаоса, однако жара отняла у него все силы. По коже его вместилища текла маслянистая жидкость --- и с ней, казалось, изливалась сама жизнь.

--- Разве ты не помнишь?

Предатель повел в воздухе когтистой клешней, и из пустоты соткалось кривое

мерцающее зеркало. В нем Тарик увидел себя, одетого в лохмотья, стоящего на коленях перед огромной фигурой. Великан был облачен в плащ из человеческой кожи, а из спины его торчали темные паучьи лапы.

Фабий Байл.

--- Нет... --- упрямо пробормотал воин. --- Это уловка! Этого не было! Я никогда бы не нарушил присягу! --- Тарик вскочил на ноги. --- Я бы не обратился!

--- Но ты сделал это, --- отозвался голос. --- Потому что они забыли о тебе, возненавидели тебя.

Предатель снова поднял клешню, и Тарик увидел ряд воинов в потускневшей серебряной броне, стоящих позади него. Воины были огромны: каждый ростом не уступал гредноуту, и все они издевались над Тариком и высмеивали его. У них были знакомые лица: Зур и Трин, а рядом --- Корики, Микил и Нетий. И выше всех, громадный, как боевой титан, сам Аквила.

Тарик протянул к ним свою потупившую когтистую руку, и те отшатнулись. А затем случилось самое

хүдшее. Все, как один, Орлы Обреченности развернулись к нему спиной, отвергая его.

Внезапно комната стала совсем тесной, превратившись в дно колодца. Стены его были слишком отвесными, чтобы по ним вскарабкаться, а пятно света наверху чересчур далеко, чтобы до него дотянуться.

--- Бедный Тарик, --- пробормотал успокаивающий, медоточивый голос. --- Что удивительного в том, что ты принял дар?

Слова наполнили Тарика ужасом, но он не смог столчать.

--- Какой дар?

Предатель разжал клешню. На ладони его лежало перо --- маленькое курчавое перышко, которое мог бы оставить пролетевший орел. Оно было угольно-черным, такого глубокого и пронзительного цвета, что Тарик немедленно понял: прикоснуться к нему --- все равно что выпить отравы.

В ту же секунду, когда он увидел перо, грудь его опалило жаром. Тарик, захрипев, вцепился в обрывки туники, облепившие его тело, и сорвал их с себя.

Его мутировавшие когти впились в кожу, раздирая плоть. Кровь не полилась из ран -- вместо нее выплеснулся поток черных перьев. Тарик взревел, но крик заглушила забывшая глотку волокнистая масса. Он срыгнул -- и на пол плюхнулся мокрый пуховой комок.

-- Теперь ты видишь? -- проговорил прислужник зла. -- Орген отверг тебя, оставив подыхать в пустой и холодной тьме. Кучка лжецов, прикидывавшихся твоими братьями и сбежавших при малейшей опасности. Вся их похвальба о верности и чести превратилась в прах. Стоит ли удивляться тому, что ты сдался? -- Космогесантник Хаоса наклонился ближе. -- Стоит ли удивляться, что ты позволил нам преобразить тебя, во имя Примогенетора? -- Предатель улыбнулся Тарику. -- Теперь ты избавился от последних оков. Теперь ты можешь стать одним из нас... и первое, что мы сделаем, -- это сотрем Горы Призраков в порошок.

Тарик не смог сдержать дрожь. Хуже всего были не видения, не

псевдоговора и не чувство, что тело больше не принадлежит ему. Хуже всего была неуверенность. Слова предателя могли оказаться правдой.

Как часто в течение этих долгих месяцев он лежал в постылой клетке, мучаясь единственным вопросом: «Почему я забыт?» Каждый миг его жизни — жизни Агентус Астартес — был посвящен службе чему-то большему, чем он сам. И в обмен на это неустанное служение и на смерть, обжигавшую всех Орлов Обреченности, он получил бесценный дар — братство. Несокрушимую уверенность в том, что товарищи преданы ему, что он не будет потерян, пока дышит хоть один из Сынов Тафиса. «Так почему же они не пришли за мной? Почему они посчитали меня мертвым и на этом успокоились? Почему мое имя забыто?»

— Потому что все это ложь, — сказал предатель. — И всегда было ложью. — Он жестом обвел тетницу. — Мы никогда не обманем тебя, Тарик. С нами ты всегда будешь знать истину.

Рука снова протянулась к Тарику.

--- Возьми ее.

Снаружи гремел гром. Вспышки белого
синего света пронзали воздух. Тарик
поднял глаза и увидел протянутую руку
изменника Астартес, а за ним --- тени
Орлов Обреченности.

Братья по ордену вершили над ним
суд.

Время для Тарика остановилось, и в
голове вновь зазвучали вопросы, которыми
его осыпали с момента возвращения.
Обвинения громоздились стеной.

Он мог вообразить собственную тень
--- изможденного, сломленного Тарика, в
душе которого нашлось бы место слабости,
который сдался бы под давлением
пережитого на Дайникасе. Этот
призрачный Тарик, бледная копия
настоящего, был озлоблен тем, что его
покинули, и судорожно цеплялся за
единственную вещь, необходимую каждому
костодесантнику, --- узлы братства. Без
своего товарищества Астартес ничего бы
не стоили. Братство лежало в основе всех
орденов костодесанта. Как ужасно было
потерять это --- стать отверженным.

изнанником, лишенным родства. Ослабевшая душа, поитанная в сатый отчаянный миг, могла склонить колени перед бывшим врагом лишь ради того, чтобы снова ощутить незабвенный привкус этой связи. Сломленный дух, спрятавшийся в клеймо своего нового властелина под старую оболочку и несущий яд тем, кто бросил его на произвол судьбы. Яд и смерть во имя отпущения.

Внезапно все вновь пришло в движение, и Тарик увидел, как предатель кивнул:

--- Да. Теперь ты понимаешь?

Но эта тень, это жалкое существо, возникшее в его мыслях... Кем бы оно ни было, это был не Тарик, Сын Гафиса, Сын Аквилы. Он выпрямился во весь рост и свирепо отшвырнул изменника прочь.

Тарик ответил на молчаливые, укоризненные взгляды Орлов Обреченности яростным взором.

--- Я не еретик! --- воскликнул он, и с каждым словом к нему возвращались силы.

Тарика охватило чувство собственной правоты, и в этом огне

трансформация начала таять. С каждой секундой он ощущал себя все более... правильным. Каждый вдох приближал его к тому воину, которым он был когда-то, -- и с новым приливом сил Тарик понял, что не чувствовал подобной уверенности уже долгие годы. С тех самых пор, как его захватили в плен.

-- Судите меня, если хотите! -- крикнул он. -- Мне нечего бояться! Загляните в мое сердце -- и увидите там лишь верность! Я -- Тарик!

Лица бывших товарищей по отделению затеплялись перед ним в призрачном свете. Корики: импульсивный и храбрый. Микил: сильный и стойкий. Петий: молчаливый и сдержанный. Они не отвернулись от него. Они его не забыли.

За спиной Тарика предатель поднялся на ноги и двинулся вперед. В глазах костодесантника Хаоса полыхала жажда убийства.

-- Глупец...

Тарик заставил врага затолкать, схватив его за горло и усиливая давление пальцев до тех пор, пока предатель не

стог только хрипеть. Канонада ревела все громче, и Тарик закричал во всю глотку, чтобы противник его услышал:

--- Я --- Орел Обреченности! Я никогда не нарушу присяги!

Он швырнул врага на землю.

--- Я не сдался! Я никогда не сдамся!

В голове Орла Обреченности раздался взрыв, безмолвный, но оглушительный, и сошкнувшиеся над ним своды темницы разлетелись на тысячу осколков, как стекло под ударом молота.

Тарик крутанулся на месте. Тело его было нетронутым --- никаких следов трансформации. Все, что произошло в призрачной комнате, исчезло, сгинуло, как луч солнца, скрывшийся за облаками. Воин стоял перед вскрытым медицинским резервуаром. Обернувшись, он обнаружил библиария Трина, который с трудом поднимался на ноги. Псайкер поглаживал уродливый синяк, расплывавшийся у него на щеке. Сплюнув, Трин уставился на второго костодесантника.

--- Ты? --- ахнул Тарик.

Принюхавшись, он ощутил в воздухе

запах гари --- вонь отработанной
ментальной энергии.

--- Ты навел на меня чары... Все это
было иллюзией, розыгрышем.

--- Да, --- хрипло ответил Трин. --- У
тебя чуть не пригнулся ко мне в процессе.

Тарик шагнул к псайкеру, сжимая
кулаки. Глаза его сверкали от гнева. То,
что Трин облачен в боевой доспех, а сам он
практически гол, Тарика не остановило.

--- Я вышибу из тебя извинение,
ведьмак!

--- Тебе стоило бы поблагодарить
меня, --- возразил Трин. --- Наконец-то я
заглянул в твою душу и увидел то, что ты
от нас скрыл.

--- Я ничего не скрывал! --- рявкнул
Тарик.

Трин покачал головой:

--- Не лги мне, теперь это не имеет
смысла. Ты скрыл свой страх, Тарик.
Черный, невыразимый ужас, который
преследовал тебя в самые тяжкие минуты
твоего заключения. Лишь на краткий миг,
но ты задавался вопросом: что произойдет,
если слабость возьмет верх? --- Библиарий

криво, безрадостно улыбнулся. — Очень по-человечески.

Кулаки Тарика неохотно разжались.

— Я заглянул в темноту, в самую бездну, — медленно произнес он. — И отвернулся прочь.

Трин кивнул:

— Так и было. И теперь у меня есть нужный ответ. — Он протянул Тарикую руку. — Ты доказал свою целостность. Ты вернулся к нам, брат. Твое тело, разум... и душа.

Тарик пожал ему руку старым способом, ладонь к ладони.

— Я никогда не уходил, — ответил он.

— Когда все это закончится? — раздраженно поинтересовался Корица.

Он бросил мрачный взгляд на Зура. Тот пожал плечами.

— У меня нет для тебя ответа, — сказал сержант.

Отвернувшись, он уставился на черные мраморные панели мемориальных башен, возносящихся до украшенного резьбой потолка. Там что-то двигалось: к

ним спускалась транспортная платформа.

Мирил тоже увидел ее и ткнул пальцем:

--- Поглядите.

Петий сделал один нерешительный шаг к краю подвешника -- и замер. Как и другие, он не понимал, почему их срочно вызвали в Реклюзиат.

В следующую секунду платформа остановилась. С нее спустился человек в форменной тунике и быстро прошел мимо.

--- Тарик?

Зур не смог сдержать удивления. Он искренне полагал, что никогда больше не увидит блудного Астартес. Трин не славился мягкосердечием при вынесении приговоров. Затем удивление отступило, и Зур позволил себе улыбнуться. Он не ошибся в своих суждениях о потерянном брате. Внезапно все сомнения, связанные с его долгом и с его ролью в вынашивших Тарикю испытаниях, бесследно исчезли. Зур ощутил, что с плеч его упала огромная тяжесть.

Корика протянул Тарикю свою аугментическую руку, но ветеран прошел

плито, не замедляя шаг. Остальные Орлы Обреченности двинулись следом за Тариком вдоль галереи, пока он не остановился перед одной из мемориальных плит.

Зур понял, что сейчас произойдет. Кулак ветерана метнулся вперед, пробил стеклопластовый пузырь и сожнулся вокруг хранившейся внутри реликвии.

Не разжимая окровавленной руки, Тарик вытащил клинок из разбитого пузыря. Ветеран взглянул на боевой нож и лишь после этого впервые посмотрел на остальных. Его твердый, пристальный взгляд остановился на каждом из них и наконец упал на Зура. Тарик открыл рот, чтобы заговорить, — но затем передумал. Вместо этого он кое-что сделал.

Медленно, с силой Тарик провел острием ножа по камню. Воин прочертил глубокую линию поперек выгравированного на плите имени, стирая запись о своей смерти. Он снова был жив.

Микил заговорил первым:

--- Добро пожаловать обратно, сэр. ---

Он склонил голову. --- Если бы мы только

знали, что Красные Корсары вас не убили...

--- Нет. --- Тарик поднял руку. ---

Больше ни слова об этом. И я приказываю вам не винить себя в том, что случилось.

Он шагнул вперед и двинулся от брата к брату, похлопывая каждого по плечу.

--- Я не держу на вас зла. Вы не совершили ничего предосудительного в тот день.

Затем ветеран обернулся к Зүрү. Тот вздохнул, приняв окончательное решение. Сунув руку под плащ, он вытащил цепь, состоящую из черных и серебряных звеньев. Это была цепь почета, символизирующая его командную должность. Зүр протянул ее Тарикү:

--- Насколько я понимаю, это принадлежит тебе.

Тарик поднял брови:

--- Отделение твое, брат. Ты сделал его своим. Эти люди подчиняются тебе.

Зүр покачал головой:

--- Нет. Я горд тем, что мне выпала честь вести их в бой во имя Императора и Аквилы, но по-настоящему я никогда не

был их командиром. Не так, как ты. Я был только... временной заменой. Ты старше меня по званию, у тебя лавровый венец и боевые награды. Тебе по праву следует занять свою прежнюю должность.

Ветеран нахмурился и пошел ближе.

--- Ты уверен, что хочешь уйти, Зур? Я знаю, что братья не последовали бы за тем, кто этого недостойн. --- Он указал на цепь.

Зур вложил черно-серебряные звенья в ладонь Тарика.

--- Я не хочу забирать то, что по праву принадлежит тебе, --- сказал Зур, делая шаг назад. --- Я найду себе другое место в ордене.

--- Но у вас уже есть место, сэр, --- сказал Корики.

Он оглянулся на Тарика, и сержант-ветеран согласно кивнул.

--- Да, --- подтвердил Тарик. --- Мне нужны опытные бойцы, которые способны ясно взглянуть на вещи и умеют драться. --- Он поднял сжатую в руке цепь. --- Я приму ее только при условии, что ты останешься

в отделении и будешь моим
заместителем.

Зур обдумал предложение и склонил
голову в знак согласия.

--- Звучит справедливо.

Тарик на несколько секунд затолчал.
Затем он обернул цепь вокруг рукоятки
ножа и сунул клинок за пояс.

--- Тогда вперед, братья! Загадим
врагу жару!

Он указал на самую дальнюю из
башен, освещенную непрерывными
вспышками молний.

--- Я пробыл мертвым достаточно
долго.

Зур вслеп за командиром взглянул
вверх, туда, где из туч сыпался дождь ---
неизменный и вечный, как гнев
Императора.

Холодная вода скапливалась в небольшом углублении посреди камеры и сквозь трещины в кладке уходила в недра скалы. Здесь, в подземельях Крепости Теры, капли влаги падали с неровных сводов, проникая сквозь тысячететровую толщу гранита из Долины Лапониса, по которой несла свои воды беспокойная река.

Лишь узкая полоска света просачивалась под железной дверью камеры, но и этого хватало узнику, чье усовершенствованное зрение позволяло видеть в полумраке практически так же хорошо, как при свете дня. Хотя смотреть тут было не на что: кроме вмурованного в стену железного кольца, к которому приковывали заключенных, ожидающих приговора, в камере ничего не было.

Но сейчас кольцо пустовало. Нет особого смысла в кандалах для того, чьи силы с лихвой хватит, чтобы разорвать

любые цепи, выгнать железное кольцо из
стены, или чья кислотная слюна может
разъесть самый прочный металл.

Узник дал обещание, что не будет
пытаться бежать или доставлять какие-
либо неприятности охранникам, и слово
свое держал. Он сидел скрестив ноги и,
опираясь на руки, удерживал тело в дюймах
над поверхностью пола. Там уировка
аквилы на его правом плече и цифра на
левом, выполненная витиеватым
шрифтом высокого готика, двигались в
такт с напряжением и расслаблением
мышц.

К терному капанью воды с потолка
добавился звук приближающихся шагов.
Узник плавно опустился на пол и встал,
выпрямившись во весь рост. У него были
темные волосы, слегка глинянее обычных,
усталые, но полные решимости серые
глаза, на лбу поблескивали два золотых
штифта. На загорелом животе
выделялись белые полосы множества
шрамов — лишь часть внушительной
коллекции отметин от боевых ранений,
покрывавших все тело жуткой паучьей

семью. Этот могучий воин, будучи выше и
могущественнее любого, сейчас выглядел слегка
растерянным.

Заскрежетали ключи в замке, со
скрипом отворилась дверь, но глазам
резануло ярким светом. Узник слегка
сощурился, стараясь разглядеть илота в
голубой одежде с темным капюшоном,
скрывающим лицо.

За илотом стояли два великана в
отполированной до блеска
терминаторской броне, вооруженные
большими алебардами с золотыми
лезвиями. Их огромные фигуры едва
помещались в широком коридоре. На
голубых керамических пластинах доспехов,
словно огненные змейки, мерцали отблески
пылающих жаровен. Узник наклонился к
тюремщику.

--- Пора? --- спросил он.

Илот кивнул --- ему было запрещено
разговаривать с арестованным --- и
жестом показал, чтобы Уриил вышел из
катеры.

В дверном проеме узнику пришлось
согнуться, но в освещенном факелами

коридоре он выпрямился, готовый идти по
конвоем терминаторов навстречу судьбе,
предначертанной для него магистром
Ультратаринов.

Поднимаясь по грубо вытесанным
ступеням подземелья наказаний, Уриил
Вентрис снова и снова мысленно
прокручивал весь путь, что привел его
сюда.

---

* * *

Шестью днями ранее рядом с
золотым самоцветом Макразге вывалился
из варпа потрепанный и покореженный
ударный крейсер «Бае Виктус». Его броня
свисала, как шкура у умирающего от
голода зверя. Путешествие через варп от
Тарсиса Ультра заняло почти шесть
месяцев, однако после возвращения в
реальное пространство и калибровки
корабельных хронометров по положению
небесных тел выяснилось, что на самом
деле прошло полтора года. Такие

аномалии хода времени возникали при путешествиях через бурную среду варп-пространства и были закономерны, они позволяли кораблю пересекать галактику, не тратя на это тысячелетия.

Но правда говоря, подобное незначительное расхождение во времени можно считать выдающимся, учитывая колоссальное расстояние, которое преодолел «Бае Виктус». Ведь Тарсис Ультра находится на севере Сегментума Темпестуса, а звезда Макрагге сияет на восточных рубежах Сегментума Ультима, на другом конце галактики.

В носовых доках стояли три «Громовых ястреба», один из которых был разобран практически до основания и нуждался в серьезном внимании со стороны технодесантника и команды монозадачных сервиторов. Тут же, накрытые голубыми саванатами, лежали в два ряда тела погибших. Стоя на коленях между ними, усердно молился одинокий космодесантник.

Еще один десантник в черной силовой броне со шлемом в виде черепа стоял у дальнего конца рядов тел и негромко

читал мантру навших, прося Императора
помочь каждому из них занять место
после него.

Под саванати лежали погибшие воины
Четвертой роты. Цена за выполнение
древней клятвы притарха помочь
народу Тарсиса Ультра оказалась высока,
даже слишком, но Ультрамарины
заплатили ее без принуждения, это было
для них делом чести.

Капитан Уриил Вентрис плавно
поднялся на ноги, дважды ударил себя
кулаком по нагрудной пластине брони,
отдавая честь навшим.

Они шли за ним в бой на Павонисе,
боролись с предателями и жутким
звездным богом, а позже, на Тарсисе
Ультра, противостояли нашествию
страшных межгалактических хищников,
известных как тираниды. Да, десантники
защитили Тарсис Ультра, но победа
досталась слишком большой кровью.

Уриил сражался там плечом к плечу
с собратьями Мортифакторами,
костическими десанниками доблестного
ордена, историю которого можно

проследить вплоть до самого святого Жиллимана. Но с тех пор их доктрины и верования изменились настолько, что братья этого ордена стали абсолютно не похожи на основателей.

Мортифакторы почитали смерть превыше всего, и их капелланы черпали в видениях мудрость мертвых. Кровавые обряды и поклонение давным-давным умершим воинам были для Мортифакторов обычным делом. Уриила поначалу шокировало такое отступление от учений Кодекса Астартес, но позже ему неохотно пришлось признать, что у этих двух направлений есть много общего.

Открытие оказалось не из приятных. Капеллан Мортифакторов Астагор очень метко выразился по этому поводу: «Мы с тобой оба Ангелы Смерти, Уриил». Справедливость его слов подтвердилась через несколько месяцев тяжких испытаний и ожесточенных боев. Невзирая на яростные протесты сержанта Леарха, Уриил воспользовался видениями Астагора и добился победы. Очевидно, что строгое соблюдение Кодекса привело бы к полному

поражению десантников в войне. Оказавшись меж двух полярных течений философии, Уриил пытался найти компромисс между следованием духу и букве Кодекса и решением поставленных задач в конкретной ситуации. Подобными взглядами он выделялся среди собратьев, но внутреннее чутье подсказывало, что он действует верно. В свое время так учил его капитан Угей.

С тяжелым сердцем Уриил еще раз оглядел ряды мертвых тел. Он сам чуть не погиб в утробе тиранидского корабля-улья. Когда из-за инопланетного яда у него начала свертываться кровь, он выжил только благодаря преданности верного друга и товарища Павсания — тот отдал чуть ли не всю кровь, лишь бы спасти своего капитана. Ранения, полученные Уриилом в бою, почти зажили, хотя пласплоть, закрывавшая широкую рану на груди, все еще пульсировала тупой саднящей болью. После сражения с тиранидским защитным организмом технодесантнику Харку и аптекарию Селену пришлось практически заново

восстанавливать Уриилу плечо и ключицу из атлантической мышечной ткани и сухожилий и регулярно делать переливание крови, чтобы наконец ее очистить.

И все же Уриил не умер, он победил, хотя огромные потери среди его собратьев были невосполнимы. Тарсис Ультра спасен, но никогда уже не будет прежним. Уриил достаточно видел всякого на Ихаре JV и уверенно мог сказать, что полностью очистить планету, зараженную мерзкими ксеносами, не удастся.

Тела готовились для транспортировки в гробницы под Крепостью Геры: Селен с благоговением извлекал из них прогеноиды, капеллан Клаузелъ исполнял «финис Рерут». На Макрагге каждый погибший десантник будет помещен в отдельный склеп, а Уриил вырежет их имена на гладких плитах черного мрамора, покрывающих внутренние стены святилища притарха в храме Исправления.

Внезапно голос Клаузеля стих. Уриил повернулся к нему и, глядя на его шлем в

виде черепа, подумал, что, возможно, Мортифакторы не так уж далеки от Ультратаринов. Разве капеллан не является образом Смерти во плоти? Зачастую последним, кого видел воин, прежде чем отправиться в мир иной, был капеллан, подготавливавший его душу к путешествию в залы мертвых.

Основные двигатели корабля выключились, вибрация корпуса изменилась, тоны стали глуше. Уриил живком подтвердил Клаузелю, что церемония прощания окончена. «Бае Виктус» прибыл на орбиту Макрагге, предстояла высадка.

---

* * *

Благоговение, стирение, сатанизм историю, уходящую в глубь веков, на десять тысяч лет назад, — вот что почувствовал Уриил, когда вновь вошел в храм Исправления. Последний раз он ступал по мраморным плитам этого

величественного сооружения как раз перед
отбытием на Тарсис Ультра. Тогда
молодой, подающий надежды капитан
только получил первое боевое крещение и
еще не ощутил бремени ответственности
командира. Жизнь казалась простой и
ясной.

Как всегда, храм заполняли
пилигримы и паломники, многие из них
проделали глинный путь. Женщины
держали на руках спеленутых младенцев,
эти дети были зачаты и появились на
свет в пути, во время паломничества на
Макрагге. Когда Уриил проходил мимо,
топящиеся кланялись ему и выкрикивали
вслег благословения. Люди благодарили
Императора за то, что он послал одного
из своих избранных воинов помолиться
вместе с ними.

Уриил миновал коридоры,
облицованные белоснежным мрамором с
красными и золотыми прожилками,
ступая по камням, добытым у подножия
Водопадов Геры, и вошел во внутреннее
святилище храма. Разноцветные лучи,
струящиеся сверху сквозь гигантский

кристаллический купол, переплетались друг с другом, преломляясь в прозрачных кристаллах и образуя ослепляюще яркую радугу.

Сотни людей стояли на коленях перед гробницей притарха и воспевали его в хвалебных песнях. Гробница излучала теплый мягкий свет, в зале царила практически осязаемая атмосфера благоговения и восторга. Уриил опустился на одно колено и склонил голову, считая себя недостойным слишком долго смотреть на лицо отца-основателя оргена.

Сердце героя Умперуума перестало биться почти десять тысяч лет назад, и Уриил сейчас, находясь рядом с гробницей, чувствовал себя ничтожным и недостойным. В сражениях на Тарсисе Ультра он был вынужден отступить от учения легендарного воина, положившись на собственные ощущения и примитивные обряды смертопоклонника. Наверное, высокомерие и гордыня руководили его поступками. А кто он такой, чтобы ставить под сомнение мудрость

величественного примарха, плоть от плоти Императора?

— Прости меня, мой повелитель, — прошептал Уриил, — ибо я недостойн твоей любви. Я пришел к тебе, чтобы почтить имена и подвиги твоих сыновей, павших в бою. Они сражались с отвагой и честью и заслужили место подле тебя. Огради их от страданий, пока таинства генокода не позволят им возродиться по твоему образу и подобию.

Уриил поднялся и пошел к стене, выложенной императорными плитами, остановившись перед секцией Четвертой роты. Так много плит, так много героев, отдавших свои жизни во славу органа! Вот и последняя плита, здесь предстояло вырезать семьдесят восемь имен. Но список Уриилу не потребуется — лицо и имя каждого воина навечно отпечатались в памяти. Даже если он проживет так долго, что станет магистром, он никогда не забудет тех, у кого был командиром.

Он снял с пояса небольшой резец и молоток и начал аккуратно высекать в императоре первое имя. Внутренние кротки

каждой буквы Уриил сглаживал шлифовальным камнем, подготавливая надписи для мастеров, которые позже будут покрывать их сусальным золотом.

Имена следовали одно за другим, перед глазами всплывали лица погибших. Уриил потерял счет времени, вспоминая каждого воина, чье имя он вырезал. День первый закончился, радуга потеркла и совсем исчезла, чтобы вновь появиться на следующее утро. Шел второй день, Уриил не прерывал работу даже на еду. Илоты, прислуживающие в храме, время от времени подходили узнать, не требуется ли ему чего-нибудь, но Уриил лишь качал головой. Через три дня илоты приближаться к нему перестали.

Когда на пятый день световая радуга с пола храма начала подниматься за солнцем, Уриил сгладил кротки последней буквы последнего имени. От напряженной кропотливой работы ныли руки, но он чувствовал полное удовлетворение. Он отдал последний долг — все семьдесят восемь воинов навечно войдут в историю Иоргена. Их безмолвное одобрение наполняло

душу Уриила теплом и светом.

Он собрал инструменты и прошел в центр храма. Уриил не чувствовал ни усталости, ни голода, -- наоборот, никогда не было у него такой ясности сознания, как будто воды прохладного источника очистили все вены, унося прежнего Уриила и оставляя лишь преданного воина Императора.

Звучание песнопений наполняло грудь утиротворением и благостностью, долгожданный покой воцарился в душе Уриила. Он закрыл глаза и начал молиться, благодаря Императора за возможность послужить ему и своему ордену. Паломники с восторгом восприняли присоединение Уриила к их хору. Они пели о долге, отваге и жертвенности, пели самозабвенно, до хрипоты, до тех пор, пока голоса еще могли звучать, и только слезы градом катились из глаз. В храме царил всепоглощающая атмосфера братства. Уриила захлестывали волны эмоций, грудь распирало от переполнявших чувств.

Последний гимн достиг кульминации и закончился шквалом ликования, в тот

же момент в храм вошли трое
костических десантников в сверкающих
доспехах. В этом не было бы ничего
особенного, если бы их не вел командир
караула и магистр Двора, капитан
Второй роты Сикарий. И, неслыханное в
святилище примарха дело, терминаторы,
следовавшие за ним, были вооружены.

Сикарий остановился перед Уриилом.

--- Вентрис, --- произнес он.

Они оба носили капитанское звание,
но Сикарий был вышестоящим офицером, и
Уриил склонил голову в приветствии:

--- Капитан Сикарий, рад встрече.

Лицо Сикария, и без того будто
высеченное из гранита, совершенно
окаменело --- никогда Уриил не видел его
таким суровым.

--- Уриил Вентрис Калтский, ---
официальным тоном отчеканил Сикарий, ---
властью, данной мне лордом Калгаром и
Императором Человечества, приказываю
тебе сдаться под стражу и на суд твоих
собратьев.

Уриил уже знал ответ, но все равно
спросил:

--- В чем меня обвиняют?

--- Ересь, --- сказал, словно плюнул, Сикарий, как будто само слово было ему противно. --- Не вздумай сопротивляться, Вентрис, снаружи все оцеплено, не надо стущать людей вокруг.

Уриил кивнул:

--- Благодарю тебя, что позволил закончить здесь мою работу. Я понимаю, что ты мог прийти раньше.

--- Раги мертвых, не раги тебя, --- коротко ответил Сикарий.

--- Все равно спасибо.

Сикарий приказал терминаторам:

--- В подземелье его!

---

* * *

Дворец Марнея Калгара, магистратора Ультратаринов, находился на вершине самого высокого пика горного хребта, окруженный траторными колоннами и золотыми куполами храмов Крепости Теры. Стояла жара, а здесь была приятная

прохлада — легкий водяной туман, висящий над грохочущими Водонагами Теры, поглощал большую часть зноя. Идеально симметричные покои великого магистрат-ордена опоясывал небольшой притопленный саг. С балконов дворца свисали шитые золотом боевые стяги. В сагу плескали струями фонтан, статуя в его центре изображала первого боевого короля Макрагге Конора, а скульптуры других давно умерших героев располагались таким образом, будто все они пришли его почитать.

Последний раз Уриил приходил сюда, когда получал приказ отправиться на Павонис, и не мог задерживаться надолго. Теперь же, после ночи в подземелье, лишенный доспехов, он являл жалкую картину. И что еще хуже, опозоренным оказался его старейший друг — рядом с ним в голубом хитоне, закованный в такие же кандалы, стоял Павсаний. Уриил готов был смириться со своим бесчестьем, но увидев, что Павсаний должен разделить его участь, оказалось невыносимо.

Судьбу Уриила решали магистры

органа, находившиеся в этот момент на Макрагге. Слева от Калгара сидел командир караула капитан Сикарий, рядом с ним находились магистр границ капитан Гален и магистр кузниц Фенния Максим. С другой стороны расположились главный фуражир капитан Уксион, командир новобранцев капитан Антилох и легендарный капитан Первой роты Агемтан. Весь цвет Ультрамаринов во главе с великим магистром Калгаром, его сенъором и повелителем, собирался судить Уриила.

Калгар выглядел старше, чем его помнил Уриил, пронзительный взгляд стал печальнее, строгие аристократические черты лица тронуло бремя тяжких забот. Уриил не смог выдержать разочарованный взгляд своего повелителя и опустил голову — позор раскаленным свинцом жег ему грудь.

Последним с краю сидел сержант Леарх. Ветеран Четвертой роты сражался плечом к плечу с Уриилом и выдвинул против них с Павсанием обвинения, и это разбивало Уриилу сердце.

Правда, он мог предвидеть такой ход дела. В последние часы битвы на Тарсисе Ультра Лепарх дал ему понять, что считает нарушение Уриилом учений Кодекса Астартес вопиющим преступлением и будет требовать сатисфакции. Уриил не держал на него зла — наоборот, испытывал гордость за своего сержанта: тот был Ультратарином до мозга костей и все сделал правильно. Не преступи он Кодекс, не быть ему сейчас на этом судном месте.

По какому-то незаметному сигналу капитан Сикарий поднялся со своего места. Красный плащ развевался за его спиной, пока он спускался к Уриилу с Павсанием, с отвлечением глядя на обоих. Развернув запечатанный сургучом свиток, он взглянул на Калгара и, получив одобрительный кивок, начал зачитывать:

— Уриил Вентрис. Павсаний Лисан. Сего года, сорок тысяч девятьсот девяносто девятого, правления Его Императорского Величества, настоящим вы обвиняетесь в семнадцати случаях совершения преступлений на почве ереси.

Понимаете ли вы всю серьезность обвинений?

--- Понимаю, --- ответил Уриил.

--- Так точно, --- с презрением вставил Навсаний, --- но то, что вы притащили нас сюда после великой победы на Тарсисе Ультра, лишь бросает тень на тех, кто погиб там. Мы сражались с Великим пожирателем с отвагой, честью и верой. Никто не может сделать большего!

--- Молчать! --- взревел Сикарий. --- Ты должен только отвечать на вопросы, которые я буду задавать, и все! Ты понял меня?

Навсаний скривил губы в презрительной уśmieшке и ничего не сказал, --- лишь кивнул. Явно удовлетворенный, Сикарий обошел фонтан и встал перед Уриилом, сверля его суровым взглядом, словно пытаясь огнем лишь видом заставить признать вину.

--- Ты протеже капитана Удея, не так ли?

--- Ты же знаешь, что это так, капитан Сикарий, --- ровным голосом ответил Уриил.

--- Отвечай на вопрос, Вентрис, ---
повысил голос Сикарий.

--- Мой ранг --- капитан, моя вина еще
не доказана, и, значит, ко мне подобает
обращаться согласно моему званию, по-
крайней мере пока суд не вынесет мне
приговор.

Сикарий поджал губы, но, поняв, что
большего не добьется, неохотно предложил:

--- Хорошо, капитан, давайте
продолжим.

--- Да, я на протяжении девяти
десятиков лет служил в Четвертой роты
под началом капитана Угея и после его
смерти на Фракии получил повышение.

--- Опишите нам обстоятельства его
смерти.

Уриил сделал глубокий вдох, пытаясь
погасить волну справедливого гнева,
затопившую сознание. История последней
битвы Угея была хорошо известна всем
присутствующим, и он не видел
необходимости в ее очередном пересказе.

--- Отвечайте, капитан Вентрис!

--- Хорошо, --- начал Уриил. --- Это
случилось на Фракии --- одной из планет.

восставших против законного правления
Императора в Секторе Улента.
Зачинщиками мятежа были сторонники
темных сил. Нас пригнали группировке
инквизитора Аполлиона, чтобы нанести
ряд ударов по ключевым позициям
противника и тем самым поддержать
наступление войск Имперской Гвардии на
столицу фракции Мерсию.

--- Расскажите о последнем задании, ---
потребовал Сикарий.

--- Гвардия наступала узким фронтом,
и один из флангов был открыт для
контратаки через цепь мостов.
Отделения Четвертой роты получили
приказ уничтожить их.

--- Легкая задача.

--- Теоретически да. По донесениям
разведки, мосты почти не охранялись.

--- Но дело ведь было не в этом, так? ---
вкрадчиво спросил Сикарий.

--- Не в этом. Мост «два-четыре»
действительно был слабо защищен, мы
взяли его без потерь и сразу же начали
минировать, следуя инструкциям
технодесантника Томазина.

--- Светлая емоу память, --- нараспев произнес Фенния Максим со своего места.

--- Что же произошло?

--- Пока мы готовили мост к подрыву, погода стремительно ухудшилась, и мы не смогли получить полную информацию о приближающемся противнике. Не прошло и получаса, как мы были атакованы вражескими войсками численностью до батальона, пытавшимися отбить мост.

--- Грозная сила, --- связвил Сикарий.

--- Дело не в этом, --- согласился Уриил, --- мы могли сдержать атаку, хотя противник и был в этот раз вооружен лучше, но наш «Грозовой ястреб» сбил вражеские зенитки.

--- Значит, вы лишились способа эвакуации, --- издевательски рассуждал Сикарий. --- Поистине отчаянная ситуация. А когда враг атаковал снова?

--- На вечерней заре мы были атакованы воинами легиона Повелителей Ночи.

Общий вздох облетел сад. Все присутствующие знали о падших легионах, но одно из их имен, произнесенное столь

открыто, шокировало всех. Упоминание проклятого имени считалось непристойным.

--- Мы отбили их первый натиск, но вскоре стало ясно, что удержать мост у нас не получится.

--- У что же вы сделали?

--- Мост был уже затинирован, но подорвать мы его не могли без детонатора техногесантника Томазина, убитого во время первой атаки. Ночью капитан Угеи отправил штурмовые отделения пытаться подорвать мины вручную, при помощи гранат. План был хороший, но у них ничего не получилось.

--- Прошу прощения, капитан Вентрис, но я не совсем понимаю. --- Сикарий по-птичьи склонил голову набок.

--- Что именно?

--- Этот план Угея, совершенно очевидно, не относится к тактическим решениям, изложенным в Кодексе Астартес. Вы уверены, что это был его план?

Уриил хотел было ответить: да, это план Угея, но внезапно картина боя на

мосту «два-четыре» всплыла перед глазами. Сикарий снисходительно устехнулся, и Уриил понял, как ловко его подвели к признанию своей вины. Он медленно покачал головой.

— Нет, это не было планом капитана Цгея, — произнес он, — это был мой план.

Сикарий отступил на шаг назад, разведя руками.

— Это был твой план! — торжествующе воскликнул он.

— Но он сработал! — взревел Навсаний. — Разве не очевидно? Мост был взорван и кампания выиграна!

— Это не имеет значения, — нравоучительно произнес Сикарий. — Настоящая победа достигается только благодаря учениям притарха. Мы все считали в докладе капитана Вентриса о действиях Мортифакторов на Тарсисе. Ультра и знает, куда приводит отступление от Кодекса Астартес. Скажите мне, сержант, вы хотите, чтобы мы стали как Мортифакторы?

Навсаний покачал головой:

— Нет, конечно нет.

— Но вы же хотели, чтобы мы следовали их методам?

— Нет, я говорил совсем не это, — прорычал Павсаний. — Я имел в виду, что все наши нарушения Кодекса незначительны!

— Сержант, — снисходительно начал Сикарий, словно обращаясь к неразумному ребенку, — наша вера в Кодекс есть твердыня, и никакая трещина в ней не может считаться малой. Трудно переступить только в самом начале, а каждый следующий, пусть даже крохотный, шаг станет даваться все легче и легче, разве нет? После сотни таких нарушений какое значение будут иметь еще десять или сто? — И повернулся к Уриилу. — Вот почему ты должен понести наказание, капитан Вентрис. Потому что за тобой идут другие. Ты — капитан Ультратаринов и обязан держать себя соответственно.

Закончив, Сикарий поднялся по ступеням и занял свое место. Теперь в сад спускался магистр кузниц Фенния Максим. Один только его вид приводил в

трениет: наголо бритая голова, дубленая
всеми ветрами, цвета старого дуба кожа
и глубоко посаженные глаза. Один глаз,
замаскированный аугментическим
имплантатом, мигал ровным красным
светом, механическая серворука,
сложенная за спиной, незримо жужжала в
такт тяжелому дыханию и мерной
поступи больших металлических ног,
глубоко печатающих шаги по каменным
плитам. Сцепив руки за спиной, Фенниа
ходил вокруг Уриила, буквально прожигая
его взглядом.

— Я говорил с технодесантником
Харком, — равкнул он внезапно.

Уриил понял, куда клонит Максим,
поэтому сразу откликнулся:

— Это я приказал разобрат
«Грозовой ястреб», он лишь подчинялся
тне и не должен нести наказания за свои
действия на Тарсисе Ультра.

Максим подступил вплотную к
Уриилу и угрожающе навис над ним.

— Я знаю, — прошипел магистр
кузниц. — Неужели ты думал, что я не
знаю этого?

— Я просто хотел расставить все по местам, — отозвался Уриил.

— Ответь, зачем ты осквернил священную машину, доблестно служившую нашему ордену практически целое тысячелетие и много раз носившую тебя в бой? Как ты мог предать такой благородный машинный дух и нагрузиться столь жестоко наг ним?

— У меня не было выбора, — коротко произнес Уриил.

— Ах, не было выбора? — с издевкой воскликнул Максим. — Мне тяжело в это поверить.

— Я не лгу, магистр, — угрюмо защищался Уриил. — Нам требовалось доставить новые энергетические батареи к одному из планетных защитных лазеров, чтобы сбить тиранидский корабль-улей. Только у «Грозового ястреба» могло хватить топлива добраться туда, а потом вернуться обратно. Но даже для этого нам пришлось максимально облегчить вес машины и снять с нее все, что только было возможно.

— Ты рассердил дух машины. Я

ухаживал за ним, и он сильно разгневан. На твоем месте я бы поостерегся доверять ему свою жизнь до тех пор, пока не вытолишь у него прощение и не проведешь обряды почитания.

Максим повернулся к Уриилу спиной и возвратился на свое место. Вслед за ним и другие магистры ордена брали слово, раз за разом уличая Уриила в преступлениях против Кодекса Астартес. Они знали все подробности обеих кампаний на Павонисе и Тарсисе Ультра, битвы на костическом скамье «Гибель добродетели» и сражения с темными эльдарами на обратном пути.

Во всеуслышание представлялись все новые и новые случаи нарушений. Уриил был обескуражен. С одной стороны, он не мог отрицать правдивости этих обвинений, а с другой — каждый шаг оправдывался необходимостью именно такого решения. Время шло час за часом, обвинения множились, но его объяснения магистрат ордена не требовались. У них уже сложилось предубежденное мнение: он отклонился от Кодекса Астартес и

совершил ужасное преступление против веры и преданности. Подобное злодеяние искупить нельзя.

Солнце скрылось за черепичной крышей двorca лорда Калгара. Уриил держался из последних сил, он боялся, что вот-вот может потерять самообладание. Его судьба нужна была не правда, а лишь козел отпущения, который заплатил бы за всех погибших на Тарсисе Ультра. У этого процесса имелась лишь одна цель — показать всем, что ждет нарушителей Кодекса Астартес.

Хотелось кричать от негодования и ярости, но Уриил лишь плотнее сжимал губы. По плитам сада вытянулись глиняные багровые тени. Вечерние мотыльки собирались в беспокойные стайки вокруг горящих факелов, закрепленных на балконах. Наконец поднялся Марней Калгар и, окинув взглядом магистров ордена, спустился в сад. Подойдя к Уриилу, Калгар посмотрел ему прямо в глаза. Уриил не отвел взгляда, натереваясь, как подобает настоящему воину, принять свою участь, какой бы ужасной она ни была.

После довольно большой паузы лорд Калгар произнес:

— Мне печально от того, что стало с вами обоими. Я видел вас на вершине славы и надеялся, что однажды вы займете место среди величайших героев нашего ордена. Но в жизни нет ничего постоянного, и вот вы стоите передо мной, обвиняемые в самом темном из преступлений. Завтра вам будет предоставлена возможность защитить себя и опровергнуть выдвинутые обвинения. Подумайте хорошенько, что вы будете говорить. Я советую провести эту ночь в молитве. Обратитесь к Императору, чтобы он направил вас, и вспомните свои клятвы, данные ордену, когда в следующий раз будете стоять передо мной.

Луна уже успела осветить крыши зданий, когда Павсания и Уриила отвели обратно в камеры.

В темной камере пахло затхлостью и безнадежностью. С кольца, втүрованного в стену, свисала тяжелая цепь, с потолка сыпались крупные капли, но вода не собиралась на каменном полу, а исчезала в многочисленных трещинах.

--- Должен ли я заковать тебя? --- спросил огин из терминаторов через вокс-усилитель своего шлема.

--- Нет, --- ответил Уриил. --- Я даю слово, что не буду пытаться бежать и не создам лишних неприятностей.

Терминатор кивнул --- ничего другого он и не ожидал услышать, --- закрыл дверь и запер ее механическими замками, усиленными толстыми цепями. Уриил сжал кулаки и, подобно дикому зверю, терил быстрыми шагами камеру. Он не будет пытаться бежать: правда на его стороне и все обвинения, выдвинутые против него, он обратит завтра на самих обвинителей. Они не были свидетелями тех событий, которые вынуждали его принимать трудные решения.

Разве находились они на стенах Тарсиса Ультра? Не было их и там, где он

столкнулся с могущественным звездным богом, когда терзкая ксенозараза проникла в его разум. Где они были, когда он погибал, сражаясь за них?

Он знал, что слишком горячо реагирует, но ничего не мог с собой поделать: боль от несправедливости происходившего мучила его. Опустившись на пол, под терную каплю воды он стал выстраивать план своего выступления.

Незаметно прошло несколько часов, когда Уриил вдруг расслышал мягкую по ступень. Шаги были осторожные, как у человека, который боится быть обнаруженным. Незвестный приблизился к катере. Обостренным слухом даже сквозь железную дверь Уриил определил, что к нему в гости пожаловал костический десантник.

Он быстро пересел на другое место, прислонившись спиной к стене напротив двери. В замке, поворачиваясь, загремел ключ, распахнулась створка, и в проеме, загородив свет из коридора, появилась закутанная в балахон фигура. Десантник зашел в катеру и откинул с головы

Капюшон.

--- Раг видеть тебя, капитан Вентрис, --- прозвучал глубокий бас умудренного годами и опытом воина.

--- Капитан Агелман? --- удивился Уриил, узнав десантника по голосу.

Агелман, капитан Первой роты --- ветеранов, самых лучших и храбрых воинов Оргена, среди прочих своих званий носил титул Регента Ультрамара, отвечавшего за безопасность Ультрамара в отсутствие магистра Ультрамаринов. После того как герой Первой роты капитан Инвикт погиб в сражении с тиранидами флота-улья «Бегемот», Агелман начал восстанавливать уничтоженную роту. И только сейчас, спустя пятьдесят лет, задача возрождения была выполнена и боевое знамя вновь вынесено из реликвария.

Пример Агелмана вдохновлял всех, проходивших подготовку в Агизеле, и тех, перед кем уже были открыты врата Крепости Геры. Он зажег в их сердцах яркий луч надежды: воин, обладающий отважным духом и доблестью, может

добиться невозможного. Чего же этот герой хотел от Уриила?

— Так точно, — ответил Агетман, протягивая руку для рукопожатия. — Отвага и честь.

— Отвага и честь, — откликнулся Уриил, отвечая на рукопожатие.

Агетман, скрестив руки на груди, с презрливостью и отвращением оглядел трагичную камеру.

— Горько видеть отважного воина в таком положении.

— Капитан, вы выбрали не самое удачное время, чтобы прийти ко мне. Что вам нужно?

— Я пришел по поручению лорда Калгара, капитан Вентрис.

— Лорда Калгара?

— Я все о тебе знаю, Уриил, — перебил его Агетман. — Я следил за тобой начиная с самого Агизеля. Я видел твои возможности и торжествовал, когда ты был выбран, чтобы войти в Крепость Геры и стать Ультратарином. Я возносил благодарственные молитвы за победу на Мюре Ворна и оплакивал вместе с тобой

погибших на Дороге Черных Костей. Я знаю обо всех операциях Караула Смерти и понимаю, почему ты не хочешь говорить об этом.

--- Зачем вы все это мне рассказываете? --- насторожившись, спросил Уриил.

--- Затем, чтобы ты понял, что я говорю правду, Уриил Вентрис, --- объяснил Агелман. --- Ты обвиняешься в одном из самых тяжких преступлений, которые только может совершить Ультратарин, твоя жизнь сейчас висит на тоненьком волоске. Тебе лучше прислушаться к тому, что я тебе скажу. --- Агелман прикрыл дверь. --- От этого будет многое зависеть...

---

* * *

Наступил новый ясный день, над горами поднялось яркое солнце, осветив серые скалы и горные леса. Свежий ветерок гулял по всей Долине Лапониса. Вооруженные конвоиры вели Уриила к

дворцу Марнея Калзара. Он шел по
гладким ступеням, высеченным прямо в
скале. Во всем теле ощущалась легкость,
гнев и обида больше не терзали его сердце.
Решение было принято, никаких сомнений
в правильности выбранного пути не
осталось.

Печально, что Навсания вели рядом,
но тут Уриил был бессилен что-либо
изменить. С капитаном Агелманом он
разговаривал целый час. Искренность и
честность суждений Агелмана убеждали
сильнее других доводов. На прощание они
обменялись крепким воинским
рукопожатием — запястье к запястью.
Агелман пожелал Уриилу удачи и, без
сомнения, направился с такой же миссией к
Навсанию.

Поднимаясь по ступеням, Уриил
бросил взгляд на Навсания. Лицо сержанта
было полно решимости, — значит, он внял
словам Агелмана и выбрал тот же путь.
Его товарищ оставался верным ему до
конца. Это трогало до глубины души.
Когда они добрались наконец до эспланады
и направились к многоколонной галерее,

ведущей во дворец Марней Калгара, Уриил
успел еще раз все прокрутить в памяти.
Теперь он был спокоен и лишь слегка
улыбался своим мыслям.

Они прошли между стражами в
терминаторских доспехах в темный зал, а
затем вновь очутились на ярком свету,
заливавшем внутренний двор. Их вывели из
камер с самыми первыми лучами солнца,
однако все магистры ордена уже собрались
здесь, облаченные в церемониальные
одежды, с лавровыми венками на головах,
символизировавшими судебную власть.
Уриил с Павсанием встали рядом со
статуйей Конора, повернувшись к лорду
Калгару и вытянув руки по швам.
Конвоиры направились к выходу, и никто
не шелохнулся, пока не раздался звон
закрывающихся за ними бронзовых дверей.

Марней Калгар спустился в сад и
остановился перед подсудимыми.
Аугментический глаз великого магистра
светился ровным светом, на лице не
отражалось никаких эмоций. Уриил
понимал, что, соглашаясь с предложением
Калгара, которое с пылкостью передал им

Агелтан, они обрекли себя на смерть. Но в сердце не было злобы. На него снизошло просветление и осознание высокой чести быть истинным Ультратарином.

Повелитель Ультратаринов обошел фонтан и обратился к собравшимся магистрам:

--- Братья-гесантники, сегодня --- день суда. Мы слышали много обвинений, выдвинутых против этих воинов, но мы --- воины чести и предоставим им шанс все опровергнуть и оправдаться в глазах наших собратьев.

Калгар совершил полный круг вокруг пенящегося фонтана и вновь встал перед Уриилом, глянув ему прямо в глаза.

--- Капитан Вентрис, у тебя есть право говорить в свою защиту.

Уриил сделал глубокий вдох и сказал:

--- Я отказываюсь от этого права и принимаю решение суда моих повелителей, каким бы оно ни было.

Волна удивления пробежала среди магистров, а Калгар едва заметно кивнул Уриилу. Великий магистр обратился к Навсанию и получил аналогичный ответ.

Уриил видел, как напруглось лицо Леарха, и мог представить, как тяжело сержанту осознавать, что он навлек беду на своего капитана, но Уриил понимал, что другого выхода у Леарха не было. Он кивнул сержанту в знак взаимного притирения и уважения.

Уриил повернулся к магистру Ультратаринов, когда тот вновь задал вопрос:

— Не желаешь ли ты все-таки объясниться и обратиться с прошением к своим собратьям?

— Нет, — ответил Уриил. — Я добровольно подчинюсь вашему решению.

Лорд Калгар медленно поднялся на трон, поправил плащ и, выдержав паузу, обратился к магистрат:

— Эти воины утратили веру в Кодекс Астартес и по доброй воле признают свою вину. Теперь их судьба находится в моих руках, и завтра я оглашу свой вердикт. На заре мы снова соберемся у Скалы Галлана, где и будет исполнен приговор.

Кажется, Уриил был готов к неминучей расплате, но сердце упало при

употинании Скалы Галлана — лобного
места.

* * *

Водонады Геры низвергались с
оглушающим шумом. Потоки воды
обрушивались на сотни метров вниз и
разбивались об острые клыки белых скал,
возвышающихся над пенным озером ледяной
воды. Скалы сверкали вкраплениями
частиц кварца, по берегам озера зеленели
лихты и ели. Солнце поднялось над
горными вершинами и теплым золотым
светом озарило все вокруг. Невероятной
красоты картина, нарисованная самой
природой, предстала перед глазами.
Возможно, это последнее, что Уриил мог
увидеть в своей жизни, чтобы унести
прекрасное зрелище в следующее
воплощение.

Их доспехи были возвращены в
арториум Четвертой роты, и теперь
Уриил с Павсанием, одетые в простые

черные хитоны, молча шли за магистратами ордена. Цени были сняты, и босые ноги ощущали приятное тепло нагретой солнечными лучами земли. Вооруженные охранники не сопровождали эту трагическую процессию, виновным дали возможность встретить свою участь как Ультратаринам, не унижая их чести и достоинства. Целых два часа они поднимались от Крепости Геры к Скале Галлана — плите черного трамора, углом выступающей из скальной породы.

В древние времена осужденных преступников бросали отсюда в пропасть, и именно на этом месте меч Робаута Жиллимана отсек голову королю-предателю Галлану, убившему отравленным кинжалом своего приемного отца и пытавшемуся захватить власть над Макрагге.

Магистры остановились у самой пропасти. Туман покрыл легкой водяной пленкой их доспехи, хитон Уриила тоже намок и прилип к телу. Осужденные молча взошли на траморную плиту и медленно приблизились к ее кромке. Уриил испытал

милетное головокружение, край глаза
заглянув в бездну. Плита была мокрой и
скользкой, но какая разница, упадет он
сейчас или чуть позже?

Они опустились на колени на самом
краю, сквозь мокрую ткань трамор
холодил ноги. Уриил еще раз бросил взгляд
вниз, на острые камни, запятнанные
кровью приговоренных. Очень скоро и его
собственная кровь обзагрит их. Однако эта
мысль не вызвала у него никакого волнения.
Агелтан в разговоре ясно дал понять, что
их ожидает, и Уриил, внутренне морально
подготовился выдержать всю эту
церемонию как истинный Ультратарин.

Павсаний тронул его за плечо. Гордо
подняв голову, его мужественный груз и
товарищ по оружию обводил взором
долину, наслаждаясь красотой
открывающегося вида.

— Я не жалею ни о чем, — сказал
Павсаний. — Мы действовали с отвагой и
честью, никто не может требовать от
нас большего.

У Уриила сжалось сердце. Прощай,
груз! Услышав за спиной приближающиеся

цаги, он склонил голову и, закрыв глаза, ожигал толчка, который прятиком отправил бы его в бездну. Лорд Калгар осторожно коснулся склоненных фигур латной перчаткой. Великий магистр Ультратаринов произнес свой приговор:

--- Вы воины отваги и чести. Кодекс Астартес предусматривает для вас единственное наказание --- смерть. Я обязан подчиниться законам Кодекса, у меня попросту нет другого выхода, но мне больно терять таких доблестных собратьев. --- Рука Калгара сжала плечо Уриила. --- Есть разные варианты того, как добиться вашей смерти. Но не будет ли большим грехом уничтожение жизни, способной наносить удары врагам Императора? Я приговариваю вас дать Смертельную клятву и отправиться в проклятый регион костоса, где встретили свой конец многие настоящие воины, --- Глаз Ужаса. Я приговариваю вас огнем и мечом через трак Хаоса нести свет Императора, пока не найдете свою судьбу.

Уриил неподвижно стоял в освещенном факелами зале врат, окруженный магистратми ордена. Он был облачен в полный силовой доспех, на поясе висел его меч с золотым эфесом. Предстоящий поход в Глаз Ужаса, этот регион костоса, где безумие и зараза варпан проникают в реальное пространство, означал такую же верную смерть, как если бы Уриила толкнули со Скалы Галлана, но он считал это решение справедливым и принял его с легким сердцем, уверенно и спокойно.

Павсаний стоял рядом, тоже облаченный в броню, крепко сжимая серебряной аугментической рукой огнемет последней модификации. Канеллан Клаузелъ читал Книгу Бесчестия, произнося слова, не звучащие последние шесть тысячелетий. Древний, переплетенный в кожу том с окаймленными золотом страницами источал запах плесени, какой бывает у

книг, не открываемых многими веками.
Монотонное чтение служило
как компанейством магистрат,
снявшим с доспехов и оружия Уриила и
Павсания все знаки отличия
Ультратаринов.

Татуировку номера роты с левого
плеча Уриила свели заблаговременно,
закрасили наплечники брони, и они стали
безупречно голубыми. С груди и пояса сняли
золотых орлов, затем печати чистоты и
знаки почета. Изъятые атрибуты
укладывались в специальный сандарак
ковчег. Теперь Четвертой ротой будет
командовать Леарх: лучшей кандидатуры
лидера для оставшихся в живых воинов,
способного реально восстановить
численность роты, Уриил не мог и
придумать.

Марней Калгар бесстрастно
наблюдал за тем, как с осужденных
сняли знаки отличия. Уриил
догадывался, что ему это неприятно, но
выбора у великого магистра не было. Либо
Смертельная клятва, либо позорная
смерть на камнях Водонагов Теры. Слова

Агелмана, сказанные Уриилу в катере, звучали в ушах так ясно, будто только что произнесенные.

Агелман говорил о великом и добром имени Ультратаринов, олицетворявшем правду, отвагу и веру в Императора. О том, что их орден костического десанта славен своими традициями и устоями и посеять семена сомнения в разумы его воинов равносильно проклятию на веки вечные. О том, что орден сплочен доблестью своих воинов и негоже одному из них чернить его, -- ведь это все равно что подрывать самую основу Ультратаринов.

Каждый воин рассматривает своих непосредственных начальников как олицетворение учений Кодекса, и измена капитана для них становится большим ударом. Далее следовал логический вывод: зараза инакомыслия должна быть вырвана с корнем, прежде чем сможет распространиться на весь орден и погубить его. Другого пути просто нет. Убежденность, звучавшая в голосе Агелмана, пробилась сквозь горечь и разочарование, терзающие в то время

Уриила, и он воочию сумел представить, что может произойти, если его методы распространятся во всем ордене.

Ультратарины превратятся в сборище кочующих бойцов, нападающих на всех подряд. Очень скоро они станут неотличимы от отступников и ренегатов, поклоняющихся Губительным Силам. Уриила охватило жуткое видение будущего, в котором жестокие и кровавые Ультратарины станут вселять такой же страх и отвращение, как те, кто уже давно идет по пути Хаоса.

Агелман не приказывал -- решение оставалось за ними. Вот тогда и наступило прозрение: покорно принять наказание лорда Калгара и показать ордену, что путь, выбранный Ультратаринами, -- верный. Они с Павсанием должны дать Смертельную клятву, и орден будет существовать так же, как прежде.

Наконец Клаузелъ закрыл книгу. Он слегка склонил голову, когда Уриил с Павсанием проходили мимо, направляясь к воротам.

— Уриил, Навсаний, — окликнул лорд
Калгар.

Кости́ческие десантники
остановились и поклонились своему
бывшему великому магистру.

— Да пребудет с вами Император.
Примите смерть достойно.

Уриил кивнул в ответ, в тот же
момент ворота распахнулись. Вместе с
Навсанием он ступил наружу, в пурпурные
сумерки вечера. Вокруг пели птицы, на
высоких стенах и башнях Крепости Теры
мерцали огни факелов. Прежде чем ворота
закрылись, Калгар снова заговорил. В его
голосе звучали нотки сомнения, словно он
был не уверен, стоит ли это произносить.

— Прошлой ночью я беседовал с
библиарием Тигүрием, — сказал Калгар. —
Ему было видение вас с Навсанием,
захваченных Темными Силами. Он видел
тир, исполненный темного железа, с
гигантскими утробами демонической
плоти, пульсирующими чудовищной
неестественной жизнью. Жесткие
хирурги, похожие на монстров, разрезали
эти утробы, доставая оттуда

окровавленные тела. Тела выглядели больше мертвыми, чем живыми, но дышали, здоровенные, сильные, — темное зеркало нашей доблести. Я не знаю, что означает это видение, Уриил, но то, что от него исходит зло, очевидно. Найди это место и уничтожь.

— Как прикажете, — ответил Уриил и, повернувшись, направился в наступающую ночь.

От главных врат Крепости протянулась широкая, вытощенная камнем эспланада, на которой двутя шеренгами, образуя глинный коридор, стояли Ультратарины. Все пять сотен воинов Ордена, находящихся на Макрагге, ждали их здесь в полной исправке с оружием в руках. Уриил с Павсанием шли меж своих бывших собратьев, и каждый из них вставал по стойке смирно и поворачивался спиной, когда двое изгнанников проходили мимо.

Внешняя крепостная стена возвышалась перед ними, и Уриил не смог удержаться и не оглянуться в последний раз на величественную Крепость Геры.

Стометровые золотые ворота плавно открылись, и его охватило жуткое ощущение встречи с неизвестным. Они перестанут быть Ультрамаринами, когда пройдут через ворота. В этот момент пришло окончательное осознание, чего они с Павсанием лишились по его вине.

Леарх тоже стоял в ряду своих собратьев. Когда Уриил поравнялся с ним, его бывший сержант не повернулся спиной, как делали все остальные десантники.

Уриил остановился:

--- Сержант, ты должен повернуться.

--- Нет, капитан, я не отвернусь, я буду смотреть вам вслед.

Уриил улыбнулся и протянул ему руку, Леарх с гордостью пожал ее.

--- Я позабочусь о воинах роты, пока вас не будет, --- пообещал Леарх.

--- Я знаю. Желаю тебе удачи, но сейчас ты все-таки должен отвернуться от нас.

Леарх кивнул, но, прежде чем обернуться спиной к своему бывшему капитану, отдал ему честь. Уриил с Павсанием продолжили путь, вступив в

проел огромных врат, и наконец покинул
Крепость Геры.

Врата захлопнулись за их спинами.

Муссонные дожди в этом году пошли рано, как будто сама планета накинута вуаль на свое обезображенное лицо. Даже скорчившись в бункере, мальчик и его отец слышали их шум, грозовой и всепроникающий. Однако в сравнении с тем, что было раньше, даже рев грозы казался почти тишиной.

--- Он прекратился, --- сказал мальчик, --- весь этот грохот. Может, они ушли.

Мужчина сжал плечо сына, но ничего не ответил. У него было сухое, морщинистое лицо фермера --- постаревшее прежде времени, однако жесткое, как стальная проволока. У взрослого, и мальчик похудел и осунулся, словно не видел воды и пищи уже много дней. Отец провел языком по растрескавшимся губам, прислушиваясь к звукам дождя, а затем взглянул на

мизгающее   табло   на   панели
коммуникатора.

--- Скоро утро. Когда рассветет, я
погляжу, что творится снаружи.

Мальчик крепче вцепился в него.

--- Nana!

--- Все будет в порядке. Чтобы
выжить, нам нужна вода. Думаю, они
ушли, сынок.

Он взъерошил сыну волосы.

--- Что бы это ни было, оно уже позади.

--- Может, они выжидают.

--- Нам нужна вода. Все будет в
порядке, вот увидишь.

--- Я пойду с тобой.

Мужчина с секунду колебался, а
затем кивнул:

--- Ладно. Что бы там ни оказалось,
встретим это вместе.

Летний рассвет в северном
полушарии планеты наступил рано. Когда
мужчина уперся плечом в дверь бункера,
прошло не больше пары часов с их
разговора. Тяжелая дверь из стали и
пластобетона обычно легко и бесшумно

поворачивалась на петлях, но сейчас ему пришлось бороться за каждый сантиметр. Когда щель расширилась настолько, что можно было просунуть руку, мужчина остановился и принялся.

--- Доставай респираторы, --- крикнул он сыну. --- Быстро!

Отец и сын натянули громоздкие маски, и их и без того тесный мирок стал еще меньше и мрачнее. Оба тяжело дышали. Взрослый закашлялся, с трудом втягивая воздух.

--- Там какой-то газ, химическая угроза --- но он тяжелее воздуха. Просочился вниз по лестнице и скопился здесь. Нам надо подняться.

Он оглядел бункер: старые одеяла, потусклевшие лампы, работающие от сажащихся батарей, и бесполезный коммуникатор. Сквозь приоткрытую дверь сочился белый туман, густой, как молоко, а с ним проникала и журчащая дождевая вода.

--- Это место больше небезопасно, --- сказал отец. --- Нам надо выбираться прямо сейчас, или мы умрем здесь.

Они оба навалились на дверь. Петли с трудом закрепились, и наконец в проеме появился бледный, льющийся сверху свет.

--- Что ж, дома у нас больше нет, --- спокойно констатировал взрослый.

Они принялись карабкаться по открытым грудам мусора, перегородившим лестничный пролет, пока не добрались до верхней площадки.

Мужчина и мальчик оказались среди развалин. Две стены, сложенные из прочного местного камня, уцелели --- но это было все. Остальное превратилось в кучи щебенки. Черепица, некогда покрывавшая крышу, валялась повсюду. Под остатками входной двери мальчик заметил свою любимую игрушку --- деревянное ружье, которое вырезал для него отец. Ружье было расколото. Дождь пошел слабее, но мальчику все равно приходилось каждые несколько секунд протирать линзы своего респиратора.

--- Оставайся здесь, --- приказал мужчина.

Он вышел из тени их разрушенного дома. Под его ботинками хрустело и

позвякивало битое стекло и пластик, хлюпали лужи. Бледный туман начал оседать. Подул ветер, принес с собой новую порцию дождя. Вода стывала хитический реагент. Поколебавшись, мужчина снял респиратор. Подняв голову, он открыл рот и подставил язык под капли.

--- Все в порядке, --- сказал он сыну. --- Воздух очистился. Можешь снять респиратор, но ничего не трогай. Мы не знаем, что тут заражено.

Повсюду вокруг них, до самого горизонта, раскинулась территория их бывшей фермы. Еще недавно зеленая и радующая глаз земля превратилась в вонючее болото, покрытое язвами бомбовых воронок. Стволы деревьев торчали из грязи черными клинками. Все ветки были обломаны, а кора сгорела. То тут, то там валялись раздутые, стердящие трупы скота. Над горизонтом поднимались черные дыльные столбы.

Жажда так затучила их, что некоторое время отец с сыном не обменивались ни словом --- просто стояли.

высунув языки, пытаясь поймать струи дождя. Вода потекла в рот мальчика, возвращая ему силы. В жизни он не пробовал ничего вкуснее, чем эта прохладная влага, сточившая его пересохшую глотку. Наконец ребенок открыл глаза. Нахмурившись, он ткнул пальцем вверх, в череду рваных туч, которые знал по небу ветер.

--- Пап, смотри, --- сказал он, удивленно таращась. --- Посмотри на это --- как будто в небе висит перевернутый собор.

Отец взглянул на облака. Сунув глаза, он одной рукой обнял мальчика за плечи и притянул к себе. Во многих километрах от них, и все же невероятно огромный, над землей висел ярко сверкающий угловатый силэт, весь оцетинившийся зубчатыми башнями, готическими украшениями и остроконечными шпилями. Сквозь тучи пробилась белая вспышка --- это солнце отразилось от обшивки, когда корабль разворачивался. Затем, в ослепительных струях огня, он начал удаляться. Через несколько секунд до людей долетел рев мощных двигателей. Солнце поднялось

выше, и вскоре корабль растворился в затопившем мир утреннем свете.

— Он уходит с орбиты, — сказал мужчина.

— Что это? Там внутри Бог-Император, да, папа?

— Нет, сынок. — Рука мужчины крепче обхватила плечи парнишки. — Это судно принадлежит тем, кто видел его лицо. Это Ангелы Императора, здесь, в нашем небе.

Обернувшись, мужчина оглядел то, что осталось от его фермы: зловонные развалины, воронки, лужи дымящихся хитикатов.

— А наш дом был их полем боя, — добавил он.

Следующие несколько дней они бродили по развалинам. Расставляли емкости, чтобы собирать дождевую воду, искали уцелевшие консервы и выбрасывали все, на что радиационный счетчик отзывался возмущенным треском. По ночам они располагались в руинах дома и разводили костер из отсыревших обломков

деревянных балок, еще недавно поддерживавших крышу.

--- Теперь весь мир такой? --- спросил мальчик однажды ночью.

Свернувшись под ветхим куском брезента, по которому толотил дождь, он смотрел в огонь.

--- Может быть, --- ответил отец. --- Перрекен --- планета маленькая, чуть больше Луны. Чтобы разгромить его, много не нужно.

--- Зачем Ангелы Императора сделали это с нами? --- продолжил мальчик.

--- Мы не можем даже вообразить, что ими движет, --- сказал отец. --- Они --- воплощенный Гнев Императора. Когда на мир обрушивается их ярость, никто этого не избегнет --- включая тех, кого они поклялись оберегать. Они наши защитники, сынок, но, кроме того, они и Ангелы Смерти.

--- Какие они? Ты их когда-нибудь видел, папа?

Мужчина покачал головой:

--- Я --- нет. Я какое-то время прослужил в ополчении, как и другие, и на

этот мой знания о войне заканчиваются. По-моему, они никогда и не приближались к нашей системе. Но тем утром в нашем небе висел большой имперский корабль, я уверен. Когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, я видел похожие на картинках. Лишь они летают на таких кораблях. Астартес. Ангелы Бога-Императора.

Тремя днями позже мужчина и мальчик брели по склону черного, выщербленного скального гребня к северу от их фермы. Еще недавно здесь рос лес. Отец с сыном надеялись отыскать остатки их стада: быть может, какое-нибудь из животных чудом пережило катастрофу. Они вышли к каменистому холму высотой приблизительно двести метров, откуда открывался хороший обзор на равнину внизу, город и космопорт. Холм, похоже, подвергся тяжелой бомбежке: его некогда острая вершина стала совершенно плоской. Из разломов в камне все еще с шипением вырывался пар — это остывала в глубинах расплавленная

порога. На горизонте над городом
вставали дыльные сұлтаны, и то тут, то
там вспыхивали огоньки пожаров.

--- Nana! Nan! --- крикнул мальчик.

Спотыкаясь, он выбежал из-за катней.

--- Посмотри, что здесь!

--- Ничего не трогай!

--- Это... это... Я не знаю, что это
такое.

Над нити нависла масса
искореженного металла: разбитая коробка
из стали и керамика, по которой все еще
пробегали искры. У нее были ноги как у
краба, огромные клешни, а на плечах
торчали стволы автомашки. Тело венчала
голова, когда-то, возможно, человеческая.
Гротескное лицо щерилось в смертном
оскале. Машина, которая была почти
живым существом, или живое существо,
ставшее машиной. На выщербленном
снарядами корпусе создания были
выгравированы тошнотворные сцены резни
и извращенных ритуалов. Поверх рисунков
висели гниющие черепа, утыканные
игольниками и обвитые цепями.

--- Угем отсюда, --- хрипло сказал

отец. -- Отойди от него.

Они понялись и внезапно заметили, что весь склон под ними покрыт гругими свидетельствами побоища. Повсюду валялись тела: по большей части бритоголовые, оскалившиеся, уродливые люди, многие с вырезанной во лбу остроконечной звездой. Кое-где попадались и мертвецы покрупнее, закованные в тяжелые доспехи, в розатых шлемах.

Руки и ноги их были отсечены, а нагавывалившиса внутренностями жуужали тучи черных жирных тух.

-- Они сражались здесь, -- сказал тужчина. -- Бились за эту высоту.

Мальчик, любопытный, как и все дети, казался менее напуганным, чем его отец. Он нашел огромный пистолет, почти с него самого размером, и пытался вытащить из липкого месива грязи и крови.

-- Оставь это!

-- Но, папа!

-- Это оружие Астартес.

Мужчина встал на колени и

Внимательно осмотрел находку.
Осторожно протерев металл рукой в перчатке, он сказал:

--- Погляди сюда. Видишь двуглавого орла на стволе? Это символ Империи. Костодесантники были здесь, на этом холме. Мертвецы, лежащие вокруг нас, --- это прислужники великого врага, еретики, проклятые Императором. Астартес спасли нас от них.

--- Ага, спасли, --- угрюмо повторил мальчик.

Он указал на горящий город в долине.

--- Посмотри на Ден-греккен. Там все взорвали и сожгли.

--- Лучше так, чем под пятой Темных Сил, уж поверь мне, --- сказал мужчина, выпрямляясь. --- Уже темнеет. За день мы достаточно прошли. Завтра попробуем спуститься в город и посмотреть, кто еще выжил.

Ночью, грожа от холода рядом с костром, среди разбросанных вокруг мертвых тел, мальчик лежал с открытыми глазами, глядя в темное небо.

Сучи рассеялись, и он мог различить знакомые созвездия. Время от времени мальчик замечал метеорит и время от времени был уверен, что видит нечто другое, движущееся во мраке между звезд. Блестели новые созвездия, перемещающиеся четким строем. Мальчик поймал себя на том, что размышляет о живущих в этой черной пустоте. О тех, кто путешествует в костических кораблях размером с целый город от системы к системе, неся с собой имперского орла и страшное оружие вроде огромного болтера, который он нашел на поле боя. Интересно, как это — жить такой жизнью?

Он поднялся посреди ночи, слишком возбужденный и проголодавшийся, чтобы спать. Отступив от костра, паренек включил свой маленький фонарик — испытанное средство против страха, которое ему подарили, когда он был совсем еще малышом. Он начал спускаться по каменистому, изрытому выстрелами склону, усыпанному скрюченными, разлагающимися телами. Мальчик не

чувствовал страха, только любопытство и растущее возбуждение. Он спускался все ниже. Кроме желтого луча от его фонарика, мир освещался только светом далеких звезд.

Но было и еще что-то. Слева мальчик заметил какое-то мерцание -- то вспыхивающий, то гаснущий красный огонек. Заинтригованный, он направился к источнику света, на всякий случай вытащив нож из ножен на поясе. Пригнувшись, он крался вперед -- так же беззвучно, как во время охоты в этих холмах со старым отцовским лазганом. Несколько раз огонек гас надолго, но мальчик терпеливо дожидался, пока тот вновь загорится. Светлячок мерцал у подножия высокого зазубренного утеса, черной тенью выступавшего на фоне звездного неба.

Что-то, наполовину погребенное под щебенкой, блеснуло, отразив свет фонарика. Это был шлем -- громадный, по статке великану. Он выглядел почти как огромный череп. Глазницы закрывали две линзы: одна расколота, а во второй

вспыхивал тот самый мерцающий багровый огонек. Мальчик встал на колени и осторожно постучал по шлему рукояткой ножа. Раздалось шипение статуй, и шлем чуть дрогнул, заставив ребенка отпрянуть в ужасе. Он понял, что нашел не просто шлем. Под камнями лежало тело. Сбоку виднелся большой полукруглый предмет — мальчик с легкостью утестился бы в нем — с выведенным белой краской изображением двустрой секиры. Наплечник, изготовленный для гиганта.

Парнишка принялся лихорадочно царапать и переворачивать камни. Те, что поддавались, он откатывал в сторону, и очертания погребенного под обломками тела проступали все отчетливее. Под шлемом блеснуло серебряное пятно, и мальчик увидел сверкающие крылья, выгравированные на широком нагруднике. Между крыльями был изображен череп. Ребенок уставился на находку, приоткрыв рот. Перед ним был не злодей Хаоса, не закованный в броню еретик. Он нашел одного из них. Одного из Астартес, о которых говорил его отец.

«Павший Ангел», --- подумал мальчик.

--- Nana! --- закричал он. --- Nana, иди скорее сюда и посмотри на это!

Большая часть ночи ушла у них на то, чтобы откопать заваленного катнятами великана. С рассветом дождь пошел снова, смывая грязь и спекшуюся кровь с доспехов. Броня блеснула в солнечных лучах. Темно-синий металл, цвета вечернего неба, не считая серебристо-белых крыльев на груди. Отец и сын стояли на коленях рядом с Астартес, тяжело отдываясь. Доспех воина был покрыт вмятинами и пробит в нескольких местах. Из трещин торчали оборванные провода. На бедре чернело пулевое отверстие, и кое-где пластины брони погнулись, смятые некоей невообразимой силой. Темно-синяя краска с них слезла, обнажив металл.

Мужчина вытер лоб, оставив на коже полосу грязи.

--- Помоги мне снять шлем, малыш, --- посмотрим, что там под ним.

Они ощущали пальцами шов между шлемом и доспехом, избегая смотреть на

неподвижную свирепую маску. Более
проворные пальцы мальчика первыми
наткнулись на две точки, поддавшиеся
давлению. Последовали два щелчка,
шипение и громкий треск. Распределив
между собой вес, мужчина и мальчик с
усилием приподняли шлем и сняли его.
Металлическая сфера откатилась в
сторону, зазвенев по камням, — а отец и
сын уставились в лицо Астартес.

Кожа у него была бледной, словно ее
редко касался солнечный свет, и туго
обтягивала удлиненный крупнокостный
череп. Лицо костодесантника было
определенно человеческим, но с непомерно
увеличенными чертами — словно лицо
гигантской статуи. Над одной бесцветной
бровью поблескивала металлическая
заклепка. На бритой наголо голове
Астартес бугрились старые шрамы и уже
начали отрастать темные жесткие
волосы. Правого глаза не было — его выбило
выстрелом, расколовшим линзу шлема, —
но рана уже заросла, заполнившись красной
соединительной тканью.

А затем левый глаз Астартес

открылся.

Отец и сын шарахнулись прочь, избегая его взгляда. Великан пошевелился. Его рука поднялась и вновь упала. Из бочкообразной груди вырвалось хриплое рычание, по ногам пробежала дрожь. Потом гигант застонал и больше не двигался. Из-под загравшейся губы показались сжатые зубы — белые, крупные, выглядевшие так, словно запросто могли отхватить человеку руку. Когда Астартес заговорил, речь его была неразборчивой и затрудненной от боли.

Отец мальчика на четвереньках подполз к великану.

— Вы среди грузей. Мы пытаемся помочь вам, господин. Сражение закончилось. Враг разбит. Вы меня слышите?

Глаз костюмодесантника, льгистом голубой и подернутый кровавыми прожилками, остановился на лице фертера.

— Мои братья, — пророкотал гигант. — Где они?

Голос у него оказался низкий, а

акцент такой непривычный, что мальчик с трудом его понимал.

— Они ушли. Я собственными глазами видел, как большой корабль покинул орбиту. Это было шесть дней назад.

Воин издал низкое горловое рычание, в котором в равной мере смешались горе и ярость. Гигантские конечности вновь беспомощно дернулись.

— Помоги мне. Я должен встать.

Мужчина и мальчик попытались поднять его, вцепившись в холодный металл доспехов. С их помощью Астартес сел, и его закованная в латную рукавицу рука зашарила по щебенке.

— Мой болтер.

— Здесь его нет, — должно быть, завалило камнями, как и вас. Нам пришлось вас откапывать.

Воин не смог встать самостоятельно. Его единственный глаз моргнул. Астартес сплюнул, и в плевке, размазавшемся по камням, была кровь.

— Моя броня не работает. Мы должны снять ее. Помогите мне. Я покажу вам, что надо сделать.

Дождь пошел сильнее. Они возились в грязи и щебенке вокруг гиганта, снимая одну за другой детали доспеха. Мальчик не мог поднять ни одну из них, хотя и был силен для своих лет. Его отец кряхтел и обливался потом. На руках и груди фермера вздулись мускулы, напряженно перекачивающиеся, пока он откладывал в сторону части темно-синего панциря. Огромный нагрудник почти доконал их, а когда наконец отделился от тела Астартес, гигант взвыл от боли. За упавшим нагрудником из торса воина протянулись покрытые слизью пучки проводов. Пристотревшись, мальчик увидел, что грудь Астартес испещрена металлическими гнездами, откуда высовывались провода. Разъемы были вставлены прямо в плоть воина. Доспех являлся частью его тела.

Ему прострелили бедро, но рана уже почти закрылась. Она опухла и воспалилась, а входное отверстие в центре загноилось. Астартес, нахмурившись, уставился на него.

— Там что-то есть. Моя илмунная

система уже должна была это залечить.

Сжав зубы, он сунул палец в дыру. Вытащив его, покрывшийся кровью игноет, из раны, Астартес поднес его к лицу и принюхался.

--- Что-то нехорошее.

Костяшкой он притронулся к опустевшей глазнице.

--- Кожа горячая. У меня заражение. --- В голосе его прозвучала нотка удивления. --- Этого быть не должно.

Немного поразмыслив, он сказал:

--- Они использовали в бою какие-то хитические вещества. Может, и биологическое оружие. Похоже, мой организм вышел из строя.

Астартес взглянул на стоящего рядом с ним на коленях человека.

--- Я должен воссоединиться с братьями. Мне нужен контакт для дальней костической связи. Ты не знаешь, где такой может быть?

Мужчина потянул за нижнюю губу.

--- Думаю, в городе, в костопорте. Но город почти разрушен. Может, там ничего не осталось.

Астартес кивнул. Что-то человеческое мелькнуло в его уцелевшем глазу.

— Я помню. Наши группы «глубокого удара» высадились неподалеку от посадочных площадок. «Грозовые ястребы» расстреляли все вражеские суда. У них тут были десантные капсулы. Три корабля. Мы их все уничтожили.

— Кто они были, господин, если мне будет дозволено спросить?

Астартес улыбнулся, но от улыбки его жесткое, крупное лицо не смягчилось, а, напротив, стало еще свирепее.

— Те, из-за кого мы сюда пришли, были врагами человечества — одна из клик Хаоса, которую мой орден поклялся уничтожить десятилетия назад. Они называют себя Карателями. Каратели натеревались захватить ваш мир и использовать как базу для атаки на другие планеты системы. Мы с братьями спасли вас от этой участи.

— Вы уничтожили мой мир, — сказал мальчик, и тонкий голос его угрожал от гнева. — Вы ничего не спасли — вы спалили

планету готла!

Гигант окинул его суровым взглядом:

--- Да, это так. Но могу тебе гарантировать, что Каратели, дай им волю, сотворили бы нечто гораздо худшее. Вы, люди, для них не лучше скотины. Просто забава, пища для удовлетворения самых мерзких и извращенных инстинктов. Живые позабывали бы о смерти. Сейчас вы можете восстановить свой мир --- пусть это займет двадцать лет, но вы это сделаете. Если бы сюда проник Хаос, нам ничего бы не оставалось, как спалить планету до основания, оставив от нее одни угли.

Мужчина схватил сына за руку.

--- Он еще молод. Он ничего не знает.

--- Тогда считай это частью его образования, --- отрезал Астартес. --- А теперь найдите что-нибудь, что можно приложить к ноге, и костыль, который способен выдержать мой вес. Мне нужно двигаться. И еще мне понадобится оружие.

Они провели в поисках почти весь день, пока наконец не догадались разобрать одно из валявшихся на поле орудий и

использовать стержень спускового механизма вместо медицинской шины. Когда Астартес туго приоттал прут к ободранному бедру с торчащими из разъемов проводами, зубы его скрипнули от боли, а из воспаленной раны на ноге потекла гноя. Отец мальчика вытянул из грязи болтер, который его сын нашел гнет раньше. При виде оружия глаза костогесантника вспыхнули — но снова потухли, стоило ему вытащить магазин и проверить оставшиеся заряды.

— Тридцать выстрелов, если нам повезет. Ладно, исправный болтер — это уже что-то. Теперь дайте мне тот шест.

Шест еще недавно был частью внутреннего скелета одной из биомеханических тварей, чьи трупы усеяли поле.

Астартес брезгливо его оглядел и тщательно протер песком и землей. Затем он оперся о железную палку, как о посох, и наконец-то смог подняться на ноги. В свободной руке воин сжал болтер. Оружие, однако, оказалось для раненого слишком тяжелым, так что он сделал

петлю из найденной на поле проволоки и
подвесил болтер на плечо. Проволока
врезалась ему в тело, распоров кожу, — но
Астартес как будто не чувствовал боли.

— Скоро стемнеет, — сказал отец
мальчика. — Может, нам лучше
переночевать здесь и выйти на рассвете.

— Нет времени, — ответил
Астартес.

Теперь, когда воин стоял прямо, он
казался еще громаднее — в полтора раза
выше фермера, с ладонями, широкими, как
лопаты, и грудной клеткой размером с
обеденный стол.

— Я вижу в темноте. Вы можете
идти за мной.

Сказав это, он заковылял вниз по
изрытому воронками склону холма к
долине, над которой в водовороте угольно-
черных туч садилось солнце. Навстречу
тучам тянулись еще более черные столбы
дыма, поднимавшиеся от сожженного
города — цели их путешествия.

Они шли полночи. Земля, по которой
они шагали, была изрыта бомбовыми

воронками и ұсыпана обломками боевых машин --- с колесами, гүсеницями, а порой и с руками и ногами. Один раз пұтники остановились перед огромными, величиной с дом, останками. Тұрп оказался настолько изуродован выстрелами, что трудно было представить его изначальный облик, --- однако Астартес, хромая, подошел к ұбитому и благоговейно снял металлическую печать, на которой все еще держались обрывки пергаментного листа. Космогесантник склонил голову над реликвией.

--- Ох, брат, --- прошептал он.

--- Что это? --- спросил мальчик, не обращая внимания на знаки, которые делал ему отец.

--- Один из моих боевых братьев. Дұх его был столь отважен и непреклонен, что после гибели физического тела он согласился проглотить существование в оболочке могущественного гредноұта. Он сделал это, чтобы продолжить бой, чтобы остаться рядом с нами, своими братьями, своими друзьями. Его звали Джехерран. Он был в моей роте и спас нас от этих... ---

тут Астартес кивнул на другие останки, рассыпанные вокруг них: трупы жутких крабовидных созданий, утыканных символами разнообразных орудий и покрытых мошнотворными символами, --- этих осквернителей, исчадий Хаоса. Брат Джехерран принял основной их удар на себя, так что мы смогли уничтожить монстров по одному.

Веко на единственном глазу Астартес грознуло --- а затем он без лишнего слова захромал дальше.

Мужчина и мальчик следовали за воином через кладбище мертвых машин. Людей ужасали размеры механизмов и чудовищная сила взрывов, разметавших их на части. В свете двух лун планеты, поднявшихся над горизонтом, отцу и сыну казалось, что они стоят в центре древней арены, где мертвецы свалены огромными курганами. И что это были за мертвецы: искривленные тела, оскалившиеся рты, белые как мел лица и гниль. В призрачном лунном сиянии не стоило приглядываться к ним слишком близко.

Когда они добрались до городских

окраин, стали попадаться признаки жизни. В гругах щебня возились и пищали крысы. Тот тут, то там из крошечной тени рычала собака с глазами, светящимися безумием, и капающей с клыков пеной. Однажды их дорогу пересекла процессия тараканов, каждый размером с кулак взрослого мужчины. Возбужденно стрекочущие насекомые тащили кусок неопознаваемой падали. Астартес, увидев их, поднял болтер.

— Подобные существа раньше здесь не водились, ведь так?

Фермер проводил насекомых ошеломленным взглядом.

— По крайней мере, я о таких не слышал.

— Здесь творится что-то странное. Братья не покинули бы этот мир так поспешно, не будь на то веской причины. Я бы предположил, что кто-то отозвал их с орбиты. Какая-то новая угроза.

— Вы думаете, они уничтожили всех врагов на поверхности планеты?

— Мы не оставляет работу незаконченной.

--- Откуда вы знаете? --- влезался мальчишка. --- Вы валялись под тонной катня и ничего не видели. Они вас бросили.

Астартес обернулся, и в глазу его сверкнул огонек, весьма похожий на тот, что они видели в глазах одичавшей собаки. Однако воин ничего не сказал. Отец отвесил мальчику подзатыльник.

Они пошли дальше. Сейчас спутники продвигались медленнее, потому что Астартес пытался держать на изготовку свой громадный болтер. Обычный человек с трудом смог бы поднять это оружие, не говоря о том, чтобы из него стрелять. Железный посох костогесантника стучал по пласобетону мостовой, разбрасывая мелкие камешки. Глядя на гигантского воина, мальчик понял, что тот движется на пределе сил. Он также заметил, что за костогесанником тянется цепочка темных следов. Тот истекал кровью. Мальчик указал на это отцу, и фермер схватил гиганта за руку.

--- Ваша нога... Вам следует позволить мне осмотреть ее.

--- Мой метаболизм должен был об

этом позаботиться. Я заражен. Какой-то биоагент. Я чувствую его у себя в голове --- как будто клубки раскаленных червей копошатся за глазными яблоками. Мне нужен апотекарий. --- Астартес тяжело дышал. --- Сколько осталось до костнопорта?

--- Еще четыре километра или пять.

--- Тогда я передохну. Мы должны найти какое-нибудь убежище, чтобы пересидеть до рассвета. Мне не нравится это место. Эти развалины. Что-то здесь не то.

--- Здесь нет трупов, --- сказал мальчик.

Оба его спутника обернулись к нему. Мальчишка пожал плечами.

--- Где все мертвые? Не осталось ничего, кроме тараканов и крыс.

--- Облокотитесь о меня, --- сказал фермер раненому гиганту, подставляя плечо. --- Вон там дома, справа и чуть впереди. Они выглядят поцелее, чем остальные. Постараемся найти что-нибудь с крышей.

К тому времени, когда они устроились на ночлег, Астартес сотрясала дрожь — хотя кожа его была настолько горячей, что обжигала пальцы. Отец с сыном набрали дождевой воды из луж и черепков посуды. Черной мерзкой жижи оказалось достаточно, чтобы промочить горло. Воздух загустел от дыма и сажки и оставлял привкус гари во рту. Среди вонючих клубов вспыхивали искры.

— На севере, со стороны костюпорта, пожары все еще не потухли, — заметил отец мальчика, потирая саднящее плечо.

Астартес кивнул и погладил болтера, лежащий у него на коленях, — так, словно прикосновение к оружию успокаивало.

— Может, будет лучше, если дальше я пойду один, — сказал он.

— Мое второе плечо все еще сойдет за костюпорт.

Гигант улыбнулся:

— Кто ты? Фермер?

— Был фермером. И у меня был скот. Теперь у меня остались камни и пепел.

— И сын, который все еще жив.

— Пока жив, — ответил мужчина.

Он взглянул на грязное, осунувшееся лицо тальчика, который спал на полу, словно сирота-беспризорник, завернувшись в обрывки обугленного плеча.

— Тогда подумай о нем. Ты сопровождал меня достаточно долго.

— Да, — сухо откликнулся фермер. — И вы в такой великоленной форме. Вы хотите от нас избавиться, потому что считаете, что впереди, в костюпорте, затаилось что-то скверное. Хотите пощадить нас.

Великан склонил голову:

— Сражения — моя жизнь, а не ваша.

— Что-то подсказывает мне, что это еще не закончилось. Ваши братья перед отлетом что-то проглядели. Вы сейчас в моем мире — и я помогу вам за него сражаться. Все равно у меня за спиной только выжженная земля.

— Пусть будет так, — согласился Астартес. — На рассвете мы выйдем вместе.

Рассвет не наступил. Темнота лишь

слезка посерела, и в небесах впереди появилось свечение, непохожее на пламя пожаров. Две луны опускались в океан дыма, чьи клубы снизу напоминали бледное брюхо личинки.

Астартес встал без посторонней помощи. Его уцелевший глаз, казалось, провалился в глазницу и остро поблескивал сквозь покрывшие лицо воина слои сажи. Астартес отшвырнул металлический костыль и стоял прямо, не обращая внимания на стекающий по ноге желто-розовый гной. От боли на лбу его выступили капли пота, но выражение лица по-прежнему было спокойным и бесстрастным.

— Император хранит нас, — негромко произнес он, когда отец и мальчик тоже встали, протирая слезящиеся глаза. — Мы должны сейчас стать быстрыми и незаметными, как охотники.

И трое отправились в путь.

Впереди них в небо взвился крик, как пламя ночного пожара. Вопль становился все пронзительнее, дойдя до предела того,

что могут выдать человеческие связи, а затем резко оборвался. Вместо него слышалось гудение, словно вдалеке завелся мотор и поехала тяжелая машина. А когда шум мотора стих, они услышали другой звук — бормотание, доносящееся сквозь сгустившийся дым и неестественную темноту. Голоса. Много голосов, слившихся в едином хоре.

Трое путников затаились в горящем доме. Со стропил на них сыпались уголки. Некоторые угольки с шипением падали на мокрую от пота спину Астартес, но тот даже не вздрагивал.

— Культисты, — сказал он, прислушавшись. — Они взывают к варпу. Какая-то церемония или колдовство.

Два его спутника уставились на воина, не понимая.

— Последователи Темных Сил, — объяснил он. — Их принудили к повиновению пыткой или обманом. А сейчас они послужат пищей для нашего оружия.

Астартес аккуратно отсоединил магазин болтера, пересчитал заряды и поцеловал холодный металл, прежде чем

вставить обойму обратно. Затем двойным щелчком передернул затвор, подготовив оружие к бою.

--- Сколько осталось до космопорта?

--- Мы почти уже там, --- ответил фермер.

Мужчина сжал плечо сына с такой силой, что костяшки его пальцев побелели.

--- Впереди дорога поворачивает направо. Там будет стена и ворота. Космопорт за стеной.

--- Сомневаюсь, что стена все еще стоит, --- сказал Астартес с трагическим юмором.

--- Сразу за воротами пост охраны и небольшие бараки для ополчения. А дальше, у диспетчерской башни, оружейная. Патроны, лазганы.

--- Лазганы, --- повторил Астартес с оттенком презрения. --- Я привык к чему-то потяжелее, дружище. Но имеет смысл это проверить. Нам надо усилить огневую мощь. С этого момента держитесь ближе ко мне, вы оба.

Воин вскочил на ноги и сорвался с места. Хромота была почти незаметна.

С потрясающей скоростью он добежал до конца улицы и скрылся в развалинах последнего дома справа. После секундного колебания отец и сын последовали за ним.

Астартес оказался прав. Стену снесло взрывом. Большая часть построек с этой стороны космопорта лежала в руинах, а посадочные площадки были изрыты огромными воронками и засыпаны обломками орбитальных судов всех мастей. На западе поднимались три высокие, покосившиеся башни. Вокруг них клубился дым, а в самих зданиях еще не утихли пожары.

— Посадочные капсулы Карателей, — сказал Астартес. — Мы уничтожили все три...

— Но осталась еще одна, — перебил его мальчик, ткнув пальцем в дым.

Фермер и космогесантник прищурились, глядя в дыму сквозь черную тень. Парнишка был прав. Четвертая, неповрежденная капсула виднелась на востоке, где посадочные площадки подверглись наименьшим разрушениям. По

трапам корабля спускалась пехота.

Лицо Астартес искадила ненависть.

--- Оказывается, мы с братьями потрудились не столь тщательно, как я думал. Мы должны передать сообщение твоей роде, а не то ваша планета все же попадет в лапы врага. Надо добраться до коммуникатора!

--- Он должен быть в диспетчерской башне, вон там, --- если, конечно, уцелел, --- сказал мужчина, кивнув на север.

Сквозь дымовую завесу слабо виднелся высокий белый столб и скучившиеся у его подножия постройки из серого пластобетона. Вражеской активности в том районе не наблюдалось, хотя трудно было сказать наверняка из-за дыма и сгущающейся темноты.

--- Тогда нам туда, --- просто сказал Астартес. --- Братья должны вернуться и очистить этот мир --- или им придется стереть его подчистую... Ложитесь!

Последние слова он прошипел.

Мимо промаршировал отряд вражеской пехоты. Странные, костлявые, наголо обритые люди с сильно

матюгированными лицами. На солдатах были глинные кожаные шинели, украшенные цепями, заклепками и чем-то подозрительно смахивающим на части человеческих тел. За плечами у пехотинцев висели лазганы. Проходя мимо, чужаки непрерывно болтали и хрипло взрыкивали.

— Ух речъ ранит мои уши, — пожаловался мальчик, потирая голову.

— Ух заразил варн, — пояснил Астартес. — Если мы не очистим это место, варн примется за остальных ваших соплеменников.

Воин поднял руку к ране, оставшейся на месте его глаза, и вновь уронил.

— Наго иди к башне.

Они бежали прямо в гущу вонючего дыма. У мальчика начала кружиться голова. Дышать стало трудно, а отдаленное бормотание культистов затуманивало мысли. Он заметил без и обнаружил, что стоит неподвижно, бесмысленно глядя в пустоту. Мальчиком овладело чувство, что он что-то забыл.

В следующую секунду его подняли в воздух и прижали к огромному, пылающему от лихорадки телу. Астартес подхватил его и на бегу сжал под мышкой свободной руки.

Из ниоткуда посреди дыма возникла группа бледных лиц. Прежде чем они успели хотя бы поднять оружие, Астартес уже атаковал. Пинком он сломал ребра первому врагу, и тот кувырком полетел в темноту. Взмахнув тяжелым болтером, как глубинкой, воин раздробил черепа двум другим, практически обезглавив их. Четвертый сумел выстрелить из своего лазгана — однако красный луч безвредно ушел в воздух, а Астартес, выронив мальчика, вцепился противнику в горло. Сжав кулак, он раздавил трахею человека и отшвырнул труп в сторону.

— Подберите оружие, — задыхаясь, приказал он фермеру и мальчику. — Гранаты, что-нибудь.

Согнувшись, Астартес закашлялся. Сгуб его сорвался сгусток темной жидкости и расплескался по пластобетону. Пошатнувшись, костомодесантник

выпрямился. Увидев, что его спутники
сняли с трупов два лазгана и связку
гранат, он кивнул.

--- Кто-нибудь наверняка заметил
лазерный выстрел. Если мы наткнется на
другую группу, не останавливайтесь ---
бегите дальше.

Они снова потчались к башне. Гигант
теперь заметно хромал и оставлял за
собой цепочку кровавых следов, но все еще
задавал невероятную скорость. Все, на что
были способны отец и мальчик,
задышавшиеся в зловонном аду горящего
костюмента, --- это не отставать.

Наконец впереди замаячил белый
столб дымчатерской башни --- и толпа
культистов у ее подножия. Те заметили
бегущие на них из темноты фигуры и,
завопив, открыли беспорядочную пальбу.
Воздух вспороли лазерные лучи.

В ответ Астартес остановился, упер
болтер в плечо и нажал на курок.

Он стрелял короткими очередями, по
два или три снаряда, не больше. Но когда
тяжелые снаряды поражали культистов,
те превращались в кровавое месиво.

Астартес прикончил восьмерых, прежде чем один из противников достал его лазерным выстрелом в живот. Космогесантник пошатнулся, опустив ствол болтера, но уже в следующую секунду снова поднял оружие и разнес в клочья попавшего в него культиста.

Отец и мальчик бросились на землю и тоже открыли огонь, однако лазганы приспешников Хаоса были громоздкими и неудобными в обращении. Выстрелы уходили в пустоту. Мальчик, повозившись со связкой гранат, вытащил одну размером с палец. На крышке узкого цилиндра была крошечная красная кнопка. Мальчик нажал на нее, а затем швырнул гранату в культистов. Звякнув о подножие башни, граната отскочила под ноги захватчикам. Один из них устоялся на снаряд, посеребрившись от ужаса, — и тут граната взорвалась, расплескав его красным кровавым пятном по белой стене башни заодно с тремя его товарищами.

Остальные дрогнули и бежали, быстро растворившись в сгустившейся темноте. Астартес упал на одно колено,

навалившись на болтер. Вторая рука костодесантника была прижата к черной сквозной дыре, которую лазган прожег в его торсе.

--- Думаю, вам снова пригодится мое плечо, --- сказал мужчина, помогая изувеченному гиганту подняться. --- Осталось уже совсем немного. Обопришь о меня, друг. Я доведу тебя туда.

Астартес выдал хриплый смешок, но ничего не сказал.

Дверь оказалась распахнута настежь. Панель электронного замка рядом с высокой стальной створкой была выворочена взрывом. Мужчина натеревался шагнуть внутрь, но Астартес удержал его.

--- Сначала гранату, --- просипел он.

Мальчишка швырнул в дверной проем другую миниатюрную гранату. Делая это, он улыбался, а когда прогремел взрыв, расстелся.

--- Я рад, что все считают это настолько забавным, --- сказал его отец, проходя внутрь.

В тесной комнатке в основании

баши обнаружилось два разорванных на куски тела. Там же был лифт, но мальчик напрасно давил на кнопки.

--- Нет электричества, папа, --- сказал он. --- Отключилось во всем здании.

--- Лестница, --- прохрипел Астартес.

--- Слушайте, --- сказал мужчина. --- Снаружи. Вы слышите?

Разноголосый шум: вопль, рвущийся из сотни глоток, пронзительные крики и утробное рычание. Звук становился громче.

--- Закройте дверь, --- рявкнул Астартес. --- Подоприйте ее, заклиньте --- сделайте все, что можете.

Они захлопнули тяжелую стальную дверь и завалили ее обломками перегородок и мебели. Астартес, вскрикнув от боли, вырвал из стены кусок железной трубы и обмотал ее вокруг дверных ручек. Секундой позже голоса зазвучали прямо за дверью, и на сталь обрушились удары. Гролыхнули выстрелы, пули зазвенели о металл.

--- Это их не удержит, --- пробормотал фертер.

Мужчина и мальчик поблестели. Потом, катившийся по их лицам, прочертил в саже светлые дорожки.

--- Вверх, --- нетерпеливо бросил Астартес. --- Мы должны подняться. Сначала ты, затем твой сын. Я буду прикрывать тыл. Если услышите какое-то движение впереди, начинайте стрелять и не прекращайте.

--- Мы здесь в ловушке, --- запинаясь, выдал мужчина.

--- Двигайтесь! --- рявкнул гигант.

Лестница винтом поднималась внутри башни. Они карабкались вверх в почти абсолютной тьме. Звук их дыхания эхом отдавался от пластобетонных стен справа и слева, а шаги глухо звенели на железных ступеньках. Астартес то и дело затыкал уши и прислушивался, а один раз велел им остановиться.

--- У кого-нибудь есть фонарь? --- спросил он.

--- У меня, --- ответил мальчик.

Раздалось жужжание, а затем вспыхнул бледный луч света, неверный и желтоватый. По мере того как мальчик

пружине подкручивал пружину, свет становился сильнее.

--- Хорошо, --- сказал Астартес. --- Отдай мне гранаты.

Костогесантник вытащил одну из связки и внимательно осмотрел.

--- Они во всем подражают нам --- эта сделана точь-в-точь по имперскому образцу. У таких гранат три режима: немедленный взрыв, отсроченная детонация и детонация при приближении к объекту. Самый распространенный --- отсроченная детонация, вот эта красная кнопка наверху. Поблагодари Императора за то, что ты выбрал именно ее там, снаружи. Для того чтобы переключиться на другой режим, надо повернуть головку цилиндра.

Астартес так и сделал.

--- Идите вверх.

Он поставил цилиндр на ступеньку, нажал на красную кнопку, а затем пошел за остальными. Сзади раздалось три еле слышных щелчка, и все стихло.

--- Следующего, кто подойдет к ней, ждет крупный сюрприз. Я только надеюсь,

что здесь нет крыс. Двигайтесь.

Они шли вдоль стены башни, ориентируясь по грожащему свету фонарика. В конце концов перед ними выросла вторая стальная дверь. Она была чуть приоткрыта, и из-за нее доносились голоса. Мальчик потянулся к гранатам, но Астартес его остановил:

--- Нам надо, чтобы коммуникатор остался неповрежденным. Держитесь позади меня.

Он пинком распахнул дверь. Загрохотал болтер, вспышки огня осветили стены --- а затем раздался щелчок. Магазин опустел. Взревев, Астартес прыгнул вперед.

За его спиной в дверь ввалились отец и сын. Вонь кордита, наполнившая комнату, заставила их закашляться. Они очутились в просторном круглом помещении, набитом мониторами и консолями. Огромные, во всю стену, окна открывали обзор на космопорт целиком. Три культиста валялись мертвыми, их кишки красными потоками расплескались по настенным консолям. На

противоположном конце комнаты кипела грандиозная битва. Удары сыпались градом, разлетались стулья, воздух наполнился осколками стекла. Астартес схватился с темной, закованной в броню фигурой почти с него ростом. Противники вцепились друг в друга и ревели, как два обезумевших буйвола. Отец и мальчик застыли на месте, забыв о собственных лапзанах.

Очередной удар швырнул Астартеса через всю комнату. Космогесантник врезался в толстое армированное стекло окна. От силы столкновения по нему побежали трещины. Противник Астартеса выпрямился, и от стен отразился его издевательский смех.

--- Братец-гесантник! --- проклекотал жуткий голос. --- Твой наряд не подходит для вечеринки! Где же твой голубой костюмчик, Темный Охотник? Неужели ты не видишь, что ошибся адресом? Этот мир теперь наш!

Говоривший был облачен в силовую броню, похожую на ту, что носил Астартес, но цвета выбеленной временем

кости, а поверх пластин выступала
эбеновая инкрустация — черный скелет. На
голове его был шлем, увенчанный гвүтя
гигантскими рогами. Из глазниц шлема
сочился тошнотворный зеленый свет. На
нагруднике чүговвищного воина красовалась
многолучевая звезда Хаоса, а в руке он
сжимал мономолекулярный клинок,
обазренный кровью.

— Сколько вас здесь осталось,
еретик? — выплюнул Астартес. — Мои
братья сотрут вас с лица этого мира, как
человек стирает дерьмо с подошвы
ботинка.

— Продолжай похваляться, калека, —
равкнул воин Хаоса.

Вытащив из кобуры болтер, он
прицелился в голову Астартес.

В ту же секунду отец и сын вскинули
лазганы и открыли огонь. Мужчина
промахнулся, но выстрел тальчишки
угодил в бок костюгесантнику Хаоса, чуть
ниже подмышки. Жүткая тварь взвыла от
боли и ярости и выронила клинок. Болтер
развернулся в их сторону.

— Что это такое, брат, — твои

ручные зверьки? Ум надо преподать урок.

Он нажал на спуск. Пистолет дернулся от отдачи, и удар тяжелого снаряда швырнул фермера на стену. Из его развороченной груди хлынула кровь. Воитель Хаоса шагнул вперед, продолжая стрелять. В стене появилась цепочка пробоин — Каратель пытался достать пальчика, который выронил лазган и на четвереньках заполз за стену с консолями. Опустевший магазин сухо щелкнул. Воин отбросил пустую обойму и потянулся за следующей на поясе.

— Этот мир кишит паразитами. Следует истребить их — до последнего вонючего пискунa.

— Согласен, — сказал Астартес.

Воин Хаоса крутанулся на месте, и сила удара заставила его пошатнуться. Он грохнулся на спину. Пистолет выпал из рук костодесантника Хаоса, а ладони зашарили по груди, из которой торчала рукоять его собственного ножа. Клинок пробил нагрудник и продолжал тонко, чуть слышно гудеть, вибрируя глубоко в грудной полости.

Астартес с разбитым, покрытым кровью лицом упал на колени рядом с поверженным врагом.

— У каждого из нас по два сердца, у тебя и у меня, — сказал он. — Такими мы были созданы. Нас сотворили во благо человечеству, чтобы принести в эту галактику мир и порядок.

Отбросив руки противника, он взялся за черенок ножа и вытащил лезвие наружу. Из раны брызнула тонкая струя крови, и воин Хаоса замычал от боли.

— Посмотри, сумею ли я найти твое второе сердце, — сказал Астартес и вновь погрузил клинок в грудь врага.

Парнишка выполз из укрытия и присел перед изувеченными останками своего отца. Расширившиеся глаза мальчика бессмысленно смотрели с грязного, заляпанного кровью лица. Он прикрыл отцу веки и сжал зубы, пытаясь подавить всхлип. Затем паренек встал и подобрал лазган.

Астартес лежал у стены в луже собственной крови. Рядом с ним

распростерся мертвый противник. Тело костогесантника стало прозрачно-бледным, а кровь текла из ран ленивыми струйками. Единственным глазом он взглянул на мальчика. Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

--- Помоги мне подняться, --- в конце концов сказал Астартес.

Мальчишка протиснулся за спину костогесантника и, поднажав, усадил его.

--- Твой отец... --- начал Астартес, но в этот момент снизу раздался глухой взрыв.

--- Граната, --- туго сказал мальчик. --- Они на лестнице.

--- Брось туда еще одну и запри дверь, --- велел Астартес. --- Когда закончишь, подай мне болтерный пистолет.

--- А в чем смысл? --- угрюмо спросил паренек.

Глаза его были красными и налились кровью. Он казался миниатюрным старичком, ссохшимся и покорным судьбе.

--- Делай то, что я говорю, --- сердито бросил Астартес и наградил мальчишку яростным взглядом. --- Пока мы живы, еще

ничего не кончилось. Ни для нас, ни для
твоего мира. А теперь бросай гранату!

Мальчик выглянул за дверь.

--- Кто-то поднимается по лестнице, ---
сообщил он.

Голос его теперь звучал спокойнее.
Нажав красную кнопку, он швырнул
гранату вниз. Та, зазвеневав, запрыгала по
ступенькам. Мальчик захлопнул тяжелую
металлическую дверь и загвинул засов.
Раздался еще один взрыв, на этот раз
ближе. Снизу послышались крики, пол
затрясся. Мальчик протянул Астартес
болтерный пистолет. Гигант сорвал
патронташ с мертвого десантника Хаоса,
вставил новую обойму и передернул
затвор.

--- Я нашел коммуникаторы, ---
крикнул парнишка с другого конца
комнаты.

Он дернул вверх и вниз несколько
переключателей.

--- По крайней мере, я так думаю ---
это похоже на комм, но не работает. Нет
электричества.

Астартес на четвереньках подполз к

мальчику. Из рта, носа и ушей костюгасантника текла кровь, а голос звучал так, словно доносился из-под воды.

— Да, это комм. Старая модель. Но без электричества все равно не работает. — Воин глубоко вздохнул. — Что ж, тогда это все.

Мальчишка, нахмурившись, пристально разглядывал мертвые лампочки консоли. Он даже не вздрогнул, когда в дверь диспетчерской затолотили, а за стальной створкой раздалось неразборчивое вопли и рычание, словно там бесновалась звериная стая.

— Электричество, — пробормотал паренек. — Но у меня... у меня есть электричество. — Его лицо оживилось. — Мой фонарик!

Мальчик вытащил фонарик из сумки со всякой всячиной у него на поясе.

— Я могу подсоединить его... подключить и заставить эту штуку работать!

Астартес подтянулся и сел в скрипящее кресло перед консолью.

— Неплохая идея, но ты никогда не

выдавишь достаточно мощности из своей ручной динамо-машины.

--- Должно быть что-то!

Они усталились на ряд потухших ламп и неработающих переключателей. Коммуникатор был старой рухлядью --- такие использовали лишь на самых отдаленных пограничных мирах. Уцелевший глаз Астартес сощурился.

--- Подключи свой фонарик и начинай заводить.

--- Но...

--- Просто сделай это!

Астартес дернул на себя деревянный рычажок, размещавшийся под консолью. В это время на дверь за их спинами обрушивался удар за ударом. Железный засов прогнулся. С лестничной площадки донесся хор свистков и взрыкиваний --- какофония, словно вырвавшаяся из горячего кошмара.

--- Иногда на таких мирах, как твой, люди держатся за самые устаревшие технологии, --- сказал Астартес. Костодесантник улыбнулся. --- Потому что они продолжают работать.

Из груды барахла, сваленного в ящике, он вытащил клубок проводов и небольшое устройство с кнопкой. Осмотрев прибор, Астартес положил его на стол и подключил к адаптерной розетке. В ту же секунду в устройстве вспыхнула маленькая зеленая лампочка.

--- Сделано на века, --- пробормотал костогесантник.

Закрыв глаз, он принялся выстукивать на приборе. Раздалась серия громких щелчков. Астартес построил частоту с помощью древнего дискового реле. Устройство чуть слышно треснуло.

Эти двое были настолько поглощены своим делом: мальчишка вращал ручку поскрипывающего фонарика, а гигант выстукивал что-то на таинственном приборе, --- что практически не обращали внимания на грохот и скрежет, доносившиеся из-за двери.

--- Он работает? --- спросил мальчик.

--- Сигнал передается. Код невероятно старый --- еще со времен древней Земли, но той орган по-прежнему ил пользуется и ценит за простоту. Код очень остроумный

и старше, чем сам Умперу́т. И все же он оказался долговечен, как и многие простые и остроумные вещи в этой вселенной. ---

Космогесантник остановился. ---

Достаточно. Теперь посмотрим, как тебя отсюда вытащить.

--- Отсюда нет выхода, --- возразил мальчик.

--- Выход всегда есть, --- ответил ему Астартес.

Развернувшись, гигант выстрелил в окно. Плексиглас треснул и осыпался ливнем осколков. Затем космогесантник сунул руку в ящик под консолью и вытащил большой моток медного провода.

--- Он разрежет тебе лапони, пока ты будешь спускаться, --- сказал воин, --- но ты должен держаться. Когда доберешься до земли, беги.

--- А вы?

Космогесантник улыбнулся:

--- Я буду на другом конце. А теперь вперед.

Дверь распахнулась, со звоном ударившись о стену. Из темноты

выступил огромный силуэт. За ними толпились другие.

Астартес лежал под плексигласовым окном, зиявшим пробоиной. Вокруг одного кулака воина обвилась поблескивающая проволока, уходящая в дынную пустоту за окном. Астартес оскалил зубы в устешке.

--- Что это вас задержало? ---
интересовался он у массивных, нагвизавшихся на него фигур.

Затем костодесантник поднял свободную руку и выпустил полную обойму из болтерного пистолета в незваных гостей. Комната наполнилась воем и крикатами. Двоих Карателей, шедших первыми, опрокинуло на пол.

Но за ними последовали другие. Завывающая толпа хлынула внутрь, поливая диспетчерскую огнем из болтеров. Тяжелые снаряды разнесли все в клочья.

Далеко от измученного тирка бездна костоса была абсолютно беззвучна и спокойна --- но в центре этого спокойствия расцветали крошечные венчики света. Белые и желтые, они существовали не

больше секунды, прежде чем недостаток кислорода прерывал их краткую жизнь. С расстояния — огромного расстояния — они казались миниатюрными и прекрасными: недолговечные жемчужины на черном полотнище трака. Однако вблизи все выглядело иначе.

В черноте висели корабли — гигантские сооружения из стали, керамики, титана и тысячи разных сплавов, построенные с расчетом на долгую службу и прочность. Созданные для разрушения, они походили на вознесшиеся в небо храмы, предназначенные для поклонения безумному богу, глиной в несколько километров, с бортами, оцетинившимися орудийными башнями и стрелковыми батареями. Вокруг них мельтешили суденышки поменьше, словно птички-мухоловки на шкуре носорога.

В одном из отсеков самого большого корабля выстроились гиганты, закованные в темную синюю броню. На головах у них не было шлемов, а по бледным лицам скользили отсветы далеких сражений, транслирующихся на экраны в передней

части комнат. Повсюду вокруг них трудились странные гибриды машин и людей. Сервиторы тихо бормотали над пультами, человеческие руки и конечности из разноцветной проволоки и стали уверенно выполняли работу. В воздухе висел аромат курений, к которому приешивался легко узнаваемый запах оружейной слязки.

--- Ты уверен, брат? --- спросил один из гигантов, не сводя глаз с разворачивающихся на экранах сцен побоища.

--- Да, капитан. Сигнал длился всего лишь около сорока пяти секунд, но его содержание не вызывает сомнений. Несколько моих комм-техников знают старый код, так же как и Agentus и Механикус. Он дошел к нам из древности.

--- И каково же содержание сообщения?

--- Одна фраза, повторяющаяся снова и снова. Капитан, эта фраза была «Umbra Sumus»!

После этих слов все собравшиеся вздрогнули и повернулись к говорящему. Все они были ростом под два с половиной

метра и носили темно-синюю броню. У всех на наплечниках белой краской был изображен символ двустрой секиры. Все они держали шлемы на сгибе рук, а болтеры в поясных кобурах.

--- Маргий, ты уверен? Именно это там и говорилось?

--- Да, капитан. Я трижды перепроверил. Сигнал был зарегистрирован и записан.

Капитан резко втянул воздух.

--- Девиз нашего ордена.

--- «Мы --- тени». Да, капитан. Ни один из Карателей никогда не произнесет этих слов: ненависть, которую они испытывают к Темным Охотникам, слишком велика. Я считаю, что один или более наших братьев послали сообщение с поверхности планеты. Он пытался связаться с нашим единственным доступным способом. Или предупредить нас.

--- Ты говоришь, сигнал оборвался?

--- Он был очень слабым. Может, он оборвался или мы вышли из диапазона передачи. Мы слишком далеко оттуда, чтобы просканировать планету. Сигнал

шел к нам почти десять дней.

--- Брат Авриил! --- рявкнул капитан. ---

Когда мы покинули планету, кто числился в без вести пропавших?

Еще один гигант шагнул вперед.

--- Брат Питер. Исчез бесследно. Мы бы продолжили поиски, но...

--- Но нам требовалось преследовать Карателей. Все правильно, Авриил. Я ни в чем вас не обвиняю. В то время погоня была первоочередной задачей.

Капитан вновь взглянул на огромные экраны. В пределах массивного нефа корабля царила почти полная тишина, не считая щелчков и бормотания дежурных сервиторов.

--- Других сообщений с планеты не поступало?

--- Никаких, капитан. Их инфраструктура оказалась практически полностью разрушена во время нашей операции, и даже до того это был крайне отсталый мир. На всю планету один костопорт и несколько суборбитальных кораблей.

--- Да-да, Авриил. Я в курсе

параметров операции.

Капитан нахмурился. Кружки металла на его лбу почти скрылись в складках покрытой шрамами кожи. Наконец он поднял глаза.

— Здесь мы все почти завершили. Флотилия Карателей потрепана и находится на грани уничтожения. Как только мы покончим с последними из их штурмовых кораблей, разворачивается и берет курс на Перрекен.

— Возвращается? — усомнился один из Астартес. — Но прошли уже недели. Если это был Питер...

— Аврил, — перебил его капитан, — сколько, по твоей оценке, займет перелет к планете?

— На самой большой скорости около тридцати шести дней, капитан.

— Храни нас Император — для брата-костодесантника, оставшегося в одиночестве, это долгое время, — пробормотал один из Астартес.

— Мы делаем это не только ради нашего брата, — сказал им капитан. — Если на планете осталось хоть малейшее

нятно Хаоса, ты должны выжечь его, или нашу миссию в этой системе можно считать полностью провалившейся. Мы возвращаемся на Перрекен, братья, --- во всей своей мощи.

* * *

Церемония почти завершилась. Культисты и их чемпионы в течение недель плясали, молились, пели и плакали. Теперь их деятельность должна была принести плоды. Но пластобетонные посадочных площадок растеклось темное пятно --- но не ожог, не след энергетического орудия или бомбовая воронка. В границах пятна земля вздувалась пузырями, как сун, забытый на плите. Почва кипела и скрежетала, покрывалась трещинами, и по беспокойной поверхности плавали куски пластобетона. Пение культистов достигло новой высоты, едва внятной человеческому слуху. Сотни фанатиков собрались вокруг бурлящего,

оскверненного клочка земли.

--- Не открывайте огонь, пока я не дам команду, --- сказал мальчик, и его приказ передали вдоль цепи.

В воронках к востоку от костюпортного множество мужчин и женщин скорчилось под прикрытием куч щебенки. Это была разношерстная компания оборванцев, гибнущих под весом патронной и оружия всех сортов и размеров --- как современного и ухоженного, так и старинного, основательно потрепанного. Когда-то --- казалось, очень давно --- они были мирными жителями, гражданами. Но теперь этого понятия на Перрекене не существовало.

Чернобородый мужчина, лежавший рядом с мальчиком, нервно покусывал ноготь.

--- Если мы ошиблись, сегодня всех нас ждет смерть? --- сказал он.

--- Вот поэтому я не ошибся, --- ответил мальчик.

Обернувшись, он пристально взглянул на товарища --- и чернобородый отвел глаза, не в силах выдержать его взгляд.

Прошло почти три месяца с тех пор, как мальчик соскользнул по проволоке, сжатой в руке мертвого костогесантника. За это время он вырос, стал шире в плечах --- но при этом выглядел еще более изможденным. От голода и усталости щеки его ввалились, а в глазах застыло выражение человека, слишком много повидавшего на своем веку. Несмотря на молодость, никто не оспаривал его лидерство. Соратники как будто признали, что в этом пареньке есть что-то особенное, чего нет ни в одном из них.

В руках мальчик держал болтер Астартес. Лежа в воронке, провонявшей потом и страхом, он опустил голову и поцеловал изображение двуглавого орла на стволе. Затем, порывшись в холщовом мешке у себя на поясе, парнишка вытащил клубок проводов и небольшую контрольную панель. На мощной батарее, оставшейся в мешке, горел зеленый огонек.

--- Передай сигнал, --- велел он чернобородому. --- Время пришло.

Его товарищ начал выстукивать на древнем устройстве.

--- Да улыбнется нам сегодня
Император, --- пробормотал он. --- И да
прибѣдут его Ангелы вовремя.

--- Когда Астартес обещают что-то
сделать, они это делают, --- сказал
мальчик. --- Они дали слово. Они придут.

---

* * *

На посадочном поле культисты
плясали, топали ногами и визжали, доводя
себя до полного неистовства. Некоторые из
извивающихся в бешеном танце фигур
раньше были мелкими фермерами,
кузнецами и торговцами --- грузьями и
соседями оборванных партизан, залегших в
бомбовых воронках к востоку от шабаша.
Теперь они стали собственностью Темных
Богов --- почитателями тех, чья сила
коренилась в варне. Варн довел
культистов до молитвенного транса и
питался их поклонением и кровавыми
жертвами. Участок земли, который они
окружили, потемнел еще больше. Почва

вздымалась черными пугающими и
колыхалась, будто варево, кипевшее на
невидимом, но жгучем огне.

И в глубине этого булькающего котла
что-то шевельнулось. На какую-то секунду
оно прорвало поверхность, словно
рассекающий море плавник гигантского
кита. Земля взлетела фонтаном, как
будто пыталась ускользнуть от того, что
ворочалось под ней. Культисты впали в
экстаз. Они валились ниц и вопили до тех
пор, пока кровеносные сосуды у них в
глотках не рвались и их жизненная
субстанция не изливалась наружу. Поодаль
от края пятна закованные в броню
четионы Хаоса топали и стучали
силовыми мечами по нагрудникам. Над
ними могильным саваном сгущалась тьма.

Мальчик лежал неподвижно,
наблюдая за происходящим. Ненависть и
страх исказили его лицо. Вдоль цепи
раздался ропот: соратники мальчика
вскинули оружие к плечу. Некоторые
поджигали самодельные бомбы, другие
проверяли магазины винтовок. Все они
были истощены, измотаны и плохо

вооружены, но поддерживали железную дисциплину в ожидании приказа своего юного лидера.

«Это сделал я, -- подумал мальчик. -- Я сделал их такими. Я на это способен».

Сейчас он с трудом мог вспомнить те времена, когда был просто деревенским мальчишкой, живущим на зеленой планете под голубым небом, когда было в достатке свежей пищи и чистой воды. Даже своего отца он почти не помнил. Тот мальчик, у которого был отец, остался где-то позади. Все, что он знал сейчас, -- это бесконечные, окутанные дымом развалины, постоянный страх, вспышки насилия, кровь. И лицо Астартес, который погиб, помогая ему выжить. Этого он забыть не мог.

Он не мог забыть момента чистой неугрожающей радости и облегчения, когда обнаружилось, что найденное им в городе древнее коммуникационное устройство работает -- как и то, что они обнаружили в диспетчерской башне. Когда первое сообщение -- серия щелчков и потрескиваний -- пришло с корабля, находящегося на другом конце их звездной

системы, это было словно благословение
самого Бога-Императора. Это оказалось
достаточно, чтобы пробудить надежду и
набрать добровольцев из числа выживших.
Они жили не лучше крыс, питаясь
объедками, неделями и месяцами
скрываясь в руинах их мира. До нынешнего
дня. Сегодня они встанут с колен и вернут
планету себе.

Таков был план.

Мальчик погнулся на ноги как раз в
ту секунду, когда подключенное к
батареике устройство в его мешке выдало
серию резких щелчков -- последнее
сообщение.

Входящее сообщение.

Мальчик улыбнулся.

-- Открыть огонь! -- крикнул он.

И вокруг него разверзлась преисподняя.

Пение культистов оборвалось. Они
принялись оглядываться -- вырванные из
транса, потрясенные, взбешенные. Первый
залп прикончил почти сотню. Затем
оборванные партизаны следом за
мальчиком выскочили из воронок и
потчались по растрескавшейся

пластобетону посабочного поля, стреляя на бегу и крича во всю глотку.

Кольцо культистов разорвалось -- его разметала сила атаки. Но к западу, у посабочных капсул, столпились еще сотни агентов Хаоса. Они взвыли от ярости и ринулись на восток, чтобы встретить нападавших.

Мальчик опустился на одно колено. Хладнокровно выбирая цель, он выпускал в каждого противника два или три заряда. Цепь врагов рассыпалась. Культисты были обескуражены и растеряны -- однако чемпионы, находившиеся в их рядах, быстро восстанавливали дисциплину. Чемпионы расстреливали тех, кто поддавался панике, а остальным ревели приказы держать оборону.

«Сейчас, -- подумал мальчик. -- Это должно случиться сейчас».

В небе над космопортом вспыхнули ослепительные огни. Их свет пробился даже сквозь плотный дым и вечную ночь. Затем воздух содрогнулся от ужасного грохота.

В фонтане земляных котьев и

осколков бетона на поле обрушился колосс — высотой в десятки метров, покрытый темно-синей краской и со знаком двусторонней секеры, изображенной на многогранных бортах. Культисты полетели вверх тормашками от силы удара. Следом за первым кораблем появился еще один, и еще, и еще два. Казалось, на землю швырнули несколько огромных железных замков.

С металлическим скрежетом распахнулись глинные люки по бортам гигантских пришельцев, словно лепестки распускающегося цветка. Люки ударились о землю и зарылись в бетон, расщепляя катки и погребая под собой визжащих культистов. Люки стали трапами, и по ним вниз устремилась армия — отряд за отрядом закованных в броню воинов, расчищавших дорогу болтерами, телтаганатами, плазменными винтовками и реактивными гранатометами. В их рядах шагали могучие гредноуты, которые хватили культистов когтистыми клешнями и отшвыривали прочь, как ненужное тряпье. На ходу гредноуты извергали огонь, испепеляя агентов

Хаоса, — плоть фанатиков под госпехами
вскипала, превращая их в черные
растрескавшиеся статуи.

А над их головами бомбардировщики
обрушивали свой смертоносный груз на
пятно скверны, которым прислужники
Хаоса изуродовали лик планеты. Когда
бомбы взрывались, пламя разрывов
освещало нечто огромное и чудовищное,
бьющееся в последней агонии. Устои
завывая, оно погружалось под пластобетон,
словно тонULO в глубинах озера. Ракеты
вбили его в землю — и вскоре почерневшая
площадка вновь стала твердой, а пятно
превратилось в обычную воронку из
обугленной почвы и камня. Проклятие было
снято прежде, чем вступило в силу.

Мальчик стоял, сжимая в руках
забытый болтерный пистолет. Он
смотрел на бьющий огненный шторм —
картину, подходящую для конца света. Он
чувствовал, как бомбовые разрывы
толчками отзываются в его легких, как
потрескивают от жара волосы на его
голове, — но ему было не до того. В глазах

мальчика блестели слезы. Он видел гибель тех, кто разорил его дом, и в мозгу его билась одна-единственная мысль.

Мальчик смотрел на массивные, устрашающие фигуры приближавшихся костодесантников и думал: «Это я. Это то, чем я хочу быть».

Так Темные Охотники оргена Агентус Астартес вернулись на планету Перрекен, чтобы спасти мир и вернуть останки одного из братьев.

К. С. Гомо ИСПЫТАНИЕ ВОИНОВ- БОГОМОЛОВ^[9]

Во мраке висела тонкая световая
дымка, отчего сводчатая комната
казалась наполненной призрачной и
недоброй жизнью. В полутьме плясали
пылинки, смешивая тени и
интерференционные полосы. С вершины
купола падал единственный сноп света,
целя точно в вырезанного на палубе
золотого имперского орла. В сиянии этого
столпа истины остальная часть зала
меркла, растворялась в густых тенях,
скопившихся по краям очерченного
стенами круга. В тенях чуждились
очертания суровых лиц. Глаза магистра
ордена Неотеры, стоявшего между
крыльями двуглавого орла и словно
затворенного в световую колонну, горели

непреклонной решимостью и неверием. Как могло дойти до такого?

Осанка магистра, невзирая на унижение, оставалась горделивой. Неотера смотрел прямо вперед, не показывая вида, что прислушивается к обвинительному шепотку, проносящемуся по темным закоулкам Совета Правосудия. Стоя в луче света, придававшего его доспехам блеск отполированного изумруда, он не видел лиц призрачных судей. Но все равно магистр их узнал. Они не могли изменить голоса, да и не пытались. Это был суд чести, и темнота служила не для того, чтобы скрыть от магистра участников судилища, а скорее для того, чтобы помочь ему самому спрятать свой стыд. Неважно, кем были они, — важно, кем был он и что он сделал.

На магистре ордена Воинов-Богатолов не было оков — никто не опасался, что он попытается ускользнуть от судьбы. Шлем Неотера держал подмышкой, так что его глинные черные волосы свободно рассыпались по плечам. Узоры затейливых татуировок обвивали

его шею, а бледно-голубые глаза магистра
в луче света мерцали акватарином. На
боку Неотеры висел Метасомата ---
почитаемый, искусно изогнутый клинок,
известный в Регионах Религиоза как Яг
Тамула. Меч, казалось, чуть подрагивал,
переняв напряжение и жесткий
самоконтроль своего хозяина, чьи пальцы
затерли всего в нескольких миллиметрах
от рукоятки. Среди преданий Легиона
Богатола лишь сага Маэтра «Основание
Богатолов» могла сравниться с величиет
«Очищения Мордрианы». Легенда гласила,
что Неотера очистил джунгли
наводненного захватчиками родного мира
так, как делали это прежде: без доспехов,
лишь с мечом за спиной и верой в сердце.

Члены Совета были хорошо знакомы с
магистром и признавали в нем Астартес
несравненной чести. Им ни к чему было
опасаться его смертоносного клинка или
прославленного мастерства в бою на
мечех. Многие сражались на его стороне в
предыдущих кампаниях, и не один из них
был обязан ему жизнью. Автоматиче-
встроенные в стены как тера

предосторожности против преступников, буйных убийц или безумцев, были деактивированы. И все же, несмотря на все это, великий Неотера стоял сейчас перед судьбами как пленник. Они могли видеть его взгляд, устремленный прямо вперед, твердый и непоколебимый. Магистр не пытался оскорбить судей своим вниманием, пока ожидал их приговора по обвинениям в измене и бунте. Он ждал, уже готовый умереть по их слову и вынести свой позор на суд самого Императора, готовый искупить грехи своих боевых братьев в очистительном огне. Никто другой не понесет наказания за его преступления.

— Вам нечего сказать, магистр Неотера?

— Неужели вы ничего не скажете?

Безликие голоса, доносящиеся из теней, были суровы, однако Неотера уловил звучавшее в них сочувствие. Он знал, что многие из Совета хотели бы понять то, что он совершил. Они желали, чтобы подсудимый объяснился, — как будто объяснение могло хоть что-то изменить.

В Совете были и те, кто некогда звал его братом, кто последовал бы за ним даже в глубины Мальстрима, неся праведный гнев Императора в самое сердце Хаоса. Они видели, как ядовитое лезвие Метасоматы рассекает трак миров, потерявшихся на крошке Мальстрима. Они хотели бы верить, что у его падения есть причина, что его сломала некая необоримая магия, что он уже не тот космогосантник, каким был прежде. Они желали обрести в его объяснении часть бывшего Неотеры — человека или легенды о нем, которую можно было бы сохранить для архивов или хотя бы для их собственного душевного равновесия. Но их сострадание обесценивалось страхом — страхом, что такого объяснения не существует, что другие поддадутся искушению и сделают тот же выбор, какой сделал он. Они боялись, что с Неотерой ничего, в сущности, не произошло. Что на его месте мог бы оказаться любой из них.

Страх ведет к отрицанию. А отрицание вызвало гнев, прозвучавший в их словах:

— Ты настыхаешься на Советом.

Воин-Боготол?

--- Ты считаешь, что мы недостойны твоих речей?

--- Неужели даже сейчас ты осмеливаешься презирать нас?

Голоса и мысли кружились вокруг него, испытывая его гордость, соблазняя нарушить молчание и вступить в спор. Следователи-псайкеры вторглись в его разум, вызывая головокружение и тошноту. Душа Неотеры возопила в гневе и ужасе, требуя, чтобы он обрушил негодование на своих обвинителей, и одновременно утешая их прекратить расспросы и просто вынести приговор. Ему нечего было и отвечать. Слова не могли ничего исправить.

Своим молчанием магистр не пытался еще больше оскорбить это благородное, окутанное сутраком собрание. Он также не хотел, чтобы его втянули в спор. Его преступления были выставлены на всеобщее обозрение; он ничего не отрицал. Он не собирался ухудшать и без того скверное положение своих боевых братьев или подвергать испытанию честь Воинов-Боготолов, ввязавшись в

никчемную перепалку. Неотера — Agentus
Астартес, один из избранных слуг
Императора, так что дешёвые словесные
игры рабов, арбитров и инквизиторов были
не для него. История сурово осудит его за
сезоняшнее молчание, но никто не мог
осудить магистра строже, чем он сам.
История волновала его меньше всего.
Неотера оставил всякую надежду на
благополучный исход: он предпринял шаги,
после которых нет возврата, и не
опозорит свое имя попытками вымолить
прощение. Он принял свое проклятие, так
что осуждение этого благородного
собрания его не пугало. Когда падение
началось, впереди остаются лишь пламя и
меч.

- - - Твои преступления столь
чуждовищны, что у нас нет им объяснения.

--- Вы должны поточь нам понять,
магистр Богомолв.

--- Неужели ты ничего не скажешь,
Неотера? Ты не хочешь поточь нам?

--- Если вы продолжите молчать, мы
не сможем проявить милосердие.

Последовала долгая, томительная

наұза — сұдыи ожидали без надежды
услышать ответ. Слушание длилось уже
три дня, и Воин-Боготол все еще не сказал
ни слова, за исключением подтверждения
своего имени и ранга в тот день, когда
впервые предстал перед Советом. Он даже
не воспользовался правом узнать, кто его
обвинители, магистры и старшие
библиари каких великих орденов
составляют Совет Правосудия. За все три
дня он не пошевелился. Не дрогнул палец,
не дернулось веко, а широкие изумрудные
наплечники церемониального доспеха
покрыл тонкий слой пыли. Он казался
статуйей, образцом безупречного и
преданного воина. Тем не менее он стоял
перед трибуналом, который не собирался
уже в течение столетий, лишенный
защиты от обвинений или надежды на
освобождение. Он был виновен.

В последние три дня он погрузился в
себя. В его голове постоянно крутился один
и тот же вопрос, не имевший ни
малейшего отношения к тому, чего
допытывались сұдыи.

Как до этого дошло?

Вопрос преследовал Неотеру, словно впился в самую ткань его бытия. Он был совершенно уверен в себе. Он был прав. И все же как до этого дошло?

Не в первый раз за свою долгую и суровую жизнь Неотера осознал, что его душе присуща фанатичная целеустремленность и бездугная преданность Богомолв Религиоза. Он чувствовал, как легко будет отбросить последние остатки самосознания -- до сих пор приносившие лишь вред -- и целиком раствориться в ослепительном и ужасающем величии Императора. Религиоза теряли себя и обретали спасение в Императоре, сменяв человеческие потребности на абсолютную верность Имперской Воле.

Бесстрашный и благочестивый капитан Маэтр из Второй роты лишь недавно обнаружил возможный источник этой особенности некоторых Воинов-Богомолв. Он предположил, что это как-то связано с уникальной мутацией преотнора в геносемени ордена и, как следствие, с изменением его

нейротоксической активности. Однако
Маэтр не считал это проклятием,
обрекавшим его жертвы на жизнь,
состоящую из бесконечного и фанатичного
служения, -- нет, он утверждал, что это
награда за преданность. Усиленная
концентрация и сжатое восприятие
пространства и времени, сопровождавшие
подобное состояние, обостряли рефлексы
костогесантников до невероятной степени
-- вплоть до того, что можно было бы
назвать предвидением. В течение
последних военных лет Маэтр уговаривал
Неотеру создать специальное
подразделение костогесантников,
способных контролировать это
благословенное проклятие. Капитан
считал, что подобные меры могут
склонить чашу весов в пользу Воинов-
Боготолов в их казавшейся бесконечной
войне со Звездными Фантомами и
Новогесантом. Маэтр хотел назвать их
Молящимися Боготолами, однако
затянувшаяся кампания довела орден
практически до предела -- и в конце концов
до сокрушительного поражения, -- так что

Неотера не смог представить Маэтру
нужных для этого предприятия воинов.

Неотере хотелось закрыть глаза,
отдавшись на волю сожалений и отчаяния.
Как же до этого дошло?

Почти невозможно было
противостоять искушению предаться
этому неистовому свету. Он ощущал
подобное и прежде. Это состояние
помогало ему выбраться и из более
отчаянных ситуаций, чем нынешняя. На
краткий, но ужасный миг Неотера задался
вопросом: позволит ли окутавшая его
дымка боевого безумия обрушить Яг
Тамула на сидящих перед ним судей? Их
было только двенадцать — раньше он
побеждал и при худших шансах. Возможно,
это они согрешили против Императора?
Возможно, правда была все же на его
стороне и его святая обязанность состояла
в том, чтобы поразить этих еретиков и
лицемеров, остелившихся творить наг
ним суд.

Однако со следующим ударом сердца
минута слабости прошла. И без того
обремененная душа магистра согрознулась

от тяжести ужасного стыда. Неотера узнал, что был не прав, что развязанная им война против слуг Империи явилась ошибкой, что его собственное суждение оказалось неверным и что его падение навлекло позор на всех Воинов-Боготолов. Он, и он один, должен принять на себя всю ярость, боль и стыд. Попытка уцепиться за слабую надежду, что он был прав, а вся Имперская доктрина ошибочна, лишь добавляла вопиющую гордыню к списку его преступлений. Магистр не мог даже допустить подобной идеи — она подрывала самые основы его существования.

Запертый в пределах собственных мыслей, Неотера ощущал, как преступления его растут, а душа стонет от боли. Но собравшись в зале он казался воплощением выдержки и самоконтроля. Взгляд магистра был немигающим, а дыхание едва различимым. Уверенность в собственной вине укрепила его решимость, и он чуть заметно стиснул зубы.

Как до этого дошло?

В то время как глаза Неотеры, немигая, смотрели на аквилу, его разум

тщательно пытался отыскать ответы. Маэстру не нужны были объяснения для Совета, но какая-то часть его желала знать, когда именно все пошло не так. Как он этого не заметил?

Неотера осознал, что Маэтр первый разглядел правду. Проницательный капитан отправил Неотере сообщение как раз перед тем, как Звездные Фантомы прорвали защитные баррикады вокруг Багаба. Когда десантные капсулы фантомов обрушились на Терновый Дворец, Маэтр уже знал, что сердце Гүрона черно и исполнено скверны Хаоса. Неотера в это время отчаянно удерживал позиции на своей боевой барже, вступившей в смертельный поединок с коалицией Астартес. Коалиция напала на орден Астральных Когтей, возглавляемый командором Гүроном. Неотера увидел, как Маэтр нарушил строй и обратил оружие своего крейсера «Мятежный дух» против кораблей в рассыпающихся оборонительных порядках Гүрона. Маэтр направил огонь на союзников. Расколов формацию Воинов-Боготолов надвое и присоединившись к

болбардировке Звездных Фантомов, он
пробил коридор для десантных капсул.
Неотера был способен лишь орать в
негодование, проклиная нарушителя
приказов и предателя. Даже тогда
магистр не понял правды. В горячке
сражения Маэтр ничего не стал
объяснять. Он просто сказал, что «полагал,
будто магистр Неотера поступит так
же». В конце концов, когда собственный
крейсер лорда Гүрона выскочил из
атмосферы и прорвался сквозь блокаду
Экзорцистов, до магистра что-то начало
доходить. С медленно пробуждающимся
пониманием он смотрел, как Маэтр
направил «Мятежный дух» в погоню и ушел
в Мальстрим, паля из всех орудий вслед
убегавшему тирану. Тогда, и только
тогда Неотера понял, что совершил. Его
охватил невыразимый ужас — словно сама
галактика исчезла, оставив его в
одиночестве на руинах. Он упал на колени
и обратил глаза к небесам, чтобы узреть
вечный, ослепительный свет Императора,
но увидел лишь тьму.

Посадочный пандус грянулся о землю, выбив из лунной поверхности огромное облако пыли. Окруженный грязноватой пылью, Шайган стоял на пандусе и изучал обстановку. Посох Богомола с выгнутыми устрашающими лезвиями он держал прямо, чуть отведя руку в сторону. Шайган не был здесь с тех пор, как его посох отковали в одной из тайных и полузаброшенных кузниц в ядре спутника. Но не такого возвращения он ожидал.

За кроткой кратера, служившего убежищем для его «Грозового ястреба», Шайган заметил штрихи болтерного огня и вспышки энергетических разрядов. Пыльные облака дрожали от взрывов, а земля ходила волнами, словно серая поверхность океана. Гигантские пороховые султаны врывались в разреженную атмосферу, скрывая звезды и отмечая болбовые попадания за сильно выгнутым горизонтом. Отряды космогесантников укрепились в импровизированных бункерах справа, взяв в осадное кольцо невидимую отсюда базу Астартес, находившуюся слева, в пещере у подножия горы. Над

иконами в безвоздушной атмосфере
сотрясались от взрывов штандарты ---
поле, разделенное на четверти синего
цвета и цвета слоновой кости. Ясно были
видны хоругви с двенадцатиконечными
звездами Новагесанта, гордо и дерзко
воздвигнутые на этом куске скалы,
вращающемся вокруг Багаба.

Пока его корабль спускался к
поверхности спутника, Шайган быстро
нашел замаскированный вход в пещеру ---
взорванный в скалах проход к жерлу одного
из тех вулканов, которые усеяли темную
сторону Луны. Несмотря на усилия
Астральных Когтей сохранить в тайне
местоположение своей базы, острые глаза
Шайгана заметили тусклые красные огни
и колебание горячего воздуха, струящегося
из устья пещеры. Туннели спускались
прямо вниз, к заполненным магмой
полостям в центре вулкана, в течение
веков служившим источником энергии для
базы и расположенной под ней шахты.
Затем коридоры уходили еще ниже, к
самому сердцу Луны и ныне заброшенным
шахтам. Библиарий Боготолов с давних

лет полнил лабиринт переходов,
заполненных красными тенями. Теперь из
устья пещеры вырывались оружейные
залпы, превращая ее в пасть огнедышащего
дракона, выползшего из древних и
пламенных недр. Огонь освещал вход в
засекреченную базу, как луч маяка.

Три отделения Воинов-Боготолов
высидились из «Громого ястреба», обходя
Шайгана с двух сторон и перестраиваясь в
шеренгу у крошки кратера. Когда сам
Шайган сошел с трапа вслед за
ногосантниками, двигатели
«Громого ястреба» взревели. При взлете
боевой корабль сделал разворот, чтобы
прикрыть Воинов-Боготолов огнем
основных батарей. Гигантские струи огня
вырвались из лазушек «Ястреба» и
тяжелых болтеров. Земля вокруг
окопавшихся Ногосантников, осаждавших
базу, взметнулась фонтанами, вынуждая
бойцов нырнуть в укрытие. Это дало
Воинам-Боготолом достаточно времени,
чтобы пересечь кратер и начать атаку.

Когда Шайган перебрался через
крошку кратера, игнорируя проносящиеся

наг головой нити болтерного огня, он
увидел, что Воины-Боготолы уже
перестроились в боевой порядок. Они
прибыли на эту маленькую Луну для
встречи с союзниками из ордена
Астральных Когтей, которые уверили
солдат Шайдана, что Багаб Прим
практически не привлекает внимания
вражеской коалиции. Еще на «Мятежном
духе» капитан Маэтр отнесся к этим
известиям с характерной для него
подозрительностью и выделил Шайдану
для сопровождения три
тяжеловооруженных отделения, чтобы их
не застали врасплох из-за наивности или
чрезмерной самоуверенности союзников.

Какое-то время Шайдан наблюдал за
тем, как отделение опустошителей
приспосабливается к низкой гравитации,
прежде чем открыть огонь из реактивных
гранатометов и плазменных пушек.
Присоединившись к бомбардировке и
лазерным залпам «Грозового ястреба»,
опустошители превратили
импровизированные баррикады
новодесантников в мешанину из пламени и

бүшүүщээр энэрги. В то время как яростный поток бичевал вражеские ряды, двa отделения Боготолов-штүрмовиков оторвались от земли. Из их прыжковых ранцев вылетели струи пламени, и воины со свистом понеслись над лунной поверхностью, поливая противника залпами болтерного огня и швыряя гранаты в траншеи, прорытые за баррикадами. В разреженной атмосфере штүрмовые отделения двигались со сверхъестественной скоростью. Уже через секунду они оказались над потрепанной линией осаждавших.

Но что-то было не так. Атака Воинов-Боготолов прошла гладко, как по писаному: они обрушились на порядки Новадесанта внезапно и с сокрушительной силой и сейчас должны были уже завершать схватку. Вместо этого, над театром военных действий повисла странная тишина. Отделения штүрмовиков парили над баррикадами. Болтеры космодесантников молчали, и ценные мечи оставались в ножнах.

Со своего места на краю кратера, где

они совершили посадку, Шайган увидел, как сержант Треомар из первого штурмового отделения нырнул в невидимую отсюда траншею. Несколько секунд спустя он вновь появился над баррикадой. Без усилий паря в воздухе, сержант развернулся к Шайгану. Вокс в воздухе библиария зашипел:

--- Библиарий Шайган, окопы покинуты. Предатели-новадесантники бежали.

Развернувшись на каблучках, Шайган немедленно осознал, что произошло.

--- Шахты! Луна изрыта туннелями, пролегающими прямо под поверхностью. Они ушли в шахты!

Пока он говорил, в кратере у него за спиной в небо взвился гигантский столб пыли --- прямо под зависшим на небольшой высоте «Грозовым ястребом». Шайган увидел, как в земле внезапно появилась дыра, из которой вырвалось отделение новадесантников. Их болтерные пистолеты ревели, а мечи яростно рубили воздух. Развернув свой силовой посох и встретившись обратно в кратер, чтобы

проследить за перемещениями
противника, Библиарий заметил другую
группу новадесантников. Эти тащили
реактивные гранатометы и продвигались
следом за авангардом. За ними из пыли
показались громоздкие очертания
«Громобоя» и силуэт управлявшего им
технодесантника. Против воли Шайган
вынужден был признать, что восхищен
планом новадесантников и его
безукоризненным исполнением.

Несколько широких шагов и один
прыжок — и Шайган оказался в самом
сердце группы новадесантников. В ту же
секунду Носох Богомола полыхнул
энергией. Библиарий взмахнул им по
широкой дуге, вспоров живот первого из
противников одним из лезвий, в то время
как вырвавшаяся из руки Шайдана молния
впилась в шлем второго новадесантника.
Оба врага отшатнулись, пытаясь
избежать атаки. Их тела обмякли и,
отлетев, врезались в строй боевых
братьев. Новадесантники отшвырнули
трупы и поспешили занять их место
между Библиарием и карабкающимся из

дыры отделением опустошителей.

В эту секунду над краем кратера с ревом появились Богомолы-штурмовики, вернувшиеся от покинутых баррикад на равнине. Они открыли огонь из болтерных пистолетов, но гранаты метать опасались, пока Шайган оставался в центре схватки. Однако новогесантники быстро сориентировались в ситуации. Они поспешно установили «Громобой» на гусеничную платформу, и четыре ствола пушки нацелились на возмущенную стену кратера. На краткую секунду стволы орудия окрасились пламенем — и все стихло. Какое-то мгновение казалось, что пушка дала осечку. Однако уже в следующий миг земля содрогнулась, словно спутник скорчился от боли, и сокрушительный подземный взрыв разнес стенку кратера и ландшафт за ней.

Земляная насыпь, окружавшая кратер, пошла трещинами и обрушилась под зависшими над ней штурмовыми отделениями Богомолы. Равнину, где оставались Богомолы-опустошители, рассекли гигантские разломы, мгновенно

поглотившие трех костомогесантников. В
воздух взвились облака пыли, а из
заполненных магмой полостей в глубине
вулканов ударили струи лавы.

Под прикрытием «Громобоя»
ракеты выпустили залп. Снаряды
попали в брюхо маневрировавшего
«Громого ястреба», который пытался
выбраться из кратера. Ракеты
безжалостно били в обшивку корабля,
поражая одну и ту же точку рядом с
двигателями. Броня не была
предназначена для такого яростного
обстрела с близкой дистанции. Шайган
заметил, как по агамантию побежала
трещина. Следующий залп пробил
пластины брони и ударил в двигатель.

В течение доли секунды, мучительной
секунды «Ястреб» сотрясала дрожь. Затем
он дал крен. Из хвостовой части корабля
показались клубы дыма. Между
растрескавшимися пластинами брони
появилось пламя. Корабль резко завалился
набок. Мгновенно потеряв высоту,
«Ястреб» врезался в спутник сразу за
кратером, рухнув неподалеку от отряда

Боготолов-опустошителей. От удара поверхность, уже дестабилизированная взрывами, согронулась и начала проваливаться внутрь. Какую-то долю секунды «Громовой ястреб» покачивался, пытаясь обрести опору, но затем земля под ним расступилась, и корабль полетел вниз, в текущий на стометровой глубине лавовый поток. Вместе с ним исчезла половина уцелевших опустошителей. Когда корабль погрузился в бушующую реку пламени, оболочка реактора окончательно расплавилась. Прогрел взрыв, и «Громовой ястреб» превратился в пылающий огненный шар.

С мостика «Мятежного духа» казалось, что атмосферу Багаба охватил огонь. Планета пылала, словно миниатюрная звезда, — это выгорал кислород в озоновом слое. Капитан Маэтр наблюдал, как корабли боролись за преимущество в высоте на разных орбитальных уровнях. Его собственный крейсер застрял между гвутья флотилиями: сугами Астральных Когтей,

занявших оборону на низкой орбите --- на самой границе термосферы, где их могли поддерживать наземные батареи, --- и осадным флотом Экзорцистов, который пытался отсечь Багаб от остального сегмента. Две шеренги огромных кораблей постоянно обменивались бортовыми залпами, бичуя костическую черноту огненными плетями лазерных излучателей и торпедных выстрелов. Между ними носились быстроходные истребители и истребители, маневрируя вокруг больших кораблей и пытаясь подобраться достаточно близко к вражеским крейсерам, чтобы выпустить abordaжные команды.

Первая рота возглавляла резервные силы, защищавшие их родной мир, где две битвы --- с Новагесантом и Воющими Трифонами --- слились в одну. Между тем почти половина обескровленного флота Воинов-Боготолов входила в последний рубеж обороны Багаба --- единственного устоявшего оплота восстания и цитадели лорда Люфта Гүрона, магистра Астральных Когтей, самого верного из

слуг Императора. Вторая рота, как
обычно, находилась в авангарде, в центре
самого яростного сражения. «Мятежный
дух» почти не выходил из боя последние
восемь лет. Маэтр был на капитанском
мостики, когда они захватили «Плата
восторга», принадлежавшее ордену
Огненных Ястребов, и вовлекли Воинов-
Боготолов в войну, продолжавшуюся все
эти годы. Но даже это древнее и
заслуженное судно не могло выстоять в
обрушившейся на него бомбардировке.
Великий дух корабля остался
целеустремленным и несломленным, но его
системы постепенно отказывали под
напором вражеской артиллерии. Палубы
сотрясались от взрывов, а по залам
разносился топот бегущих ног: сервиторы
и костогесантники пытались взять под
контроль выходящее из строя оборудование
и устранить повреждения. На ряде палуб
целые секции охватило пламя, которое
невозможно было погасить, а другие были
разгерметизированы взрывами и открыты
костическому холоду.

За время войны почти все

компоненты корабля неоднократно заменялись, чтобы обеспечить надежную работу судна и способность выдержать даже самую сокрушительную атаку. Но сейчас в запасе ничего не осталось. Серьезный удар по системе управления, жизнеобеспечения или даже по двигателям оставил бы великолепный корабль практически беспомощным.

На контрольной панели вспыхнул новый световой индикатор. Взыла сирена, почти неслышная в шуме аварийных сигналов и грохоте сражения. Маэтр оторвал взгляд от горящей планеты на экране и заметил тревожный огонек. Кто-то пристыковался к кораблю и начал высадку. Учитывая количество дыр в корпусе, попытка абордажа со стороны Экзорцистов или Звездных Фантомов была лишь вопросом времени.

--- Сержант, --- почти неслышно пробормотал Маэтр, будто произносить слова вслух было необязательно, --- возьмите два отделения, спуститесь к пробое и отразите атаку абордажников. Когда библиарий Шайдан вернется с

Багаба Прим, я отправлю его вам на подмогу. А теперь идите.

Шлем сержанта Одина чуть наклонился в знак того, что костодесантник понял приказ. Затем сержант поспешно развернулся и вышел с мостика. Когда дверь открылась, в помещение просочились клубы дыма и запахи обожженного металла.

Мастр вновь переключил внимание на обзорный экран. Группа фрегатов перестраивалась в сложную наступательную формацию вокруг «Разящей сверхновой», одного из штурмовых крейсеров Астральных Когтей. «Сверхновая», являясь частью оборонительных сил, была неважно оснащена, и ее команда вряд ли привыкла отражать столь мощные атаки. Штурмовые крейсера Астартес предназначались для захвата планет, а не для их обороны. Но у Астральных Когтей не оставалось выбора — бомбардировка посадивших планотерно вколачивала защитные рубежи Багаба в землю.

Битва за Багаб практически

завершилась — теперь это было лишь
вопросом времени. Сквозь блокаду
Экзорцистов не могли пробиться
подкрепления или корабли с военными
поставками. Большинство
козодесантников из ордена Палачей
покинули свои посты. Палачи бежали в
родной мир, пытаясь защитить его от
местни Императора, а воля Плакальчиков
была сломлена почти четыре года назад,
когда они угодили в засаду Минотавров.
Плакальчики совершили немыслимое —
они сдались. Альянс Багаба рассыпался.
Воины-Боготолы сейчас оставались
единственной надеждой лорда Гурона на
спасение, и Маэтр знал, что эта хрупкая
надежда зависит от его Второй роты.

О таком зрелище Агентус Астартес
могли только мечтать. В небесах
полюхала война: огромные, устрашающие
силы объединились в битве груг против
груга, и только преданность и героизм
отделяли смерть от славы. Вся планета
лежала в руинах. Ее атмосфера
превратилась в огненный ад, окутанный
раскаленными тучами. В этой

полыхающей геенне разворачивалось последнее сражение, а вокруг кружили превосходящие, исполненные злой решимости силы, намеренные уничтожить его людей. Его орден. В этой битве надежды на победу практически не оставалось, но у Маэтра не было ни малейшего желания отступить — даже если бы удалось как-то пробиться сквозь железный строй Экзорцистов, взявших систему в блокаду. Капитан больше не думал о победе или поражении. Он вступил в войну, не веря в возможность победы. Маэтр верил лишь, что война справедлива. Иногда честь не в том, чтобы победить, а в том, чтобы правильно умереть. Для него, понял Маэтр, в этой войне речь с самого начала шла о смерти. Это была глинная, омытая кровью дорога к его гибели.

Размышления капитана прервал грандиозный взрыв. Один из основных кораблей Звездных Фантомов содрогнулся и разлетелся на части. Обломки и крутящиеся куски металла пронеслись сквозь поредевшие ряды Астральных

Когтей и рүхнүли в атмосферу планеты. Это был «Призрак страха» — крейсер, на который Маэтр отправил последнее отделение Богомолв Религуоза. Капитан знал, что его воины не вернутся, но также не сомневался, что они не умрут бесславно. Гибель ударного крейсера — достойное свидетельство их мужества. Религуоза каким-то образом сумели высадиться на борт поврежденного судна и, вероятно, проложили путь к его двигателям. Там они перевели реактор на критическую мощность и держали оборону, пока тот наконец не взорвался. Однако на исход сражения это никак не повлияет.

— Дайте мне дюжину отделений этих костодесантников, и я выиграю для вас любую битву, — пробормотал себе под нос капитан.

Глаза его восхищенно блестели.

— Если бы мы дали вам дюжину отделений Религуоза, капитан, Воинам-Богомолат очень быстро пришел бы конец.

Ответ Шайдана прозвучал неожиданно:

— Тогда нам следует найти способ

использовать эту мощь, не позволяя
костодесантникам полностью отжаться
бездушной вере, груз. Представь
Религиоза, сумевших вернуться. Шайган,
а когда ты возвратился? -- спросил
Маэтр, разворачиваясь на каблучках при
звучах голоса Шайгана.

-- Только что, капитан. И принес
новости с Багаба Прим.

Шайган откинул псайкерский
капюшон, и его глинные черные волосы
свободно рассыпались по плечам. Лицо
библиария было покрыто потеками грязи и
крови, но, когда Шайган склонил голову в
знак почтения, взгляд его пронзительных
зеленых глаз проник, казалось, в самое
сердце Маэтра. Библиарий еще никогда не
видел, чтобы дух капитана был погружен в
такое уныние.

-- Я предпочел бы плохие новости, --
отозвался Маэтр. -- Битва близится к
грандиозному финалу, Шайган. Хорошие
новости просто отсрочили бы момент
славы. Если у тебя в рукаве не найдется
чуда, сообщи мне плохие новости.

-- Мои новости не повлияют на исход

сражения, капитан. Но, несмотря на это, вы вполне можете назвать их плохими.

Маэтр взгляделся в лицо библиария — постаревшее раньше срока и исполненное боли, которую дарят власть и мудрость.

— Собираешься сказать мне, что Гүрон сдался? — Капитан безрагостно рассмеялся. — И что он требует от союзников сложить оружие?

— Такого сообщения я не принес, капитан. Скорее, у меня есть отчет. — В голосе Шайдана, до сих пор дружелюбном, зазвучали стальные нотки. — Я встретился с отрядом Астральных Когтей на спутнике Багаб Прим, как вы и приказывали, капитан. Они не ошиблись, предположив, что Звездные Фантомы и Экзорцисты сейчас настолько поглощены штүртом родного мира Гүрона, что добраться до меньшей планеты должно быть сравнительно легко.

— Должно быть?

— Да, капитан. Вы также были правы, заметив, что в сражение за эту локацию могут быть вовлечены другие силы. Мы столкнулись с некоторыми

затруднениями из-за небольшого контингента новобесантников. Они были...
настойчивы.

--- По-моему, тебе следует перейти к сути дела, Шайган, --- с мягкой иронией перебил Маэтр, кивнув на обзорный экран с разворачивающимся на нем яростным сражением.

Капитану нравился этот библиарий, и в его тщательном отношении к делу скрывались явные перспективы карьерного роста. Но не сегодня.

--- Сейчас у меня масса других дел. А ты нужен Одину, который как раз в эту минуту отражает атаку абордажников.

Шайган кивнул, отметив в выражении лица Маэтра смесь уважения и вынужденной торопливости.

--- Воля лорда Гурона не сломлена. Он будет сражаться до последнего воина в боргоне. --- Несмотря на спешку, Шайган на минуту затолчал, подбирая правильные слова. --- Но Астральные Когти уже не те, капитан.

--- Шайган, оставь свои загадки. Сейчас для них неподходящее время.

--- Маэтр, я почти не узнал то
отделение, с которым должен был
встретиться. Вместо гордых цветов
Астральных Когтей каждый
костюгосантник заляпал свои доспехи
беспорядочными пятнами краски, скрыв
символику ордена и даже имперских орлов.

--- Это были ренегаты? Дезертиры?

--- Нет, капитан, это было одно из
элитных отделений дворцовой гвардии
Гүрона. То самое отделение, с которым вы
поручили мне встретиться.

Маэтр изумленно уставился на
библиария.

--- Что ты хочешь сказать, Шайдан? ---

В голосе капитана прозвучал гнев.
Непонимание происходящего вызвало
раздражение. --- Они совершенно утратили
порядок и дисциплину? Не могу в это
поверить.

--- Я не могу сказать наверняка,
капитан, но мне кажется, что это и есть
новый порядок. Похоже, Гүрон уверил своих
боевых братьев, что Осага Багаба --- это
свидетельство того, что Император их
предал. Он утверждает, что взгляд

Императора затуманен бюрократами и что он более не видит разницы между верностью и тиранией. Ходят слухи, что лорд Гурон вытравил знак аквилы со своего наплечника и поклялся, что будет продолжать свой праведный бой за Императора, пусть уже и не во имя Императора. Согласно рассказам костогесантников, Гурон настаивает на том, что, раз уж Император не в состоянии отличить врага от друга, единственный способ продемонстрировать свою лояльность -- это перестать служить безумцу и показать ему истину, которую он потерял. Это, по словам Гурона, наиболее самоотверженное и беззаветное служение. Он рискует подвергнуть свою душу проклятию ради того, чтобы Император вновь увидел свет. Услышав обо всем этом, отделения Астральных Когтей осквернили свои доспехи схожим -- или не совсем схожим -- образом.

Маэтр продолжал недоуменно глядеть на библиария, в то время как его мозг пытался переварить информацию. Война всегда способствовала

распространению слухов и небылиц, а эта война тянулась уже десять лет, бросив в орден Астральных Когтей в битву против лицемерного и продажного Империи Человечества. Капитан понимал, что напряжение в ордене велико, но никогда не слышал, чтобы воля Астартес была настолько сломлена стрессом или военными неурядицами. Во имя Императора, костогесантники не какие-нибудь гвардейцы! Агентус Астартес созданы для вечной войны, в этом смысл их существования. Маэтр не мог поверить, что Гурон или его Когти сломлены. Это было просто-напросто невозможно. Они должны наслаждаться предвкушением героической и праведной смерти, а не сетовать на то, что их покинули.

«Если только... — нерешительно мелькнуло у Маэтра в голове, — если только Гурон не знает, что он не прав».

Как только капитана осенила эта идея, Маэтр почувствовал заключающуюся в ней истину. «Гурон не прав. И он знает, что не прав. Он сознательно ввел нас в заблуждение, преследуя собственные

корыстные цели. Он... -- Маэтр с трудом смог завершить последнюю мысль. -- Он заставил нас обратиться против Императора! И мы поверили ему... Мы были слишком доверчивы, чтобы распознать правду. Желая помочь этому ордену, в котором увидели так много от нас самих себя, -- ордену, стремившемуся к совершенству в галактике, которая не понимала и страшилась нас, мы ошибочно посчитали их своими -- и навеки потеряли себя. И Гурон знал, что у нас отнимает. Он знал и отобрал у нас души, и его порядочности не хватило даже на то, чтобы открыто показать когти. Да у агентов Хаоса больше чести, чем у этого властолюбца и политика, -- по крайней мере, они хотя бы искушают людей обещанием сверхъестественного могущества».

Внезапно все предстало в ясном и недвусмысленном свете, и Маэтр понял, что подсознательно всегда ощущал что-то неправильное в этом восстании. Он полагал, что щелеющий сердце ужас вызван свирепостью войны, раздирающей в клочки

сегментум, — но сейчас понял, что причина его страха намного проще и примитивнее. Восстание было несправедливым.

— Капитан? — спросил Шайган, глядя, как лицо Маэтра постепенно наливается яростью.

— Библиарий, вы должны помочь отразить атаку абордажников. Однако вам следует знать, что, если вы и сержант Огин желаете предотвратить мятеж, через десять минут вам нужно вернуться на командную палубу и обратиться к солдатам.

— Прежде чем действовать, вы сообщите о своем решении магистру Неотере?

Вопрос Шайгана прозвучал формально, как будто он просто следовал протоколу. Соблюдение протокола успокоило рвущийся в бой дух библиария. В душе он чувствовал справедливость решения Маэтра — справедливость, которой не ощущал уже целое десятилетие.

— Конечно.

Ответный взгляд капитана был спокойным. Его ярость превратилась в твердую решимость.

--- Значит, мы вернемся за дальнейшими указаниями, когда отряд сабордажников будет уничтожен, капитан.

С этими словами библиарий Шайдан коротко кивнул и развернулся к выходу. Крутанув в руке искусно украшенный, увенчанный двумя лезвиями посох, он, не оглядываясь, вышел с мостика.

--- Рун!

Дежурный костодесантник шагнул вперед со своего поста у дверей командной палубы.

--- Капитан?

--- Вы слышали отчет библиария Шайдана, сержант?

--- Да, капитан.

--- Тогда вы понимаете, что я должен передать сообщение магистру ордена. Мне не нужен ответ, и у нас нет времени, чтобы его дожидаться. Я полагаю, что вы сможете вовремя передать мое сообщение? --- Маэтр окинул его внимательным взглядом.

--- Да, капитан. Конечно.

В голосе костодекантника не было и тени сомнения. Маэтру даже показалось, что он заметил проблеск гордости и облегчения, словно воин внезапно излечился от болезненной и изнурительной раны.

--- Сообщите магистру Неотере, что «Мятежный дух» немедленно разворачивает орудия против Астральных Когтей. Не запрашивайте разрешения и не извиняйтесь, но, пожалуйста, уведомите магистра, что я считаю: он на нашем месте поступил бы так же. Более того, я полагаю, что так он и поступит.

Маэтр отвернулся от Рүина.

--- Сержант Сорон! Наведите орудия правого борта на «Разящую сверхновую» и подготовьте бомбардировочную пушку для обстрела планетарных укреплений. Мы превратим предательство в праведную смерть, даже если это станет последним, что мы сделаем!

Когда «Громовай ястреб» взорвался, земля в кратере начала осыпаться. Шайган устремился вперед в редеющем облаке пыли. Он врезался в ряды новадесантников, собравшихся вокруг тяжелого орудия в самом центре кратера и пытавшихся отступить обратно, в подземные туннели и шахты спутника. Носох Боготол вспыхнул фосфорической ядовитой зеленью, напоминая смертоносную ауру самого Гомментола. Библиарий наносил размашистые удары и уколы прославленным носохом, пронзая бело-голубую броню в пристыже праведной, истинной ярости. Продвигаясь вперед сквозь стену болтерного огня и ревущих цепных мечей, он бормотал древнее машинное проклятие. Сила его мыслей ударила в «Громобой» в тот момент, когда орудие неуклюже накренилось над входом в туннель. Пушка вздрогнула, как будто расслышав оскорбление. Стоявший за ней технодесантник резко оглянулся, словно его ударили. А затем орудие со скрипом остановилось, заблокировав отходной путь новадесантников.

В то время как штурмовые отделения Богомолы полукругом приземлились на дальней стороне кратера, образовав перекрывающийся огневой рубеж на более устойчивой поверхности вала, Шайган выбрал цель. Его посох как магическое копьё пронёсся сквозь остатки отряда новадесантников и вонзился в огромный ствол «Громобоя». Последовала вспышка и беззвучный треск немыслимого энергетического заряда — а затем пушка взорвалась, рассыпав во все стороны раскаленные осколки и снаряды, словно гигантский гробовик. Вся сила взрыва досталась уцелевшим новадесантикам, а технокесантник, управлявший оружием, сгорел на месте. Подземный туннель — единственный выход новадесантников из кратера — полностью обрушился.

Пока организованные залпы болтерного огня штурмовиков косили оставшихся новадесантников, Шайган сконцентрировался на «ускорении». Пятном изумрудного света он пронёсся через кратер и уже в следующую секунду вытащил неповрежденный Посох Богомола

из обломков орудия. Еще через секунду библиарий вновь оказался на другой стороне кратера, перед последним выжившим новадесантником.

Штурмовые подразделения Боготолов прекратили огонь. Все взгляды обратились на Шайгана, властно вставшего перед побежденным врагом. На броне новадесантника были знаки различия сержанта-ветерана, и пластины доспеха носили следы бесчисленных сражений. Сержант гордо и вызывающе стоял перед библиарием Боготолов, не отводя визора шлема под цепенящим изумрудным взглядом псайкера.

Шайган внимательно изучил противника. По узлам псайкерского капюшона, закрывавшего затылок библиария, пробежали бледные огоньки. Войны Багаба, известные праведным как Освободительные Войны, стоили Астартес многих жизней. Он сам убил бесчисленное количество новадесантников и видел гибель множества своих священных братьев. И все же до сих пор библиарий Боготолов не мог

поверить, что кто-нибудь из Агентус Астартес способен легко к этому относиться или испытывать радость от подобных побед. Каждая победа означала потерю драгоценного геносемени, и каждая смерть становилась раной на теле самого Императора.

Но природа Астартес была такова, что в их сражениях редко брали пленных. Не потому что космогесантникам несвойственны сочувствие и милосердие — напротив, Воины-Боготолы гордились способностью к сопереживанию, — скорее, они не привыкли сдаваться. Не важно, каковы шансы победить или выжить: сражение являлось сущностью Астартес. Как бы космогесантник смог продемонстрировать свою преданность долгу, если не в бою? А без долга и служения Астартес были ничем, и даже хуже. Милосердие предназначалось другим, но не себе.

Так что Шайган с интересом оглядывал последнего новогесантника на Багабе Прим. Библиарий порадовался бы, сложи тот оружие, но также был вполне

готов к тому, что сержант будет сражаться до последнего, невзирая на десяток направленных на него болтеров и стоявшего перед ним могущественного псайкера.

Библиарий смотрел прямо в глаза новогесантнику, с легкостью пронзая взглядом непрозрачный визор шлема. В этих глазах Шайган не увидел ни страха, ни отчаяния, ни лихорадочных усилий отыскать путь к спасению. Взгляд сержанта был спокойным и ровным, полным глубокой искренности. Но было и кое-что еще: новогесантник его ненавидел. Воины-Боготолы вызывали у него отвращение, словно олицетворяли нечто искаженное и омерзительное. На какую-то долю секунды сила этой ненависти заставила Шайгана понять, что Библиария потрясло то, что он увидел подобное чувство в глазах Астартес. Собравшись, Шайган углубился чуть дальше. Пройдя сквозь ноль-зону разума сержанта, он обнаружил бесконечные истории кошмарных извращений и злодеяний, совершенных Астральными

Когтями и их союзниками на этой войне. Сержант верил, что Император на его стороне.

Шайган кивнул сержанту. Он понял, что двизало новадесантников заблуждения, порожденные лживыми сведениями о ходе войны. Библиарий развернулся спиной к побежденному противнику. В ту же секунду тот выхватил болтерный пистолет из кобуры и выстрелил в спину Шайгану.

Однако Шайган исчез прежде, чем снаряд ударил в цель. С молниеносной быстротой «ускорения» библиарий растворился в воздухе. Сержант понял, куда делся Шайган, лишь когда двойное лезвие Носоха Богомола опалило его своим холодом, с легкостью разрубив затылок. Новадесантник инстинктивно попробовал развернуться, чтобы грудью встретить врага. Даже когда двойные лезвия рассекали его позвоночник, он ухитрился вывернуть болтерный пистолет и выстрелить в последний раз. Голова сержанта упала на землю, а снаряд пробил его собственный доспех и живот и врезался в нагрудник

Шайдана. Там болт застрял, не в силах преодолеть еще один слой брони.

В тот момент, когда жизнь сержанта красным потоком выплеснулась в серую лунную пыль, Шайдан ощутил его удивление и благодарность. Новадесантник не рассчитывал на подобную честь, и его смерть была потрачена внезапно, но глубоким сомнением. Но и сам Шайдан был удручен тем, что Астартес ожидал столь малого от Воинов-Боготолов. Как же до этого дошло?

Бусинка вокса в ухе библиария внезапно ожила и прошипела:

— Воин-Боготол. Мы ждали тебя.

Шайдан поглядел вверх, на крошечный кратер, и увидел выстраивающийся отряд костодесантников. Их силуэты резко выделялись на фоне звездного неба. Библиарий перевел взгляд на сержанта Треомара, который стоял на склоне. Тот кивнул и подтвердил, что это были те самые Астральные Когти, с которыми им предстояло встретиться. Однако в подтверждении чувствовалось колебание.

словно сержант не был до конца уверен, кто перед ним.

— Как хорошо, что вы соизволили присоединиться к нам, Астральные Когти, — ядовито ответил Шайган, взбираясь по откосу навстречу гостям.

Библиарий недоумевал, почему Когти не послали предупреждения или не помогли им в стычке. Однако не в обычаях Воинов-Боготолов было жаловаться или упрекать и уж тем более признавать, что им не помешала бы помощь в сражении, которое они и без того выиграли.

— Вы подоспели как раз вовремя, друг, — саркастически заметил Шайган.

— Нам многое надо обсудить, Библиарий, — отозвался голос. — А времени мало.

Когда Шайган выбрался из кратера, он впервые смог рассмотреть костодесантников из ордена Астральных Когтей. И невольно вытаращил глаза. Воины выстроились перед ним во всем великолении древних госпехов Агентус Астартес, которые поблескивали в звездном свете, словно разноцветные

драгоценные камни. Но цветов было слишком много. Великолепные золото и чернь Дома Гурона, о котором Маэтр так много рассказал библиарию после визита в Терновый Дворец, были скрыты и лишённо робко выглядывали из-под аляповатых пятен краски, размылов черного и уродливых кроваво-красных разводов. Костогесантники выглядели как убогое потомство Астартес и арлекинов эльдар, хотя сама мысль о подобном попахивала ересью. И хуже того: Шайдан заметил, что имперские аквилы были отбиты с доспехов у одних костогесантников и покрыты краской или окислены у других.

Библиарий стоял на самой кромке осыпающегося кратера, переводя взгляд с отряда загадочных Астральных Когтей на погибших славной смертью новогесантников, чьи тела усеяли дно воронки. Он отметил, как неловко перемещаются бойцы из штурмовых отделений и сержант Треомар. Воины-Боготолы словно не были уверены в том, что делать дальше. В их позах

чувствовалось напряжение и готовность к любому повороту событий.

--- Да, времени осталось немного, друг, --- в конце концов произнес Шайдан. --- У я вижу, что вам действительно есть что сообщить. В первую очередь позвольте нам собрать геносема наших павших братьев, а затем мы поговорим.

Библиарий повел головой в сторону входа в подземную базу, куда они пытались добраться, и передернулся, обнаружив, что высеченный в скале двуглавый имперский орел обезглавлен.

--- Мы также будем благодарны, если вы предоставите нам «Гротовой ястреб» или другое транспортное средство, которое позволит нам вернуться к флоту. Я уверен, что капитан Маэтр и магистр оргена с большим интересом выслушают мой отчет.

--- Магистр Неотера, Совет ничего не пытается от вас скрыть. Мы должны сообщить вам, что полностью осведомлены о ходе войны, которую вы развязали в этом секторе. Можете не

употреблять себя рассказом о том, как вы в конечном счете сдались объединенным силам новогесантников, Экзорцистов и Звездных Фантомов, после того как Минотавры сокрушили Плакальчиков. Мы не ждем детальных показаний по тем событиям, когда вы разгромили Странствующих Костогесантников на Калибе Четвертом, или чудесным образом ускользнули от Саламандр при Осаде Колсила, или даже ухитрились захватить «Пламя восторга» Огненных Ястребов в девятьсот четвертом. Мы не требуем от вас этой информации — все уже задокументировано. Пробелы могут быть заполнены другими свидетелями. Мы не просим признаний, поскольку свершившееся — бесспорный факт. Кровь пролилась, костогесантники были убиты, а целые планеты подверглись разорению. Всё — по вашему приказу. Нам не нужны подробные описания или опровержения.

Однако мы не можем решить почему. Мы требуем от вас объяснения. Чего вы пытались добиться? Почему вы отвергли свет Императора и вступили в союз с

тираном Багаба? Что гвизало ватн,
когда вы впервые напали на Огненных
Ястребов, зная, что подобные действия
втянут легионы в войну, равной которой не
было со времен Ереси? Даже сам Гурон не
решался ударить по братьям-
костогесанникам. Лишь после того, как
вы присоединились к нему, незначительный
бунт перерос в полномасштабную войну.
Что убедило вас отринуть честь и
преданность Астартес? Какими посулами
можно купить душу Хойзана Неотеры,
магистра ордена Воинов-Боготолов и
хранителя Мордрианы и Оотеки?

«Что трусливый перевертыш
предложил тебе, Воин-Боготол? Он
обещал тебе место по правую руку тирана
или свободу от уставов Астартес? Или он
соблазнял тебя артефактами своих
союзников-ксеносов? А может, искушал
запретным знанием братьев, обращенных
Хаосом? Как он направил твою волю
против нашего общего отца и склонил
твой дух к предательству? Или ты
предпочитаешь, чтобы мы думали, будто
он ничего подобного не совершал... что ты

уже был потерян, что ты обрел в Туроне
Черное Сердце родственную душу? Неужели
великое наследие Воинов-Боготолов ---
всего лишь иллюзия, маска, скрывающая
порченное геносемя? Неужели вы, как трусы,
в течение тысячелетий скрывали свою
истинную сущность, живя лицемерием и
обманом и считая всех нас глупцами?
Неужели ты хочешь быть не только
приговорен, но и проклят, владыка
Боготолов?»

--- Ты должен объясниться, Неотера.
Собравшись здесь не чуждо милосердие.

В словах, доносящихся из тени, даже
слышалась доброта.

«Разве вы совершенно меня не
знаете?» Фраза прозвучала лишь у него в
голове.

«Конечно, вы не знаете меня. Я сам
себя не узнаю. У меня нет ответов на ваши
вопросы, и я бы не стал произносить эти
ответы, даже если они у меня в мозгу
огненным клеймом. Мы вышли за рамки
слов и объяснений. Поступки совершены; мы
должны быть судимы по ним и должны
понести за них ответ. Как вы можете

искушать меня угрозою милосердия?
Неужели вы считаете, что мне нужно
ваше милосердие или ваше прощение?
Неужели вы полагаете, что я смогу жить
дальше, зная, что я совершил, что я
позволил себе совершить? Ваше
милосердие унижает меня и оскорбляет
вас; не позорьте нас всех подобными
речами. Я не заслуживаю вашей доброты, и
вы должны понимать, что даже
Император в своей бесконечной мудрости
не удостоил бы меня ничем, кроме
осуждения. Вынесите приговор и
избавьтесь от меня».

— Я не ищущ милосердия.

Это прозвучало не громче вздоха.
Неотера даже не был уверен, что произнес
слова вслух, однако они разнеслись по залу
как ядовитое дыхание.

О, наш тихоня-Боготол наконец-то
заговорил.

Бестелесные мысли были пропитаны
ядом. Над ним настехались, как будто с
самого начала не сомневались, что он
сдастся.

Стоило нам только помянуть тебя

призраком слабой, эгоистичной надежды ---
и твоя решимость затрещала по швам.
Милосердие и предательство --- какая
несравненная пара! Гурон предложил тебе
милосердие? Или, может, ты услышал
шепот самого Хоруса, обещавшего взять
тебя обратно под свое покровительство?
Вот и все, что тебе потребовалось,
ничтожное насекомое? Твою душу можно
купить за разменную монетку
милосердия?

«Я не ищущ милосердия», --- мысленно
повторил он и скрипнул зубами, осознав,
что сам себя предал.

Воин-Боготол не собирался говорить,
но решимость его была столь сильна и
настолько его поглотила, что заговорила
без согласия Неотеры.

«Я не ищущ милосердия».

Мысль повторялась у него в голове
снова и снова, как мантра, и лишь однажды
за три дня вырвалась наружу. Будто бы он
сам превратился в эти слова --- все, что от
него осталось, явилось их живым
воплощением.

Но как же легко извратить и

перевратить даже эти четыре коротких слова! Как только они сорвались с его губ, их чистота была опорочена и запятнана. Даже прежде чем они достигли ушей судей, их ментальный резонанс был искажен злобредным сознанием безымянного библиария. Тот желал ни много ни мало, чтобы Воины-Богомолы сгинули в преисподней, чтобы они были обещены и память о них осталась запятнанной. В его сознании ощущалась поглотившая ненависть, ядом сочащаяся в мозг Неотеры. Магистр ордена различил в этом психическом вторжении жажду личной выгоды и понял, что не все судьбы собрались здесь во имя справедливости,мести или ради знаний, -- кое-кто охотился за кораблями и тиратами.

-- Итак, ты не раскаиваешься, Неотера?

Даже непревзятые судьбы не понимали его. Как могли они считать Неотеру нераскаившимся, когда само его существо вопило от ужаса при мысли о совершенных деяниях? Если бы он только мог взять обратно эти четыре коротких

слова, чтобы его упорное молчание осталось ненарушенным. Слова не объясняют того, что он натворил, и, любые произнесенные вслух, они лишь еще больше искажат веру, сохранившуюся в его сердце. Их будут мучить и извращать, пока они не станут собственной противоположностью, и тогда Неотера уже не сумеет отличить правду от лжи. Он знал, в какой момент сделал свой выбор, и постепенно начинал понимать, что шел неверной дорогой уже многие годы. Но также он знал — в самой глубине души, — что его намерения всегда оставались чистыми.

Намерения ничего не значат. Слугу Императора судят по поступкам. «Я не ищу милосердия. Я не плету паутину из слов и оправданий. Я готов вынести невыносимое».

Терновый	Дворец	вполне
соответствовал	их	ожиданиям.
Потрясающий воображение оплот власти в родном мире гордого ордена костодесанта, потемный и заполненный военными		

регалиями. Ворота охраняли огромные статуи, воздевающие руки к аркам сводчатого потолка. Стены были расписаны красочными фресками, изображавшими самые впечатляющие и легендарные победы Астральных Козмелей: зачистку Багаба, очищение Теслайна и обретение Мунгуса IV. Почетная гвардия магистра Түрона несла дежурство в коридорах и залах — великоленные воины в церемониальных доспехах, сверкающих полосами золота и черни. Они напоминали царственных тигров, озирающих свои владения. И имперский орел — универсальный символ преданности Императору — гордо венчал верхушку каждого из грандиозных, возносящихся в небо шпилей.

На Воинов-Боготолов, направлявшихся к тронной комнате, великоление дворца не произвело особого впечатления. Их собственный монастырь-крепость на Оотеке был не менее впечатляющим, и даже дворец, расположенный в джунглях Мордрианы III, мог внушить благоговение. Однако по

делегации, прибывшей во дворец, это
сложно было сказать. Всего лишь четыре
отделения костодесантников исполняли
роль почетного караула при личном
отряде командующего, выделяющегося
необычной трачностью и суровостью: сам
магистр ордена шагал по переходам
Тернового Дворца. Боевая броня его
сопровождающих отсвечивала изумрудом.
Доспехи Воинов-Богатолов были
отполированы до блеска,
приличествующего церемониальному
маршу, --- однако в манере
костодесантников проглядывала
настороженность, выдававшая скрытое
недоверие. В знак доброй воли лорд Гурон
разрешил им войти во дворец в полном
вооружении. Воины-Богатолы, не склонные
к ответной демонстрации дружелюбия, в
полной мере воспользовались его
предложением. На посадочном поле
расположилась группа темно-зеленых
«Грозовых ястребов» Богатолов, в которых
дождалось приказа тяжеловооруженное
подкрепление.

На подходе к системе Багаба Воины-

Богомолы могли сами наблюдать следы
недавней деятельности Түрона. Они
слышали сплетни и рассказы о
происхождении, но увиденное собственными
глазами придало официальным
отчетам о восстании на много больший
вес. Соседние космические коридоры были
запружены обломками и корпусами
подорванных грузовых судов, не
поддающихся ремонту. Прежде чем Боины-
Богомолы согласились посетить Багаба,
Түрон предупредил их, что они увидят и
как могут это воспринять. Владыка
Багаба ничего не пытался отрицать и
лишь приглашал их в качестве
свидетелей.

Он объяснил, что многие из этих
гражданских на вид кораблей на самом
деле боевые суда Империи со стертой
маркировкой, отправленные сюда, чтобы
шпионить за системой Багаба. Он
утверждал, что подобные корабли всегда
сопровождают торговые караваны,
направляющиеся в подконтрольные
Астартес звездные системы, и предлагал
Богомолам устроить принудительную

проверку всех костических трасс в районе
Оотеки, если братья сомневаются в его
словах. Он хладнокровно уверял, что в
Империи есть влиятельные силы,
ненавидящие Астартес и не доверяющие
им, завидующие близости
костогесантников к священному духу
Императора и их физическому сходству с
ним. Эти силы набирали все большую
власть в связанной с Террой области
Сегментума Ультра, где страх перед
Мальстрилом мешался с недоверием к
славе Астартес и породил докучливое
внимание и подозрения. Гурон сообщил
магистру Неотере, что и за Воинами-
Богатолами тоже следят.

Когда «Ядовитый клинок» проник на
окраины системы Багаба, Неотера
заметил среди обломков грузовых судов
оторванную носовую часть имперского
крейсера. В костическом тусоре
мелькнули искореженные оружейные
батареи и обгоревший символ аквилы.
Похоже, что Гурон не солгал насчет
присутствия имперских наблюдателей в
этом секторе.

Едва лишь «Клинок» пересек границу системы, как сканеры дальнего действия зарегистрировали широкий спектр сигналов. Флот боевых кораблей выстраивался в пространстве между Багабом и Ризантом. Большая часть энергетических подписей была слишком неотчетливой, чтобы точно их идентифицировать, но в авангарде неслось несомненное и грозное эхо штурмовых крейсеров и фрегатов костогесанта.

Необычный силуэт «Пламени восторга», легендарного штурмового крейсера Огненных Ястребов, который пережил гибель родного мира ордена, Зороса, более пяти тысячелетий назад, двигался в центре формации. Корабли медленно перемещались и маневрировали. До них было меньше одного варп-прыжка, но на обычном ходу потребовалось бы несколько дней. Они чего-то ожидали. Присутствие флота в этом районе заставляло предположить, что объектом их внимания является Багаб. Возможно, параноя Гүрона не лишена оснований? Неужели Империя снова решил послать

костодесантников против своих? Какой же
орден подчинится такому приказу?

В одном из своих первых посланий,
еще до того, как трения между Бадабом и
Империумом переросли в кровопролитие в
районе Сфанту, Гурон спрашивал Неотеру,
как часто Агентус Механикус требуют
пробу геносемени Воинов-Боготолов.
Поначалу Неотера не понял, зачем гурготу
ордену потребовалась подобная
информация; это показалось ему
неуважением, граничившим с
оскорблением. Мотивы Гурона вызывали у
него подозрения. Кроме того, он опасался,
что слух о легионе Боготолов
распространился по окрестным системам.
Капитан Маэтр из Второй роты,
известный также как Капитан-Пророк,
неоднократно предупреждал, какие
кривотолки могут пойти об ордене, если
психическое состояние Боготолов
Религиоза ошибочно посчитают
дефектом геносемени. Маэтра особенно
беспокоило то, что обостренные рефлекс
Религиоза, на взгляд стороннего
наблюдателя казавшиеся чуть ли не

предвидением, можно принять за внезапное пробуждение псайкерских способностей. Учитывая близость территорий ордена к Мальстриму и непрекращающиеся внутренние войны в части подвластных Богомолат планетарных систем, таких как Моргуана, Агентус Механикус вполне могли стремиться ужесточить контроль над их геносеменем. И все же Маэтр упорно настаивал, что состояние Религиоза не выходит за пределы нормы, и был намерен создать учебную программу, которая позволила бы всем Воинам-Богомолат освоить их природный дар.

В любом случае Неотера не собирался откровенничать с Гүроном, пока тот открыто не признает, что в дальнейшем откажется отправлять геносемя Астральных Когтей на проверку. Владыка Багаба горячо говорил о том, что притязания Агентус Механикус утратили законность с тех пор, как те с какой-то стати объявили себя генной полицией Империи. Механикус следил за орденами Астартес, угрожая им роспуском в случае, если геносемя не

соответствует неким произвольным критериям. Гурон назвал это притеснением. Он клеймил поведение Механикус как злодеяние против духа Императора: никто никогда не пытался контролировать генетические эксперименты Императора и ограничивать его развитие. Императору неуждался в свободном развитии Астартес, так же как некогда неуждался в свободном развитии Императора. Именно его генетические разработки позволили возникнуть Императору Человечества, желает нынешняя администрация признать это или нет.

Хуже того, Гурон попытался убедить Неотеру, что кое-какие продажные органы костодесанта знают об этом новом порядке и стремятся использовать его для личной выгоды. Он опасался, что Император не погнушается обратить этих негодных костодесантников против их братьев-Астартес, столкнув орден в чудовищной гражданской войне, лишь бы правда не выплыла наружу. И с едва скрытым отвращением Гурон упомянул

Ультратаринов и Имперских Кулаков. Учитывая их тесные связи с Администратумом, эти два ордена с наибольшей вероятностью обратятся против свободно мыслящих Астартес --- тех, кто хранит в своих генах истинное наследие Императора.

Неотера слушал Гүрона со стесью ужаса и сочувствия. Его предположения были небеспочвенны. Воинам-Боготолам, как и многим другим орденам, знакомы были тоска и неуверенность, порожденные темными тайнами, --- но Неотера все же колебался. Однако присутствие Огненных Астребов на границе системы Багаба, казалось, подтверждало подозрения Гүрона.

И вот теперь, когда тяжелые сверкающие двери тронной комнаты медленно распахнулись, Неотера впервые оказался перед Люфтом Гүроном. Магистр ордена Астральных Когтей находился на другом конце зала. Он восседал на самом искусном троне, какой когда-либо видел Неотера. Трон стоял на возвышении, а за ним полукругом выстроились двенадцать

костогесантников — личная гвардия
Гүрона. Каждый держал болтер перед
пластиной нагрудника, застыв в
церемониальной позе. Вдоль стен глиняной
комнаты, как на смотровом плацу, гвутья
рядами замерли костогесантники в полной
боевой броне. Зал сверкал золотом и
черною.

Неотера приостановился в дверях,
искренне восхищаясь величественным
зрелищем. Пауза постепенно переросла в
колебания, когда магистр Воинов-
Боготолов пересчитал собравшихся в зале
вооруженных бойцов и соотнес их число с
донесениями о мятеже Гүрона. Несмотря
на увиденное ил по пути к планете,
Неотера не был до конца убежден, что
может доверять Гүрону, предполагая, что
тирану Багаба. Однако магистра
Боготолов сопровождали тридцать
костогесантников из Первой и Второй рот
— лучшие из лучших, ветераны и герои,
которых не так-то легко было запугать. В
то же время Неотера осознал, что эта
демонстрация силы свела к нулю все
«доверие», которое Гүрон якобы оказал ил.

впустил во дворец в полном вооружении.

--- Магистр ордена Хойзан Неотера, владыка Воинов-Боготолов и хранитель Моргуаны и Оотеки, прошу пожаловать в мою чертогу.

Сказав это, Гүрон поднялся с трона. Его официальные слова эхом раскатились по высоким потолком зала. Хозяин дворца начал спускаться с возвышения, словно намеревался приветствовать Неотеру на равных.

--- Я благодарен тебе за то, что ты совершил это путешествие. Связь ненадежна, а мне с некоторых пор нелегко покинуть эту систему, как ты мог заметить.

--- Магистр Гүрон, --- ответил Неотера без лишних церемоний, --- ваше приглашение было для меня честью.

Он шагнул вперед по вытощенному императорной плиткой полу. Остальные Воины-Боготолы выстроились шеренгой за спиной магистра.

--- Нам многое надо обсудить, Хойзан, --- начал Гүрон, когда они встали лицом к лицу и приветственно склонили

головы.

Глаза владыки Багаба горели потаенным внутренним огнем.

--- Серьезные дела, касающиеся всего Империиума. Спасение наших братьев-Астартес у нас в руках. Мы --- последняя надежда Императора. Могу я рассчитывать на тебя, брат?

Неотера уже не был уверен, сколько прошло времени. Отсутствие сна начало сказываться: голова отяжелела, словно после сотрясения мозга, а мысли кружились призраками в дыму. Он не чувствовал усталости, но за долгие годы научился распознавать легкую дымку, завлакивающую разум, --- признаки активации каталептического узла, берущего контроль над сознанием и позволяющего обходиться без сна. Судя по туману, окутавшему его мысли, как осевшая на наплечниках доспеха пыль, Неотера стоял на вырезанном в полу изображении аквилы около семи дней. За все это время он не пошевелился и --- насколько мог припомнить ---

неостотрительно произнес лишь четыре слова. В голове гудели вопросы и обвинения Совета. Их настойчивая психическая осада постепенно подточила железную стену его решимости. Магистр чувствовал тошноту от проникавшей внутрь ядовитой смеси злобы и снисходительности, источаемой судьбами. Но он знал, что не сломается. Во второй раз этого не произойдет.

Вопросы позрұзили Неотеру в размышления, и некоторое время он блұждал в прошлом. Но как долго? У сколько его мыслей открылось судьбам? Возможно, они просто подталкивали его разум к воспоминаниям, а затем наблюдали, как собственные мысли магистра предают его. В тенях, скрывавших безликих судей, наверняка было немало мощных библиариев — но Неотера не знал, каковы пределы их власти. Возможно, его решимость молчать в конечном счете ни к чему не привела. Возможно, Совет мог добыть нужные ответы без помощи слов. Но к чему тогда задавать вопросы? Зачем вообще нужен

был этот суд, если они могли просто вывернуть наизнанку его мозг и прочесать воспоминания?

Если только это не было испытанием. Судьи хотели узнать, что скажет Неотера, как он станет оправдываться, а затем сравнить произнесенные вслух слова с внутренним голосом его души. Будет ли он говорить искренне? Скрывается ли в его сердце обман? Попытается ли он выгородить себя или перевалить вину на других? Осталась ли в нем хоть капля чести после тех ужасов, что он совершил на просторах галактики, после того, как нарушил самые священные клятвы верности?

Но он ничего не сказал. Лишь те четыре слова: «Я не ищю милосердия». Он не пытался объясниться. Однако Неотера знал, что все это время его разум напряженно искал ответы. Ответы на вопросы, заданные судьями, совпадавшие с тем вопросом, который он непрерывно задавал сам себе: «Как до этого дошло?»

Получили ли члены Совета Правосудия нужные им ответы? Сумели ли

отделить правду от его лихорадочных
измышлений? Могли ли объяснить
случившееся ему? Правда нужна была ему
не меньше, чем им, — ведь это его душа
рушилась в преисподнюю.

Если его разум открылся им, они
обязаны сказать. Неотера должен знать.
Он заслужил это знание. Его душа
изнывала от желания понять истину.

«Как до этого дошло? Я имею право
знать». Мысль вырвалась наружу, словно
газ из треснувшего баллона.

Ты не заслуживаешь ничего, владыка
Богомолов.

Мысли, отдающие горьким привкусом
желчи, выстеивали его негодование и
сочились презрением. Но Неотера знал,
что так и есть: он ничего не заслуживает.
Протест, хотя и предназначенный лишь
для него самого, а не для членов собрания,
недостойн магистра ордена Богомолов.
Настешки библиария были абсолютно
оправданны.

И снова душа его содрогнулась от боли
измены себе самому. Эта боль могла
сравниться лишь с безграничным ужасом.

который испытал Неотера, предав все, что было для него свято и дорого. Боль показалась нестерпимой, однако он вытерпел. Он даже не мог быть уверен теперь в том, кто он такой. Как до этого дошло? Как он дошел до этого?

Грохотный скрежет известил его о том, что главные ворота зала открываются. Не поворачивая головы, он проследил за звуком шагов. Шаги затерли в тени колонн, поддерживающих сводчатый потолок. Впервые с начала слушания двери открылись и кто-то вошел или вышел. Но даже в этом незначительном факте Неотера не мог быть уверен — он потерял веру в надежность собственного разума. Сходит ли он с ума? Или был безумен с самого начала? Был ли он вообще когда-нибудь верен Императору?

— Хойзан Неотера, магистр ордена Воинов-Боготолов и хранитель Мордарианы и Оотеки. Этот Совет признает вас виновным в самых ужасных преступлениях против Империи и Человечества.

Голос, низкий и хриплый, непривычный
к дипломатическим речам, окатил
Неотеру темной волной. Жестокая
безнадежность, заключавшаяся в этих
словах, пролилась на его душу бальзамом.
Он был осужден. Его не пощадят.
Облегчение оказалось почти физическим.

— Вы вступили в заговор против
Света Императора. Вы пролили кровь его
верных слуг и принесли Хаос в самое
сердце Империи. Вы не предоставили
никаких оправданий, никаких объяснений
своим поступкам, и вы не просили о
снисхождении. Этот Совет намеревался
приговорить вас к смертной казни. Ваше
геносемя должно было быть рассеяно.
Кроме того, мы намеревались распустили
Легион Богомола, лишить ваших
костодесантников оружия и доспехов,
изолировать ваш родной мир, Оотеку, и
обречь оставшихся Воинов-Богомолов на
жизнь сервиторов, дабы они восстановили
разоренные или миры.

Голос замолчал, и Неотера
почувствовал, как на него изучающе
установились десятки глаз. Он не дрогнул.

даже не моргнул. Сжав зубы, магистр Богомоллов сосредоточился на словах. Ему необходим был ясный рассудок, чтобы выслушать приговор. Неотера чувствовал, что за этими словами последует что-то еще. Внезапно его охватила паника при мысли, что судьба отменит обвинительное заключение. Затем паника сменилась шоком: он ощущал страх впервые с тех пор, как после Испытаний Крови в Оотеке вступил в ряды костогесантников. Что случилось? Неужели предательство действительно толкнуло его в бездну безумия?

Мы отберем у тебя Оотеку, повелитель тараканов. Твои сородичи больше никогда не осквернят ее леса. Теперь она моя!

Мысль была неотчетливой и рваной, словно ее искромсала злоба. Даже пребывая в своем лихорадочном состоянии, Неотера снова ощутил присутствие корыстной ненависти.

— И все же, Хойзан, в этом Совете есть и те, кто не считает, что ваше толчание говорит о недостатке

раскаяния. Те, кто не находит ваше поведение дерзким. Те, кто верит, что ваши вопиющие злодеяния не были мотивированы ненавистью или личными интересами, и полагает, что вас ввело в заблуждение коварство других.

Слова обожгли его как огонь. Что они говорят? Неужели они пытаются найти способ спасти его после всего, что произошло? Неужели они сохранили веру в него — ту веру, которую сам он давно утратил? Они называли его по имени. Никто не называл его Хойзаном больше сотни лет. Неужели они стремятся выразить ему симпатию?

«Я Воин-Боготол. Мне не нужна ваша любовь. Я не ищущу милосердия».

Мысли отчаянно метались в его мозгу.

— Тем не менее, магистр, — раздался другой голос, — ваши поступки красноречиво говорят сами за себя. В конечном счете нас не интересуют ваши побуждения — лишь в той мере, в которой они объясняют, как некто подобный вам мог столь окончательно отвернуться от

света. И вы нам в этом не помогли.

«Я не ищю милосердия».

— Магистр Богомол. — Еще один голос, на сей раз женский. Инквизитор или сестра из Агента Сороритас. — Этот Совет полагает, что Боины-Богомолы не полностью испорчены. Мы считаем, что они верно следовали приказам своего магистра и что сам их магистр был убежден, что исполняет волю Императора. Орген будет отлучен на сто лет. Мы ожидаем, что в течение этого времени Боины-Богомолы продемонстрируют верность и раскаяние, достаточные, чтобы вернуть орден обратно пред лик Императора. Что касается Оотеки, магистр, ни один Богомол больше не будет рожден в ее стенах. Если твой орден переживет изгнание, им придется искать другое пристанище. Им предстоит не только искупление, но и новое рождение.

Она моя.

Взгляд Неотеры не дрогнул. Магистр ничего не сказал. Образ Оотеки, великого монастыря-крепости, мелькнул перед его внутренним взором. Ее стены поглотило

пламя, а изумрудные стяги Легиона
Богатола рассыпались неплот и развеялись
на ветру. Потеря родного мира очень
ранила душу Неотеры. Боль была так
сильна, что заставила вспомнить о почти
утраченной человечности. И все же это
оказался не конец. Сквозь угли пожара
он видел крохотный проблеск надежды,
пережившей огонь. Ускупление, дарованное
его преданным боевым братьям, принесло
магистру радость и глубокое облегчение.
Но шрамам на его щеке скользнула
единственная, едва заметная слеза.

«Я не ищущу милосердия. Для себя я
ничего не прошу. Я не ищущу милосердия. Вы
и без того сделали слишком много».

«Но еще остаешься ты, Богатола.
Даже если тебя заперли и ввели в
заблуждение, словно мертвого глупца,
которого Хаос прельстил обещаниями
богатств, славы или власти, — даже и в
этом случае ты не более чем жалкая
пародия на Астарте, с хлипкой волей и
замутненным рассудком. Твое легковесие
оскорбляет Императора. В его свете нет
ни малейшей двусмысленности — нет, он

ясен, чист и не занятнан сомнениями или двоякими толкованиями. Даже если изначально у тебя и не было злого умысла, твоя наивность дала пищу злу. И хуже того: ты заставил других неосознанно творить зло. Твои приказы втянули Воинов-Боготолов в войну и обратили против их веры. В конечном счете даже верный капитан Маэтр взбунтовался против тебя.

Пойми, владыка Боготолов, что твои заблуждения вырвали из наших рядов целый орден. Ты восстал против самого Императора. Это уже не просто лжатеж — это ересь. А затем самый преданный из твоих капитанов восстал против тебя. Гражданская война посреди гражданской войны. Как нам понимать эти действия? Должны ли мы считать поведение Маэтра свидетельством того, что в твоём ордене сохранился истинный дух Астартес, несмотря на то что сам капитан исчез? Или нам следует заключить, что у всех Воинов-Боготолов проблемы с верностью, что это дефект вашего геносемени? Может, ваша генная линия ненадежна.

Боготол? Есть ли вам место в Империи Человечества? Может ли Император взирать на вас без жалости, презрения или отворачивания?»

--- Тебя не казнят, магистр Неотера.

Голос показался знакомым, но после обвинений псайкера голова у Неотеры так кружилась, что имя не приходило на ум. А теперь произнесенный вслух приговор порастил его как громом. На Воина-Боготола обрушилось беспросветное отчаяние, словно целый мир упал ему на плечи. Неужели они намерены его пощадить?

--- У тебя отберут доспехи и заключат в Пенищенцаконе. Там ты будешь влачить жизнь во тьме и одиночестве. Оставшись один на один со своей совестью, ты либо осознаешь истинную цену совершенного тобой предательства, либо утреешь в неведении.

Сознание Неотеры помутилось. Мир, рухнувший магистру на плечи, вдавил его в символ аквилы на полу. Его неизменно прямой и решительный взгляд поплыл, прежде чем воин сумел невероятным

усилием воли преодолеть взметнувшийся ужас. Он скрипнул зубами, еще не веря в страшный приговор. Его не казнят --- но как он сможет жить дальше?

«Ты не просил о милосердии. И мы немилосердны».

Ричард Уильямс

СИРОТЫ

«КРАКЕНА» [\[10\]](#)

Я еще не мертв.

Я лишь на краю. Я уже не могу сказать, как долго здесь пробыл. Мое первое сердце начинает биться. Я считаю минуты до тех пор, пока оно не затолкнет и не оживет вновь. Из всех сил я цепляюсь за этот звук. Только он напоминает мне, что я еще жив.

Меня удерживает на краю не страх. Я вижу грядущее и приветствую его. Но я дал клятву. До тех пор, пока я не сдержал слово, я не могу позволить себе упасть.

Корабль-улей тиранидов беззвучно дрейфовал в костической пустоте. Я наблюдал за ним сквозь иллюминатор. Корабль был огромен и безобразен, невообразимо уродлив. Органическая материя, но не порождение природы. У

насколько мы могли определить, он был совершенно мертв.

Я -- брат-сержант Туресий из ордена Кос Императора, и я прибыл сюда в поисках легенды.

Я командир 21-й Спасательной команды. Если мой титул показался вам очень громким, позвольте вас разочаровать. Это не так. Вначале нас было восемь: я и семь послушников. Боевые братья в обучении -- юноши, подростки, дети. Мне говорили, что они -- будущее нашего ордена. Однако уже тогда я знал, что у нас нет будущего.

До сего дня мы провели вместе больше двух лет. Это время было нелегким, и не обошлось без потерь. Свидетельством тому три пустующих кресла рядом со мной. Но трое, оставшиеся позади, разочаровали меня намного меньше, чем четверо выживших. Сейчас они ускользнули в дальний конец десантной шлюпки и собрались там вокруг юнца, который что-то налаживал в механизме тяжелого болтера. Скауты негромко переговаривались, полагая, что я их не

услышу.

--- Вот... Думаю, так он будет лучше работать.

--- Ты уверен, брат Харрон? Это не по Кодексу.

--- Конечно, он уверен, Хвизир. Кому ты больше доверяешь? Нашему брату, который выпускал этим паразитом кишки наравне с тобой, или книге, написанной каким-то старым олухом? Этих тараканов тогда вообще не было, так что от Кодекса не больше пользы, чем от...

--- Прояви хоть немного уважения, Вителлий, -- вмешался четвертый. -- Сержант может тебя услышать.

--- Назан. Говорю тебе, после всего того, что он заставил нас вытерпеть, мне глубоко плевать, слышит он или нет.

Так было не всегда. Вначале, во время наших первых операций, в их голосах звучала надежда. Послушники оживленно обсуждали возможные находки. Они повторяли слухи о костодесантниках из ордена Кос, выживших в биокораблях тиранидов; истории о том, как такие воины спасали окруженные и почти

уничтоженные абордажные команды, а затем вновь исчезали во мраке; рассказы о том, как внешне невредимые биокорабли бились в конвульсиях и погибали во время сражения. Байки. Легенды. Мифы.

И все же они верили. Они воображали, что на каждом обнаруженном нами мертвом биокорабле целые роты героев-Астартес ожидают спасения. Что они не были уничтожены флотом-ульем «Кракен». Флот-улей «Кракен», который обрушился на нас всесильной карой, истребляя целые флотилии и пожирая миры, как-то их простотрел. И вот они выжили, позабытые всеми, и терпеливо ждали, пока семь бравых новичков не явятся, чтобы спасти их и тоже стать героями ордена. Стать легендами.

Мифы. Фантазии. Ложь. Я давно уже знал это, а они поняли, как только ступили на борт первого биокорабля.

В интра-воксе треснул голос пилота: — Десять секунд! Подготовиться к столкновению! Держитесь! Держитесь!

Я вцепился в поручень. Все начиналось заново. В очередной раз нам

предстояло познаться за легендой, обнаружить миф и разоблачить ложь. Когда мы наконец признаем правду? Когда решится прекратить поиски?

Мои подопечные осторожно двинулись от точки прорыва вглубь корабля. Они с привычной сноровкой разошлись по своим местам. Выходцы из городов-ульев — богачи Наррон и уроженец нищих кварталов Вителлий — по очереди занимали позиции на острие и лезвии косы. Свирепый дикарь Хвизир с тяжелым болтером на плече двигался в кособище. Назан, один из немногих послушников, рожденных, как и я, на благородной Соме, шел в хвостовике, что давало ему возможность руководить остальными.

Если бы наши ауспики и сканеры уже не сообщили, что корабль мертв, мы бы поняли это в ту же секунду, как проникли внутрь. В коридорах царила тьма. Наши фонари служили единственным источником освещения. В их свете мы увидели, как шкура стен вяло свисает с ребер. Ее поверхность выцвела и сморщилась. Дверные клапаны были

распахнуты настежь. Управляющие и мускулы истлели.

Мы брели по вонючей жиже. Хотя она и стахивала на канализационные стоки, это не являлось отходами жизнедеятельности судна. Жидкость была живой: миллиарды микроскопических тиранидских организмов, выпущенные кораблем в момент смерти и предназначенные лишь для того, чтобы пожирать плоть их мертвого родителя. Пожирать и размножаться. Другие существа -- огромные по сравнению с микробами, но для нас крошечные -- плавали среди них, поглощая своих меньших братьев, пока, в свою очередь, не встречались с более крупными кузенами.

Корабль-улей был мертв, но смерть наполнила его новой жизнью. Каждое существо, начиная с мельчайших микробов, было создано для того, чтобы питаться и быть съеденным, концентрируя биоматериал корабля в хищниках, венчающих пищевую цепочку. Эти твари затем с готовностью перемещались на следующий биокорабль, который поглощал

их и рециркулировал биомассу. Так
ксеноформы тиранидов превращали
бесполезный труп породившего их судна в
еще один легион чудовищ, готовых
наводнить пространство. Труп родителя и
любое другое органическое существо,
имевшее глупость ступить на борт.

--- Ногогрызы! Справа! --- завопил
Вителлий.

Нагствольные фонари гружно
развернулись на крик. Я услышал двойной
выстрел Вителлия и Назана и визг их
жертвы.

--- Назад! Назад! --- немедленно
приказал Назан. --- Харрон!

Харрон держал болтер наготове и
мгновенно открыл огонь. Снаряды
взорвались в гущу тварей, раздирая
маленькие жирные тела и расшвыривая
осколки.

Выстрелы предупреждают о нашем
присутствии всех активных тиранидов в
окруже. Назан осветил нагствольным
фонарем кожистые стены отсека,
выглядывая новых визитеров. Вителлий
просто налил во все темные углы. Его

усилия были вознаграждены новым визгом. Скауты направили оружие на источник звука, ярко осветив цель.

Там ничего не оказалось. В углу было пусто. Слизь чуть колыхалась у подножия бронированной опоры, поддерживающей стену, но и только.

Я ожидал, что Назан прикажет Вителлию выяснить, с чем мы имеем дело. Я видел, как шлем моего заместителя развернулся к ульевику. Лампы брони окружили его лицо золотым сиянием. Я ждал, что он отдаст приказ, но приказа не последовало. Назан отвернулся и сам начал продвигаться к подозрительному участку.

— Скаут Назан, стоять! — сердито приказал я. — Скаут Вителлий, осмотреть местность.

Вителлий, ожидавший приказа, выступил вперед с уверенностью, которая не пристала никому в его положении. Тем не менее он наслаждался ситуацией, опровергая ожидания остальных и утверждая, что такие места напоят о доме. Хотя, побывав на нижних уровнях

үльев в его родном мире, я не могу не согласиться.

Вителлий попробовал ногой пол по поверхности жижи, чтобы убедиться, что ступает по твердому, а затем шагнул прямо в угол. Он направил луч фонаря вверх, туда, где бронированная опора обрывалась, немного не доставая до потолка.

--- Вителлий! --- поспешно прошипел Харрон. --- Оно шевелится!

У Вителлия были инстинкты жителя нижних уровней. Он не стал задавать вопросов. Он не потратил и доли секунды на то, чтобы посмотреть на колонну, которая внезапно двинулась ему навстречу, --- он просто пустился наутек.

--- Хвизир! --- заорал он, разбрызгивая на бегу когтя слизи.

Хвизир нажал на спуск крупнокалиберного оружия. Ракета «адское пламя» пронеслась через отсек и врезалась в колонну, которая кинулась вслед за пленяющим скаутом. Острые изгибы высунулись из снаряда и вонзились в тело твари, накачивая его кислотой. Существо

содрогнулось. Оторвавшись от стены, оно
взмахнуло щупальцами и присоскати на
подбрюшье и рухнуло в жижу, чтобы вновь
вступить в кругооборот биомассы.

То, что обнаружилось под ним, то,
что оно медленно поглощало, — оказалось
еще более жутким. Втиснутый в стену и
все же вздымавшийся на трехметровую
высоту, там стоял монстр-тиранид
размером с греднутом. Его кожа была
плотной, как панцирь, конечности
увенчивались когтями величиной со
слоновьи бивни, а наполовину обглоданное
лицо стало еще кошмарнее.

— Огонь! — взвизгнул Вителлий и
совместно с Назаном и Нарроном всадил
полдюжины снарядов в трясущийся гнилой
трун.

— Он уже мертв, послушники. Не
тратьте понапрасну боеприпасы.

Покачив головой, я снова проверил
показания аусника, засекшего сигнал маяка.

— Нам сюда.

Когда я начинал, под командой у меня
было семь послушников. На корабле-улье,
идентифицированном как «№ 34732

Халиса», ты наткнулся на колонию
впавших в анабиоз генокрагов, и послушник
Метеллиан был убит. На «№ 10998
Архелон» послушник Квинтос потерял руку
и половину лица в схватке с тиранидским
воином, который оказался более живым,
чем предполагал новобранец. Эта тварь
чуть не одолела меня, пока я не насадил ее
на лезвие своего копья. На «№ 51191 Нофон»
послушник Варос провалился в дыру в полу.
Когда мы наконец отыскали его в глубинах
корабля, он был мертв.

Мы исследовали больше дюжины
мертвых кораблей-ульев. Вероятно, мы,
Спасательные команды, побегали изнутри
больше биокораблей, чем любой другой
человеческий воин, а возможно, и любой из
чужаков. Поэтому я говорю со знанием
дела. Так вот, несмотря на все
разнообразие тиранидских кораблей,
несмотря на все усилия имперских агентов
каталогизировать их и распределить по
тысячам разных классов, правда
заключается в том, что, когда ты
показываешься в их кишках, все различия
исчезают. Те же стены из плоти, те же

звери-клапаны, те же карманы, из которых можно попасть в основные артерии, ведущие к сердцу биокорабля.

Но при всех ставших рутинной кошмарах, которые я повидал на кораблях-ульях, порой они все еще способны меня удивить.

--- Бог-Император... --- прошептал Наррон, взглядевшись в сумрачное пространство.

Сигнал маяка вывел нас наверх, однако капилляр, вдоль которого мы следовали, завершался не другим карманом или даже артерией --- он обрывался в полость, настолько огромную, что свет наших фонарей не достигал противоположной стены. Под нашими ногами слизь переливалась через край пропасти и ленивым водонапором скатывалась в темноту внизу. Вдоль левой стены каверны выстроились в ряд огромные яйцеобразные предметы --- каждый не меньше или даже больше могучих «Грозовых ястребов» костодесанта. В лучах фонарей они тошнотворно отсвечивали фиолетовым.

Скорлупа нескольких гигантских яиц раскололась, а одно треснуло. Внутри, навеки застывшее в смертных судорогах, выднелось одно из существ, порожденных этими мешками из плоти.

Биотитаны.

Биотитаны. Колоссальные боевые машины, которые, по-научьи встав на все лапы, возвышались даже над самыми мощными из наших танков. Воящие, отбратительные живые механизмы, пощенившиеся многочисленными конечностями. И каждый был оружием, вырезавшим не одну линию имперской обороны.

— Там... там еще один, — сказал Назан, и я направил луч фонаря туда, куда он указывал.

Не просто один. Вся каверна была набита этими чудовищами — валявшимися на полу, сбитыми с ног, мертвыми. Их раздувшиеся тела и бритвенно острые когти были едва различимы на фоне кожистых стен корабля-улья.

Наррон нарушил тишину первым.

--- Церофанты, --- заключил он, рассмотрев тварей, --- незрелые, судя по их размерам.

--- Хочешь сказать, это еще недоростки? --- выпалил Вителлий.

Обычная его самоуверенность куда-то подевалась.

--- Несомненно, --- ответил Наррон. --- Отчеты бойцов планетарной обороны вполне ясно...

--- Конечно, это недоростки, скаут Вителлий, --- отрезал я. --- Впредь не стоит недооценивать наших противников. Послушник Назан, ты должны следовать вперед за сигналом маяка. Организуйте спуск.

Назан двинулся вдоль края обрыва, оглядывая дно пещеры далеко внизу. Остальные послушники наблюдали за тропой или проверяли оружие.

--- Брат-наставник... не могли бы вы... не могли бы вы взглянуть на это? --- негромко окликнул меня Назан.

Трон! Неужели этот мальчишка не может самостоятельно справиться даже с таким простым заданием?

--- Что случилось, послушник? ---
сказал я, направляясь к нему и с трудом подавляя раздражение.

--- Пол...

Он лег на живот и направил луч фонаря на дно пещеры прямо под нами.

--- Это... это ногогрызы, ведь так? Там все покрыто ими.

Я встотрелся. Он был прав. То, что казалось твердой поверхностью, на самом деле было членистыми спинами тысяч ногогрызов, сбившихся плотно, как сельди в бочке.

--- И что ты предлагаешь с этим делать, послушник?

Назан заколебался. Вителлий --- нет.

--- Мы должны вернуться и найти обходной...

Я оборвал его:

--- Астартес не отступает при виде обычных насекомых, послушник. Он находит способ пройти сквозь них.

Я вновь обернулся к Назану и принялся наблюдать за тем, как юнец размышляет. Наконец он выдал ответ и посмотрел на меня, ища одобрения. Мальчишка

предложил неплохой план, но его потребность в поддержке меня разочаровала.

--- Чего ты ждешь, послушник? Это твой план, ты и командуй.

--- Да, сержант. Культоний, заряди болтер «адским пламенем» и стреляй вот сюда.

Хвизир закивал со всем рвением того, кто осознает свою второсортность и готов из кожи вон лезть, лишь бы его не прогнали. Он был назван Хвизиром при рождении, наверняка на полу какой-нибудь грязной пещеры на Мирале. Вступив в ряды Астартес, он выбрал имя Культоний. Я всегда считал, что убогий гикарь не стоит такого благородного имени. Поначалу я называл его Культониет вслух, но мысленно --- никогда. Теперь новое имя использует лишь Назан.

Верзила поднес громоздкий тяжелый болтер к краю обрыва.

--- Ему понадобится поддержка, --- пробормотал Вителлий.

--- Я как раз собирался это сказать, --- ответил Назан. --- Вителлий, встань

рядом и держи его. Харрон, ты тоже. Когда он выстрелит, подготовьте следующий заряд.

Наконец-то в тоне Назана появилось что-то вроде командных ноток. Медленно и методично он организовывал отделение для ведения огня. Он даже вырыл в стене капилляра яму, обеспечив стрелку более устойчивую позицию, и крепко привязал болтер к Хвизирю, чтобы отгача при стрельбе под столь неудобным углом не вырвала оружие у него из рук.

— Огонь! — наконец командовал Назан.

Скауты покрепче уперлись в землю ногами, и Хвизир нажал на спуск.

— перезарядить. Поправить прицел. Огонь. перезарядить. Поправить прицел. Огонь. перезарядить, — распоряжался Назан, и отряд следовал его приказам. — Смон!

Мы с ним заглянули за край обрыва. Разъедающая плоть кислоты, которой начинены снаряды «адского пламени», проела панцири ногогрызов. Не видя врага, они отбежали от стены и принялись

пожирать трупы биотитанов, очистив проход через каверну. Как я и ожидал.

Чего я не ожидал, так это увидеть то, что служило ногогрызам пищей, --- то, что сейчас показалось на свет. Я смотрел вниз, и горло мое сжималось от ужаса. Там раскинулось поле, вытощенное искореженной, покрытой вмятинами силовой броней, черно-желтой, как мой собственный доспех. Ногогрызы пировали трупами наших братьев.

Прежде я видел такое лишь в ночных кошмарах --- в жутких снах о падении Соты. Я был там во время гибели планеты, но худшее пропустил. Когда враг прорвал последние линии обороны, я уже находился на борту «Грозового ястреба» --- без сознания, с ногами и грудью, превратившимися в месиво биоплазменных ожогов и порезов. Когда я упал, какой-то сержант вытащил меня с баррикады, швырнул на опустевшую вагонетку, возвращавшуюся в тыл за новыми боеприпасами, и вернулся в строй. Никто из выживших не знал имени моего спасителя.

Я не помню, как перебрался с вагонетки в один из эвакуирующихся «Грозовых ястребов». Зато помню, как «Ястреб» петлял и уходил в штопор в отчаянных попытках проскользнуть сквозь дождь падавших спор. Споры тиранидов продолжали сыпаться на планету, уже не встречая сопротивления. Я очнулся как раз вовремя, чтобы ощутить последний рывок гравитации Сомы, которую мы оставляли на растерзание врагу. Как раз вовремя, чтобы осознать, что мы не исполнили свой священный долг.

Мы очистили родильную камеру биотитанов от ногогрызов и мелких ксеноформ. Это заняло почти целый день. Сигнал таинственного маяка продолжал упорно пульсировать на экране ауспика, однако задержка была необходима. Из обычного препятствия на нашем пути пещера превратилась в святилище. Мы вызвали шлюпку и приказали слугителям-рабочим присоединиться к нам. Прибыв на место, они поддержали нас огнем, что позволило наконец-то очистить каверну. Мои подопечные стояли на страже, в то

время как рабочие начали извлекать тела
павших братьев. Мы насчитали
тридцать семь боевых успехов. Больше
трети роты пало здесь в сражении с
новорожденными биотиманати
вырвавшимися из зародышевых оболочек.
Что за славная битва!

На броне виднелись знаки различия
Пятой роты. Этим воинов не было на Соме
во время нападения «Кракена». Они
сражались и пали несколькими месяцами
раньше. Магистр ордена Торкира
направил их к самой границе секторов,
охраняемых Косами, в ответ на донесения
о мятеже и вторжении ксеносов. Сам он
возглавил основные силы, которым
следовало подавить восстание на севере
галактики. Тогда он еще не знал, что
набеги ксеносов были лишь вершиной
айсберга — авангардом приближающегося
флота-улья «Кракен». Мы получили от
Пятой несколько рутинных отчетов,
искаженных помехами пси-поля, а затем
боевые братья канули в тень в варпе.

К тому времени как другая рота
освободилась и стала за нити

последовать, открылась правда о флоте «Кракен» и об опасности, которую он несет Соме. Был объявлен всеобщий призыв — все боевые братья были отозваны домой для защиты родной планеты. Так что судьба Пятой стала очередной загадкой — сотня воинов среди миллионов, уже сгинувших в пасти «Кракена», и миллиардов, которых ждала схожая участь.

— Так это правда, — сказал старший слугитель Триколь, подходя ко мне. — Еще одна тайна разгадана.

— Прикажи своим людям работать как можно быстрее, Триколь. Расчистите эту зону, чтобы я мог вести своих подопечных дальше. Мы здесь ради живых, а не ради мертвых.

Триколь отдал распоряжения рабочим, пока я инструктировал новичков. Но затем слугитель снова подошел ко мне и окинул меня скептическим взглядом.

— Ты хочешь что-то сказать? — спросил я.

Слуга ордена, простой рабочий, никогда бы не осмелился задавать вопросы посвященному боевому брату. Но не

Триколь. Я нашел его на Трайе — работник гидропонной установки, ставший капитаном ополчения перед лицом близящейся опасности — флота-улья. Его жена давно умерла и избежала всех ужасов нападения тиранидов. Дети Триколя погибли, сражаясь под его командованием. Он успел побегать самое страшное и не испытывал ни малейшей робости в моем присутствии. Бывший капитан свободно выражал свое мнение, и я его за это уважал.

— Неужели вы считаете, что у них есть хоть малейший шанс? — сказал Триколь со своим сильным трайским акцентом. — Что все это время они жили и сражались внутри одного из чудовищ?

Я посмотрел на него сверху вниз:

— Ты человек, Триколь. Я знаю, что тебе сложно это понять. Смертному солдату многое нужно: еда, боеприпасы, убежище, сон, даже новые приказы от начальства, чтобы не чувствовать себя брошенным. Без этого смертный солдат не может функционировать. Он слабеет и падает духом. Но мы — Астартес. Мы не

такие, как вы. Мы можем есть то, чего вы есть не можете, можем спать, оставаясь настороже. Поручить Астартес задание --- значит дать ему цель, которой он будет добиваться, пока ему не прикажут остановиться или пока Император не призовет его.

Триколь внимательно меня выслушал, задумчиво кивая, а затем снова заговорил.

--- Ты вы считаете, шанс есть? --- повторил он.

Служитель, похоже, не собирался отступить.

--- Подумай, кого мы пытаемся здесь найти, --- снисходительно отозвался я. --- Это Пятая рота: капитан Феодосий, командор Кассий, лейтенант Энерон, знаменосец Вальтиох. Если кто-нибудь и выжил, то это будут такие воины, как они.

Триколь кивнул:

--- Я понимаю. Но... думаете ли вы, что есть шанс? --- спросил он в третий раз.

Траиец обнажил в ухмылке гнилые зубы. Если бы со мной говорил новичок, я бы и минуты не стал терпеть такого

дерзкого упрямства, но, в отличие от них, Триколь кровью заработал право на откровенность.

--- Хочешь узнать правду? --- Я глубоко вздохнул и отвел глаза. --- Конечно нет. Мы найдем на этом корабле лишь смерть. Ничего другого во время этих операций нам не обнаружить. Ты видел то же, что и я. Даже мертвыми эти корабли пожирают все, что попадает внутрь. О каких выживших может идти речь? Спасательные команды магистра Фрасия --- совершенно бесплодная затея.

Я вновь позволил взять верх горечи и раздражению, которые вызывал у меня новый магистр ордена. Однако в присутствии Триколя это не имело значения: он был не из болтливых.

--- Он поведал мне, что назвал нас Спасательными командами, потому что мы станем спасением ордена, --- продолжил я, все еще кипя негодованием против далекого командира. --- Но ты знаешь, как нас называют братья из боевых рот?

Триколь слегка качнул головой.

--- Собираательными командами, ---

сказал я.

--- Хм, --- пробормотал он. --- Нетко.

Собирательные команды. Это задумывалось как оскорбление, однако с каждой новой вылазкой прозвище казалось мне все более подходящим. Несмотря на все наши усилия, мы не обнаружили ни одного из пропавших братьев. По крайней мере, ни одного живого. Мы собирали лишь хлам. Ксеноформы тиранидов используют каждый атом, до которого могут дотянуться, но в первую очередь предпочитают биологический материал. Нашу плоть. Эту закуску они выбирают среди любой дрягой.

Поэтому добычей Спасательных команд становилось то, что корабль-улей, особенно поврежденный абордажной командой, мог пропустить: оружие, доспехи. Они принадлежали не только братьям-Косам. Снаряжение Астартес, которое мы находили, было раскрашено в самые разные цвета: желтый и красный, синий, серебряный, черный и зеленый. Невзирая на то что другие ордены могли считать это святотатством, мы забирали

все. Наши приказы были ясны: спасти все, что можно.

Люди Триколя работали быстро и целеустремленно. Как и сам Триколь, они были рождены на мирах, навших под ударами «Кракена»: Мирале, Трайе и других, — мирах, которые мы пытались защитить во время долгого отступления Сомы. Все слугители, изначально принадлежавшие ордену, погибли при обороне Сомы. Юноши и старики, больные и раненые — все они взяли в руки оружие и пожертвовали жизнью, чтобы подарить несколько драгоценных секунд своим повелителям. Чтобы мы, Астартес, могли спастись.

И мы спаслись, но в то время наше бегство, казалось, лишь отсрочило окончательное уничтожение. Выжившие Сомы добрались до системы Мирале, где доложили о потере родного мира вернувшейся магистру. Торкира был поражен, почти сломлен этим известием. Кое-кто предлагал отступить дальше перед лицом многократно превосходящего

нас врага, но магистр отверг эту идею и привел нас всех к присяге вызова. «Кракен» приближался, и мы должны были бороться до конца и умереть в джунглях Мирала.

«Кракен» пришел, и мы держали оборону на скальных уступах в местности, называвшейся Гроб Великана. Мы сражались отчаянно и снова погибали. Не знаю, надеялся ли Торкира, что нас спасет какое-то чудо или что одной его веры будет довольно, чтобы принести нам благословение Императора и гарантировать потрясающую победу. Чуда не случилось. Торкира погиб, разорванный на куски врагами, и капитан Фрасий приказал отступить. И вновь я выжил.

Если вы полагаете, что я благодарен судьбе за свое спасение, вы ошибаетесь. Когда в первый раз я оставил братьев позади, душа моя истекала кровью. Когда я вынужден был поступить так еще раз... это больше, чем может вынести любой человек. Тело мое пережило битву на Мирале, но не дух. Глядя, как капитан Фрасий приносит клятвы магистру Кордена на мостике «Сердца Соты», я был

уверен, что следующая битва станет для меня последней.

Но после Мирала, признаю это со стыдом, мы сделались осторожнее. Фрасий считал, что ни один из миров не стоит гибели оргена — кроме разве что Священной Терры. Нам сказали, что не стоит больше помышлять о победе — лишь о том ущербе, который мы сможем нанести, прежде чем опять придется отходить. Фрасий просчитывал наши отступления до мельчайших деталей и требовал строжайшего следования его планам. Братья гибли, но никто не умирал впустую. Однако я чувствовал, как бесчестие опалает мою грудь всякий раз, когда получал приказ бросить новый мир на потеху «Кракену», в то время как другие продолжали сражаться. Я повиновался, но не мог подчиниться приказам Фрасия, который требовал предоставить остальных защитников планеты их судьбе. Я забирал с собой тех, кто заслуживал спасения. Так поступал не один я, и в конце концов пристыженный Фрасий разрешил благородным смертным,

подобным Триколю, остаться с нами.

* * *

Сигнал маяка вел нас вглубь корабля. Мы отыскиали одну из главных артерий, но она кишела ногогрызами. Твари уже не кормились. Похоже, они нажрались до того, что едва не лопались, и волочили раздувшиеся брюха по полу, направляясь к центру корабля. Пары зарядов «агского пламени» в этом случае было недостаточно, и я неохотно приказал скаутам искать другой путь. Плотная мускульная стенка артерии проходила через все отсеки на этом уровне, мешая дальнейшему продвижению. Наконец Назан заметил, что слизь утекает куда-то в угол. Там в полу обнаружился клапан, которому мешал закрыться обильный поток слизи. Отверстие было слишком мало для нас, но мы его расширили. Следовало бы послать первым одного из скаутов, но мне совсем не улыбалось

оказаться отрезанным от запаниковавшего послушника. Я убрал пистолет в кобур, сжал копис и головой вперед нырнул в узкий туннель.

В ту же секунду я почувствовал, что могу задохнуться в слизи, пока протискиваюсь вниз. Для освещения у меня имелся только нашлетный фонарь, но двигать здесь все равно было нечего, кроме сочащейся по сторонам жижи. Я продвигался медленно, вытянув вперед копис и расширяя им туннель, как рычагом, а затем расталкивая стены, чтобы освободить проход. Единственным утешением служила мысль, что любая тиранидская ксеноформа, забравшаяся в это место, дабыл-давно должна была раствориться в слизи.

Веревка у меня на поясе натянулась, а затем снова ослабла, когда послушники полезли следом за мной.

«Кракен» поглощал одну планету за другой, но пог началом Фрасия мы --- ничтожные остатки некогда гордых, некогда храбрых, некогда славных Кос Императора --- выжили. Однако я по-прежнему говорил себе, что это лишь вопрос времени. Меня все еще оживдала очистительная купель жестокой смерти. А затем настала очередь Учара IV.

Щупальца «Кракена» сомкнулись вокруг этого мира, и там, сплотившись в последнем усилии, среди великого множества имперских сил встали Ультратарины. Вместе они разнесли «Кракен» на куски. Планета была почти разрушена, ее защитники обескровлены, но флот тиранидов рассеялся.

Это оказалась та самая победа, о которой мы, Косы, молились так горячо. Эта победа, которой, по словам Фрасия, нам уже не дожидаться.

И нас там не было.

Весть о победе на Учаре IV достигла последнего из миров, на котором мы нашли убежище. Кажется, он назывался Босфором. Однако даже тогда мы не

знали, как далеко отброшен «Кракен». Мы продолжали подготавливать системы планетарной обороны и обучать местных неуклюжих воинов законам войны, доставшимся нам тяжелой ценой. Мы ждали, что «Кракен» придет и небеса станут красными от его спор. Но биокорабли так и не появились.

Лишь в тот момент я понял, что выжил. Что я буду жить не просто еще пару дней или недель, до следующей битвы, но десятки лет. Лишь тогда мы подсчитали потери и узнали истинную цену того, что произошло на нашей погибшей родине. Только один из десяти боевых братьев ордена выжил. Один из десяти.

Наши офицеры, стоявшие до конца и сражавшиеся даже тогда, когда приказывали другим отступить, были истреблены почти до единого. Наш транспорт, наши боевые машины брошены, наши благословенные предки, заключенные в саркофаги дрегноутов, сгинули в когтях «Кракена». Их голоса и воспоминания — все, что связывало нас с наследием ордена, —

оказались навеки утрачены.

Фрасий сказал нам, что это не конец. Что мы воздадим славу мертвым, но их место займут живые, что мы снова возродимся и станем такими, как прежде.

Даже в тот момент, когда я стоял, слушая его речь, я знал, насколько он неправ. Мы призовем больше юношей в наши ряды, больше Астартес будут носить наши цвета, больше ртов будут выкрикивать наши боевые кличи и произносить клятвы. Но это будет не мы. Все, что делало нас орденотом костогесанта, кроме кералита наших доспехов и металла, из которого отковано наше оружие, ушло в прошлое.

Термаганты рассыпались по склону. Щупальца, покрывавшие возмущенный пол, стены и даже свисавшие с потолка, должны были среагировать на движение и опустить добычу, но сейчас они лежали неподвижно. Один из термагантов замер и опустил голову, пригнувшись. Затем он быстро обернулся к остальному выводку — и те поменяли направление. Движение их стало целеустремленным — они ощутили

присутствие чужака. Твари заметили свет, вспыхнувший впереди, и поспешили к нему. Вожак вытянул одну из клешней, чтобы схватить фонарь, в то время как остальные продолжали принохиваться. Запах указывал на то, что пришельцы разделились. Как раз в этот момент ловушка сработала.

Полдюжины ближайших к фонарю щупалец внезапно разлетелись в клочки — это сдетонировали привязанные к ним осколочные гранаты. Термаганты взвыли, когда шрапнель вонзилась в их тела. Харрон, Назан и Вителлий выскочили из засады и прицельными выстрелами прикончили уцелевших тварей. Когда последние термаганты рухнули на пол, шипя и дергаясь в конвульсиях, я приказал прекратить огонь. Велев скаутам прикрывать меня, я погосел к месту побоища. Термаганты по всем признакам были мертвы. Их боевые симбионты безжизненно свисали с клешней тварей, болтались оторванные конечности, а из ран вытекал вонючий иxor. Чтобы не рисковать, я взял копис и отрубил голову

каждому чужовищу. Маленькая, но победа.
И все же я не почувствовал себя
отлученным. Ни в этот раз, никогда.
Вскоре придут ногогрызы и начнут
кормиться, и в результате мертвая
плоть термозантов будет переработана и
станет следующим поколением тварей.

--- Эти уроды и минуты не прожили
бы на нижнем уровне, --- заявил Вителлий.

Он засветил фонарь на шлеме и
важничая приблизился, чтобы
полюбоваться своей работой.

--- Даже ревун оглядит местность,
прежде чем подобрать кусок отбросов. Эти
гаунты утом не блещут.

Я покосился вниз, на латную прищипку.
Даже лежа посреди кровавых ошметков,
она продолжала светить. Я подобрал ее и
выключил.

--- Затвори свой нащелканный фонарь,
послушник, --- приказал я. --- Назан,
организуй наблюдение. Не думайте, что
они здесь были одни. Харрон, подойди сюда.

Скауты немедленно выполнили мои
распоряжения, в том числе и Вителлий.
Он был наглым выскочкой, но не в те

минуты, когда речь шла о его голове. Его
избрали из числа подонков, призванных на
службу в ополчение при обороне мира-улья.
Раднар. Ему не исполнилось и
четырнадцати, а он уже возглавлял
несколько банг подростков, сеявших ужас
на нижних уровнях города-улья.
Апотекарии Кос вывели с его кожи метки
банды, татуировки и около дюжины
значков — счет противников, которых, по
утверждениям Вителлия, он прикончил, —
но не смогли убрать прилажавшееся ко
всему этому чувство самодовольного
превосходства. Отчеты, составленные во
время тренировок, классифицировали его
как природного лидера. Я был не согласен.
Прежде чем командовать, человек должен
научиться следовать приказам, а с этой
задачей он никак не справлялся. Возможно,
мальчишка и был рожден для того, чтобы
возглавлять бангу мерзавцев со дна улья,
но ему никогда не стать офицером.
Астартес.

— Что ты думаешь, Харрон? —
спросил я, кивнув на тела тиранидов.

В отличие от Назана, скаут Харрон

быстро исполнял любое данное ему поручение. Его тоже призывали с Раднара, но он по крайней мере происходил из благородной семьи. Наррона уже отобрали для дополнительных занятий, и после посвящения он должен стать технодесантником.

Наррон поднял одну из отсеченных голов и зачарованно уставился на ее заостренные, зловещие черты.

--- Отряд гаунтов, несомненно. Виг --- термозанты.

--- Правильно, --- отозвался я. --- Продолжай.

--- Странно, однако, что они попались нам здесь...

--- На корабле-улье? Да, послушник, вот уж сюрприз так сюрприз. --- Я направил его мысли в нужное русло: --- Полагаешь, они вывелись недавно?

На горьком опыте мы усвоили, что новорожденные ксеноформы были одним из признаков опасности. Даже на мертвом корабле-улье определенные остаточные рефлексы могли вызвать выполнение новых тиранидов, если нарушитель вступал на

их территорию. Еще одна линия обороны
против грабителей могил -- таких как
мы. Если эти термаганы недавно
вылупились, на нас в любой момент могли
накинуться их собратья.

-- Сложно... -- пробормотал Харрон, --
сложно сказать наверняка.

-- Тогда порадуй меня своим лучшим
предположением, -- резко ответил я. --
Докажи, что магистр кузницы Себастион
не зря потратил на тебя время.

Харрон положил голову гаунта на пол
и провел закованной в латную рукавицу
ладонью по слизистому телу, проверяя
состояние тканей. Я поторщился от
отвращения.

-- Нет. Это не новорожденные, -- в
конце концов заключил он, и я с
облегчением вздохнул.

-- Вудите эти шрамы и кожу, а вот
этот потерял часть своей... -- начал
объяснять он.

-- Благодарю, послушник, -- прервал я
скаута прежде, чем он слишком увлечется.

-- Но то, что говорил Себастион... --
горячо начал Харрон, однако, заметив

выражение моего лица, затолчал.

И все же я сжалился и кивком разрешил ему продолжать.

--- Магистр Себастион в своих лекциях рассказывал о том, как во времена нападения на Сому, Мираль и остальные планеты корабли «Кракена» выпустили миллионы подобных существ, расходуя их... примерно как космогесантники расходуют болтерные снаряды. Но мы, Спасательные команды, очень редко встречаем их. Магистр Себастион считал, что, поскольку они так легко плодятся и не приносят почти никакой пользы после гибели корабля-матки, их первыми пускают на переработку...

Под моим взглядом голос его становился все тише.

--- Благодарю, послушник, --- раздельно произнес я. --- Вполне достаточно.

Я посмотрел в ту сторону, куда нам предстояло идти. Если показаниям аусника можно доверять, таяк находился неподалеку. Когда мы его найдем, я смогу прервать эту операцию, предоставив кораблю гнуть дальше. Я не хотел больше

задерживаться, но вдруг краем глаза заметил, как Наррон нагибается и поднимает что-то. Он подобрал голову гаунта и как раз собирался запереть ее в свой ранец.

--- Брось ее, --- велел я.

Потупившись, он забормотал:

--- Но я только подумал: если это такая редкость, может, мне стоит изучить ее и узнать...

--- Брось ее, послушник, --- вторично приказал я.

Внимание Себастиона поначалу привлек интерес Наррона к священным тайнам механизмов, но любопытство юнца увело его от прямого и достойного пути технопроводца в сомнительную область ксенотехники тиранидов. Мне доводилось слышать, как он делится с братьями-послушниками своими фантастическими задумками о том, как чуждым могут привести подобные исследования, о создании абсолютного оружия, которое уничтожит «Кракен» и все его отродье и навеки изгонит врага в бездну космоса. Он не понимал всей

опасности подобных затей. Молодежь
никогда этого не понимает.

--- И в будущем учить, какую
заразу или скверну ты и твои братья
можете подцепить от такого трофея.
Подожди с научными исследованиями до
тех пор, пока тебя не отправят на Марс.
А до тех пор не забывай, что ты здесь для
того, чтобы сражаться.

Пристыженный, Харрон разжал руку,
и оскалившийся, выпучивший
остекленевшие глаза трофеем покатулся
вниз по склону, пока не затерялся в клубке
щупалец.

--- Есть объяснение тому, почему эти
гаунты выжили, --- проговорил будущий
технодесантник.

--- И какое же?

--- Возможно, этот корабль... не
тертв.

Цдея была стихотворной, но,
несмотря на это, я ощутил легкий озноб.
Все сканы, которые мы провели перед
вылазкой, однозначно указывали, что
корабль представляет собой ровно то, чем
кажется снаружи, --- безжизненный остров.

Но что, если... Может ли он быть еще?..

«Нет», — сказал я себе, когда мы продолжили путь. Я был уже далеко не щенком-послушником. Я не стану жертвой паранойи. Все мои инстинкты — инстинкты, отточенные двутя годами подобных операций, — говорили, что корабль мертв. Если бы он был живым, мы никогда не забрались бы так далеко. Нас бы окружили и уничтожили после первой же сотни шагов. И мы ни за что не сумели бы пойтать в западню этих гаунтов — какое-нибудь существо, какое-нибудь неприютное насекомое следило бы за нами, и, пользуясь его органами чувств, корабль разведгал бы все детали нашего плана.

Мы продвигались все глубже, и воздух вокруг нас становился более спертым. Мы взбирались на горные хребты, состоящие из плоти, пересекали расселины между ними, протискивались сквозь узкие капилляры и клапаны и спускались по коридорам, ребристым от хитиновых пластин или покрытым сочащимися слизью полипами. Мы проходили над

кавернами, где тесно росли луковицы на
глинных стеблях, придававшие пещерам
сходство с цветочными полями, и под
сводами, оплетенными тонкими
перекрещивающимися нитями, словно
паучьими сетями. И везде мы видели все
тот же распад: медленное превращение
чужовищно сложного организма в исходные
биоматериалы при помощи ногогрызов и
тварей поменьше, служивших им кормом.

Наконец-то раздался крик:

--- Вот он!

Вителлий осветил своим фонарем
углубление в стене. Маяк действительно
оказался там, вогнанный в стену из плоти,
как гвоздь. Сотворенный человеческой
технологией, заключенный в корпус из
стали и латуни и столь же чуждый этому
месту, как ксеноформы тиранидов чужды
человеческому кораблю.

Мои подопечные возбужденно
столпились вокруг него. Я оттолкнул их и
велел выставить часовых. Сейчас мне
меньше всего хотелось, чтобы нас
захватили врасплох. Наррон соскреб
прозрачную мембрану, выросшую поверх

металла. Я заметил, как он инстинктивно потянулся, чтобы отключить сигнал, и перехватил его руку. Он вопросительно взглянул на меня, и я медленно покачал головой. Осознав, чего я хочу, скаут понимающе кивнул и поднял кожух маяка, открывая его начинку. У разочарованно застонал.

--- В чем дело?

Назан обернулся к нам, держа гробовик наготове, и уставился на маяк.

--- Унфонланишет, --- объяснил Харрон. --- Кислота прожгла его насквозь.

Однако было и кое-что еще. Я пристотрелся. На наружной стороне кожуха виднелись знаки, поврежденные кислотой, но все еще узнаваемые. Они были процарапаны человеческой рукой, а не когтями тиранига.

--- Но в этом нет смысла, --- подумал вслух Харрон.

--- В чем нет смысла? --- отозвался Назан.

В голосе его отчетливо слышалась озабоченность.

Нагнись гласила: «VJDESUB». Вугэ

суб. Это не было кодом. Это был приказ на
Высоком Готике. Команда.

— Зачем они стерли послание, но
оставили маяк включенным?

«ПОСМОТРИ ВНИЗ».

Пол взорвался, превратившись в массу
когтей и лезвий, — это вырвалось из
укрытия затаившееся там чудовище. Сила
удара подкинула меня в воздух и швырнула
в сторону. Я врезался головой в стену из
плоти и рухнул на колени. Соскальзывая
вниз, я услышал чей-то крик:

— Бог-Император! Назад!

С усилием я перевернулся на спину.
Лучи наствольных фонарей плясали по
залу, отмечая позиции скаутов. Фонарь
Назана лежал неподвижно на
противоположном конце зала, луч его был
направлен под углом вверх. Фонарь
Вителлия подпрыгивал — его владелец
удирал прочь. Один все еще оставался в
центре комнаты: Хвизир разворачивался,
наводя на цель тяжелый болтер. На
мгновение монстр попал в луч света от
этого фонаря. Тварь встала на дыбы, широко
распахнув клыкастую пасть, вооруженную

мандибулами. Две клешни, увенчанные серповидными когтями, поднялись над головой чудовища, чтобы расцечь на куски вставшего у него на пути человека. Скаут нажал на спуск — и в черных глазах монстра вспыхнули оранжевые огни, взрывы болтерных снарядов.

Первый болт врезался в костяную клешню, падавшую на стрелка, и срикошетил. Вторым прошел сквозь плоть предплечья, прежде чем взорваться за спиной монстра. Зато третий ударил между ребер экзоскелета. Взрыв помешал атаке противника, но заодно и ослепил Хвизира в самый критический момент. Поврежденная клешня отдернулась, а вторая отклонилась в сторону, распоров ногу скаута, вместо того чтобы расцечь нагбное его голову.

На мгновение и монстр, и Хвизир понялись. Дикарь сорвал с головы целеуказатель тяжелого болтера, пытаясь проторгаться. Луч его фонаря скользнул в сторону от монстра как раз в ту секунду, когда тот подпрыгнул и перевернулся в воздухе, закапываясь

обратно в толщу корабля. Толстый
змеиный хвост твари хлестнул из
темноты, пробив наплечник Хвизира с
такой силой, что кусок металла ударил в
висок скаута и оглушил его.

--- Конатель! Разбегайтесь!

Это кричал Вителлий из укрытия.

Вителлий с одной стороны и Назан ---
с другой отчаянно размахивали фонарями,
пытаясь обнаружить тварь до того, как
она нападет снова.

--- Вон там! --- завопил Вителлий.

--- Там! --- заорал Назан.

Они смотрели в противоположные
стороны. Вителлий уже открыл огонь. В
темноте глухо прозвучал выстрел, не
поразивший ничего, кроме пустоты. Я
сорвал фонарь со своего пистолета и резко
крутанул. Пещеру озарил свет.

--- Тише, болваны! --- прошипел я,
вытаскивая копис. --- Это равенер. Он
реагирует на вибрации!

Эти двое тут же заткнулись. В
тусклом сером свете я оглядел пещеру.
Ничто на поверхности не указывало на
движение вниз. Хвизир слабо шевелился у

дыры, из которой выскочил равенер. Я
увидел и Наррона: он лежал рядом с
маяком, отброшенный первой атакой
хищника. Хвизир тоже заметил
товарища и медленно пополз к нему,
оставив тяжелый болтер позади.

— Нет, ты... — выругался я, но дикарь
меня не услышал.

Зато услышал Назан. Внезапно он
шагнул вперед, затем подобрался и
бросился бежать. Широкими, тяжелыми,
грохочащими шагами. Не к оружию, а от
него. Я почувствовал скорее, чем услышал,
как равенер под нами развернулся, чтобы
последовать за ним.

— Назан! Я приказываю тебе!.. —
крикнул я ему вслеп, уже зная, что он не
остановится.

Я быстро обернулся к Вителлию.

— Подбери болтер! Я его догоню, —
равкнул я и кинулся за убегающим
скаутом.

Назан понимал, что за ним гонятся и
равенер, и я, и полчался еще быстрее по
кожистой поверхности. В ливне плоти и
жижи равенер вырвался не из пола, а из

стены. Назан увернулся и откатился в сторону, но хищник-тиранид ухватил его за ногу одной из клешней, поднял в воздух и треснул о хитиновую пластину. Дробовик вывалился из рук Назана, а тело обмякло. Тварь занесла коготь, чтобы рассечь добычу надвое.

Я закричал и открыл стрельбу. Мои выстрелы вырывали куски плоти из зверя и из переборки корабля. Тварь содрогнулась от боли. Она свернулась, готовая вновь зарыться, но я отшвырнул пистолет и двинув руками занес копис. Равенер прыгнул. Я ударил. Острое клинка пробilo панцирь хищника и засело внутри. Равенер начал закапываться с невероятной скоростью, сбив меня с ног и потянув за собой. Я изо всех сил вцепился в рукоять кописа. Тварь потащила меня к вырытой ею дыре. Мое тело уперлось в вал, окружавший нору, и больше не двигалось. Равенер попытался вырвать копис у меня из рук, но я сжимал оружие железной хваткой. Хищник метался поодной, раздирая плоть корабля. Хвост твари, оставшийся снаружи, хлестал во

все стороны и молотил по доспехам. Я держался. Равенер потянул еще яростнее, и я почувствовал, что он вот-вот сорвется с крюка. Когда хвост ударил снова, я перехватил его одной рукой, затем отпустил копье и уцепился за хвост твари обеими руками.

--- Вителлий! --- взвыл я.

Скаут уже тчался ко мне, сжимая тяжелый болтер.

Равенер извивался подогнутой, пытаясь сбежать. Его серповидные когти крохотали воздух и вонзались в мою броню, но я был слишком близко, чтобы хищник мог нанести глубокий порез. Вителлий, всего в паре шагов от меня, поднял болтер и приготовился стрелять. Рванув изо всей силы, я выдернул равенера из норы, дав скауту возможность прицелиться. Тварь свилась в кольцо. Часть головогрудных сегментов разошлась в стороны, и я увидел, что под ними набухает уродливый пирамидальный нарост. Это было оружие, и направлено оно было прямо на меня.

Вителлий и равенер выстрелили одновременно. Ульевик нацеливался на тварь

болтерными снарядами, которые впились
глубоко в ее тело и там взорвались.
Видно оружие выпалило шрапнелью из
слизняков, которые воткнулись в меня... и
больше ничего не произошло.

Я рухнул на труп тирануга. Тогда я
не знал, что меня ранило, -- понял только,
что доспех пробит. Я чувствовал боль, но
терпимую. Я видел, как братья,
пораженные тиранугским оружием,
сходили с ума или взрывались, но со мной
ничего подобного не случилось -- лишь
сердца стучали все сильнее, разгоняя по
жилам кровь.

-- Как вы, сержант? Все в порядке? --
Вителлий упал на колени рядом со мной.
В его тоне после одержанной победы
слышалось еще больше самодовольства. --
Сегодня нам попалась крупная рыба.

-- Трус, -- холодно отозвался я.

-- Что? -- Он выглядел потрясенным. --

-- Трус? Я только что спас вашу...

-- После того как сбежал. Спасая свою
шкуру.

-- Я... Я не... -- Он кипел от ярости и
был почти готов перезарядить болтер и

всадить заряд в меня. --- Я вел себя согласно уставу! Если боец попал в засаду, надо сначала вырваться из ловушки! И только потом нанести ответный удар!

--- Оставив братьев сражаться в одиночку? Не пытайся прикрыться уставом, щенок!

Назан очнулся и старался встать. Я вздернул себя на ноги. Мое освященное Императором тело вовсю бешевало, исправляя нанесенный ущерб, но я не собирался показывать новичкам и намека на слабость.

--- Вы ничтожества. Оба, --- сказал я им. --- Назан, живее поднимайся. Вителлий, иди назад. Проверь, что там с остальными.

Вителлий шутно потопал обратно, окликая братьев:

--- Наррон! Хвизир! Если вы сдохли, поднимите руки...

После минутной паузы он обернулся к мне:

--- С ними все в порядке.

Затем он сделал в моем направлении какой-то жест, который, несомненно,

многое бы для меня значил, родись я, как и он, среди подонков улья, и продолжил свой путь. Назан уже встал. Лицевой щиток его шлема треснул. Лицо скаута было покрыто порезами, синяками и изрядно помято.

--- Брат-наставник... --- начал он.

--- Позже, --- оборвал я. --- Позже ты объяснишь свои действия. Сначала нам надо убрать с этого трижды проклятого куса грязи.

Мы оба похромали туда, где остались Наррон и Хвизир. Несмотря на низкопробную шутку Вителлия, оба были живы. На глаза мне снова попался маяк и выцарапанный на нем приказ: «VJDESUB». Еще одна шутка.

Но это не было шуткой --- потому что Вителлий заговорил снова, и на сей раз в голосе его не было ни самодовольства, ни злости. В нем звучало благоговение.

--- Сержант Тиресий.

Он направил луч фонаря в дыру под маяком, где прятался спящий равенер. В ярости пробуждения тварь еще больше увеличила отверстие --- и там, в глубине,

отражая свет фонаря, блеснул наплечник костогесантника. На наплечнике была выгравирована надпись: «КАССИЙ».

Наш аусник едва мог считать жизненные показатели костогесантника. Его метаболизм был медленным, как движение ледника. Воина с легкостью можно было принять за мертвеца, но мы бы ни за что не ошиблись.

Даже в состоянии гибернации он выглядел внушительно. Его грудная клетка была размером с бочку. Искусно сделанную пластинчатую броню украшали изображения побед и великих деяний, совершенных ее владельцем. Послушники стояли с разинутыми ртами, вылипившись на нашу находку. В кои-то веки я разделял их изумление.

Мы вытащили его из тесной колыбели и провели ритуалы пробуждения. Герою, пережившему все испытания, не подобает вернуться домой беспомощным, словно пленец. Рабочие не должны видеть его таким. Я дам ему шанс стоять прямо и гордо, если он того пожелает, и

вернуться так, как и пристало герою.

Ожидание продлилось больше часа. Мы обрабатывали собственные раны, но старались хранить молчание, лишь время от времени проверяя показания аусника. Унаконец грудь воина дрогнула. Его глаза открылись.

Командор Кассий ступил из тьмы туннеля в свет мощных прожекторов, установленных командой рабочих в родильной камере биотитанов. Триколь немедленно увидел его и велел подчиненным построиться. Служители замерли в благоговейном молчании, приветствуя шествующего среди них командора. Тот, в свою очередь, кивнул им и уже собирался заговорить, когда заметил, в чем состоит их работа. Кассий упал на колени, уронив руки на доспехи своих людей. Склонив голову, он вознес молитву. Триколь приказал рабочим очистить помещение, а я отослал скаутов. Такой воин, как Кассий, заслуживал уединения в подобную минуту.

После того как служители и послушники ушли, командор встал и

прошел вдоль ряда доспехов и других предметов, бережно собранных людьми Гриколя.

--- Валент. Никос. Леон. Абант. Тиберий. Мессин. Гераклея. --- Улена. Он мог назвать имя каждого, глядя на то, что не было, что осталось. --- Феодосий. Он был моим капитаном.

Я неожиданно осознал, что Кассий обращается ко мне.

--- Ему было так трудно приказывать мне возглавить эту отвлекающую атаку. Я вызвался добровольцем. Я настоял на своем! Я знал, что только под его руководством у нашей роты останется хоть какой-то шанс спастись...

Он затолчал.

Я отвел Кассия на шлюпку. Там нас ждал один Гриколь. Он озабоченно взглянул на меня. Служитель попытался осмотреть мои раны, но я отослал его взмахом руки. Усовершенствованный организм Астартес начал заживлять повреждения с той минуты, когда я был ранен; какой бы яд ни впрыснул мне равенер, мое тело одолеет отраву, так же

как я одолел зверя. Влюбот случае сейчас у меня было дело поважнее -- хотя я отдал бы полжизни, чтобы этого избежать.

Пятая рота сражалась и погибла в бою с «Краkenом» задолго до того, как остальные братья узнали о вынырнувшем из бездны флоте-улье. С тех пор Кассий находился здесь. Он знал, что потерял своих людей, -- но пока не догадывался, что утратил намного больше.

Дни и недели, последовавшие за победой на Учаре IV, стали сплошным праздником для ополченцев с Босфора, которым так и не пришлось сразиться с «Краkenом». Но мои братья-Астартес и я не разделяли их ликования и отступили к своим кораблям.

Некоторые из нас погрузились в толитвы, а другие предались ярости. Кто-то, доведенный до безумия всеми ужасами и потерями, в неистовстве метался по кораблю, пока его не утиряли силой. Происходили несчастные случаи. На крайней мере, мы называли их несчастными случаями. У нас, Астартес, нет слов для обозначения таких поступков.

Мы не знаем, как назвать братьев, которые решили завершить служение подобным образом. О них не говорят, но их геносема изолируют и маркируют как потенциально неустойчивое, словно болезнь поразила их тело, а не душу.

Я полагал, что выдел все возможные реакции на трагедию нашего органа. Но ошибся. Когда я рассказал Кассию о битвах, о потерях, о том, во что мы превратились, он продемонстрировал мне нечто иное. Он показал мне, как такие известия встречают герои.

Почти минуту Кассий простоял неподвижно с закрытыми глазами. Потом лицо командора исказила ярость, но она не выплеснулась криком — нет, воин принялся глубоко и ровно дышать. Казалось, он хочет очистить тело от эмоций, выдохнув их из себя. Затем его глаза открылись.

— И что же вы сделали? — спросил он.

— В смысле?

— Что вы сделали, чтобы отомстить за себя этим тварям? Что вы сделали,

чтобы нанести ответный удар? Что вы сделали, чтобы очистить галактику от ксеногенной грязи раз и навсегда?

Я положил руку ему на плечо:

— Как только мы вернемся на «Сердце Соты», ты об этом узнаешь. Мы стартуем немедленно. Братья будут счастливы снова тебя увидеть.

Я улыбнулся ему, но ответной улыбки не последовало.

— Мы не можем уйти, пока не закончили дела здесь.

— Пока не закончили? Но вы с нами. Зачем еще оставаться?

Кассий кивнул в сторону иллюминатора:

— Этот корабль убил почти половину моей роты и пожрал их тела.

— Но сейчас он мертв, — заверил я командора.

— Мы не сумели его прикончить.

— Нет, однако это наверняка сделали наши братья из других орденов на Царе IV или имперский флот. Я понимаю, что вы жаждете мести, командор. Поверьте, я тоже хочу отомстить за каждого из

навших братьев. Но наша задача выполнена. Нельзя убить корабль дважды.

— Вы неправильно поняли меня, брат-сержант. Никто не убивал этот корабль. Он все еще жив.

Фрасий исчез тогда на несколько дней. Нам сказали, что магистр уединился и предался медитации, дабы постичь волю Императора в отношении нашего ордена. Однако позже мы узнали, что он оставил нас ради какой-то секретной цели. Перед этим он говорил, что нам нужна передышка. Требуется время, чтобы восстановить орден. Многие были не согласны.

Я не жду от вас понимания. Мы — Астартес. Мы не такие, как вы. Мы не просыпаемся по утрам с мыслью: для чего прожить наступивший день. Мы знаем. С того дня, когда нас отбирают, и до смерти нам известно, в чем состоит наша цель. Мы сражаемся во имя Императора. Если нам отдадут приказ, мы его исполняем. Если нас бьют, мы наносим ответный удар. Если мы погибает, то

погибаем с мыслью, что другие займут наше место. Мы не останавливаемся, не бережем силы и не прощаем.

Мы сражаемся. В этом суть нашего служения Императору. Это то, что мы есть. Если мы не сражаемся, значит, мы не служим ему. А если мы не служим ему, наша жизнь не имеет смысла. С тем же успехом можно приказать Механикус не строить, священнику -- не проповедовать, теленату -- не думать, а кораблю -- не пускаться в плавание. Как это возможно? В чем тогда цель их существования? И все же Фрасий просил нас именно об этом -- потому что потери, которые мог понести орден даже в самой ничтожной кампании, стерли бы нас с лица земли. Если мы хотели выжить, мы не могли позволить себе потерять ни одного бойца. А если мы не могли никого потерять, значит, мы не могли воевать. Но как долго?

Наш арсенал, тренировочные плацы -- целый мир, утраченный вместе с Сомой, -- все это, пожалуй, можно было восстановить. Но что делать с геносеменем? Геносемя наших погибших

братьев и то, что было в хранилищах
Соты, поглотил «Кракен». Без геносемени
нельзя создать новых Астартес, а оно
вызревает лишь в костодесантниках, в
прогеноидных железах, которые
имплантируют нам в юности. Нас
осталось чуть больше сотни. Железы
большинства уже созрели, и их извлекли
для хранения в генных банках Соты. Те
немногие, в ком остались прогеноиды...
Сколько поколений понадобится, чтобы
восстановить нашу численность? Сколько
лет ордену придется просидеть на
коротком поводке, не решаясь отправить в
сражение больше роты бойцов? Пятьдесят?
Сто? Удастся ли нам когда-нибудь
возродиться или мы превратимся в
призраки былого? Назидательная история
орден, который так боялся исчезнуть, что
решился переступить через собственные
клятвы, через служение ему.

Нет, лучше уж положить этому
конец в последнем крестовом походе. Так
сказал мне мой командир, брат-сержант
Ангелой, и я согласился с ним — как и
многие другие на «Сердце Соты». Когда

Фрасий вернется, ты сообщим ему о принятом решении и потребуем, чтобы он подчинился. Не ради славы, но ради наших душ. Некогда мы знали величие, так пусть же наша история завершится крестовым походом, который закончится лишь со смертью последнего из нас. Другие орден займут опустевшее место, а наши души вольются в его светлое воинство, и имена Кос Императора будут овеяны славой до тех пор, пока живо человечество.

--- Поверьте мне, командор... --- я повысил голос, пытаясь убедить его.

--- Лучше ты мне поверь, сержант. Я провёл на борту этого монстра почти три года. Не сомневайся в моих словах.

--- Аусник...

--- Аусник ошибается. Наша техника, да будут благословенны его труды, в половине случаев даёт ошибочный результат. Мы не какие-нибудь прямолинейные ксеносы вроде тау. Мы полагаемся на человеческую плоть и кровь, и я уверен, что в корабле ещё теплится жизнь.

--- Даже если и так, --- возразил я, --- это не имеет значения.

Кассий моргнул. Моя реплика его удивила.

--- Допустим, корабль-улей еще жив, несмотря на показания аусника и то, что мы видели на борту. Но это неважно. Мы отправим десену флоту, и они вышлют кого-нибудь, чтобы добить эту пагаль.

--- Ты сам говорил, сержант, что флот по уши завяз в сражениях с эскадрами-улями, разбегающимися от Учара IV. У них нет лишних кораблей, так что никто не прилетит сюда. А эта терзость залечит раны и набросится на другие миры. К тому же не пристало Астартес возлагать свои обязанности на мертвых.

--- Тогда вернется сюда вместе с братьями. С нашими боевыми кораблями. Мы сами прикончим тварь.

--- Мы уже здесь. И мы должны покончить с этим сейчас. Приготовься к повторному десанту. Это мое последнее слово.

--- Но я не могу...

--- Ты ставишь под сомнение мои полномочия, сержант?

--- Нет, --- спокойно ответил я. --- Но вы поставите под сомнение мои. Это моя команда. Мое задание. А вы... вы не можете отдавать приказы.

--- Что?

--- Ты пробыл на этом корабле три года, брат, --- мягко сказал я. --- Окруженный ксеносами --- один из них обосновался всего в паре сантиметров от тебя. Мы не знаем, что с тобой произошло. Даже ты не знаешь. Устав ясен. До тех пор пока ты не вернешься с нами, пока тебя не обследует и не очистишь апотекарий, у тебя нет права командовать.

На это Кассий ничего не ответил.

Я оставил его в одиночестве и зашагал по узким коридорам десантной шлюпки. Я направлялся к апотекариону. Мне было плохо. Не знаю, повлияли ли другие раны или зараза, обитавшая в корабле, но я проигрывал войну против яда равенера. В животе пылал огонь, голова словно оторвалась от плеч и плыла над

телом. Я споткнулся, и на шум из ближайшего отсека выскочили неопиты. Обеспокоенные, они кинулись ко мне, но я взмахом руки велел им убраться. Никакой слабости. Никакой слабости у них на глазах.

— Уходите... уходите...

Я попытался оттолкнуть скаутов и продолжить путь. Я увидел, как они понялись, и тут в глазах у меня потемнело. Удара о палубу я не почувствовал.

Даже когда я метался в лихорадке, мои подопечные не отпускали меня. Они посаждали мой разум, так же как я доводил мое тело. Они являлись мне в кошмарах. Я видел, как каждый из них внесет свою лепту в гибель ордена, в его превращение в жалкую тень. Хвизир не способен был подняться над диким языческим миром, давшим ему жизнь. Разве для этого создавали Астартес? Чтобы они стали бездумными варварами? Нет.

Наррон был полной етупицей.

противоположностью и мыслил слишком широко. Его юношеское увлечение ксеносами таило в себе опасность, которую он не осознавал. Он считал, что способен спасти человечество, изучая технологию чужаков. Он думал, что сможет использовать против них ксенотехнологии: встроить эту мерзость в наш военный механизм, в нас самих. Его путь приведет к тому, что мы начнем создавать собственных чудовищ и оскверним данные нам Императором священные тела, а следовательно, и души. Организмы Астартес, возможно, и усовершенствованы по сравнению с людскими, но наши души остаются человеческими. Единственное, что Астартес должен знать о ксеносах, -- это как их уничтожать. Больше -- уже ересь.

Вителлию судьба предназначила другой вид ереси. Несмотря на годы тренировок, гипноушение, которое должно было запечатлеть в его душе заветы ордена, -- он все еще цеплялся за свою былую личность, за высокомерие и самонадеянность. Мальчишка был свято

уверен, что орден может ошибаться, зато он всегда прав. История наша полнит тех, кто сомневался в Императоре, и имена их покрыты позором: Гурон, Малай, Гор и другие.

Однако величайшим моим разочарованием оказался Назан. У него были все преимущества — сама судьба, казалось, начертала ему прямую дорогу, — и какой же жалкий вышел результат! Робкий, непрестанно сомневающийся в себе, неспособный удержать власть даже тогда, когда ее преподносят на блюдечке. Если ничтожеством вроде него суждено стать будущим нашего ордена, тогда, избавь меня Император, лучше бы Косы стояли до конца и погибли на Соме.

— Триколь, — прохрипел я, очнувшись в следующий раз, — как мое состояние?

Триколь засветил тусклую лампу чуть ярче и склонился над медицинским ложементам, взглядываясь в показания.

— Ваша температура упала. Сердца бьются медленнее. И ваша моча... она больше не фиолетовая. Полагаю, кризис миновал.

Я кашлянул, прочищая горло.

— Хорошо, — сказал я. Голос мой постепенно набирал силу. — Мы потеряли слишком много времени.

Я приподнялся и встал с ложа, чувствуя слабость в ногах.

— Нельзя сказать, что мы потратили время впустую, — отозвался Триколь. — Кое-каких успехов мы достигли.

— Мы летим домой? — Они должны были подождать, пока я очнусь, но сейчас я бы простил их. — Как далеко мы продвинулись?

Мне хватило одного взгляда на одутловатое встревоженное лицо Триколя. Оттолкнув слугителя в сторону, я выбрался из апотекариона и прильнул к ближайшему иллюминатору. Все обозримое пространство затопила тьма корабля-улья.

Я обернулся к слугителю, опасаясь худшего:

— Надеюсь, они не отправились на корабль без меня?

Я пересек комнату. Гнев изгнал из тела остатки слабости.

— Я ясно сказал, что запрещаю это!

Шагнув в соседний отсек, я обнаружил там своих четырех подопечных. Перепуганные, они с грехом пополам встали по стойке смирно.

— Кто это сделал? — равкнул я. — Один из вас? Вы все? Кто здесь не понял моих приказов?

Я со значением посмотрел на Вителлия, но он таращился прямо вперед. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Брат-наставник, — голос принаглаждал Назану. — Мы поняли ваши приказы и следовали им. Мы не покидали шлюпку.

Говорил новичок стело, однако легкая угрожа в его голосе выдавала волнение. Я подошел к юнцу и внимательно его оглядел.

— Тогда объясни мне, послушник Назан, каких именно успехов вы достигли?

Я заметил, как он быстро покосился на Триколя, а затем вновь отвел глаза и нерешительно заторгал.

— Мы нашли... — встрял Харрон.

— Тихо! — приказал я. — Послушник

Назан и сам умеет говорить.

--- Мы... мы сканировали поверхность корабля-улья, --- сказал тот, и с каждым словом его голос звучал все увереннее. --- У нас нашли скважину, которая должна вывести нас прямо к цели.

--- Что за глупость, Назан? Мы уже отыскиали маяк. Какая еще цель?

--- Мои люди, --- ответил Кассий, протиснувшись во входной люк. Он вступил в помещение. --- Приношу извинения, брат-сержант, мы не могли поставить вас в известность во время вашей болезни. Скауты выполняли мои распоряжения.

--- Там есть второй маяк, брат-наставник.

Я перевел взгляд с Кассия на Назана.

--- Второй маяк? Наш ауспик обнаружил только один.

Вителлий подал голос:

--- Он просигналил всего один раз, как раз в ту секунду, когда мы нашли маяк командора.

--- Это логично, сержант, --- снова вмешался Наррон. --- Если какая-то из

ксеноформ может уловить сигнал маяка, не стоит вести их ко всем своим укрытиям. Имеет смысл подождать, пока спасательная команда не подойдет достаточно близко к основному маяку. А когда мы до него добрались, он, должно быть, отправил всем остальным маякам сигнал о начале передачи.

— У один из них ответил. При этом сигнал длился не больше секунды.

Я снова оглянулся на Кассия, но тот сосредоточился на объяснениях послушников.

— Наш аусник в то время не зарегистрировал второго сигнала.

— Мобильный аусник отделения его не уловил, — продолжил Наррон, — зато уловил аусник шлюпки. Это зарегистрировано в его памяти. Источник находится на дальнем конце корабля-улья, так глубоко, что мы не могли заметить его.

— Хорошо. Командор? — Я пристально взглянул на Кассия. — У вас есть предположения, что мы можем там найти?

--- Наши аборгажные команды внедрились в нескольких точках. У меня нет сведений о нескольких подразделениях. --- Он печально покачал головой. --- Все, что я могу, --- это молиться о том, чтобы им повезло так же, как мне, и чтобы мы добрались до них вовремя.

Моих погонечных он, похоже, убедил --- но не меня. И все же, если братья действительно остались на борту этого чудовища, я не мог их бросить.

--- Итак, скаут Назан, что за скважину вы нашли?

--- Жона! --- выругался Вителлий, неохотно делая еще шаг по темному туннелю. --- Не могу поверить, что мне пришлось забраться в жопу проклятому биокораблю!

Его нарочитое негодование вызвало смех у других послушников.

--- Прекратите забивать болтовней вокс-канал! --- рявкнул я, стремительно теряя терпение.

В этой части корабля не было

воздуха, так что нам пришлось целиком унаковаться в броню, и переговариваться получалось только по воксу. Я все еще не оправился до конца. Я чувствовал слабость, скованность, и это раздражало меня еще больше. Такие жалкие препятствия не могут мешать Астартес. Мое тело должно было совершенно исцелиться, а не поддаваться болезни. Я упрямо шагал вперед. С каждым движением жар усиливался, а с ним усиливалась и злость.

Как я дошел до такого? Превратился в геморроидальную бляшку в заднице корабля-улья! Так вот чем в наше время занимаются герои-Астартес? Неужели новое поколение боевых братьев будет однажды, затаив дыхание, слушать историю этих похождений?

--- Брат-сержант? --- послышался голос Кассия. Он говорил по закрытому каналу.

Что ж, именно Кассий станет моим спасением. Когда мы вернемся домой после этой операции, нас встретит не какой-нибудь технодесантник, которому поручили внести в каталог наши находки.

Нет, нас будет приветствовать почетная
гвардия, достойная спасенного нами героя.

--- Командор?

--- Во время вашей болезни я
спросил послушников об
обстоятельствах моего спасения.

--- С какой целью?

Я хотел, чтобы вопрос прозвучал
вежливо, но в отзвуке, донесшемся из вокса,
слышалась обвинительная нотка.

--- Только для того, чтобы лучше
понять их. Меня особенно поразила та
храбрость, которую выказал скаут Назан,
когда увел за собой равенера и позволил
вам подобрать тяжелый болтер.

--- Он проявил бы поразительную
храбрость, если бы следовал моим
приказам, --- раздраженно ответил я. --- Но
во время сражения все должны действовать
как один. Нельзя, чтобы кто-то вдруг
начинал заниматься отсебятиной и при
этом ожидал, что остальные поймут его
намерения.

--- Но прежде вы не раз упрекали его
именно за отсутствие
самостоятельности. За то, что он ожидал

приказа.

— Он должен научиться находить баланс. Это тоже необходимо командиром знать, когда нужно действовать, а когда слушать других.

— Вы правда полагаете, что он подходит на роль офицера?

Я знал, на кого он намекает, но твердо стоял на своем.

— Назан родился на Соме, так же как вы или я. Он — один из последних. И в парне есть командная жилка, просто он должен ее в себе открыть.

На этом разговор оборвался. Кассий ничего не понимал: он провел с послушниками всего лишь два дня. А я сражался плечом к плечу с ними два года. Я не мог выкинуть из головы мыслей о поведении Кассия. На втором десантировании настояли скауты, но я знал, что он только того и добивался. Неслучайно каждого костодесантника, обнаруженного на борту корабля-ульи, должен обследовать апотекарий, и лишь затем его допускают к несению службы. Дело не в постоянной опасности или

усталости — наш разум устроен так, что мы можем сражаться без передышки, — а в этом влиянии, которое оказывает сознание гигантского тирана. Оно воздействует на любое живое существо, оказавшееся внутри корабля-улья, и никто не знает, какие могут быть последствия.

Есть и другая причина. Не все ксеноформы тиранов предназначены для того, чтобы просто уничтожить врага. Некоторые овладевают сознанием противников, после чего те набрасываются на собственных грузей или послушно идут в расставленную ксеносами ловушку. Поведение Кассия казалось нормальным, но, возможно, это и было тревожным признаком. Как человек может остаться нормальным после подобных испытаний?

Я молча вел их вперед. Фонари на наших доспехах освещали лишь малую часть пространства, а остальное терялось во мраке. Если говорить по правде, мы понятия не имели, как используется эта часть корабля. Назан обнаружил отверстие в корме судна — небольшое и ссохшееся, однако почти сразу

за входом туннель существенно
расширялся. Родильная камера
Биотитанов не шла ни в какое сравнение с
этой огромной пещерой. Шагая по центру,
в самой узкой точке, мы не видели ни стен,
ни потолка. С тем же успехом мы могли
идти по поверхности планеты — разница
заклучалась лишь в том, что горизонт
закруглялся не вниз, а вверх, исчезая в
окружавшем нас сумраке. Место было
заброшено — ни следа мелких тиранидов,
сквозь скопища которых нам приходилось
пробиваться во время прежних вылазок.
Голый твердый пол покрывала череда
невысоких гребней, как будто мы
очутились внутри гигантской пружины.
Это выглядело так, словно мы наткнулись
на единственный участок корабля, где
никогда не было ничего живого.

Но похоже, я поспешил с выводами.
Справа от меня Кассий внезапно
остановился. Опустившись на колени, он
прижал ладонь к полу. В моем boxe
треснул командный голос:

— Что-то приближается. В укрытие!

«Какое укрытие?» — недоуменно

погумал я, но Кассий уже метнулся в сторону.

--- Направо!

Я приказал скаутам следовать за командором, и они немедленно подчинились. Мы бежали около минуты, пока впереди не показалась стена, уходящая во трак над нашими головами. Кассий принялся карабкаться по склону, пока подъем не стал слишком отвесным. Укрепившись наверху, командор взгляделся во тьму.

--- Что там?

Аусник ничего не показывал.

--- Разве ты их не видишь?

Я уставился во трак.

--- Нет.

Кассий велел нам подождать, и через несколько секунд я увидел то же, что и он. Впереди поднимался могучий хребет, протянувшийся от горизонта до горизонта, --- словно гигантские руки обхватили корабль снаружи, медленно сдавливая в нашем направлении. Я услышал, как мои подопечные ахнули, когда тоже это увидели.

--- Святой Трон!..

--- Бог-Император!

--- Сота, храни нас...

--- Что, во имя всех крыс и жаб
подулья, это за дрянь?!

Хребет не был мускульной складкой ---
нет, это была цепочка колоссальных
тиранидов. Прежде я таких не встречал.
Каждый величиной с танк, не меньше
«Гибельного клинка», они сбились в
сплошную шеренгу и двигались на
навстречу. Их бронированные безглазые
головы были опущены так низко, что
скребли по полу, а следом тащились
раздувшиеся тела. Конечности тварей
атрофировались, так что гигантские
тираниды ползли, подобно слизнякам.
Неизвестно, какой яд содержался в их
слизи, но чудовища способны были просто
раздавить нас. Я оглянулся налево, затем
направо. Обходного пути не существовало.
Твари кольцом опоясали проход и
ухитрялись как-то держаться даже на
стенах и потолке. Слабо верилось, что вся
наша огневая мощь способна остановить
хоть одну из этих бестий.

Я встопорелся в навбигающее кольцо, выискивая зверюгу поменьше. Если мы сосредоточим огонь на одной цели, может, что-то и получится. Однако восторженные крики скаутов отвлекли мое внимание от тиранидов. Кассий встретился навстречу тиранидам-великанам, карабкаясь по возмущенному склону. Я понял, что он окончательно рехнулся. Должно быть, вид противника свел его с ума.

--- За ним! --- приказал я скаутам.

Будь я проклят, если позволю ему умереть сейчас, после всего, через что он прошел, прежде чем вернуть его домой.

Мы следовали за ним так быстро, как только могли, стараясь удержаться на отвесном склоне. Кассий мчался вперед, даже не озаботившись вытащить оружие. Взобравшись еще выше, он спрыгнул со стены прямо на бронированную башку ближайшей твари. А затем, с трудом балансируя на продолжающем движение звере, командор извлек силовой меч и нанес удар.

Огромный броненосец, похоже, ничего

не заметил.

--- Назад! --- выкрикнул я. --- Назад!
Занять огневые позиции!

Уздали казалось, что твари ползут медленно, но вблизи их скорость шошеломяла. Выглядело это так, словно на нас навстречу неся «лендрейдер», балансирующий на единственной гусенице.

--- Оставайтесь на стене! Держитесь выше! --- рявкнул в шлемах голос Кассия.

Он снова ударил. Я оглянулся через плечо. На сей раз зверюга ответила на удар взмахом головы, который чуть не сбросил Кассия с его насеста. Однако в следующую секунду броненосец возобновил движение, и командор сумел восстановить равновесие.

Скауты изготовились стрелять, но я не спешил отдать команду, так как опасался, что залп заденет командора.

--- Цельтесь поверх меня! --- приказал Кассий.

Мы выпустили ливень зарядов, пролетевших над головой командора. Тот пригнулся и снова вонзил меч в бестию. Он нанес удар в правую боковую часть головы

зверя, ниже того места, где стоял. Тиранид чуть сбился с курса, но затем вернулся обратно.

--- Еще!

Он ударил. Мы выстрелили. Тварь нависла над нами, словно мы были горсткой насекомых.

--- Еще! --- выкрикнул командор в последний раз, когда до столкновения осталось не больше секунды.

Он по самую рукоять всадил клинок в башку зверя, а мы дали залп. Чудовище наконец-то отреагировало. Оно съежилось, отползая подальше от выстрелов, и лениво потянулось к причиняющей боль булавке. Его вес сместился, и передняя часть тупловища оторвалась от стены. В первый раз показали огромные поры и присоски, помогающие гиганту удерживаться на склоне. Когда они отлипли, вес тиранида сместился еще больше, и еще больше присосок оторвалось от поверхности. С силой идущего на таран боевого корабля броненосец медленно обрушился на соседа, ползущего сбоку. Оба чудовищных зверя на секунду затерли, оглушенные

толкновением. Над нами в строю тиранидов образовалась прореха. Никому из нас не надо было объяснять, что делать.

Мы потчались к отверстию, пока броненосец не очнулся. Когда мы влетели в расселину, образовавшуюся в хребте, тварь вновь присосалась к подложке и поползла обратно. Стены сдвигались вокруг нас, и я из последних сил бросился вперед. Кольцо замкнулось, но мы уже прорвались на другую сторону и заскользили по толстому слою слизи, оставленному тиранидами. На краткий миг мне удалось восстановить равновесие, но тут Хвизир врезался в меня, и мы оба покатились вниз. Мы съехали по стенке пещеры и плюхнулись в лужу густой слизи, скопившейся на дне.

Перекрывая стоны и проклятия, доносившиеся из вокса, я велел отделению отчитаться. После короткой заминки они ответили. Медленно, стараясь не упасть снова, я встал на ноги и проверил, как дела у остальных. Кассий тоже поднимался. Хвизир держал тяжелый болтер над головой, чтобы тот не наток. Наррон и

Назан соскребали с себя мерзкую жижу, а Вителлий просто стоял как столб, с ужасом оглядывая свои вымазанные слизью доспехи.

--- Я весь извалялся в дерьме, --- сообщил он.

Меня так и подмывало сказать, что это дерьмо мало чем отличается от вонючего болота, в котором он родился, однако я удержался. Сейчас у нас были дела поважнее.

--- Послушники, встать. Проверить оружие. Проверь оружие! --- рыкнул я на Вителлия. --- Приведите себя в порядок, нам надо двигаться дальше.

Я отошел чуть в сторону, чтобы проверить собственный пистолет, и не сумел удержаться от мысли, что еще ниже упал в глазах новобранцев. Кассий расхаживал вокруг них, лично поздравляя каждого. Плевать. Как только я доставлю его на «Сердце Сомы», попрошу о переводе в боевое подразделение. Отказать мне они не смогут.

Я услышал, как Вителлий спрашивает остальных:

--- Как думаете, что это за место?

--- Паршивое место, --- отозвался

Хвизир.

Наррон уже работал над гипотезой:

--- Может, что-то вроде
пищеварительного тракта. Или
вентиляционная отдушина.

--- Может, ствол биопушки? ---
предположил Назан.

--- Здоровенная получается пушка, ---
буркнул Вителлий. --- Я только надеюсь,
что ничего крупнее из этой дыры не
полезет.

На этот раз я не стал мешать их
глупой болтовне. Я проверил пистолет, и ---
слава Императору --- он был в порядке.
Недаром наше оружие сохраняется сотни
лет. Сунув пистолет в кобур, я
активировал ауспик, чтобы посмотреть,
что нас ждет впереди. Взглянув на
показания, я перезагрузил прибор.
Показания не изменились. По инерции я
сделал пару шагов, но разум мой в этом не
участвовал. Он застыл от ужаса. Что-то
огромное двигалось нам навстречу по
жерлу пещеры. Это был не броненосец, не

карнифик и даже не биотитан, а та самая искра жизни, о которой говорил Кассий. Впереди росло и кортилось существо, готовое появиться на свет, -- существо, во много раз превосходящее все, что мы видели прежде. Отпрыск «Кракена». Еще один корабль-улей.

-- Брат Тиресий?

Лейтенант остановил меня, когда я шел по коридору «Сердца Соты».

-- Брат Агрий? -- удивленно отозвался я. -- Я полагал, что вы сейчас в отлучке вместе с магистром Фрасиет.

-- Мы только что вернулись, -- отрезал лейтенант, окидывая меня тяжелым взглядом. -- Магистр желает тебя видеть. Иди за мной.

Он зашагал прочь, ожидая, что я замкнул последую. После минутного колебания я подчинился. Лейтенант не сказал больше ни слова, так что мы двигались в угрюмом молчании. Он довел меня до покоев магистра и ушел. Залы были еще погружены во мрак, мозаики по стенам оставались неосвещенными. Комнаты не

ждут возвращения хозяина, так же как и мы. Я ожидал другого. Мы думали, что загодя узнаем о возвращении магистра и успеет подготовиться, чтобы решительно предъявить ему наши требования. Но он пробрался на корабль как вор в ночи и застал нас врасплох.

Между панелями одной из стен прорезалась щель, и залу затопил свет. В облаке этого света стоял магистр Фрасий. Кажется, я уже описал вам характер нынешнего магистра ордена: осторожный человек, незначительный человек; человек, который во всем уступает своим предшественникам; возможно, отчаявшийся; мелочный, склонный делать ошибки. А теперь я хочу, чтобы вы стерли из памяти этот образ. Без зерна величия в душе ни один смертный не может стать костодесантником, и ни один костодесантник не может стать магистром до тех пор, пока не обретет хотя бы часть этого величия. Фрасий не был исключением, и за последние несколько лет он достиг еще большего.

Магистр отличался недюжинным ростом и мощным, даже по нашим меркам, телосложением, но лицо его оставалось худощавым. Его длинные черные волосы не тронула седина, в то время как магистр Торкира уже совершенно поседел, и бороду он подстригал короче, чем предшественник. Фрасий носил неброскую мантию цветов нашего ордена, а под ней церемониальную кирасу из чешуйчатой брони, свободно застегнутую на груди. Я знал, что магистр был свирепым бойцом, искусным тактиком и человеком непоколебимой храбрости, но в тот момент видел в нем лишь препятствие, вставшее на пути ордена к уготованной нам судьбе.

Я поклонился. Он сделал мне знак выпрямиться.

— Приветствую тебя, брат Тиресий. Сожалею, что отсутствовал так долго, — заговорил он. — Насколько я понимаю, брат-капитан Ромон не дал воинам из боевой роты скучать.

О да, мы не скучали: незначительные вылазки, жалкие бои и успешные

отступления.

--- Я слышал, что ты принес ордену славу своими действиями во время кампании на Тане.

--- Благодарю вас, магистр.

Я равнодушно кивнул, но позволил себе немого расслабиться. Значит, он вызвал меня лишь для формального поощрения. Я подыграю ему, а затем найду сержанта Ангелоя и сообщу, что наше время пришло.

--- Что ты думаешь о ходе кампании? --- поинтересовался магистр.

--- Это был грандиозный успех. Значительная победа.

Я сказал то, чего от меня ожидали, и удержал при себе остальное.

Магистр окинул меня цепким взглядом.

--- Я прочел отчеты, Тиресий. Я спрашиваю, что ты думаешь.

--- Магистр, я уже сказал то, что думаю. Я не понимаю, чего вы от меня требуете.

--- Это приказ, --- спокойно повторил он.

Что ж, если он хочет услышать

правду, он ее услышит.

--- Танская кампания... --- фыркнул я. ---

Танская кампания --- это насмешка. Нет, хуже, это фарс. Мы участвовали в нескольких перестрелках, а потом несли охрану во время эвакуации. Поддерживали других, вместо того чтобы возглавить их и шагнуть в первых рядах, как полагается Астартес. Это даже не заслуживает слова «кампания», не говоря уже о победе.

Я оборвал себя. Я выболтал много, слишком много: нарушил протокол, дисциплину и даже пошел против обычного здравого смысла. Я взглянул на магистра, но его лицо ничего не выражало.

--- Мы потеряли кого-то из братьев? --- негромко спросил он.

Я понимал, что магистр все уже знает, но хочет услышать это от меня.

--- Нет. Мы никого не потеряли. Есть несколько раненых. У большинства легкие ранения, у одного более тяжелое.

--- Да, у брата Домигоса. Но он поправится. А еще я знаю, Тиресий, что, когда Домигос получил ранение, именно ты бросился ему на помощь. Именно ты

прикончил ксеноса, который угрожал его жизни. Ты его спас.

Я снова кивнул. Так и было, но ничего особенного я в этом не видел. От Астартес нельзя ожидать другого.

— Ты хорошо зарекомендовал себя, брат. Очень хорошо, — продолжал магистр. — Ты всегда поступал так, даже когда сомневался в полученных тобой приказах. Вот почему я хочу, чтобы ты откровенно высказался. Вот почему я сейчас говорю с тобой.

— Не поймите меня ошибочно, магистр, — нахмурился я. — Я осознаю, что иногда надо сдерживаться, что бывают обстоятельства, когда отступление необходимо. Однако сейчас мы защищали орбитальные станции, но даже не попытались спасти планету. Мы и шаг не ступили по ее поверхности. Еще до того, как мы вошли в систему, наши сердца приутирились с поражением.

Я замолчал. Фрасий позволил молчанию затянуться, прежде чем нарушил его словами:

— Ты хочешь, чтоб все было как

раньше.

--- Да! --- встрепенулся я. --- «Кракен» разбит, его флотилии рассеялись. Нам не нужно больше дорого продавать свои жизни, чтобы просто сдерживать его натиск. Если мы соберемся с силами, то сможем одержать победу, настоящую победу. Как Калгар на Учаре IV, как мы на Дал'ите Терциус и Транслоке. Да, я хочу драться так, как мы дрались раньше: каждый снарядом, каждой мышцей и сухожилием --- всем, что у нас есть. До победы или до смерти, как дерутся Астартес.

Я не ожидал, что заговорю с таким жаром. Теперь речь, подготовленная сержантом Ангелом, уже не застанет фрасия врасплох.

Я думал, что магистр обрушится на меня с руганью, но он ответил спокойно и быстро:

--- Когда-нибудь, Тиресий, мы снова будем сражаться так. Но сейчас это невозможно. Сейчас победой для нас стала любой бой, в котором не погиб ни один из братьев. Знаю, что это легче сказать,

чем принять сердцем. Моя задача — по-
крайней мере одна из них — как раз и
состоит в том, чтобы помочь остальным
понять, что с нами произошло. Понять,
что мы должны измениться. Множество
братьев убито; Сома превратилась в
косточный мусор. Доблестные Косы
Императора, истребители врагов
человечества, сами пали жертвой
великого пожирателя миров. Мы не
заслужили такой судьбы.

Он зашагал по комнате. Полы
пантели чуть слышно шелестели по
начищенной плитке.

— Я понимаю твое разочарование, но
ты должен верить в наше будущее. И я
покинул вас именно затем, чтобы его
обрести. Погляди.

Он набрал код на контрольной панели,
и мозаики на стенах мягко поехали вверх.
Под ними показались пикт-экраны. Все они
транслировали изображения одного из
корабельных ангаров — однако помещение
изменилось до неузнаваемости. Стоявшие
там истребители исчезли, как и
обслуживающие их механизмы. Вместо

них в ангаре соорудили странного вида лабиринт. Стены из пластали перекрасили так, что они напоминали теперь коридоры тиранидского биокорабля. Внутри лабиринта перемещались отделения костогесантников... нет, не костогесантников. Воины были слишком низкорослыми. Послушники.

Вот один из них наступил на датчик давления. Немедленно откинулась крышка потайного люка — и неудачник исчез, не издав и звука.

— Ловушки, твари, тренировочные сервиторы, запрограммированные на боевые приемы тиранидов. Мы воссоздали обстановку корабля-улья настолько близко к реальности, насколько это возможно. Мы тщательно изучили все данные, собранные во время сражений с этими чудищами. Не стоит забывать, что сведения достались нам дорогой ценой.

— Сколько? — шепотом спросил я.

— Триста, и будут еще. Молодые, не испытанные в сражении, но все рвутся в бой. Все — сироты «Кракена», как и мы с тобой. Все готовы принять крещение

кровью тиранидов. -- Фрасий положил руку мне на плечо. -- Им нужны лишь наставники, учителя. Ветераны, такие как ты. Сержант Ангелой особо настаивал на твоей кандидатуре, Тиресий. Он рекомендовал тебя на повышение, и эти послушники станут твоей первой командой.

Я открыл рот, но не смог выговорить ни слова. Фрасий продолжил:

-- Как видишь, Тиресий, однажды мы станем такими, как прежде. И на это не понадобится сотня лет, даже не пятьдесят. Когда следующий флот-улей нагрянет в этот сектор, мы будем готовы ответить на призыв Императора.

Я сделал шаг назад, и рука Фрасия соскользнула с моего плеча.

-- Я... благодарю вас, магистр. И я не забуду поблагодарить сержанта Ангелоя, когда...

Вот тогда я увидел, как что-то мелькнуло в золотых глазах Фрасия.

-- Я позабочусь о том, чтобы у тебя была возможность передать ему сообщение, -- перебил он. -- Брат-сержант

Ангелой уже отбыл, чтобы вступить в ряды охотников на ксеносов --- в легендарный Караул Смерти при Инквизиции. Учитывая наш опыт, они запросили отправить к ним как можно больше братьев, чтобы распространить знание о различных формах тирангов и способах их уничтожения. Я предоставил сержанту Ангелю и еще нескольким братьям честь нести наше имя и наше учение в сердце галактики.

«Несколько братьям», --- сказал Фрасий, но, как выяснилось позже, в Караул Смерти перевели больше сорока бойцов --- почти треть оставшихся Кос. И все они были сторонниками Ангелоя. Вместе с ними исчезла и надежда заставить Фрасия объявить последний, решающий крестовый поход.

--- А теперь присяжь на минутку, брат. --- Фрасий кивнул на кресло. --- Я хочу объяснить тебе, как твой новый отряд поможет спасти орден.

Я так никогда и не узнал, каким образом магистру удалось получить целые роты послушников. Самих рекрутов, как и

Триколя с другими слугами, набрали из миров, в которых мы держали оборону. Еще до того, как флот-улей достиг системы Соты, и потом, во время возведения защитных укреплений, были созданы планы возрождения ордена.

Лучших юношей Соты тайно эвакуировали задолго до атаки «Кракена». Это повторялось в каждом из оставленных нами миров: на Мирале, Трайе и прочих. В то время как мои братья сражались и умирали, самых многообещающих подростков вербовали и вывозили с планеты. Можно сказать, что мы собирали дань, а «Кракен» получал то, что осталось после нас.

Но вопрос был в геносетени. Три полные роты послушников, и фрасий обещал пополнения. Как это возможно? Ходили разные предположения. Некоторые звучали разумно. Говорили, что Торкира заранее знал о нападении на Соту и приказал тайно вывезти геносетя, что прежний магистр ордена заключил договор с Унквизицией и те согласились вернуть нашу генную десятину в обмен на

костогесантников, вступивших в Караул Смерти. Другие предположения были еще более мрачные. Поговаривали, что Фрасий обнаружил или выкупил тайные, возможно, ксеносовские, технологии, позволявшие искусственно выращивать прогеноиды человеческого быстрее, чем в телах костогесантников. Что большинству послушников не было имплантировано настоящее геносемя, что они просто продукт биоинженерии и никогда не станут истинными Астартес. Я даже слышал, как люди перешептывались о том, что геносемя принадлежит не нам, что до Спасательных команд были другие — Мародерские команды. Этим слухам я, однако, не верил. Ни один Астартес не опустится до подобного, даже если речь идет о спасении органа.

С другой стороны, как знать, на что способно живое существо ради своих потомков?

— Длиной в полтора километра, весом в миллионы тонн, а морда такая, что понравится разве что хормагаунту, —

пробормотал Вителлий, глядя, как
мускулы детеныша корабля-ульи
сокращаются под шкурой-обшивкой.

--- Оно пытается выбраться наружу, ---
добавил Назан.

Это и был источник всех
встреченных нами гаунтов, та самая
искра жизни, в чьем существовании нас
клятвенно заверял Кассий. Обожравшиеся
ногогрызы, которых мы видели раньше, не
собирались дожидаться другого корабля ---
нет, они направлялись сюда, чтобы
покормить детеныша плотью его
мертвого родителя.

--- Отлично, --- решил я. --- Как только
вернемся на шлюпку, немедленно отправим
детенышу ближайшему боевому
подразделению. Приоритет Ультима. На
это они ответят.

--- Нет, --- сказал Кассий.

Я фыркнул:

--- Уверяю вас, командор, они мигот
сюда явятся...

Но затем сквозь визор шлема я
замечил выражение, застывшее в его
глазах.

--- Они опоздают. Но ты здесь, и ты уничтожим эту тварь.

С меня было довольно. Один раз он уже заставил новобранцев послушаться моего приказа, и я не собирался тратить время впустую, отговаривая его от этой глупацкой затеи.

--- Как вам угодно, командор, --- ответил я и сделал послушникам знак построиться и следовать за мной. --- Я позабочусь о том, чтобы ваш последний подвиг был с должными почестями внесен в анналы истории ордена.

Я прошел несколько шагов, прежде чем осознал, что мои подопечные остались позади.

--- Позаботьтесь, чтобы в анналы истории внесли всех нас, --- громозласно заявил Вителлий.

Я должен был это предвидеть. Мне следовало понять это сразу, как только я увидел их вместе с Кассием, когда он убеждал меня, что на корабле остались еще люди. Они не ждали от меня приказов --- они просто проверяли, купился ли я на их ложь.

--- Второй маяк?

Я смотрел не на Кассия, а на Наррона. Мальчишка знал: я поверю, что он проконтролировал показания аусника.

--- Это была не его идея, --- вмешался Назан. --- И не командора. Это придумал я.

--- Ты? --- я резко повернулся к своему заместителю.

Но ответил вместо него Кассий:

--- Я бы оставил тебя на шлюпке. Я считаю, что ты никудышный наставник и не справляешься даже с обязанностями командира. Но брат Назан хотел, чтобы ты пошел с нами.

Я на него и не глянул. Ему нечего было мне сказать. Два дня... ему хватило двух дней, чтобы завоевать сердца новобранцев, о которых я заботился больше двух лет. Я снова обернулся к Назану:

--- Зачем тебе понадобилось, чтобы я пошел с вами? Хотел посмотреть мне в глаза, когда будешь меня бесчестить?

--- Нет, --- ответил Назан. --- Хотел дать вам возможность присоединиться к нам.

--- Присоединиться к вам? ---

воскликнул я. — Зачем мне это? Что, кроме напрасной смерти, вы можете мне предложить?

Мне ответил Назан, но говорил он явно за всех четверых:

— Зато мы узнаем, что значит сражаться как истинные Астартес.

Смешно было слышать это от такого юнца.

— Вы ничего не знаете, — ответил я. — Вы никогда не видели, как весь орден идет в бой. Отделение за отделением гордо выстраиваются в своей броне, со священными болтерами в руках. Вы в один голос произносите слова присяги, а затем маршируете вперед, зная, что братья всегда рядом. Вы черпаете в них невероятную силу, потому что сражаетесь не в одиночку, — нет, вас тысяча. Тысяча тел, слившихся в единый клинок. До тех пор пока вы не испытали этого... вам не узнать, как сражаются истинные Астартес.

Послушники молчали. Наконец-то я почувствовал, что сумел до них достучаться.

--- Вы правы, брат-наставник, ---
произнес Назан. --- Мы не знаем. Мы
никогда не испытывали подобного. Но когда
придет наше время?

--- После того как вы станете
посвященными боевыми братьями, ---
сказал я.

--- В самом деле? Даже если мы
сейчас подчинимся вашему приказу и уйдем
вместе с вами, если выживем и займем
места в боевой роте... --- Назан оглянулся
на остальных скаутов за поддержкой. ---
Даже если и так, когда в бой пойдет весь
орден? Сколько минет времени, прежде
чем мы станем достаточно сильны и
сможем по-настоящему схватиться с
врагом? Сто лет, двести? Сколько еще
тиров до тех пор станут его добычей?

Назан шагнул вперед, за ним
последовал Вителлий.

--- Я знаю, что вы меня в грош не
ставите, --- сказал щенок из подюлья. ---
Считаете, что я недостаточно серьезно
отношусь к званию великого и могучего
Астартес. Но кое к чему я отношусь
серьезно. К собственной жизни. Я вступил в

орден, чтобы очистить галактику от
тразу, которая уничтожила мой мир. Я не
для того выкарабкался из грязи и
выдержал все испытания, чтобы рыться в
мертвечине и состариться, обучая
следующее поколение простаков. Я не для
того из кожи вон лез, чтобы стать
гряхлым ископаемым...

--- Вроде меня, так? --- рявкнул я.

Это была уже не просто злоба --- я
кипел от ярости. Я занес кулак.
Вителлий сжался, ожидая удара, но Назан
выступил вперед, заслоняя его.

--- Почему вы против нас? ---
выкрикнул он. --- Мы все знаем, что на
самом деле вы хотите того же. Мы сто
раз слышали, как вы жаловались Триколю...

--- Так вы еще и шпионите за мной? ---
неверяще спросил я.

Хвизир проворчал из угла:

--- Просто корабль у нас маленький.

--- Не только у вас есть гордость
Астартес, --- встрял Вителлий, но Назан
оборвал его:

--- Нам не за что просить прощения,
брат-наставник. Вы хотели, чтобы мы

это слышали. Вы хотели, чтобы мы знали, как ненавистно вам это задание, как вы ненавидите нас за то, что мы отрывает вас от настоящего дела. Что ж, вот вам настоящее дело. Враг перед нами. Мы можем добраться до него. Мы можем его убить. Да, мы рискуем погибнуть в схватке. Но разве это не та слава, о которой вы мечтали?

Теперь все четверо стояли рядом, объединившись против меня, — однако объединяло их то, во что я всегда верил. Гнев, бушевавший в моей груди, утих.

— Да, вы правы, — признал я. — Правы даже больше, чем предполагаете. Каждым мускулом, каждой клеткой тела я жажду сражаться с ксеносами без оглядки, без всяких предосторожностей. Жажду нести службу так, как полагает Астартес.

— Тогда вы заодно с нами! — воскликнул Назан.

— Но затем, — продолжил я, — заглянув глубже, в плоть и в самые кости, я нахожу выжженную там клятву. Клятву повиноваться приказам магистра ордена и, следовательно, приказам Императора.

Я никогда не преступал этой клятвы и не
преступлю впредь. Что касается
остального... я отказываюсь. -- Я простер
руку к скаутам. -- Будьте моими
свидетелями! Вы слышите мои слова! Я
отказываюсь от славы, я отказываюсь от
места, я отказываюсь от надежды стать
тем, кем мечтал стать.

Хотя они стояли рядом, я кричал во
весь голос -- потому что обращался не к
ним.

-- Я соглашаюсь с тем, что вернуться
к прошлому невозможно! Битва, в которой
не погиб не один из братьев, -- воистину
славная битва!

Я видел выражения их лиц. Они
решили, что я сошел с ума, -- но на самом
деле я излечился. С моих плеч упало
тяжкое бремя: скорбь по погибшим
братьям и ярость от того, что я выжил, а
они нет. Я вздохнул свободно впервые с
Соты.

-- Никакая слава, -- тихо договорил
я, -- не стоит будущего нашего ордена.
Будущее ордена значит больше, чем любой
из нас. Вы знаете, как называют тех, кто

двигается иначе.

--- Отступниками, --- произнес Кассий у меня за спиной. --- Но кто из нас отступник, брат? Ты, защищающий обескровленное тело нашего ордена, или я, защищающий его душу?

--- Оно начинает двигаться... --- сообщил Наррон.

--- Тогда и нам пора.

Кассий сделал знак скаутам --- некогда моим погонечным, а сейчас его бойцам --- и вновь обернулся ко мне:

--- Я даю тебе возможность сразиться так, как сражаются истинные Косы Императора, --- твердой рукой, с клятвой на устах, плечом к плечу с братьями. Или ты можешь уйти. Решать тебе.

--- Решать мне, --- согласился я, --- но я пойду с вами. Здесь и сейчас я клянусь: пусть даже ты поведешь этих детей на верную смерть, я выведу их обратно.

Это стало последней операцией 21-й
Спасательной команды. Корабль-детеныш
протискивался сквозь родовые пути. Мы
прожгли дыру в его не успевшей
затвердеть шкуре как можно ближе к
цели. Если отродье «Кракена» и заметило
наш булавочный укол, то ответная
реакция затерялась в мучительных
судорогах рождения.

Внутренние помещения разительно
отличались от мертвых, погруженных во
трак залов его родителя. Наш путь
освещали люминесцентные водоросли, пол
пружинил под ногами, шкура стен была
упруга, дверные клапаны плотно сжаты, и
шум... Все отсеки и туннели вибрировали
от пронзительного визга, с которым
детеныш пробивал себе дорогу наружу, в
открытый космос. Но даже сквозь этот
вой были различимы другие шумы: гудение,
пульсация, голос торжествующей вокруг
нас жизни. Жизни, которую мы пришли
отнять.

Мы двигались быстро. Кассий шел
впереди, рассчитывая, что воинское чутье
выведет его прямо к сердцу твари. Скауты

держались в шаге позади. Их возбуждение и страх не ослабили годами выработанного мастерства. Они перемещались свободно, не в жестком строю: то и дело менялись местами, перебегали от стены к стене и прикрывали товарищей. То Вителлий вырывался вперед, а Назан оберегал его, то впереди оказывался Наррон, то Хвизир, как никогда гордый тем, что ему доверили тяжелое оружие. Они защищали друг друга. Два года я пытался найти среди них подходящего лидера, но лишь сейчас понял, что им не нужен вождь. Они сражались как огул: пока Хвизир перезаряжал, Наррон отгонял тиранидов выстрелами; когда щупальце обвилось вокруг Наррона, Назан вогнал дуло гробовика в пасть твари и вышиб ей мозги; когда Назан разжал гверной кланан, Вителлий пристрелил притаившуюся за гверью тварь; когда Вителлий поспешно отступал от целой своры гаунтов, я поддержал его огнем, и вместе мы остановили врага.

Нам противостояли не жуткие чудовища, как на Макразге и Учаре IV. Корабль вырастил лишь самых основных

защитников: термагантов, других гаунтов и им подобных, а сам тратил все силы, отчаянно пробиваясь к свободе. Однако течения корабля и его уязвимость заставили тварей бросаться на нас еще яростнее. Кассия это не смущало — он просто отшвыривал их с дороги. Тираниды, одной массой сокрушившие множество звездных систем, встретились с иной, но не менее страшной силой. Кассий штурмом брал каждый отсек корабля. Каждый гаунт на пути командора падал, пораженный выстрелом из его пистолета или изогнутым клинком его силового меча. Кассий не давал им времени понять, что происходит, и кидался в самую гущу, полагаясь на собственную скорость и прочность доспехов. Быстрота его движений мешала тварям нанести точный удар, а толщина брони хранила от клыков и когтей. Это спасало его — но не нас. У нас появились первые потери.

— Брат! — вскрикнул Хвизир, когда Наррон пошатнулся.

Один из зарядов биокислоты, предназначавшийся Кассию, пролетел

милто командора и попал в Харрона. По
вокругу я услышал его сдавленный вопль.
Хвизир уже поднял тяжелый болтер и
пробивался к Харрону, чтобы помочь
брату.

--- Прикрывай нас! --- рывнул я и
развернул его оружие в сторону
стыкавшихся вокруг нас тиранидов.

С криком разочарования он
выстрелил, но я уже переключил внимание
на раненого Харрона. Он все еще дышал. Я
перевернул скаута на спину и увидел, что
он прижимает руку к груди. Без лишних
церемоний я отвел его руку, чтобы
осмотреть рану, и обнаружил, что кисть
разъедена кислотой по самое запястье.

Глаза Харрона распахнулись. Он с
ужасом взглянул на огрызок руки и втянул
воздух для крика. Я вознал кулак ему под
ребра, и мальчишка задохнулся.

--- Соberись! --- проорал я ему на ухо. ---
Отрасти себе новую.

Харрон с трудом кивнул.
Метаболизм Астартес уже включился,
гася боль и шок. Я забрал у скаута его
оружие и отдал ему свой пистолет.

— Сержант! — окликнул Хвизир, на секунду сняв палец со спускового крючка. — Как там...

Я поднял голову как раз в тот момент, когда Хвизир обернулся, обеспокоенный судьбой брата. Я видел, как в затылок ему ударил выстрел. Кровь забрызгала внутреннюю поверхность его лицевого щитка — это крошечные жуки, начинка биоснаряда, прогрызли череп Хвизира и выели изнутри его лицо. Дикарь рухнул на пол, и я почувствовал, что потерял брата.

Я кинулся к телу Хвизира, паля без разбора в его убийц. Те рассыпались в стороны. Дело не в сентиментальности — я видел слишком много крови, чтобы позволить чувствам затмить здравый рассудок. Мне нужно было только его оружие. Поднатужившись, я выпрямился и навел тяжелый болтер на врагов. Я не использовал такого в бою со времен долгого отступления с Соты. Нажав на спуск, я ощутил привычный толчок отдачи и с удовлетворением наблюдал, как снаряды пробивали кровавую брешь в передних рядах

гаунтов.

Корабль-детеныш неожиданно перевернулся набок, и все мы, тираниды и костодесантники, полетели вверх тормашками. Тела Хвизира и гаунтов откатились в угол. Я поднял громогласное ругие и выбрался туда, где перегруппировывались Кассий и остальные.

— Он набирает ход, — заметил Кассий, даже не оглянувшись на труп Хвизира. — Мы должны двигаться быстрее.

— Какая разница? — пожал плечами Вителлий. — Мы теперь внутри, так что он от нас не уйдет.

— Чем дольше мы возимся, тем больше тварей призовет корабль.

— Тогда чего ты ждешь?

Вителлий вскочил — неустрашимый, как всегда, — и вогнал приклад гробовика в диафрагму следующей двери. Клапан разжался, и Вителлий поспешил вперед. Он успел сделать всего один шаг, прежде чем скрытые в клапане зубастые челюсти сомкнулись и клыки пронзили тело скаута от ступней до макушки. Я схватил его за

руку, пропихнул в проем ствол винтовки и выстрелил в темноту и затаившихся в ней чудовищ. Дверь-насть содрогнулась от боли. Клыки нырнули обратно в стены, но для Вителлия было уже слишком поздно. На лице его застыло удивленное выражение. Последняя насмешка так и не прозвучала. Щенок из подулья упал, и я почувствовал, что потерял брата.

В ту секунду мы наконец-то поняли, что дело не просто в гаунтах, — каждый клочок плоти вокруг нас хотел нашей смерти. Растущие на стенах водоросли ярко вспыхивали при нашем приближении, привлекая противника. Фальшивые цветы лопались, осыпая нас спорами, которые пытались проесть броню. Наросты окатывали нас биокислотами, и даже пол ходил ходуном под нашими ногами, мешая прицелиться. Это остановило бы любого человека, но мы — Астартес. Ангелы Смерти. Все усилия отродья «Кракена» не могли помешать нам достичь цели.

— Мы уже близко, — объявил Кассий, изрубив в куски очередного гаунта.

— Как близко? — прокричал я.

выпустив еще обойму в преследующих нас тварей.

--- Разве ты не слышишь?

Я не слышал ничего, кроме разрывов болтерных снарядов и рева рвущегося на свободу корабля. Он должен был покинуть чрево мертвого родителя с минуты на минуту, но мне было уже плевать. Триколы заметит детеныша, как только тот выберется наружу, и отправит сообщение флоту. Они обо всем узнают. Обо всем, кроме того, что произошло с нами.

--- Я слышу! --- воскликнул Назан, и в следующее мгновение я тоже услышал низкий пульсирующий звук.

--- Братья, --- изрек Кассий, --- я привел вас к сердцу зверя!

Всю комнату заполнял единственный --- если, конечно, он был единственным --- орган: огромный столб, окруженный раздувшимися красными желудочками. Толстые сосуды отходили от верхушки каждого желудочка и вращались в столб. Казалось, восемь гигантских элефантов с Соты собрались на водопой. Вся эта конструкция непрерывно пульсировала.

ежесекундно прокачивая сквозь себя
галлоны жидкости. Это было средоточием
энергии корабля, и его от вершины до
основания облепили тираниды. Мелкие
гаунты с биооружием, более крупные с
когтями-косами, а у нескольких,
устроившихся под самым потолком, даже
были крылья.

--- Это ловушка, --- выдохнул Назан. ---
Он позволил нам забраться так далеко...

--- Было бы ловушкой, если бы мы не
знали, что нас ожидает, --- оборвал его
Кассий.

И все же это было безумием. Я снова
взглянул на Кассия. Лицо его оставалось
невозмутимым. Возможно, его все же
коснулась скверна. Возможно, все, что он
сделал, происходило по велению
захватившего его разум тиранида.
Возможно, все то время, пока мы
находились внутри отродья «Кракена»,
отродье «Кракена» таилось внутри
командора.

--- Почему они не нападают? ---
прошептал Назан.

--- Может... может... --- Наррон.

пострадавший больше всех нас, пытался сосредоточиться, --- может, они не решаются драться здесь, чтобы не повредить сердце?

Но затем грохот, с которым детеныш выбирался из роговых путей, достиг высшей точки и столк. Тварь была на свободе. Она вырвалась в открытый космос. Мне оставалось только надеяться на Гриколя. Он сделает то, что должно быть сделано. Все, что я мог, --- это поступить так же: прервать операцию и спасти тех, кого удастся. Но Кассий уже выступил вперед, сжимая в руке связку зарядов взрывчатки. Я преградил ему дорогу и взял один из зарядов.

--- Ты установил их на немедленную детонацию, --- констатировал я.

--- Конечно, --- ответил он, и наши взгляды скрестились в последний раз.

--- Тогда мы остаемся здесь. Они заслужили право на жизнь, Кассий. Дай им шанс выжить.

Командор пожал плечами. Ему было все равно. Он создавал легенду о героической смерти, и судьба остальных

его не интересовала. Я оглянулся на гвух своих уцелевших подопечных. Наррон быстро кивнул, соглашаясь, и секунду спустя Назан медленно повторил его жест.

--- Прикройте командора, --- велел я.

Кассий воздел силовой меч и прокричал:

--- За Сому! За Императора! Смерть! Смерть! Смерть!

Мы со скаутами открыли огонь. Тяжелый болтер, болтер и пистолет выстрелили одновременно, пробивая брешь в скопище тиранид. Тираниды не медлили с ответом. На бегущего Кассия обрушился ливень зарядов: жуки-телоточцы, биокислоты и отравленные шипы. Кассий затер, как будто врезавшись в стену, и судорожно вцепился в свой плащ. Его огромное тело согрознулось и рухнуло на пол.

--- Нет! --- выкрикнул Назан и кинулся к нему, бешено стреляя на бегу.

Хортогаунты уже спрыгнули со своего насеста и устремились к упавшему командору. Я не стал звать Назана назад -- он все равно не вернулся бы. Я давно уже

его потерял. Вместо этого, я открыл по
тиранидам огонь из тяжелого болтера,
расчищая ему дорогу.

Мой выстрел превратил первого из
хормогаунтов в кровавое месиво. Второй
споткнулся и полетел под ноги
направшим сзади тварям. Третий
прыгнул вперед, но выпущенный мной
снаряд оторвал ему лапу, и хищник
кувырком покатился к стене. Четвертый
поравнялся с телом Кассия и попал под
огонь Назана.

Следующая волна тиранидов
сорвалась со столба-сердца. Они взлетели
высоко в прыжке, чтобы перетахнуть через
тела собратьев. Двое угодили под мои
снаряды, третьего сбил Харрон, но
оставшиеся три накиннулись на сына Соты.
Первый разрезал его гробовик, а с ним и
руку, второй разворотил колено и нанес
глубокую рану в бок, а третий рассек
пополам голову Назана. Сын Соты пал, и я
почувствовал, что потерял часть себя.

А затем воздух разрубила
потрескивающая световая арка — и три
гаунта разлетелись на куски. Кассий

поднимался на ноги. Его плащ разбела
кислота, доспех потрескался, краска
вздулась пузырями. Кровь хлестала из
пробоины в латном воротнике командора.
Воин развернулся лицом к наступающей
орде и бросился в самое пекло.

Мы уже ничем не могли ему помочь.
У меня остались лишь краткие секунды,
чтобы выполнить клятву и спасти того,
кого еще можно спасти. Я повернулся к
Наррону, последнему из моих подопечных, и
сказал ему:

— Никогда не думал, что это будет
ты. Но так даже к лучшему.

Он удивленно взглянул на меня.
Потнув головой, я указал путь к
отступлению. Спасу хотя бы его, подумал
я, самого умного из моих воспитанников.
Может, этого будет достаточно. Но
судьба не позволила мне даже такой
малости. Над нашими головами раздался
знакомый яростный визг: один, нет, уже
два зверя. Не размышляя, я направил
тяжелый болтер вверх, прямо в морду
равенера.

Гигантский коготь рассек оружие в

тот момент, когда я нагавил на спуск. Снаряд, несущийся по стволу, наткнулся на кость и взорвался. Ствол разнесло в клочки, и в меня полетели осколки. Я отшатнулся, выронил бесполезное оружие и прижал ладони к лицу. Стянув разбитый шлем, я заморгал, пытаясь уловить следующее движение равенера. Тварь валялась на земле. Ее клешню вырвало с корнем, а морда превратилась в мешанину из крови и обломков кости. Второй равенер развернулся ко мне, и я увидел тело Наррона, нанизанное на коготь зверя. Поднятая копис, я подумал, что это конец.

Второй равенер прыгнул на меня, высоко занеся когти-серпы. Пригнувшись, я кинулся вперед. Серпы обрушились вниз, однако я был слишком близко. Убийственные лезвия лишь скользнули по наплечникам, а мой копис уже вонзился в грудь зверя. Средние конечности равенера пробили мою броню. Провернув клинок, я высвободил его из тела равенера, но в мое собственное тело уже потек яд. Шатаясь, я отступил на шаг, чтобы не показаться со вспоротым животом. Я был

все еще жив. Так же как и равенер.

Он из последних сил набросился на меня. Лезвие копья метнулось навстречу, перехватило разящие когти и отвело их в сторону. Клинки равенера вонзились в пол, а мой рассек пасть и башку зверя.

Мое лицо обрызгал иxor твари. Я почувствовал его вкус во рту, распахнутом для яростного крика. В ту же секунду где-то у меня спиной рука утирающего командора разжалась, высвобождая взрыватели, и гнев Императора затопил отсек.

Я очнулся на борту мертвого корабля, бок о бок с убитым равенером. Я откатился в сторону, заставил себя подняться на ноги и принялся обшаривать темное и безжизненное помещение. Не знаю, что стало с тиранидами. Возможно, они убежали или погибли на месте от шока. Я искал нечто другое. И я его нашел.

Я не рассчитывал, что кто-то, включая даже Астартес, сможет пережить этот ад. И я оказался прав. Тело командора Кассия выглядело неважно.

Однако я разыскивал его не затем, чтобы предаться скорби. Я надеялся, что некая его часть уцелела. Боль, растекающаяся по телу вместе с ядом равенера, заставила меня поморщиться. В этот раз мне досталась доза посильнее, от молодого зверя, а не полугохлого ископаемого. Достав из ранца редуктор, я приложил его к горлу Кассия, а затем к его груди, забывая то, что причиталось ордену.

Мое второе сердце затолкает. Воспоминания всегда заканчиваются на том, как я заползаю в эту дыру. Яг жжет огнем мое тело, но я сосредоточиваюсь на том, чему нас обучали во время тренировок. Мысли замедляются, движение крови в жилах затирает, и яг не сможет распространиться дальше. Для меня уже слишком поздно, я это знаю. После пробуждения меня ждет смерть.

Назан, Вителлий, Наррон, Хвизир --- Кассий завел их сюда, но я выведу обратно. Я знаю, что мои воспитанники мертвы, а тела их утеряны и, быть может, стали пищей пожирателя миров, --- однако души их продолжают жить. Две в редукторе,

зажатом в моей руке, в прогеноидных железах командора Кассия. Две новые порции геносемени, из которых восстанут двое новых Астартес. Две других в моем собственном теле. В горловых и грудных прогеноидах, которые положат начало еще двоим. Мы с Кассием мертвы, мы должны были погибнуть уже давно. Но эти четверо — будущее Кос Императора, и я буду жить и терпеть причиняемые ядом муки, пока не верну их домой.

---

* * *

— Сержант! Сюда! — крикнул послушник.

Сержант Квинтос, командир 121-й Спасательной команды, поспешил к своему подопечному. Скаут махнул фонариком в сторону расщелины, прорезавшей пол мертвого биокорабля. Сержант Квинтос активировал источник света, вмонтированный в бионический протез. Настоящую руку он потерял много лет

назад, когда еще сам был новобранцем в
составе Спасательной команды. Внизу в
лучах света блеснул наплечник
костодесантника. И на этом наплечнике
была выгравирована надпись: «ТИРЕСИЙ».

Аарон Дембски-Боуден

ВЫСОТА ГАЯ ^[11]

Ј

Я полню огонь. Огонь и падение,
смерть и пламя. Затем тьма.
Абсолютная тишина. Ничто.

ЈЈ

Я открываю глаза.

Передо мной разбитая железная
стена. Поверх нее по экрану целеуказателя
бегут белые строчки текста. Стена
готической архитектуры
скелетообразная, с черными стальными
балками, выступающими из нее, словно
ребра. Балки помогают формировать
контуры постройки. Стена погнута и
покрыта вмятинами. Разрушена.

Я не знаю, где нахожусь, но меня

омывает поток ощущений. Я слышу треск
пламени, пожирающего металл, и
сердитое гудение боевой брони. Звук
искажен: в привычном устойчивом гуле
раздается постукивание и скрежет.
Повреждения. Моя броня повреждена.
Взглянув на экраны биодатчиков, я
замечаю незначительные неисправности в
пластинах брони, защищающих запястье и
голень. Ничего серьезного.

Мои ноздри щекочет вонь пожара и
железная горечь плавящейся стали. Я
чувствую запах собственного тела: пот,
химические вещества, которые гонимые
впрыскивает в ткани, и одуряюще сильный
аромат моей крови.

Крови бога.

Переработанной и разбавленной для
того, чтобы течь в венах мертвого, но
тем не менее крови бога. Мертвого бога.
Убитого Ангела.

При этой мысли зубы мои скрипят,
цедя проклятие. Клыки царапают нижний
ряд. Достаточно этого нытья!

Я встаю. Мышцы израненного тела
сокращаются в унисон с искусственными

фибромускулами брони. Это ощущение мне знакомо, но сейчас в нем чувствуется что-то неправильное. Я должен быть сильнее. Я должен упиваться силой --- непревзойденной комбинацией биологической и машинной мощи.

Но я не чувствую себя сильным. Я не чувствую ничего, кроме боли и тимолетной дезориентации. Боль сосредоточилась в позвоночнике и лопатках. Спина горит, как будто по ней прошли хлыстом. Все кости целы --- биодатчики это уже подтвердили. Болевые сигналы от мышц и нервов убили бы обычного человека, но усовершенствованные гены превратили нас в нечто гораздо большее.

Слабость уже отступает. Кровь бежит быстрее, подстегнутая адренергическими стимуляторами и кинетическими добавками.

Движение становится свободным. Я поднимаюсь на ноги. Я делаю это медленно, но теперь не от слабости, а из осторожности.

Зеленые линзы шлема придают всему

прохладный изумрудный оттенок. Я
оглядываю окружающие меня развалины.

Этот отсек разрушен, его стены
погнулись. Противоперезгрузочные кресла
разбиты и вырваны из пола. Два поручня,
ведущие из отсека, сорвались с креплений и
висают под странными углами.

Удар должен был быть очень
сильным.

Удар?..

Крушение. Наш «Грозовой ястреб»
потерпел крушение. Воспоминания такие
четкие, что вызывают тошноту: чувство
падения с высоты, оглушительный грохот,
поглотивший все, турбулентность,
сотрясающая корабль. Показания датчиков
температуры на дисплеях сетчатки
медленно растут по мере того, как пламя
охватывает двигатели и корпус судна, а
системы успеха регистрируют
стремительное приближение к
поверхности.

Затем последний грозовой удар, рев,
сделавший бы честь карнозавру, -- такой
же дикий и яростный, как охотничий клич
этого царя среди хищников, -- и

сұтасишедшая тряска, расколовшая мир.
Корабль врезался в землю.

Потом... темнота.

Мой взгляд падает на хронометр на датчиках сетчатки. Я провалялся без сознания почти три минуты. За такую слабость мне еще предстоит епитимья, но это позже.

Сейчас я глубоко втягиваю воздух. Он сильно задымлен, но дым не причинит мне вреда. Система фильтров шлема позаботится об этой незначительной помехе.

--- Завьен! --- трещит у меня в ухе.

Слово на секунду приводит меня в замешательство. Или сигнал вокса очень слаб, или броня говорящего серьезно повреждена. Когда корабль рассыпается на куски, и то и другое может оказаться правдой.

--- Завьен! --- повторяет голос.

На сей раз я оборачиваюсь на звук имени, осознав, что оно принадлежит мне.

Завьен вошел в кабину, легко удерживая равновесие на скошенном полу

благодаря природной ловкости и
стабилизаторам госнеха.

Кабина пострадала даже больше, чем
соседний отсек. Обзорное окно, несмотря на
толщину армированного пластика,
разлетелось вдребезги. Осколки
псевдостекла бриллиантовым крошевом
посверкивали на погнутой палубе. Кресла
пилотов были сорваны с крепежа и
отброшены в сторону, как обломки во
время шторма.

За лишившимся стекла оконным
проемом виднелись лишь черные
узловатые корни и грязь, немалая часть
которой расплескалась по безжизненным
контрольным панелям. Скорость падения
оказалась так высока, что нос корабля
зарылся в землю.

Пилот Варлон лежал лицом вниз на
панели управления. Тело его было жестоко
изувечено. Целеуказатель Завьена
скользнул по пробитым госнехам боевого
брата. Курсоры отмечали повреждения
дезактивированной брони и полученные
Варлоном раны. Кровь, густая и темная,
сочилась из разрывов в воротнике и

поясных сочленениях. Она текла по разбитой консоли вязкими струйками, капая между кнопками и рычагами.

Силовая батарея Варлона не работала. Жизненные показатели не считывались, но все и без того было ясно. Завьен не слышал сердцебиения. Кроме того, будь Варлон жив, усовершенствованная физиология Астартес уже заставила бы кровь свернуться. Все раны, кроме самых тяжелых, должны были к этому времени затянуться, и он не истекал бы кровью на контрольной панели разбившегося корабля.

--- Завьен!

Голос раздался справа, уже не по воксу. Завьен отвернулся от Варлона. Сервомоторы его брони недовольно взревели.

Под обломками обрушившейся переборки лежал Драй. Завьен приблизился к лежащему и увидел, что ошибся. Драй был не просто завален кучей мусора. Один из осколков пронзил его насквозь.

Черный шлем сержанта был опущен, подбородок упирался в воротник доспеха.

Взгляды зеленых глаз застыли на полотне
изображении имперского орла на его груди.
Зазубренные куски металла вонзились в
темный доспех, пробив наплечник, руку,
бедро и живот. Сквозь решетку голосового
устройства шлема сочилась кровь.

Биометрические дисплеи, вспыхнувшие на
экране Завьена, ничего хорошего не
предвещали. Они предвещали скорый конец.

— Докладывай, — сказал сержант
Драй.

Он произнес это в своей обычной
манере, словно ситуация, в которой
оказались Астартес, была самой заурядной.

Завьен опустился на колени рядом с
раненым. Пришлось изо всех сил бороться с
жаждой отведать крови павшего брата,
от которой сводило челюсти и гортань. В
груди Драя слышался слабый, неровный
стук единственного сердца. Второе
остановилось, — вероятно, его разорвало
обширное внутреннее кровоотечение или
пробил осколок. Оставшееся сердце
продолжало биться с отчаянной
решительностью, но без всякого ритма.

— Варлон мертв, — сказал Завьен.

— Я вижу это и без тебя, болван.

Сержант поднял руку — ту, что не была практически отсечена куском металла, — и его неподвижные пальцы заскребли по воротнику доспеха. Завьен пришел на помощь и открыл герметические запоры. Со змеиным шипением шлем скатился в руки Завьену.

Лицо Драя, испещренное рытвинами и шрамами, заработанными за две сотни лет сражений, было занято кровью. Сержант устехнулся, обнажив разбитые зубы и окровавленные десны.

— Дисплей моего шлема поврежден. Скажи мне, кто еще выжил.

Завьен видел, почему дисплей не работал, — обе глазные линзы треснули. Отложив шлем сержанта в сторону, он торгнул, активировав рунический символ. Тот вывел на сетчатку жизненные показатели остальных членов отряда.

Барлон был мертв, а его броня обесточена. За доказательствами не потребовалось далеко ходить.

Гаракс тоже погиб. Все графики жизненных показателей, передаваемые его

успехом, застыли на нуле. Дальномер показывал, что он находится не более чем в двадцати метрах от командной рубки. Вероятно, его вышвырнуло из отсека при падении корабля и он разбился при ударе о землю.

Драй утирал згесь.

Ярл был...

--- Где Ярл? --- спросил Завьен.

Его голос, раздавшийся из динамиков вокса, прозвучал гортанно и резко.

--- Где-то снаружи. --- Драй втянул воздух сквозь сжатые зубы. Системы его доживающей последние минуты брони впрыскивали в кровь обезболивающее, но раны сержанта были смертельными. --- Мой дальномер показывает, что он в километре от нас.

Несмотря на то что прибору далеко было до надежности аусника, пришлось полагаться на его измерения.

Здоровая рука сержанта стиснула запястье Завьена. Драй уставился в линзы его шлема яростными, налившимися кровью глазами.

--- Найди его. Чего бы это ни стоило.

Завьен. Притащи его обратно, даже если
для этого тебе придется его убить.

--- Я это сделаю.

--- У потом. Потом ты должен
вернуться. --- Драй сплюнул на нагрудник, и
изображенный там имперский орел
окрасился его кровью. --- Вернись за нашим
геносеменем.

Завьен кивнул и встал. Его пальцы
дрогнули от желания поскорее сжать
рукоять оружия. Астартес вышел из рубки,
ни разу не оглянувшись на сержанта,
которого ему больше не суждено было
увидеть живым.

Ярл очнулся первым.

Вернее, Ярл так и не потерял
сознания при крушении, потому что
системы безопасности его кресла были
более надежными, чем у стандартных
сидений в десантном отсеке.

В ужасном грохоте катастрофы он
увидел, как Гаракса швырнуло в пробоину,
образовавшуюся там, где секунду назад был
борт корабля. Он слышал тошнотворный
треск сломанного позвоночника и

раздробленных костей, когда Таракса приложило о край дыры. И он стал свидетелем того, как Завьен вылетел из кресла, ударился боком о переборку и, потеряв сознание, заскользил по полу.

Заключенный в силовую клетку, окружавшую его собственное сиденье, Ярл смотрел на происходящее сквозь мерцающую молочно-белую завесу электрического барьера, защитившую его от худших последствий крушения.

Однако Ярл не намеревался долго пользоваться этой защитой. Когда корабль остановился, боевые братья остались недвижимы, а отсеки зарывшегося в землю «Грозового ястреба» охватило ревущее пламя, Ярл сорвал последние крепления и перелез через обломки того, что еще недавно было его силовым креслом. Все это судно, с дымящимся генератором, провоняло тюрмой. Ярл хотел оказаться как можно дальше отсюда.

Он покосился на Завьена, стянул первое попавшееся под руку оружие и выскочил в джунгли.

Ему надо было выполнить долг. Долг перед Императором. Его отцом.

Меч и болтер Завьена исчезли.

Без колебаний он вытащил оружие Драя из небольшого арсенала за грузовым трюмом. Завьен обращался с реликвиями без капли того почтения, которое проявил бы в любом другом случае. Время было дорого.

Совершив необходимую кражу, Астартес пробрался по обломкам корабля и спрыгнул на землю, оставив позади разбитый корпус «Астреба». В одной руке он сжимал ценный топор, поставленный на жгущий режим. Моторы в рукояти оружия зловеще покашливали, готовые пробудиться к яростной жизни. В другой руке его был болтерный пистолет. На почерневшем металле виднелись неровные царапины, знаменующие больше сотни отнятых жизней.

Завьен не остановился, чтобы в праздной задумчивости созерцать гниющие останки корабля. Он знал, что вернется сюда за геносеменем павших, если

выживет в этой охоте.

Для сантиментов не оставалось времени. Ярл был на свободе.

Завьен сорвался с места и побежал. Сочленения госпехов рычали от скорости. Завьен мчался вслеп за своим блудным братом в самое сердце джунглей Армагеддона.

III

Этот мир называли Армагеддоном.

Ему подходит имя. Здесь нет ничего заслуживающего любви.

Первобытная красота планеты осталась далеко в прошлом. Сейчас ее задушил дым бесчисленных фабрик, изрыгающих в небеса черный стог. Да и само небо стало уродливым: желтовато-серая ядовитая дымка, окутавшая задыхающийся внизу мир. Во время дождя из туч льется не вода, а кислота — слабая, но едкая, как моча рептилии.

Кто способен обитать здесь, в этой

гряди? Дышать воздухом, отгадующим серой
и машинным маслом, под небом цвета
гноящейся язвы? Люди — те самые, за
спасение которых мы боремся, — смотрят
здесь мертвыми глазами. В них нет
страсти к жизни.

Я их не понимаю. Они покорно
принимаят свое рабство. Они проводят
дни в клетках огромных мануфактур,
набитых воющими машинами. Может,
причина в том, что они никогда не знали
свободы, — но разве это полностью
оправдывает тех, кто согласен на участь
безмозглого сервитора?

Мы боремся за их души, потому что
нам сказали: таков ваш долг. Мы
погибаем, отгаем жизни в величайших
войнах из тех, что когда-либо знал этот
мир, чтобы они продолжали предаваться
своим слабостям и вернулись к
бесстысленному существованию.

Здесь джунгли... В моем родном
мире тоже есть джунгли, но не такие.

Джунгли моего мира полны жизни.
Каждая черная лужа кишит паразитами.
Насекомые выедают изнутри стволы

деревьев-гигантов, чтобы построить там
гуляющие, полные яда гнезда. Воздух, в
котором клубятся рои мух и москитов,
становится терпким от опасной
репительной вони, а земля сотрясается под
ногами хищных ящеров -- королей,
охотящихся в своих владениях.

Выживание -- величайший приз,
который ты можешь выиграть на
Кретации.

Здесьние джунгли едва заслуживают
этого названия. Земля превратилась в
тонкую грязь, и ты по колено
проваливаешься в сернистую трясину.
Живые существа, дышащие отравленным
воздухом Армагеддона, назойливы, но слабы
и не идут ни в какое сравнение с жуткими
тварями, населяющими той мир.

Конечно, в здесьних джунглях таится
опасность, но зародилась она далеко от
этой планеты. Джунгли кишат худшими
из всех паразитов.

Муки вторжения сотрясают
Армагеддон, так что я прекрасно знаю,
кто сбил наш «Астреб».

Их свора охотилась где-то впереди.

Как только Ярл услышал их свинское похрюкивание и лающий хохот, горло его сжалось от жажды, а на языке появился солоноватый, железный привкус. Зубы зачесались, и в деснах вокруг резцов отдался стук сердца.

Размашистый бег Астартес сквозь джунгли превратился в крадущуюся звериную поступь, а цепной меч взревывал всякий раз, когда Ярл давил на кнопку. Еще до того, как он выбрался из-за деревьев, костодесантника приветствовал огонь из разнокалиберного оружия. Они знали о его приближении. Ярл позаботился об этом.

Он не обращал внимания на пули, стучащие о броню. Деревья расступились, и Ярл смог разглядеть свою добычу. Шестеро столпились вокруг танка — уродливой, наскоро сляпанной из ржавых обломков машины.

Зеленокожие. Их широкоствольные пистолеты рывкали громко и беспорядочно. Вспышки выстрелов освещали звероподобные хари.

Ничего этого Ярл не видел. Зрение,

обостренное сеткой целеуказателя, показывало безумству совсем другую картину. Астартес видел лишь то, что проецировал его утирающий мозг. Гораздо более страшные противники, древние слуги Губительных Сил, пировали на останках павших воинов. Там, где Ярл спешил в бой, небеса были не молочно-желтого, гнойного цвета. Нет, он бежал под темно-синим ночным небом Терры. Под его ногами не хлюпала черная болотная грязь. Он мчался по золотым бастионам, а мир вокруг него корчился в залпах еретического огня.

Ярл бросился в атаку. Из глотки его вырвался оглушительный крик, усиленный динамиком шлема. Угробный рев цепного меча достиг апогея за секунду до того, как лезвие обрушилось на плечо ближайшего орка.

Ярость убийства опять погрузила Ярла во тьму, но на сей раз чернота была омыта благословенным, священным сиянием крови.

Завьен услышал звуки резни. И без

того тчавшийся на головокружительной скорости, он понесся в десять раз быстрее, проламываясь сквозь подлесок.

Если он сможет перехватить Ярла, перехватить до того, как брат достигнет имперских войск, ему удастся предотвратить гибель невинных и самый черный позор.

Его черно-красная броня --- темно-красный цвет артериальной крови, черный цвет костического вакуума --- была опалена, испещрена серебряными царапинами там, где при крушении сорвало слой краски с керамитовых пластин, и заляпана пятнами болотной грязи.

Но когда от тебя зависит честь ордена, нужда придает силы израненному телу и сервоприводом поврежденной брони.

Завьен выскочил на поляну, где сражался его брат. Руки костогесантника в ту же секунду пришли в движение. Огненная нагавила на спуск болтера, посылая очередь в спину Ярла, а вторая активировала взревеливший цепной топор.

--- Ярл!

Предательство.

Что за безумие? Его пытаются убить
один из его сынов? Сангвиний, Кровавый
Ангел, отворачивается от зарубленных ил
демонов. Один из сынов выкрикивает его
иля и несется ему навстречу по золотым
бастинам, а в небесах над ними бѣшует
огонь.

Примарх вскрикивает от ярости,
когда оружье его сына изрыгает пламя.
Болтерные заряды ударяют в
величественный доспех. Его собственный
сын, один из Кровавых Ангелов, хочет его
стерти!

Этого не может быть.

И в эту самую секунду Сангвиний
решает, что происходит нечто иное.
Перед ним еретик, а не изменник.
Святотатство, а не простое
предательство.

--- Что нашло на тебя? --- кричит
Ангел своему ложному сыну. --- Какие чары
осквернили душу Кровавого Ангела и
принудили его служить Архиврагу?

--- Сангвиний! --- восклицает сын-

предатель. — Отец!

Завьен снова выкрикнул имя Ярла, не зная, что на самом деле услышал его брат. Вопли, раздавшиеся в ответ из vox боевого брата, заставили кровь Завьена похолодеть от ужаса: громогласная, бесмысленная литания на стесненном архаичного высокого готика и языка баала, которого Ярл никогда не знал.

Окруженные искромсанными телами зеленокожих, два брата сошлись. Ярл отразил первый выпад Завьена, ударив плоской частью цепного клинка по рукояти топора. Доспех Ярла потрескался и зиял дымящимися пробоинами от болтерных зарядов, но сила Астартес была невероятной. Стелась диким стехом, ничуть не похожим на его собственный, он отшвырнул Завьена назад.

Потеряв равновесие под мощным напором безумца, Завьен рухнул на землю. Перекатившись в боевую стойку, он застыл на корточках, по колени в болотной жиже.

И снова Ярл разразился бесмысленной речью на древнем языке. Завьен узнавал

слова, но не понимал их значения. Как и Ярл, он никогда не изучал ни ваалийского, ни той формы высокого готика, которая была принята десять тысячелетий назад.

— Я не хочу убивать тебя, сын мой. Присоединись ко мне! Мы вступим в бой с Хорусом и утопим его амбиции в крови его мерзостных воинов!

Сангвиний снимает шлем — честь и знак доверия посреди бьющей вокруг битвы — и благожелательно улыбается оступившемуся сыну. Его доброта легендарна. Его благородство никогда не подвергалось сомнению.

— Нам ни к чему сражаться, — произносит Кровавый Ангел с царственной улыбкой. — Присоединись ко мне! Встань на сторону моего отца! Встань на сторону Императора!

Завьен пораженно уставился на брата, едва узнавая его черты в слюнявой устешке представшего перед ним безумца. Лицо Ярла было мокрым и красным — он плакал кровью.

Поток бессвязных звуков вырвался из
кровоточащего рта Ярла. Казалось, он
давится собственным сумасшедшим
стехом.

--- Брат, --- мягко сказал Завьен, --- ты
нас покинул.

Он поднялся на ноги, отбросив в
сторону болтерный пистолет с
опустошенным магазином. Красные
латные рукавицы сжали рукоять цепного
топора двуручным хватом. Завьен
смотрел на брата, который уже не был его
братом.

--- Я тебе не сын, Ярл, и больше не
назову тебя братом. Я --- Завьен из ордена
Расчленителей, рожденный на Кретации,
и стану твоей смертью, если ты не
позволишь мне спасти тебя.

Ярл издал клочущий стех. На губах
его выступила кровавая пена, а рот
прохрипел слова на древнем наречии,
которое он не должен был знать.

--- Ты --- позор моего рода, --- сказал
Ангел с бесконечной грустью.

Его божественное сердце разрывалось

при виде творящегося перед ним
святотатства.

— Последние Врата призывают меня.
Тысячи твоих повелителей падут от
твоего клинка, прежде чем они смогут
войти в тронный зал Императора.
Довольно твоей жалкой ереси. Вперед,
предатель! Время утирать!

Сангвиний развернул свои огромные
белоснежные крылья, блеснувшие
солнечным лучом над охваченными огнем
бастионами. Со слезами на глазах,
слезами, порожденными предательством
одного из его собственных сыновей, он
бросился вперед, чтобы раз и навсегда
покончить с этой ересью.

И я понимаю, что не в силах его
победить.

Когда нас превращают в то, что мы
есть, когда отнимают у нас человечность,
чтобы сделать идеальными орудиями
войны, — тогда, как говорят, из наших тел
изгоняют страх, а победу вплавляют в
самые кости. Это расхожее выражение,
что-то вроде мантры, которую вечно

приписывают

воинам-священникам

Agentus Астармес.

Правда то, что мы не выносим поражения.

Но я не могу его победить. Это не тот воин, с которым я встречался в тренировочных поединках в течение десятилетий. Не тот брат, каждое движение которого я способен предвидеть.

Его ценной меч, еще покрытый зеленой кровью, несется вниз по широкой дуге. Я едва успеваю блокировать. Ноги скользят в сернистой грязи. Его сила невероятна. И я знаю почему. Я понимаю... понимаю генетические законы, вступившие в игру. Его мозг не в силах сопротивляться яростному безумию. Он использует все, что есть, все, заряжая мускулы на много большей силой и тратя больше энергии, чем может позволить здравый рассудок. В его крови я чую алкаливый запах -- боевые наркотики затопили тело. Доза смертельна. В своем безумии он не может управлять потоком боевых энергетиков, хлынувших в кровь.

Его сила, эта божественная мощь,

прикончит его.

Но недостаточно быстро.

Второй отбитый вынаг, третий, а четвертый бьет по моему шлему. Удар головой я блокирую нарукавником, и предплечье немеет. Его нога впечатывается в мой нагрудник, как боевой молот, — несмотря на то что я успеваю отклониться.

Раскат грома. Мир кружится в моих глазах. По позвоночнику пробегает огонь.

Кажется, у меня сломана спина. Я пытаюсь произнести его имя, но с губ срывается только крик.

Ярость, всеобъемлющая, незамутненная и черная, отплясывает передо мной свою гибельную пляску.

Я слышу, как он хохочет и проклиная меня на языке, который не должен знать.

Потом я не слышу ничего, кроме воя ветра.

Сангвиний отрывает предателя от земли с презрительной легкостью и поднимает над головой. Богохульник

корчится и извивается. Кровавый Ангел
подходит к краю золотого бастиона,
стесая и в то же время рыдая при виде
развернувшегося внизу побоища. Это
трагедия, но как же это прекрасно!
Человечество собрало воедино всю свою
мощь, все достижения в стремлении к
самоуничтожению. Сотни титанов
сражаются друг с другом, и миллионы
людей гибнут у их ног. Небо пылает в огне.
Весь мир пропал кровью.

— Умри!

Ангел шепотом посылает проклятие
своему сыну-предателю и швыряет его со
стен Императорского дворца в водоворот
войны, кипящий в сотнях метров внизу.

Избавившись от этого бремени и
восстановив честь своей крови, золотой
Ангел спешит прочь. Его долг еще не
исполнен.

IV

Сознание вернулось с первым ударом.

Резкий хруст брони о катни вырвал Завьена из темной дымки полузабытья. Чувствуя, что он катится вниз с утеса, воин с силой вознал перчатку в скалу --- керамитовый коготь, вонзившийся в камень. Астартес охнул, когда его руки с рывком выпрямились, приняв на себя вес тела и остановив падение.

На сетчатке вспыхнули руны, сигнализирующие о повреждениях, --- белый шрифт, знак первой необходимости. Завьен их проигнорировал, хотя не обращать внимания на боль во всем теле было сложнее. Даже химические обезболивающие, введенные в кровь с успехом, и давно сделанные нейрохирургические операции, повышающие болевой порог, не смогли полностью подавить неприятные ощущения. Это был плохой знак.

Он вскарабкался обратно на утес, скрипя зубами, пробивая латными рукавицами отверстия в скальной стене там, где не было естественной опоры.

Взобравшись на вершину, Расчленитель подобрал выпавший из руки

цепной топор и побежал, пошатываясь из стороны в сторону.

Он почти убил меня.

Нелезко это признать, потому что всю жизнь мы сражались на равных. Мои доспехи повреждены и работают на половинной мощности, но все еще помогают при беге. Позади стоит одинокий танк зеленокожих. Его расчет зарублен, оставшиеся ракеты направлены в небо — но некому их запустить.

Будь прокляты эти свинорылые ублюдки, подстрелившие наш корабль!

Я продолжаю свой бег, постепенно набирая скорость и задерживаясь лишь для того, чтобы прорубить дорогу в подлеске.

Я полню топографию этого района по геологическим картам, которыми мы пользовались на последнем военном совете. Шахтерский городок Драйфилд находится к востоку от меня. Пораженный безумной яростью разум Ярла заставит его разыскивать новые жертвы. Я знаю, куда он направляется. Я также знаю, что, если некому будет его задержать... он доберется

туда первым.

Сестра Амалия Д'Ворьен поцеловала бронзовое изображение святой Сильваны. Женщина разжала руку, и нашейный образок закачался на кожаном шнуре. Лучи слабого полуденного солнца с трудом пробивались сквозь грязную облачную завесу, лишь изредка вспыхивая на броне «Прометия» --- танка типа «Успенитель», принадлежавшего отделению.

Доспех сестры Амалии, некогда серебряный, от соприкосновения с загрязненным воздухом этого мира стал тускло-серым. Женщина облизала потрескавшиеся губы, борясь с желанием хлебнуть воды из канистры, стоявшей в танке. Вторая молитва закончилась лишь час назад, и после ее окончания сестра чуть притушила жажду глотком буроватой воды, нагретой от двигателя.

--- Сестра, --- окликнула ее Бриалла из турели «Успенителя», --- ты это видела?

Амалия и Бриалла остались у танка

двоем. Прочие патрулировали границу джунглей. Танк запер посреди грунтовой дороги. Амалия ходила вокруг машины с болтером в руке, а Бриалла внимательно следила за деревьями, поводя стволами тяжелого огнемёта.

Амалия прошептала литанию уничижения, кляня себя за то, что позволила мыслям о воде отвлечь ее от обязанностей. Взяв болтер на изготовку, женщина обошла танк и остановилась в нескольких шагах перед ним.

— Я ничего не видела, — сказала она, прищурив глаза и внимательно взглядываясь в лес. — Что это было?

— Движение. Что-то темное. Будь настороже.

Бриалла особенно подчеркнула последние слова. В ее голосе слышалось неодобрение. Она заметила рассеянность Амалии.

— Я ничего не вижу, — повторила Амалия. — Ты... Нет, постой. Вон там.

«Что-то» взвилось в воздух, вырвавшись из густого подлеска. Багряно-черное размытое пятно с ревущим цепным

мечом. Амалия в ту же секунду поняла, что перед ними Астартес, а еще через секунду пришло осознание опасности. Её болтер дважды рывком, прежде чем вырваться из разжавшихся рук в дорожную грязь. Упав, болтер еще раз выстрелил. Снаряд грохнул о броню танка.

Как раз в это время голова Амалии слетела с плеч. Белые волосы плеснули по ветру, и кровавый обрубок покатился в заросли.

Выругавшись, Бриалла рывком развернула турель с огнеметом. Механизм возмущенно заскрипел. Женщина потянула за рукоятки, нацеливая орудие вниз.

Астартес баюкал в руках обезглавленное тело Амалии, бормоча что-то неразборчивое. Бриалла нажала на оба спусковых механизма.

Двойная струя резко пахнущего хитического огня вырвалась из стволов туршки, окатив Амалию и Астартес липким, едким пламенем. Бриалла шептала молитву за упокой павшей сестры, в то время как огонь пожирал

госпехи и тело Амалии.

В страдном оранжевом аду невозможно было ничего разглядеть. Отсчитав семь ударов сердца, Бриалла прекратила погачу прометия. Она твердо знала, что все, чего коснулся этот огонь, будет уничтожено, очищено его испепеляющей силой.

Амалия. Ее броня почернела, сочленения расплавились, а руки превратились в обугленные кости. На земле лежал дымящийся труп.

Что-то громко стукнуло по корпусу танка за спиной Бриаллы. Женщина развернула кресло. Турель «Испепелителя» медленно поворачивалась, следуя направлению взгляда стрелка. Бриалла отчаянно дернула крепления, пытаясь выбраться из кресла.

Астартес горел. Священный огонь облизывал его госпехи, суставы дымились. Костомодесантник заслонил солнце, отбросив на женщину подрагивающую тень. Его броня почернела и обуглилась, но еще функционировала. Когда Бриалла вывалилась из кресла, Астартес направил

ей в лицо клинок цепного теча. С лезвия
канала кровь.

«Расчленители! --- прокричала
Бриалла в микрофон вокса, встроенный в
воротник. --- Эхо Высоты Гая!»

Ее убийца прошептал пять слов на
древнем акценте готика: «Ты заплатишь
за свою ересь».

Я наблюдаю из-за деревьев.

Сороритас нервничают. В то время
как одна из них проводит похоронную
церемонию над телами убитых сестер,
три другие вышагивают вокруг танка,
глядя на джунгли сквозь прицелы своих
болтеров.

Я чую запах трупов, доносящийся из-
под белых саванов. Одна из сестер сгорела в
химическом платени прометия. Вторая
потеряла много крови, перед тем как
умереть. Ее разорвали на куски. Мне не
нужно видеть останки, чтобы понять, что
произошло.

Пока что я притаился в зарослях.
Шум леса скрывает вечное гудение моей
боевой брони от их слабого смертного

слуха, а я пытаюсь уловить обрывки их разговора.

След Ярла остыл. Даже острый запах его крови затерялся среди миллиона ароматов в этих насыщенных сероводородом джунглях. Мне нужно сконцентрироваться. Мне нужно определить направление.

Но как только я приближаюсь настолько, что могу разглядеть служебные эмблемы на серо-стальных доспехах сестер, с губ моих срывается проклятие.

Орген Серебряного Покрова!

Они были с нами на Высоте Гая.

Отголоски той битвы будут преследовать нас до последнего дня оргена.

--- Мой аусник что-то засек, --- слышу я голос одной из сестер.

Я готов проглотить свой позор и бежать. Сейчас не время вступать с ними в спор. Они не должны знать о нашем присутствии.

--- Что-то живое, --- говорит сестра. ---
И с энергетической подписью.

--- Расчленитель! --- выкрикивает

одна из сестер, и кровь застывает у меня в жилах.

Я чувствую не просто страх, а тошнотворный, животный ужас. Она использовала священное имя нашего ордена. Откуда они узнали?

--- Расчленитель! Покажись! Предстань перед судом Императора и ответь за варварские злодеяния своего проклятого ордена!

Я сжимаю зубы. Пальцы мои вздрагивают, затем сильнее стискиваются, рвут цепного топора. Они знают. Они знают, что это сделал Расчленитель. Должно быть, злосчастные погибшие сестры успели их предупредить.

Голос еще одной женщины --- той, у которой аусник-сканер, --- присоединяется к первому:

--- Мы были на Высоте Гая, ты, богохульная тварь! Сразись с нами и получи сполна за свою ересь!

Они знают, что произошло на Высоте Гая. Они видели наш позор, наше проклятие и пролитую в тот день кровь.

Они считают, что это я расправился

с гвѣтя их сестраты, и возлагают грехи
брата Ярла на мои плечи.

Раздаются выстрелы. Болт
скользит по моему наплечнику и ломает
ветки у меня за спиной.

--- Я его вижу! --- вскрикивает женский
голос. --- Вон там!

Мой указательный палец ложится на
активирующую руну на рукояти цепного
топора. После секундного колебания я
нажимаю. Острые зубья с ревом
пробуждаются к жизни. Топор режет
воздух в ожидании того мига, когда можно
будет врубиться в плоть.

Они остелились обвинить меня...

Они открыли огонь.

Я не еретик.

Но этому надо положить конец.

У

Завьен добрался до Драйфилда к
закату.

Он оставил джунгли позади три часа

назад. Без одинокого воина завершился у
укрепленных стен шахтерского городка.
Изнутри не доносилось ни звука — лишь
унылый вой ветра, дующего над равниной.

Завьен попытался докричаться до
часовых, но никто не ответил.

Ворота поселения были заперты. За
двойными створками высилась сооруженная
на скорую руку баррикада из стальных
прутьев, пластин брони и даже мебели —
жалкая попытка колонистов защититься
от марширующих по планете орочьих орг.

У Завьена не было ни времени, ни
желания пробираться сквозь баррикаду.
Закинув топор за спину, он пробил опоры
для рук в металле стены и вскарабкался
на крепостной вал пятнадцатью метрами
выше.

Деревня состояла из одноэтажных
построек, вмещавших, должно быть, около
пятнадцати семей. Грунтовая дорога
прорезала поселок старым широтом —
тракт для поставщиков, приезжавших
сюда из центральных городов-ульев, и
торговцев рудой, наживавшихся на здешних
разработках меди. Этот

низкокачественный металл пользовался большим спросом у обедневших граждан планеты, которым не по средствам было что-то получше.

Самым большим зданием — по правде говоря, единственным, которое представляло собой нечто большее, чем сооруженная из мусора лачуга, — была церковь с высоким шпилем, украшенным грубо высеченными из камня горгульями.

Завьену хватило одного взгляда, чтобы оценить обстановку. Астартес осмотрел убогие укрепления, окружающие деревню, а затем обернулся к домам.

Никакого движения...

Шагнув к краю стены, Завьен spryгнул вниз, пролетел пятнадцать метров и приземлился в боевой стойке.

На первое тело он наткнулся меньше чем через минуту.

Женщина. Безоружная. Отброшенная в угол хижины. По стенке за ее спиной размазалась кровь. Женщина была рассечена надвое неровным разрезом.

На широких улицах, пролежавших между ветхими лачугами, видны были

потеки крови и вмятины. Похоже, по грязи
волокли что-то тяжелое. Все следы вели к
одному и тому же месту. Тот, кто явился
сюда и перебил колонистов, оттащил
трупны в неказистую церковь с разбитыми
окнами и ржавыми железными стенами.

Дисплей локатора на сетчатке
Завьена наконец-то уловил слабый сигнал
от брони Ярла. Его брат был внутри и
больше уже не бежал. И, судя по тишине, не
убивал.

Расчленитель прошел мимо
безголового трупа, безжизненно
раскинувшегося на обочине. Человек был
убит мечом Завьена, но поднимала оружие
рука Ярла. Астартес видел подобное
прежде — этих картин ему не забыть до
последнего вдоха.

Холодный, унижительный стыд
растекался по венам, подобно яду. Точно
так же, как на Высоте Гая.

Этого не должно было произойти.

На Высоте Гая.

Этого никогда не должно было
случиться.

Той ночью они проклинали себя навеки.

Это должно было стать триумфом, достойным того, чтобы быть вырезанным на доспехах каждого из сражавшихся там воинов.

Имперскую линию фронта держали полчение Высоты Гая и орден Серебряного Покрова. Сестры сформировали вооруженные отряды из жителей городка и подняли их боевой дух до невиданных высот проповедями и молитвами во славу Бога-Императора.

Зеленокожие обрушились на них многотысячной ордой. Орки бросались на городские укрепления — кипящее море воинственных воплей, кожистой плоти и разящих клинков.

В разгар боя над сестрами и полчением нависла угроза поражения. Орков было слишком много. Но тут, в самый критический момент, отчаянные призывы бойцов Высоты Гая были услышаны, и помощь пришла.

Они спустились на «Громоых ястребах». Турбины мощных машин взревели, когда корабли зашли на посадку

наг завывающей оргой. «Ястребы»
коснулись обожженной земли лишь на то
время, которое понадобилось для высадки
десанта — почти двух сотен Астармес в
доспехах кроваво-красного и угольно-
черного цветов. Треск и рев множества
цепных мечей слились в оглушительном,
гудераздирающем хоре, прозвучавшем как
боевой клич машинного бога.

Завьен был в первой волне. Плечом к
плечу с Ярлом и другими братьями он
рубил направо и налево. Ненасытные зубы
его клинка перемалывали доспехи и
зеленую склизкую плоть. Сыны Сангвиния
собирали кровавую жатву.

Орки гибли сотнями, зажатые между
толотом и наковальней. Их рубили в
канусту с тыла и поливали огнем с
передовых позиций.

Завьен не видел ничего, кроме крови.
Кровь ксеносов, густая и терпко пахнущая,
стекала по его шлему — запах триумфа,
аромат великой победы.

Он одним из первых прорвался к
баррикадам.

А затем это случилось. Он потерял

способность видеть. Он не мог думать. На него нахлынула волна ощущений, каждое из которых несло с собой боль, сумасшествие и восторг. Он попытался заговорить, но с губ его сорвался лишь крик, обращенный к нечистому небу. С каждым вдохом острый запах чужой крови все глубже проникал в его тело и распространялся по венам. Скверна ксеносов, переполнившая Астартес до краев, запалила огонь в его разуме — воззвала к неустойчивой, закодированной в генах ярости, которая всегда грозила захлестнуть его.

Обуреваемый непреодолимым желанием утопить чувства в чистоте вражеской крови, Завьен выпустил кишки последнему оказавшемуся перед ним орку и вскочил на баррикаду. Он должен был убивать. Он должен был убивать. Он был рожден лишь для этого.

Завьен и его братья два часа сражались в свирепом рукопашном бою. Враг был уничтожен. Ликующие приветственные крики ополченцев застыли в тысячах глоток, когда под ревом вокс-динамиков и цепных мечей половина

Расчленителей сорвалась с баррикад и
ринулась в город.

Перебив врагов, Астартес обратили
ярость на все живое вокруг.

Ангел оплакивал убитых.

Их смерть была суровой
необходимостью на пути к искуплению.
Молитвы, которые он пел, подняв голову к
потолку тронного зала Императора,
вызывали слезы у него на глазах и на глазах
тысяч глядящих на него верных воинов.

--- Мы должны сжечь убитых, ---
прошептал он сквозь серебряную пелену
слез. --- Мы должны навеки заполнить тех,
кто погиб сегодня, и заполнить ту
поглотить, что обратила их сердца против
нас.

--- Сангвиний! --- прокричали сзади.

Голос эхом разнесся по залу, где
тысячи знамен висели в неподвижном
воздухе, символизируя каждый полк, когда-
либо поклявшийся сражаться за юный
Империи Человечества.

Ангел склонил голову к плечу --- само
воплощение праведного терпения.

--- Я думал, что убил тебя, еретик.

--- Ярл!

Задыхаясь и бормоча, с нитями кровавой слюны, свисающими с поврежденной решетки респиратора, Ярл обернулся лицом к брату.

Из рта безутца раздался бесстысленный клекот --- дукая стесь древних языков и хлюпанья крови в горле. Хитическая вонь его тела перебила даже запах гари от опаленных доспехов и страд, поднитавшийся от трупов. Боевые наркотики, затопившие кровотоки Ярла, пожирали его живьем.

Позвав брата по имени, Завьен несколько секунд ничего не делал, только смотрел. Мертвые были повсюду, сваленные кучами на полу церкви, --- навеки уснувшая паства. Ярл притащил сюда около сотни убитых. Возможно, многие из жителей поселка собрались в церкви для вечерней службы, так что тащить пришлось только половину. Пол расчертили кровавые разводы.

--- Сжечь тела, --- сказал Ярл на

ломанном крестацком -- языке их общего
родного мира. Это были единственные
слова, которые Завьен смог разобрать. --
Изгнать грех, сжечь тела, очистить
дворец.

Завьен поднял цепной топор. Словно
тошнотворное отражение, его
обезумевший от крови брат занес цепной
меч. С клинка стекали красные капли.

-- Это закончится сейчас, Ярл.

В ответ прозвучала череда
невнятных звуков -- хриплая, обильно
приправленная слюной цепочка мертвых
слов.

Ангел воздел свой золотой клинок.

Он был так наивен. Это не просто
еретик. Неужели слепота поразила его с
самого начала? Да... Мерзкое волхование
предателей скрыло правду от его золотого
взора. Но теперь... Теперь он прозрел.

-- Да, Хорус, -- сказал он с улыбкой
бесконечного сожаления, -- это закончится
сейчас.

Братья сошлись в оскверненной церкви. Их ботинки скользили по мозаичному полу, залитому кровью невинных. Пронзительный вой цепных клинков перетежался грохотом, когда лезвия скрещивались. Зубья ломались при каждом блоке и контрударе и, вырванные из гнезд, со звоном вбивались в ближайшие деревянные скамьи.

В висках Завьена отдавался стук крови, смешиваясь с электрическим покалыванием боевых стимуляторов. Ярл превратился в тень того воина, которым был прежде, — с пеной у рта, полумертвый от летальной дозы наркотиков, он взывал к несуществующим соратникам.

Завьен блокировал беспорядочные удары безумца. Каждый раз, когда цепной топор опускался, на доспехах Ярла появлялась новая пробоина. Но лишь один из противников сознавал, что спор их будет решен не клинками.

С последним блоком и яростным

контрударом Завьен отбросил меч Ярла и выбил его из рук брата. Мотор ценного меча взвыл и остановился. Оружие заскользило по вытощенному плиткой полу. Ярл наблюдал за его полетом застывшим взглядом налитых кровью глаз.

Прежде чем брат очнулся, Завьен сомкнул руки у него на горле. Расчленитель давил что было сил. Его пальцы стиснули шею Ярла, пробив гибкое сочленение доспеха и впившись в плоть.

Ярл упал на колени. Его генетически усовершенствованный организм поразила двоякая доза яда — наркотики и безумие. В глазах Астартес потемнело. Даже могучее тело костодесантника не в состоянии было вынести большее.

Но с темнотой пришла ясность.

Лишенный воздуха, неспособный вдохнуть ни глотка кислорода, он беззвучно прошептал одно слово, так и не покинувшее темницы опаленного шлема:

--- Завьен!

Завьен крутанул шею Ярла в сторону, ломая позвоночник и не ослабляя

удушающего захвата.

Он стоял так некоторое время. На мертвую деревню опустилась ночь, когда перчатки воина наконец-то разжались и тело Ярла мешком повалилось на землю.

Там, среди убитых ил, безутец обрел вечный покой.

--- Все кончено, --- сказал Завьен по вокс-каналу своего отделения.

Ответом ему было молчание. Воин прикрыл глаза.

--- Ярл мертв, братья. Все кончено.

Он решил завершить то, что начал его брат. Круница здравого смысла может таиться и в безумии.

Тела следовало сжечь. Не для того, чтобы очистить их от некой воображаемой ереси, а чтобы уничтожить следы случившегося.

Этого не должно было произойти. Ни здесь, ни на Высоте Гая. Они навлекли на себя проклятие, и единственное, что оставалось, --- сражаться так истово, как только возможно, пока судьба их не настигнет.

Когда церковь вспыхнула и клубы черного дыма повалили к загрязненному небу, на горизонте раздалось ворчание моторов.

Орки. Враз наконец-то добрался сюда. Завьен стоял среди языков пламени, безразличный к их жару. В руке он сжимал ценной монор. Огонь привлекает ксеносов. Завьену ни за что не удалось бы обороняться от них целую деревню, однако мысль о том, что он стои́т перед смертью, вку́ситель крови врага, воспламенила в нем жажду убийства.

Клыки его зачесались, когда машины затормозили за изгородью.

Нет. Моторы звучали слишком чисто, слишком ровно.

Это действительно был враг. Но не зеленокожие.

---

* * *

Я отхожу от церкви. В руке моей сломанный боевой монор.

Их двадцать. Они одновременно поднимают болтеры. Синхронность их движений, пусть и не столь отточенная, как у Астармес, впечатляет. Сестры из ордена Серебряного Покрова. Серебряные корпуса их танков и серебристые доспехи окрасились в мерцающий красновато-оранжевый цвет пламени — того самого огня, который должен был скрыть наши грехи.

Двадцать стволов направлены на меня.

Жажда исчезает. Желание отвратить кровь медленно отпускает. Я уже могу его контролировать.

— Мы были на Высоте Гая, — выкрикивает старшая из сестер.

Их глаза щурятся на свет пламени за моей спиной.

Я остаюсь неподвижным. Я просто отвечаю:

— Я знаю.

— Мы обратились в инквизицию с прошением об уничтожении твоего ордена, Расчленитель.

— Я знаю.

— У это все, что ты можешь сказать в свою защиту, еретик? После того как перебил отряд нашей сестры Амалии Д'Ворьен? После того как истребил целую деревню?

— Вы пришли, чтобы свершить правосудие, — отвечаю я. — Так сделайте это.

— Мы пришли, чтобы защитить эту колонию от твоего мерзостного святотатства!

Они все еще боятся меня. Даже теперь, когда я стою один против многих и в руке моей лишь сломанный топор, они меня боятся.

Я оглядываюсь через плечо, туда, где догорают наследие Ярла. Языки янтарного пламени вырываются из пожараща. Похоронный костер моего брата и свидетельство того, чем все мы стали. Памятник нашему падению.

На Кретации мы сжигаем мертвецов. Так много моих соотечественников погибает от яда, звериных клыков и становится жертвами гигантских хищных ящеров, что утереть и быть

сожженным — честь для нас. Знак того, что тебя не забрали джунгли.

Этого не должно было произойти. Ни здесь, ни на Висоте Гая.

Двадцать болтеров открывают огонь, прежде чем я успеваю обернуться.

Я не слышу выстрелов. Я не чувствую острой, мучительной боли, предвещающей смерть.

Все, что я слышу, — это рев короля-ящера с Кретацции, ярость, закипающую в его рептильной глотке, когда он ступает сквозь джунгли моего родного мира. Карнозавр, огромный, закованный в черную чешую, криком бросает вызов ясным, чистым небесам.

Он охотится на меня. Он охотится на меня в эту самую секунду, как охотился долгие годы, с первого дня моей второй жизни.

Я протягиваю руку к копы, и...

Завьен прижимает оружие к груди.

— Это сама смерть, — шепчет он своим соплеменникам, притаившимся в зарослях рядом с ним.

Язык Кретаии прост и примитивен
--- немногим больше, чем рудименты
настоящего языка.

--- Король-ящер --- это сама смерть. Он
пришел за нами.

Карнозавр делает еще один
неторопливый шаг. Трясется земля. Зверь
дышит коротко и отрывисто: рот широко
распахнут, челюсть отвисла,
обонятельные рецепторы выискивают
новые запахи. В пасти подрагивает серый
язык размером со взрослого человека.

Копье, которое Завьен твердо
сжимает в руке, он сделал сам. Длинное
древко из темной древесины и наконечник,
закаленный на огне. Уже третий год --- с
этого десятой зимы --- Завьен ходит на охоту
с этим копьем, добывая пропитание для
племени.

Но сегодня он охотится не для
племени. Сегодня, под жарким полуденным
солнцем, обжигающим спины его
товарищей, он охотится потому, что в
джунгли пришли боги. Потому, что они
наблюдают. Племя не раз видело богов в
доспехах из красного металла и черного

катня. Боги всегда оставались в тени, наблюдая за отрядами охотников, преследующими добычу.

Если охотник хочет поселиться в раю среди звезд, он должен хорошо охотиться в тот день, когда боги приходят в джунгли.

Завьен заворуженно смотрит на гигантского короля-ящера, не в силах отвести взгляд от красных слезящихся глаз с вертикальными зрачками.

Он поудобнее перехватывает сделанное им копье.

Взмолившись о том, чтобы боги стали свидетелями его храбрости, он с пронзительным криком бросает копье.

Расчленитель рухнул на окровавленную землю, лицом в пыль.

— Прекратите огонь, — мягко сказала старшая сестра Мерсия Астаран.

Ее сестры немедленно повиновались.

— Но он еще жив, — заметила одна из них.

Это было верно. Мучительно медленно, вытянув одну грожащую руку,

воин полз по грязи. За ним оставался
темный след крови и деталей
разваливающегося на части доспеха.

Еще раз подняв трясущуюся руку, он
впился пальцами в землю и подтянул себя
на полметра ближе к дверям горящей
церкви.

--- Он пытается сбежать? --- спросила
одна из младших сестер, не желая
выказать восхищения выносливостью
еретика.

Одна его рука была перебита в локте,
обе ноги ниже колен превратились в
кровавое месиво. Из мешанины осколков,
оставшейся от боевой брони, вытекали
хладагент и ярко-красная кровь Астартес.

--- Вряд ли попытку заползти в
горящее здание можно назвать бегством, ---
расстелась другая сестра.

--- Он хочет умереть посреди
сотворенного им богохульства, --- отрезала
Астаран.

Выражение ее лица в свете огня
стало еще жестче.

--- Прикончите его.

Над шеренгой сестер раскатился

единственный выстрел.

Пальцы Завьена перестали дрожать. Вытянутая рука упала в пыль. Его глаза, некогда открывшиеся над чистым небом далекого мира, навеки закрылись.

--- Что нам делать с телом? ---
спросила сестра Мерси Астаран у своего командира.

--- Пусть отзвуки этой ереси послужат примером, но крайней мере до тех пор, пока зеленокожие не завладеют здешними землями. Вперед, сестры, у нас мало времени. Оставьте эту пагальную стервятникам.

Под редакцией Кристиана Данна ---
Здесь и далее примечание верстальщика
fb2.

Перевод Ю. Зонис

Перевод А. Иванченко

Перевод Ю. Зонис

Перевод Ю. Зонис

Перевод Ю. Зонис

Перевод Л. Прохорова

Перевод Ю. Зонис

Перевод Ю. Зонис

Перевод Ю. Зонис

Перевод Ю. Зонис